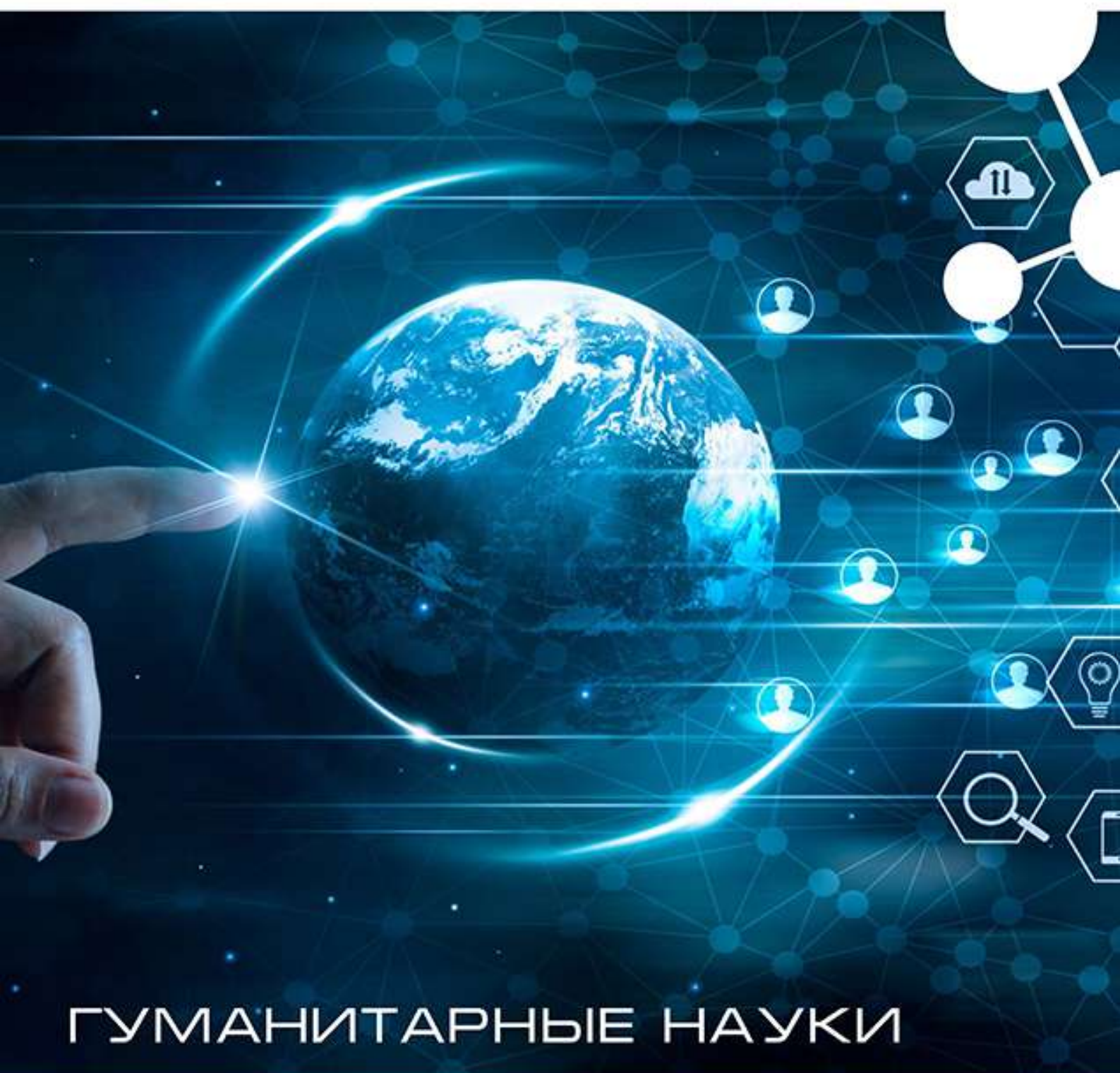

ВЕКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ: ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Том 53 № 1 (2025)

Содержание

А.С. Лебедева

**Инновации и кластеризация
как факторы повышения
эффективности транспортно-
логистической системы страны**

1

Е.И. Нордлунд

**Профессиональная адаптация и
образовательные стратегии для
лиц предпенсионного возраста
в условиях пенсионной
реформы**

22

Е.М. Рождественская,
П.Э. Хамидов, Д.П. Непомнящих
**Реальные потребности
сотрудников организации**

33

Хоу Цинжань

**Роль цифровых технологий в
актуализации нематериального
культурного наследия
Пекинской оперы**

43

С.С. Красных

**Сквозные цифровые
технологии как инструмент
противодействия санкционным
ограничениям**

51

А.В. Орлова, В.Э. Кытманова

**Национальные сетевые
сообщества в жизнеобеспечении
регионов ресурсного типа**

66

Content

A.S. Lebedeva

**Innovations and clustering as
factors for increasing the
efficiency of the country
transport and logistics system**

E.I. Nordlund

**Professional adaptation and
educational strategies for pre-
retirement age individuals in
the context of pension reform**

E.M. Rozhdestvenskaya,
P.E. Khamidov,
D.P. Nepomnyashchikh
**Real capabilities of an
organization employees**

Hou Qingran

**Role of digital technologies in
actualising the intangible
cultural heritage of Peking
Opera**

S.S. Krasnykh

**Cross-cutting digital
technologies as a tool to
counteract sanctions
restrictions**

A.V. Orlova, V.E. Kytmanova

**National network communities
in the life support of resource-
type regions**

Ф.А. Таскин Интерес женщин России к предпринимательской деятельности	80	F.A. Taskin Interest of Russian women in entrepreneurial activity
В.А. Терлецкий Роль утопического подхода в прогнозировании космополитического будущего	94	V.A. Terletsky Role of the utopian approach in forecasting the cosmopolitan future
Е.Г. Новоселова Изменение роли труда как эффект цифровой трансформации производства	103	E.G. Novoselova Changing the role of labor as an effect of digital transformation of production
Н.И. Петев Специфика мифологии масс	120	N.I. Petev Specifics of the mythology of masses
Ю.С. Нетребина, Я.В. Артамонова, Г.И. Чикарова Социальная тревожность населения России: типы и группы риска (на материалах всероссийских опросов населения 2021–2022 гг.)	138	Yu.S. Netrebina, Ya.V. Artamonova, G.I. Chikarova Social anxiety of the Russian population: types and risk groups (based on the materials of the all-Russian population surveys 2021–2022)
А.О. Ужегов, О.К. Тихонова Противоречия цифровой экономики: вызовы и направления разрешения	158	A.O. Uzhegov, O.K. Tikhonova Contradictions of the digital economy: challenges and directions of resolution
К.В. Тартынова Наукометрический анализ метаданных статей по теме «Йога»	170	K.V. Tartynova Scientometric analysis of metadata of articles on the topic "Yoga"

Э.А. Гасанов, М.А. Гасанов,
С.А. Жиронкин
**Страхование жизни и здоровья
как фактор повышения
социального благополучия лиц
с ограниченными
возможностями здоровья в
российском обществе**

190

E.A. Gasanov, M.A.
Gasanov, S.A. Zhironkin
**Life and health insurance as a
factor in increasing social well-
being of persons with
disabilities in Russian society**

В.С. Бурцева
**Дружественность как
системная характеристика
жилой среды: значимость и
запросы молодой семьи с
детьми раннего возраста**

200

V.S. Burtseva
**Friendliness as a systemic
characteristic of the residential
environment: significance and
needs of young families with
young children**

А.А. Атанасова
**Размышления о книге
Рашиды Л. Уивер
«Социальное
предпринимательство.
Практическое руководство»**

215

A.A. Atanasova
**Reflections on Rasheda L.
Weaver's book "Social
entrepreneurship. A practical
introduction"**

Г.Н. Дарбинян
**Политическое сознание в
контексте коллективного и
индивидуального
бессознательного**

224

G.N. Darbinyan
**Political consciousness in the
context of collective and
individual unconsciousness**

УДК 656.078.1:332.145.05

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1925

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Инновации и кластеризация как факторы повышения эффективности транспортно-логистической системы страны

А.С. Лебедева[✉]

*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Россия, г. Санкт-Петербург*

[✉]aslebedeva11@gmail.com

Аннотация. В условиях нестабильности транспортных потоков, возрастающих требований к качеству и скорости перевозок, усложнения логистических цепочек транспортно-логистическая система страны неизбежно трансформируется за счет внедрения инновационных технологий и реструктуризации. Это определяет **актуальность** проблематики формирования новых подходов к организации взаимодействия субъектов транспорта и логистики, которые обеспечат необходимый темп развития транспортно-логистической системы страны в соответствии с ее стратегическими приоритетами и глобальными экономическими вызовами. Одним из таких подходов является кластеризация и стимулирование инновационной деятельности в сфере транспорта и логистики. Однако, несмотря на возрастающий научный интерес к данным вопросам, до сих пор не сформирован методический инструментарий для эффективного управления процессом кластеризации и инновационного развития транспортно-логистической системы страны. **Цель:** выявление основных факторов, которые взаимосвязаны с эффективностью транспортно-логистической системы, выраженной через индекс эффективности логистики LPI за 2023 г. **Результаты:** в рамках исследования с применением **методов** формальной логики и балльной оценки, горизонтального, структурно- долевого и многофакторного корреляционного анализа были определены и изучены основные характеристики системы транспортно-логистических кластеров Европы; сформирована система показателей для оценки факторов, которые могут оказывать влияние на эффективность транспортно-логистической системы страны; установлена взаимосвязь между показателями и индексом LPI высокой и средней степени силы. Кроме того, автором конкретизировано понятие транспортно-логистического кластера с учетом рассмотренных характеристик. **Выводы:** эффективность транспортно-логистической системы в большей степени связана с такими характеристиками кластеризации, как инновационность, структура участников и зрелость кластеров. Дальнейшее направление исследования предполагает проведение регрессионного анализа рассматриваемых факторов с целью построения модели кластеризации в сфере транспорта и логистики.

Ключевые слова: инновации, кластеризация, транспортно-логистическая система, индекс эффективности логистики (LPI)

Для цитирования: Лебедева А.С. Инновации и кластеризация как факторы повышения эффективности транспортно-логистической системы страны // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 1–21. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1925

UDC 656.078.1:332.145.05

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1925

Innovations and clustering as factors for increasing the efficiency of the country transport and logistics system

A.S. Lebedeva✉

State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

✉aslebedeva11@gmail.com

Abstract. In the conditions of unstable transport flows, increasing requirements for the quality and speed of transportation, and the complication of logistics chains, the country transport and logistics system is inevitably transformed through the introduction of innovative technologies and restructuring. This determines the relevance of the problem of forming new approaches to organizing the interaction of transport and logistics entities, which will ensure the necessary pace of development of the country transport and logistics system in accordance with its strategic priorities and global economic challenges. One of these approaches is clustering and stimulation of innovative activities in the field of transport and logistics. However, despite the growing scientific interest in these issues, a methodological toolkit for the effective management of clustering and innovative development of the country transport and logistics system has not yet been formed. **Aim.** To identify the main factors that are interconnected with the efficiency of the transport and logistics system, expressed through the logistics performance index for 2023. **Methods.** Methods of formal logic and point assessment, horizontal, structural-share and multi-factor correlation analysis. **Results.** Using these methods the author has identified and studied the main characteristics of the system of transport and logistics clusters of Europe formed, a system of indicators for assessing the factors that can influence the efficiency of the transport and logistics system of the country and established the relationship of high and medium strength between the logistics performance index indicators. In addition, the author specified the concept of a transport and logistics cluster taking into account the characteristics considered. It was revealed that the efficiency of the transport and logistics system is largely associated with such clustering characteristics as innovativeness, structure of participants and maturity of clusters. The further direction of the study involves conducting a multi-factor regression analysis of the factors under consideration in order to build a clustering model in the field of transport and logistics.

Keywords: innovation, clustering, transport and logistics system, logistics performance index (LPI)

For citation: Lebedeva A.S. Innovations and clustering as factors for increasing the efficiency of the country transport and logistics system. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 1–21. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1925

Введение

Эффективность транспортно-логистической системы (ТЛС), характеризующаяся соотношением качества и стоимости транспортно-логистического обслуживания, является одним из наиболее важных факторов, определяющих экономическое развитие страны. Это обуславливает необходимость поиска механизмов и форм взаимодействия элементов ТЛС, а также разработки инструментов управления ими. Решение данной задачи соответствует стратегическим целям, обозначенным в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года. Стоит отметить, что задача состоит не просто в организации крупных транспортно-логистических структур, способных обработать значительные объемы груза, а в формировании системы кластеров, взаимодействующих между собой с целью развития тех или иных инноваций и решения конкретных проблем транспорта и логистики. В связи с этим все

большую актуальность приобретают вопросы создания и развития транспортно-логистических кластеров (ТЛК), а также обоснования того, что данная форма организации взаимодействия элементов ТЛС страны действительно является целесообразной с точки зрения повышения эффективности функционирования сферы транспорта и логистики.

В то же время в научном сообществе кластеризация, которая представляет собой процесс объединения экономических субъектов в группы для достижения общих стратегических целей и получения синергетических эффектов от кооперации и взаимодействия, определяется как наиболее перспективная форма организации сотрудничества и развития элементов ТЛС, что подтверждается нарастающей динамикой количества исследований в данном направлении. Так, в работах А.Б. Волынчука, И.А. Крыловой, А.Л. Носова, А. Кірова отмечается значительная роль ТЛК в развитии отраслей и регионов страны [1–4]. Авторы выделяют преимущества кластерных образований в сфере транспорта и логистики, формируемые за счет получаемых эффектов: повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности периферийных территорий, решение социальных проблем, стимулирование экономического роста регионов [1], оптимизация ресурсообеспечения, сервисного обслуживания, транспортных процессов, в том числе планирования, формирование эффективной инфраструктуры и информационного обеспечения участников ТЛС, совместное использование инновационных разработок [2], а также повышение устойчивости мировых логистических цепочек поставок, которые в настоящее время подвержены процессу фрагментации ввиду политических, экономических, климатических, эпидемиологических потрясений, за счет эффекта масштаба и интермодальности [4].

В работах Е.В. Будриной, А.Г. Будрина, К.Б. Квитко и др. рассматриваются перспективы и особенности развития группы инновационных транспортных технологий на основе кластеризации [5, 6]. Так, в результате исследований определяются предпосылки интенсивного развития и эффективной реализации интеллектуальных транспортных систем в рамках кластера, уточняются характеристики кластера данного типа [5], специфика его организации, выбора мест локализации на той или иной территории на основе предлагаемой авторами методики [6].

Также ряд авторов анализируют возможность и препятствия формирования ТЛК на уровне страны или региона: S. Baranowski, E. Busko, S. Shishlo, M. Szymanek, S. Liu, G. Li, F. Jin, Н.Н. Булатова, А.В. Бабкин, А.А. Satybaldin, В.Е. Sadykov, А.Т. Moldabekova, Z.B. Akhmetova, Z. Mukhamedova, G. Ibragimova, S. Khudayberganov, A. Bashirova, S. Kayumov [7–11]. В частности, S. Liu, G. Li, F. Jin на основе статистических данных о динамике развития транспортно-логистических субъектов за 2000–2014 гг. выделяют эволюционные этапы создания логистических кластеров, территориальные зоны притяжения кластерных образований в Китае, что, по мнению авторов, является важным вопросом для развития регионов [8]. А.А. Satybaldin, В.Е. Sadykov и др. исследуют потенциал регионов Казахстана к формированию ТЛК. При этом к основным препятствиям создания и развития ТЛК на той или иной территории авторы относят низкую инфраструктурную обеспеченность, высокий процент износа транспортных средств, объектов инфраструктуры, низкий уровень цифровизации, качества транспортно-логистических услуг и сервисов, непрозрачность работы контрольно-надзорных органов власти [10]. В статье К.Б. Малышевой предлагается методика оценки готовности субъектов РФ к созданию ТЛК и разрабатываются рекомендации по развитию транспортной кластеризации для регионов каждой группы оценки [12].

Другая группа исследователей рассматривает общие условия и предпосылки организации ТЛК без привязки к конкретной территории: T. Verduzco-Garza, Л.И. Роговичене, А.С. Лебедева, М.А. Салтыков, Н. Han, E.S. Makarova, M.D. Lukashuk [13–17]. Одним из наиболее важных вопросов является структура различных типов кластеров, определяющая требования к условиям их формирования в регионе [13–17].

В связи с тем, что в изученных научных работах единого понимания сущности ТЛК нет, в данном исследовании обозначим его как группу экономических субъектов и учреждений, на системной основе взаимодействующих между собой с целью развития транспортно-логистической отрасли и реализации логистического потенциала территорий. Если стратегические цели кластера предполагают ускорение процесса конкретного направления инновационной деятельности в сфере транспорта и логистики, то он относится к инновационному типу (инновационный ТЛК). При этом признак территориальной близости экономических субъектов для определения ТЛК становится в последнее время менее актуальным в связи с развитием дистанционных и виртуальных форм коммуникации и организации совместной деятельности, что косвенно подтверждается тенденцией включения в состав кластеров компаний-участников из других стран. Так, например, компания SIEMENS (Германия) является участником сразу четырех кластеров: CITET Innovation Cluster for Sustainable Freight Delivery (Испания), In-Move by Railgroup (Испания), Railway Cluster for South-East Europe (Сербия), Railway Innovation Hub (Испания).

Однако в отечественной и зарубежной литературе не обнаружено исследований, доказывающих, что развитие ТЛС страны по сценарию кластеризации оказывает влияние на ее эффективность и способствует стимулированию инновационной активности в сфере транспорта и логистики. В то же время целенаправленное и комплексное развитие системы ТЛК требует существенных преобразований и трансформаций в том или ином регионе, учета множества положительных и негативных эффектов, в том числе экономических, социальных и экологических и, как следствие, научно-обоснованных стратегических решений. Необходимость изучения взаимосвязи кластеризации транспорта и логистики, в частности создания инновационных ТЛК, с эффективностью ТЛС страны определила методологию данного исследования.

Методология исследования

Актуальность темы исследования определяет его цель, которая заключается в выявлении характеристик кластеризации, имеющих наиболее тесную взаимосвязь с показателем эффективности региональной ТЛС, и могут быть в дальнейшем использованы для построения модели кластеризации в сфере транспорта и логистики. В данном контексте конкретные характеристики кластеризации являются потенциальными факторами повышения эффективности ТЛС страны.

Выдвигается гипотеза о том, что существует взаимосвязь между показателями, характеризующими кластеризацию в сфере транспорта и логистики, и показателем, определяющим эффективность ТЛС региона. При этом оценка влияния функционирования системы инновационных ТЛК на эффективность ТЛС страны может быть проведена на основе сопоставления характеристик кластерных образований стран с индексом LPI (Logistics Performance Index). Данный индекс определяется Группой Всемирного банка посредством оценки шести компонентов, отражающих показатели эффективности логистических систем стран: эффективность таможенного и пограничного оформления, качество торговой и транспортной инфраструктуры, простота организации международной поставки, компетентность и качество логистических услуг, возможность отслеживать грузы, частота соблюдения сроков поставки [18].

В свою очередь, характеристики кластерных образований могут быть определены на основе данных о ТЛК разных стран. Однако единого мирового реестра кластеров на данный момент не существует. Согласно данным Российской кластерной обсерватории, которая является организацией, осуществляющей мониторинг кластеризации в РФ, ТЛК с присвоенным официальным статусом в России не выделено [19]. В то же время к настоящему моменту в странах Европы кластеризация транспортно-логистической сферы имеет широкое распространение, что позволяет получить достаточно большой объем генеральной совокупности

однородных за счет схожих социально-экономических, природных условий формирования объектов с выраженным эффектом на ТЛС. Поэтому, несмотря на специфику отечественной структуры производства, экономики в целом, анализ передового опыта кластеризации транспортно-логистической сферы стран Европы является релевантным с точки зрения формирования системы ТЛК на территории РФ. Соответственно, анализ характеристик кластеров производится на основе данных Европейской платформы кластерного сотрудничества как наиболее полной базы зарегистрированных кластеров [20].

Поставленная цель исследования требует решения следующих задач:

- анализ характеристик кластеризации в сфере транспорта и логистики стран-лидеров, отличительных особенностей инновационных ТЛК; выявление факторов, которые могут оказывать влияние на эффективность ТЛС страны; построение концептуальной рамки исследования;
- логический анализ влияния факторов на ожидаемые эффекты от кластеризации для ТЛС страны;
- определение показателей оценки потенциальных факторов, оказывающих влияние на эффективность ТЛС страны;
- анализ данных факторов и установление степени их взаимосвязи с индексом LPI.

Для решения поставленных задач используются методы формальной логики, горизонтального анализа, структурно-долевого анализа, балльного метода оценки, многофакторного корреляционного анализа.

Выявление потенциальных факторов, оказывающих влияние на эффективность ТЛС, на основе анализа характеристик кластеризации транспорта и логистики стран Европы

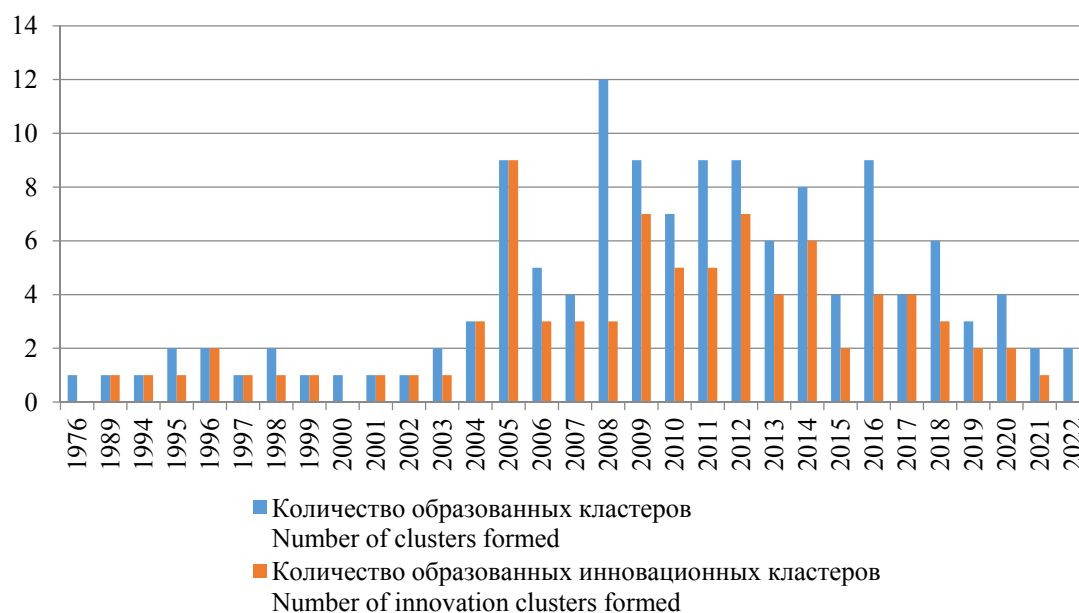
Согласно реестру Европейской платформы кластерного сотрудничества (The European Cluster Collaboration Platform, ЕССР) можно выделить 125 кластеров в странах Европы, деятельность которых так или иначе связана со сферой транспорта и логистики [20]. Такая высокая концентрация ТЛК на европейской территории обусловлена активным стимулированием их создания со стороны государства посредством различных программ и разработки «Манифеста кластеризации в странах ЕС», «Европейского кластерного меморандума», финансирования в техническое оснащение и модернизацию транспортной инфраструктуры, в результате которых в 1970-х гг. появились первые ТЛК в Нидерландах (1976 г.), Испании (1989, 1995 гг.), Италии (1994 г.), Австрии (1995 г.), а с 2004 по 2017 г. наблюдалась тенденция интенсивной кластеризации ТЛС Европы, когда в год создавалось более трех кластеров, из них более двух были инновационными (рис. 1).

С точки зрения концентрации ТЛК по странам Европы лидируют такие страны, как Испания, Германия, Франция, Италия и Польша, на территории которых функционирует 60 % ТЛК (плотность 0,38 кластера на 10 000 км²) [21]. Высокий показатель кластеризации также характерен для Мальты, Люксембурга, Дании, Бельгии, Испании, Германии, Италии. Стоит отметить, что именно в Германии, Болгарии, Польше, Испании, Дании, Франции, Италии было образовано наибольшее количество кластеров в сфере транспорта и логистики в пиковые периоды (2005, 2008, 2009, 2011, 2012, 2016 гг.). Именно в этих странах сфера транспорта и логистики выделялась как приоритетная на стратегическом уровне и характеризовалась высоким темпом развития, в том числе с точки зрения внедрения инноваций для обеспечения высокоскоростного сообщения и безопасности, а также отличалась активной поддержкой морского вида транспорта и портовой инфраструктуры.

Последний фактор оказал влияние на специализацию кластеров по виду транспорта. Почти треть кластеров (28 %) специализируются только на водном виде транспорта, 12 % –

на воздушном, 10 % – на железнодорожном, 5 % – на автомобильном. Ряд ТЛК указывают одновременно несколько видов транспорта в качестве специализации:

- автомобильный и железнодорожный виды транспорта – 5 %;
- автомобильный и воздушный виды транспорта – 2 %;
- автомобильный и водный виды транспорта – 1 %;
- автомобильный и трубопроводный виды транспорта – 2 %;
- автомобильный, железнодорожный и трубопроводный виды транспорта – 3 %;
- автомобильный, железнодорожный и водный виды транспорта – 2 %;
- автомобильный, железнодорожный, воздушный виды транспорта – 2 %;
- автомобильный, железнодорожный, водный и трубопроводный виды транспорта – 2 %.

Источник: составлено автором по данным [20].

Source: compiled by the author according to the data from [20].

Рис. 1. Динамика образования ТЛК в странах Европы, ед.
Fig. 1. Dynamics of the formation of transport and logistics clusters (TLC) in European countries, units

Таким образом, можно говорить о признаках диспропорции в кластеризации по видам транспорта, а также о наличии ТЛК, осуществляющих комплексное решение проблем транспорта в целом с учетом взаимосвязи видов транспорта, тенденции мультимодальности, интермодальности.

При этом сложно выделить один вид основной деятельности кластеров, так как в их состав входят как компании, специализирующиеся на предоставлении услуг по перевозке, хранению и обработке грузов, пассажирском обслуживании, так и предприятия, осуществляющие разработку и производство транспортных средств, различных устройств и оборудования для них, а также организации, предоставляющие информационное, технологическое обеспечение транспортной деятельности. Согласно анализу данных, 56 % кластеров специализируются на транспортно-логистических услугах, 65 % занимается производством транспортных средств (ТС), устройств и оборудования, 60 % кластеров развивают обслуживающие транспорт и логистику виды деятельности. Так, например, кластер Logistics-Initiative Hamburg e.V в Германии в качестве видов деятельности указывает грузовые перевозки автомобильным и

водным видами транспорта, складирование и вспомогательную деятельность при транспортировке, производство транспортного оборудования и др. [22]. Таким образом, только 20 % кластеров специализируются на одном из видов деятельности, остальные 80 % решают комплексные задачи отрасли.

Исследуемые кластеры преимущественно функционируют в таких формах, как ассоциация, государственно-частное партнерство, коммерческая организация с ограниченной ответственностью участников, некоммерческая (благотворительная) организация. Некоторые из объектов не имеют юридически закрепленной формы и являются неформальным сообществом (2 %). Большинство ТЛК зарегистрированы как ассоциации (42 %) и некоммерческие организации (32 %).

При этом, независимо от формы организации, 67 % ТЛК имеют формализованную стратегию. Стоит отметить, что в эту группу входят как небольшие кластеры с 21 участником (например, Canary Cluster for Transports and Logistics), так и кластеры, в состав которых входят более 500 участников (например, Cluster Transport, Mobility and Logistics Berlin-Brandenburg). В целом в исследовании представлены кластеры с количеством участников от 11 до 827 (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ТЛК стран Европы по количеству участников
Table 1. Distribution of TLC in Europe by the number of participants

Количество участников, ед. Number of participants, units	Доля, % Share, %	Пример ТЛК TLC example
11–50	32	Aerospace Cluster Sweden, Estonian Logistics Cluster
51–100	24	DITECFER District for Rail Technologies, Maritime Cluster Copenhagen North
101–150	18	Innovative Logistics Association of Aragon, Birmingham Railway Innovation Cluster
151 – 200	9	North South Logistics & Transport Cluster, ITS mobility e.V.
201– 250	4	Maritime Technology Cluster FVG S.c.ar.l., CEEC
251–300	5	North East Automotive Alliance Limited, Maritime & Logistics Innovation Denmark - MARLOG
301–350	2	Maritimes Cluster Norddeutschland e. V., ACstyria Mobilitätscluster
351–400	<1	Logistics in Wallonia
401–450	2	Pôle Mer Méditerranée - Business & Innovation Sea Cluster, Rail Alliance
451–500	2	Pôle Véhicule du Futur, Cluster NanoMicroMaterialsPhotonics.NRW
501–550	<1	Logistics-Initiative Hamburg e.V.
551–600	<1	MOV'EO
601–650	<1	Cluster Transport, Mobility and Logistics Berlin-Brandenburg
828	<1	Aerospace Valley

Источник: составлено автором по данным [20].

Source: compiled by the author according to the data from [20].

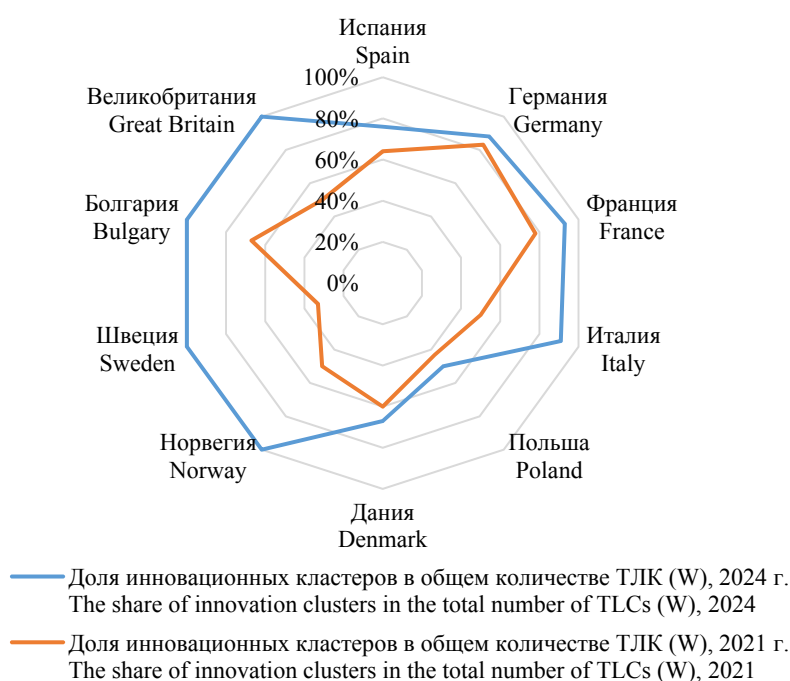
Основная часть кластеров имеет в своем составе от 11 до 50 компаний-участников. Наиболее крупные кластеры с количеством участников более 350 компаний расположены в Германии, Франции, Бельгии, Великобритании.

Как правило, количество менеджеров, управляющих кластерами, не превышает 5 чел. (79 %). Управленческие команды даже самых крупных с точки зрения количества участников ТЛК также включают 1–5 чел. или 6–11 чел. Только 6 % кластеров управляется командами от 11 до 20 чел.

Еще одной характерной чертой кластеризации транспортно-логистической сферы в странах Европы является интернационализация и коллаборация. Так, 83 % ТЛК участвуют в сов-

местных программах и проектах с кластерами из других стран. При этом большая часть кластеров отмечает интернационализацию как стратегическую цель развития и системно выполняют задачи для ее реализации. Кроме того, в рамках исследования выявлено, что 29 кластеров имеют в своем составе зарубежные компании. Это особенно актуально для немецких компаний, а также для организаций Франции, Дании, Бельгии, Нидерландов, Великобритании, Польши.

Особое значение для повышения эффективности региональных ТЛС имеет инновационность кластеров. На рис. 2 отражены данные о доле инновационных кластеров в странах-лидерах кластеризации в сфере транспорта и логистики (к странам-лидерам кластеризации отнесены страны, в которых общее количество ТЛК более трех) в 2021 и 2024 гг.

Источник: составлено автором по данным [20].

Source: compiled by the author according to the data from [20].

Рис. 2. Доля инновационных кластеров в общем количестве ТЛК стран-лидеров кластеризации
Fig. 2. Share of innovative clusters in the total number of TLC in the European clustering countries-leaders

Как можно заметить, доля инновационных кластеров за 2021–2024 гг. увеличилась, что вызвано потребностью отрасли в высокотехнологичных решениях для обеспечения скорости, безопасности, экологичности, высокого качества обслуживания и других показателей работы современного транспорта. При этом наиболее высокая интенсивность формирования инновационных ТЛК наблюдалась в 2005, 2009, 2012 гг.

Основной стратегической целью ТЛК инновационного типа является развитие и внедрение групп инновационных транспортных технологий в таких направлениях, как автоматизация и робототехника, экологическая безопасность на транспорте, интегрированные транспортные системы, высокоскоростной транспорт, электротранспорт, системы и технологии безопасности на транспорте, цифровые транспортные технологии, информационные или коммуникационные технологии, интеллектуальные транспортные системы, удаленное техническое обслуживание и мониторинг, беспилотные транспортные средства, дистанционно

управляемые летательные аппараты, технологии интермодальных перевозок, технологии складской логистики и вспомогательных сервисов.

Это определяет специфику деятельности ТЛК данного вида, которая в первую очередь отражается на составе участников. Для инновационных кластеров характерно большое количество стартапов и малых инновационных предприятий, а также организаций, осуществляющих научно-исследовательскую, проектно-конструкторскую деятельность, которые, как правило, и являются инициаторами создания данных кластеров. Так, инновационные кластеры включают 1063 стартапа и 1234 научно-исследовательских организации, что составляет 13 % от количества малых и средних компаний-участников и 10 % от общего количества участников соответственно.

Кроме того, с точки зрения стратегических задач инновационные ТЛК фокусируются на стимулировании взаимодействия между организациями в рамках инновационных проектов, а также на интернационализации (87 %), участвуя в международных программах (FP7, H2020, CIP/COSME, INTERREG, EIT KICs и др.) и образуя стратегические партнерства (Moving the Future, PERES, Transport Innovation Network, European Railway Clusters Initiative и др.).

Таким образом, автором статьи были выделены и проанализированы следующие характеристики ТЛК:

- период создания кластеров, возраст;
- количество кластеров в стране, концентрация кластеров;
- специализация по видам транспорта;
- специализация по виду деятельности, комплексность;
- состав кластеров: доля стартапов, доля научно-исследовательских организаций, доля малых и средних компаний, доля крупных компаний;
- форма организации;
- наличие формализованной стратегии;
- размер кластера с точки зрения количества участников;
- численность команды управления;
- инновационность, направления инновационной деятельности, связанные с передовыми технологиями в сфере транспорта и логистики;
- интернационализация и коллаборация, участие в международных программах с учетом направления деятельности ТЛК.

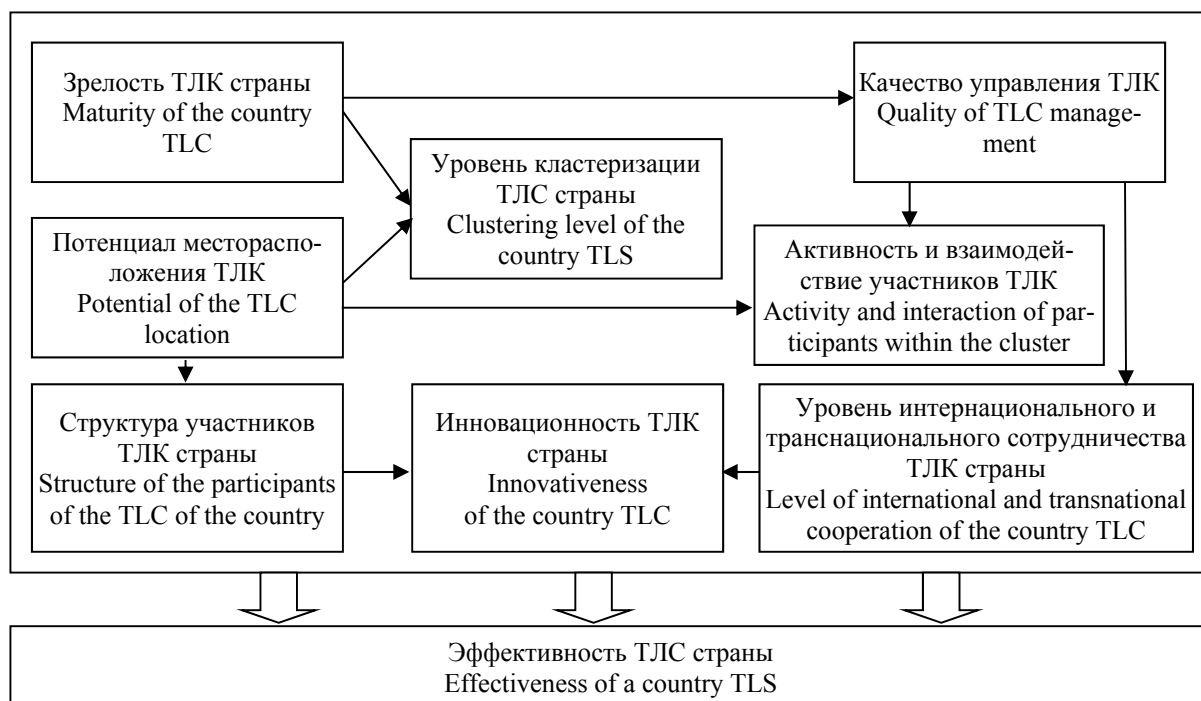
На основе результатов анализа данных характеристик, теоретических положений кластеризации с применением методов формальной логики были выделены восемь потенциальных факторов, оказывающих влияние на эффективность ТЛС страны, которые отражены на рис. 3 в виде концептуальной рамки исследования.

К факторам, оказывающим влияние на эффект от формирования кластеров в стране, относятся не только общее количество ТЛК, но и их размеры, территориальное расположение, ориентация на инновационное развитие, зрелость, качество менеджмента кластера, активность и взаимодействие участников, уровень интернационального и транснационального сотрудничества. Рассмотрим влияние выделенных автором факторов на ожидаемые эффекты от кластеризации.

Согласно исследованиям Йенского университета имени Фридриха Шиллера (Friedrich-Schiller-University Jena) показатели эффективности деятельности на разных стадиях жизненного цикла выше у участников кластеров, чем у компаний вне агломераций [23]. Следовательно, большее количество ТЛК, их высокая концентрация должны обеспечивать рост эффективности ТЛС страны в целом.

Месторасположение ТЛК имеет значение для оценки потенциала данной территории. Преимущества имеют кластеры, расположенные на территории с высоким транзитным потенциалом, доступом к путям различного вида транспорта, с минимальными ограничениями для масштабирования и развития кластера. Оценка месторасположения ТЛК может быть произведена экспертным методом с учетом вышеперечисленных преимуществ. Однако ввиду

отсутствия достаточного объема объективной информации оценка данным методом представляется нецелесообразной.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 3. Концептуальная рамка исследования. Потенциальные факторы, оказывающие влияние на эффективность ТЛС страны

Fig. 3. Conceptual framework of the research. Potential factors influencing the effectiveness of a country transport and logistic system (TLS)

Размеры кластеров могут быть определены как с точки зрения количества участников, так и с точки зрения занимаемой территории. При этом более важным показателем потенциального результата является количество участников и их структура. Разнообразие и количество субъектов в совокупности определяют доступность различных ресурсов большего объема, что создает благоприятную среду для роста компаний, расширения их деятельности, повышения эффективности.

Эффект от кластеризации ожидается выше, если деятельность кластера направлена не просто на поддержку субъектов транспортно-логистических услуг, а на разработку и внедрение каких-либо инновационных продуктов, позволяющих решать существующие проблемы отрасли и переходить на новый этап эволюционного развития в соответствии с актуальными потребностями. Уровень инновационности ТЛК обуславливает интенсивность роста эффективности ТЛС за счет внедрения передовых технологий. Оценка данного фактора должна быть произведена как на основе численности инновационных ТЛК, их доли в общем количестве кластеров, так и на основе уровня их инновационности. Уровень инновационности ТЛК определяется балльным методом по 10-балльной шкале, где 1 означает, что ТЛК не является инновационным и не имеет на данный момент предпосылок к инновационному развитию, 10 – ТЛК осуществляет активную инновационную деятельность. Баллы выставляются на основе агрегированного рейтинга стран по показателям количества стартапов, научно-исследовательских организаций и технологических центров в составе кластеров страны с учетом данных о направлениях и результатах инновационной деятельности ТЛК.

Кластер, как и любая другая организация, имеет свой жизненный цикл. При этом кластерные эффекты начинают проявляться только на стадии его активного роста и зрелости [23, 24]. Чем крупнее и масштабнее кластерное образование, тем больший временной лаг имеют эффекты от его деятельности, особенно это касается инновационной деятельности. Поэтому в течение первых лет функционирования роль вновь созданного ТЛК в формировании общего эффекта кластеризации минимальна. Стоит отметить, что наличие недавно образованных кластеров в системе ТЛК будет свидетельствовать о продолжении процесса кластеризации в стране. Данный фактор может быть оценен посредством расчета среднего возраста кластеров страны и доли ТЛК старше 5 лет.

Результаты деятельности ТЛК во многом зависят от качества стратегического управления, что определяется компетенциями персонала управленческой команды кластера. Ввиду отсутствия достоверной и полной информации об опыте и компетенциях менеджеров ТЛК оценить данный фактор представляется возможным только по таким косвенным показателям, как наличие формализованной стратегии и численность персонала в управленческой команде кластерной организации.

Немаловажную роль в формировании кластерных эффектов играет активность и взаимодействие участников как внутри кластера, так и между кластерами различных стран. Именно построение взаимовыгодных горизонтальных связей внутри кластера обеспечивает синергетический эффект. Данный фактор может быть оценен через количество внутренних транзакций, совместных проектов, мероприятий, реализованных участниками. Поскольку данная информация отсутствует в общем доступе, то количественно выразить данный фактор не представляется возможным. При этом уровень интернационального и транснационального сотрудничества может быть оценен на основе данных об общем и среднем количестве стран и других кластерных объединений, с которыми сотрудничают ТЛК, а также на основе активности кластера в отношении участия в международных программах и альянсах.

Таким образом, автором определены факторы и характеризующие их показатели, которые позволяют оценить взаимосвязь выделенных факторов с эффектом от формирования ТЛК и эффективностью ТЛС страны посредством инновационных трансформаций (табл. 2).

Анализ показателей факторов, определяющих суммарный эффект от кластеризации для ТЛС страны

Для того чтобы установить взаимосвязь представленных в табл. 2 факторов с эффективностью ТЛС страны, необходимо провести количественный анализ показателей кластеризации ТЛС стран Европы в сравнении со значением индекса LPI. В табл. 3 представлены агрегированные данные по показателям, характеризующим выделенные эффекты от формирования системы ТЛК в стране. Данные расположены в порядке убывания индекса LPI за 2023 г.

Согласно данным табл. 3, 46 % исследуемых стран входят в топ-20, 82 % – в топ-50 стран рейтинга LPI (из 139 мест). Страны-лидеры по количеству кластеров – Испания, Германия, Франция – имеют высокое значение индекса LPI 3,9 и 4,1, а также отличаются высокой долей инновационных ТЛК в общем количестве кластеров (более 92 %), уровнем инновационности ТЛК (9 и 10 баллов), высоким уровнем интернациональной и транснациональной активности. Так, ТЛК Германии взаимодействуют с 25 другими кластерами, участвуют в таких международных программах, как H2020, CIP/COSME, INTERREG, EIT KICs, ERASMUS. В целом Германия входит в перечень стран-лидеров по 12 из 17 анализируемых показателей (табл. 4). Франция входит в лидеры рейтинга по 10 показателям, включая среднее количество участников ТЛК, количество и уровень инновационности ТЛК, долю кластеров с формализованной стратегией, средний возраст кластеров, численность персонала управленческой команды и показатели интернационализации, а также она имеет одно из самых высоких значений показателя доли стартапов в общем количестве участников – 15 %. Испания, в свою очередь, лидирует по 7 показателям из 17.

Таблица 2. Факторы, влияющие на эффект от формирования ТЛК в стране, и характеризующие их показатели

Table 2. Factors influencing the effect of the formation of TLC in the country, and characterizing their indicators

Факторы Factors	Показатели Indicators	Условное обозначение показателя Conventional designation of the indicator
Ф1. Уровень кластеризации ТЛС страны F1. Clustering level of the country TLS	Количество кластеров в сфере транспорта и логистики, ед. Number of clusters in the field of transport and logistics, units.	1
	Плотность кластеров, ед./10000 км Cluster density, units/10000 km	2
Ф2. Потенциал месторасположения ТЛК F2. Potential of the TLC location	Комплексная оценка преимуществ месторасположения ТЛК (экспертная оценка) Comprehensive assessment of the advantages of the TLC location (expert assessment)	Нет данных Not available
Ф3. Структура участников ТЛК страны F3. Structure of the participants of the TLC of the country	Среднее количество участников ТЛК, ед. Average number of TLC participants, units.	3
	Доля субъектов малого и среднего предпринимательства (SME) в общем количестве участников, % Share of small and medium-sized enterprises (SME) in the total number of participants, %	4
Ф4. Инновационность ТЛК страны F4. Innovativeness of the country TLC	Количество инновационных ТЛК, ед. Number of innovative TLC, units	5
	Доля инновационных ТЛК, % Share of innovative TLC, %	6
	Уровень инновационности ТЛК, баллы Level of innovativeness of TLC, points	7
Ф5. Зрелость ТЛК страны F5. Maturity of the country TLC	Доля ТЛК старше 5 лет, % Share of TLC older than 5 years, %	8
	Средний возраст кластеров, лет Average age of clusters, years	9
Ф6. Качество управления ТЛК F6. Quality of TLC management	Доля кластеров с формализованной стратегией, % Share of clusters with a formalized strategy, %	10
	Средняя численность персонала в управленческой команде, чел. Average number of personnel in the management team, people	11
	Уровень компетенций участников управляющей организации (экспертная оценка) Level of competence of the participants of the management organization (expert assessment)	Нет данных Not available
Ф7. Активность и взаимодействие участников внутри кластера F7. Activity and interaction of participants within the cluster	Количество транзакций между участниками кластера, ед. Number of transactions between cluster members, units	Нет данных Not available
	Количество реализованных совместных проектов, ед. Number of implemented joint projects, units	Нет данных Not available
	Количество организованных совместных мероприятий, ед. Number of organized joint events, units	Нет данных Not available
Ф8. Уровень интернационального и транснационального сотрудничества ТЛК страны F8. Level of international and transnational cooperation of the country TLC	Количество стран, с которыми сотрудничают ТЛК страны, ед. Number of countries with which TLC countries cooperate, units	12
	Среднее количество стран, с которыми сотрудничают ТЛК, ед. Average number of countries with which TLC cooperates, units	13
	Количество кластеров, с которыми сотрудничают ТЛК страны, ед. Number of clusters with which the country TLC cooperates, units	14
	Среднее количество кластеров, с которыми сотрудничает ТЛК, ед. Average number of clusters with which TLC cooperates, units	15
	Количество международных программ, в которых участвуют ТЛК страны, ед. Number of international programs in which the country TLC participates, units.	16
	Доля кластеров, состоящих в альянсах (networks/partnerships), % Share of clusters in alliances (networks/partnerships), %	17

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таблица 3. Анализ показателей факторов, определяющих суммарный эффект от кластеризации для ТЛС страны

Table 3. Analysis of indicators of factors determining the total effect of clustering for the TLS of the country

Страна/рейтинг Country/Rating	LPI, 2023	Факторы/Показатели Factors/Indicators																
		Ф1/F1		Ф3/F3		Ф4/F4			Ф5/F5		Ф6/F6		Ф8/F8					
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Финляндия/Finland/2	4,2	1	0,03	66	14	1	91	7	100	16	0	3	0	0	2	2	0	0
Германия/Germany/3	4,1	17	0,48	175	71	16	100	10	94	15	65	5,8	31	5,59	50	4	8	71
Дания/Denmark/3	4,1	6	1,39	187	77	4	100	9	83	10,3	83	6,8	8	2,17	1	0,17	4	33
Нидерланды Netherlands/3	4,1	1	0,24	101	59	1	100	7	100	48	100	3	8	8	6	6	1	100
Австрия/Austria/7	4	3	0,36	237	70	2	50	9	100	23	67	3	1	0,33	0	0	0	33
Бельгия/Belgium/7	4	2	0,61	228	68	2	100	7	50	10	100	9,3	9	1,5	4	2	2	50
Швеция/Sweden/7	4	4	0,09	58	63	4	50	8	10	15	75	3	9	3,6	7	1,75	2	50
Франция/France/13	3,9	15	0,27	272	62	14	0	10	93	17,2	60	6,5	19	2,13	31	2,13	4	73
Испания/Spain/13	3,9	21	0,42	98	66	18	50	9	100	16	81	4	43	4,67	36	1,7	6	52
Италия/Italy/19	3,7	11	0,37	128	59	10	0	9	100	13,5	73	4,4	25	3,64	37	3	7	55
Великобритания Great Britain/19	3,7	4	0,16	207	30	4	100	8	100	11,5	25	5,5	12	4	23	6,5	2	50
Норвегия/Norway/19	3,7	5	0,15	75	60	5	100	8	100	10	80	3	6	1,2	0	0	0	0
Греция/Greece/19	3,7	2	0,15	27,5	62	2	100	6	100	12	100	5,5	11	5,5	5	2,5	4	100
Польша/Poland/26	3,6	10	0,32	84	67	5	0	7	100	12,9	80	3,5	22	3,7	20	2	4	80
Люксембург Luxembourg/ 26	3,6	1	3,87	50	80	1	100	4	100	16	100	3	1	1	1	1	0	0
Эстония/Estonia/26	3,6	2	0,44	19,5	69	1	100	5	100	9,5	100	3	4	2,5	1	0,5	0	50
Латвия/Latvia/34	3,5	1	0,15	30	100	0	50	4	100	15	100	3	8	8	0	0	1	100
Португалия/Portugal/38	3,4	2	0,22	90,5	48	1	91	7	100	12	50	3	3	1,5	1	0,5	0	50
Литва/Lithuania/38	3,4	1	0,15	24	58	0	100	4	100	10	0	3	0	0	0	0	0	0
Чехия/Czech Republic/43	3,3	2	0,25	51,5	50	2	100	6	50	8	50	3	5	2,5	5	2,5	0	50
Словакия/Slovakia/43	3,3	1	0,20	60	83	1	100	5	0	3	0	3	0	0	0	0	0	100
Хорватия/Croatia/43	3,3	1	0,18	42	24	1	50	5	100	11	0	3	2	2	1	1	1	0
Мальта/Malta/43	3,3	1	31,65	35	57	0	100	4	100	8	0	3	2	2	0	0	1	0
Болгария/Bulgaria/51	3,2	4	0,36	26	63	4	50	5	100	13	50	3	7	1,75	6	1,5	4	75
Венгрия/Hungary/51	3,2	1	0,11	11	18	1	0	5	100	6	100	3	7	7	2	2	1	100
Румыния/Romania/51	3,2	2	0,08	25	68	1	50	4	100	10,5	50	3	2	1	1	0,5	2	50
Сербия/Serbia/73	2,8	1	0,11	50	82	0	0	0	3	0	0	3	12	12	0	0	0	1
Украина/Ukraine/79	2,7	3	0,05	30	28	2	2	67	4	2,7	33	3	2	0,67	0	0	0	0

Источник: составлено автором по данным [18, 20].

Source: compiled by the author according to data from [18, 20].

В то же время Финляндия, Дания, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Швеция с показателем LPI более 4 характеризуются относительно низким уровнем кластеризации ТЛС страны и имеют от 1 до 6 кластеров. При этом отмечается высокий уровень инновационности кластеров (например, доля научно-исследовательских организаций и технологических центров в общем количестве участников ТЛК Финляндии составляет 35 %), зрелость существующих ТЛК, большинство из которых имеют формализованные стратегии развития с акцентом на интернационализацию и международное сотрудничество в сфере инноваций. Дания и Бельгия занимают соответственно 3-е и 7-е места в рейтинге LPI. С точки зрения характеристик системы ТЛК эти страны имеют высокий уровень инновационности, представляют собой зрелые и развитые структуры (среднее количество участников ТЛК – 187 и 228 соответственно) с формализованной стратегией, направленной на активное международное сотрудничество. В целом Дания является лидером рейтинга по 6 показателям, Бельгия – по 5 показателям (табл. 4).

Таблица 4. Страны-лидеры по анализируемым показателям**Table 4. Top-countries in terms of analyzing indicators**

Показатели/Indicators	Страны-лидеры по показателю Top-countries by indicator
LPI	Финляндия, Германия, Дания, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Швеция Finland, Germany, Denmark, Netherlands, Austria, Belgium, Sweden
1 – Количество кластеров в сфере транспорта и логистики, ед. 1 – Number of clusters in the field of transport and logistics, units	Испания, Германия, Франция, Италия, Польша Spain, Germany, France, Italy, Poland
2 – Плотность кластеров, ед/10000 км 2 – Cluster density, units/10000 km	Мальта, Люксембург, Дания, Бельгия, Германия Malta, Luxembourg, Denmark, Belgium, Germany
3 – Среднее количество участников ТЛК, ед. 3 – Average number of TLC participants, units	Франция, Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания France, Austria, Belgium, Great Britain, Denmark
4 – Доля субъектов малого и среднего предпринимательства (SME) в общем количестве участников, % 4 – Share of SME in the total number of participants, %	Латвия, Словакия, Сербия, Люксембург, Дания, Германия Latvia, Slovakia, Serbia, Luxembourg, Denmark, Germany
5 – Количество инновационных ТЛК, ед. 5 – Number of innovative TLCs, units	Испания, Германия, Франция, Италия Spain, Germany, France, Italy
6 – Доля инновационных ТЛК, % 6 – Share of innovative TLC, %	Финляндия, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Великобритания, Норвегия, Греция, Люксембург, Чехия, Словакия, Хорватия, Болгария, Венгрия Finland, Netherlands, Belgium, Sweden, Great Britain, Norway, Greece, Luxembourg, Czech Republic, Slovakia, Croatia, Bulgaria, Hungary
7 – Уровень инновационности ТЛК, баллы 7 – Level of TLC innovation, points	Германия, Франция, Дания, Австрия, Испания, Италия Germany, France, Denmark, Austria, Spain, Italy
8 – Доля ТЛК старше 5 лет, % 8 – Share of TLC older than 5 years, %	100 % ТЛК большинства стран старше 5 лет, кроме Германии, Франции, Дании, Бельгии, Чехии, Украины, Словакии 100% of TLC of most countries are over 5 years old, except Germany, France, Denmark, Belgium, Czech Republic, Ukraine, Slovakia
9 – Средний возраст кластеров, лет 9 – Average age of clusters, years	Нидерланды, Австрия, Франция, Финляндия, Испания, Люксембург Netherlands, Austria, France, Finland, Spain, Luxembourg
10 – Доля кластеров с формализованной стратегией, % 10 – Share of clusters with a formalized strategy, %	Германия, Дания, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Швеция, Франция Germany, Denmark, Netherlands, Austria, Belgium, Sweden, France
11 – Средняя численность персонала в управленческой команде ТЛК, чел. 11 – Average number of personnel in the TLC management team, people	Бельгия, Дания, Франция, Германия, Великобритания, Греция Belgium, Denmark, France, Germany, Great Britain, Greece
12 – Количество стран, с которым сотрудничают ТЛК страны, ед. 12 – Number of countries with which TLC countries cooperate, units	Испания, Германия, Италия, Польша, Франция Spain, Germany, Italy, Poland, France
13 – Среднее количество стран, с которым сотрудничают ТЛК, ед. 13 – Average number of countries with which TLC cooperates, units	Сербия, Нидерланды, Латвия, Венгрия, Германия, Греция Serbia, Netherlands, Latvia, Hungary, Germany, Greece
14 – Количество кластеров, с которыми сотрудничают ТЛК страны, ед. 14 – Number of clusters with which the country TLC cooperates, units	Германия, Италия, Испания, Франция, Великобритания, Польша Germany, Italy, Spain, France, Great Britain, Poland
15 – Среднее количество кластеров, с которыми сотрудничает ТЛК, ед. 15 – Average number of clusters with which TLC cooperates, units	Великобритания, Нидерланды, Германия, Италия, Греция, Чехия Great Britain, Netherlands, Germany, Italy, Greece, Czech Republic
16 – Количество международных программ, в которых участвуют ТЛК страны, ед. 16 – Number of international programs in which the country TLC participates, units	Германия, Франция, Испания, Польша, Италия Germany, France, Spain, Poland, Italy
17 – Доля кластеров, состоящих в альянсах (networks/partnerships), % 17 – Share of clusters in alliances (networks/partnerships), %	Нидерланды, Греция, Латвия, Словакия, Венгрия, Сербия Netherlands, Greece, Latvia, Slovakia, Hungary, Serbia

Источник: составлено автором по данным [20].

Source: compiled by the author according to the data from [20].

Также следует отметить Италию как страну-лидера по 6 из 17 показателей, в которой расположены 11 зрелых ТЛК, реализующих задачи стратегии активного взаимодействия с другими странами и кластерами в рамках программ, проектов и альянсов. При этом 91 % из них являются инновационными.

Медиана LPI анализируемых стран составляет 26, что гораздо выше общей медианы рейтинга, равной 66. Среднее значение LPI данных стран (3,59) также превышает среднее значение индекса всего рейтинга (3) на 0,59 пункта. Это косвенно свидетельствует о том, что страны, имеющие в основе организации взаимодействия субъектов транспортной системы кластеры, характеризуются более эффективными ТЛС. Следовательно, есть вероятность, что существуют взаимосвязь между факторами, определяющими эффект от формирования ТЛК, и индексом эффективности логистики. Установим тесноту взаимосвязей между показателями оценки данных факторов с помощью многофакторного корреляционного анализа (табл. 5).

Таблица 5. Корреляционный анализ факторов, определяющих суммарный эффект от кластеризации для ТЛС страны

Table 5. Correlation analysis of the factors determining the total effect of clustering for the TLS of the country

	LPI	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
LPI	1																	
1	0,39	1																
2	-0,12	-0,13	1															
3	0,61	0,46	-0,13	1														
4	0,11	0,15	0,02	0,11	1													
5	0,42	0,98	-0,15	0,49	0,10	1												
6	0,40	0,21	-0,39	0,28	-0,35	0,32	1											
7	0,78	0,70	-0,23	0,78	-0,02	0,73	0,49	1										
8	0,26	0,14	0,09	-0,03	-0,05	0,12	-0,21	0,14	1									
9	0,55	0,10	-0,11	0,27	0,10	0,12	0,19	0,33	0,37	1								
10	0,41	0,22	-0,27	0,16	0,33	0,21	0,28	0,31	0,21	0,34	1							
11	0,48	0,36	-0,09	0,72	0,13	0,39	0,27	0,51	-0,15	-0,04	0,29	1						
12	0,33	0,91	-0,15	0,34	0,19	0,89	0,16	0,58	0,21	0,14	0,30	0,37	1					
13	-0,09	0,09	-0,10	-0,10	0,22	0,08	-0,21	-0,08	0,31	0,26	0,25	0,00	0,41	1				
14	0,39	0,90	-0,13	0,48	0,04	0,91	0,28	0,68	0,17	0,16	0,15	0,40	0,89	0,20	1			
15	0,43	0,26	-0,18	0,35	-0,29	0,32	0,52	0,44	0,17	0,52	0,21	0,32	0,40	0,32	0,56	1		
16	0,36	0,95	-0,14	0,46	0,19	0,93	0,18	0,64	0,15	0,14	0,22	0,38	0,90	0,19	0,92	0,34	1	
17	-0,02	0,12	-0,31	0,04	0,37	0,12	0,04	0,05	-0,06	0,19	0,34	0,13	0,34	0,68	0,22	0,32	0,32	1

Условные обозначения для значения коэффициента корреляции, r /Legend for the value of the correlation coefficient, r :

	0,3–0,49;
	0,5–0,69;
	0,7–1.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

В результате корреляционного анализа выявлено, что между индексом эффективности логистики (LPI) и одним из показателей кластеризации существует прямая сильная взаимосвязь, для 10 показателей теснота взаимосвязи является средней. Проранжируем данные показатели, разделив на подгруппы по степени взаимосвязи:

1. Коэффициент корреляции $>0,7$ (сильная взаимосвязь) – уровень инновационности ТЛК;
2. Коэффициент корреляции $0,5–0,69$ (взаимосвязь выше среднего):
 - среднее количество участников ТЛК;
 - средний возраст кластеров.

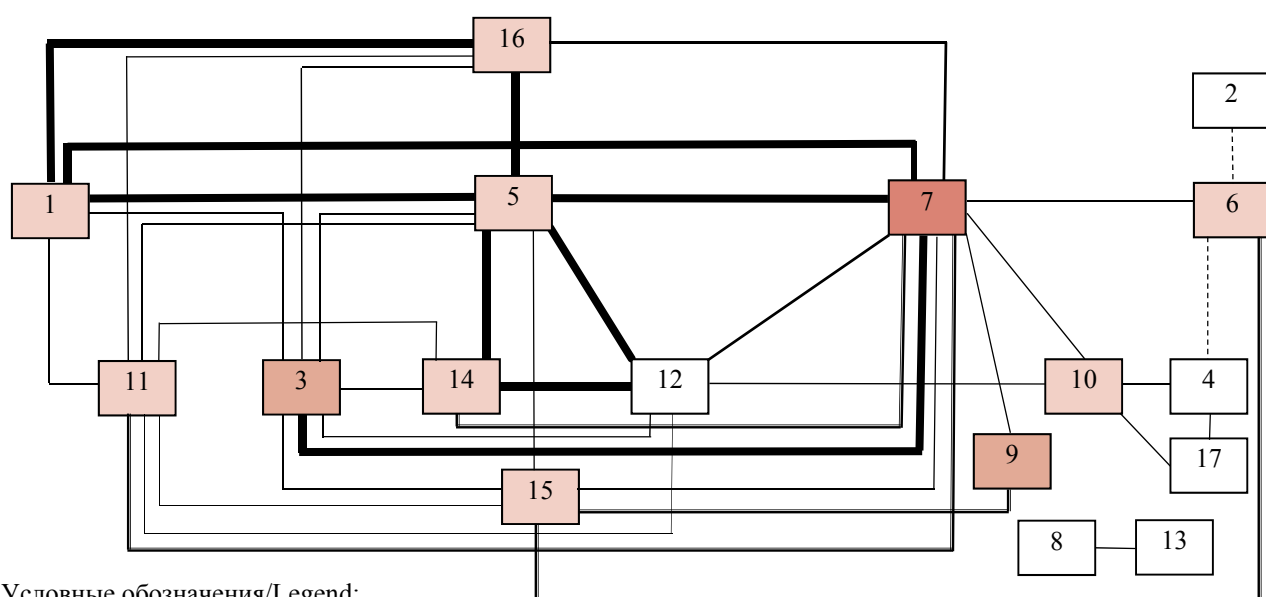
3. Коэффициент корреляции 0,3–0,49 (средняя взаимосвязь):

- количество кластеров в сфере транспорта и логистики;
- количество инновационных ТЛК;
- доля инновационных ТЛК;
- доля кластеров с формализованной стратегией;
- средняя численность персонала в управленческой команде ТЛК;
- количество кластеров, с которыми сотрудничают ТЛК страны;
- среднее количество кластеров, с которыми сотрудничает ТЛК;
- количество международных программ, в которых участвуют ТЛК страны.

Таким образом, эффективность ТЛС в большей степени связана с такими факторами, как инновационность, структура участников и зрелость ТЛК, в меньшей степени – с уровнем кластеризации ТЛС страны, качеством управления ТЛК и уровнем интернационального и транснационального сотрудничества ТЛК страны.

Также в рамках исследования представляют интерес некоторые выявленные взаимосвязи между показателями, которые отражены на рис. 4, за исключением очевидных и логически обоснованных зависимостей следующих показателей:

- количество инновационных ТЛК и их доля (5–6);
- количество ТЛК и количество стран и кластеров, с которыми сотрудничают кластеры (1–12, 1–14);
- среднее количество участников ТЛК и численность команды управления (3–11);
- доля кластеров старше 5 лет и средний возраст ТЛК (8–9);
- показатели группы факторов, отражающей уровень интернационального и транснационального сотрудничества ТЛК страны (12–13, 12–14, 12–15, 12–16, 12–17, 13–15, 13–17, 14–15, 14–16, 15–16, 15–17, 16–17).

Условные обозначения/Legend:

- Прямая связь, коэффициент корреляции $>0,7$ /Direct connection, correlation coefficient >0.7 .
- Прямая связь, коэффициент корреляции $0,5–0,69$ /Direct connection, correlation coefficient $0.5–0.69$.
- Прямая связь, коэффициент корреляции $0,3–0,49$ /Direct connection, correlation coefficient $0.3–0.49$.
- Обратная связь, коэффициент корреляции $0,3–0,49$ /Feedback, correlation coefficient $0.3–0.49$.

Сильная, выше среднего, средняя связь показателя с LPI/Strong, above average, average correlation of the indicator with LPI.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 4. Выявленные неочевидные взаимосвязи показателей
Fig. 4. Revealed non-obvious correlations of indicators

Уровень инновационности ТЛК связан с наибольшим количеством показателей, в частности с количеством ТЛК, в том числе инновационных, с количеством организаций-участников кластера, численностью управляющей команды, количеством международных программ, в которых участвуют ТЛК, а также со средним возрастом кластеров, наличием формализованной стратегии и средним количеством кластеров, с которым сотрудничает ТЛК. Чем больше опыт в формировании ТЛК, тем очевиднее становится потребность в повышении уровня их инновационности и качества управления. Международное взаимодействие обуславливает высокие требования к результатам деятельности кластера, что также стимулирует развитие ТЛК.

Показатель среднего количества участников ТЛК имеет взаимосвязи с показателями инновационности и интернационализации кластеров. При этом доля субъектов малого и среднего предпринимательства в составе кластеров характеризуется средней степенью корреляции с долей кластеров, образующих альянсы и партнерства, и долей кластеров, имеющих стратегию. Возможной причиной является стремление малых структур к объединению для достижения общих глобальных целей как менее защищенных и ресурсообеспеченных, чем крупные участники, а также более высокая потребность в координации и поддержке.

В свою очередь, показатели группы качества управления ТЛК имеют взаимосвязи с инновационностью кластеров и уровнем интернационального и транснационального сотрудничества. По мере развития кластеров их структура становится более сложной, способной обеспечить ресурсами и мощностями для решения глобальных проблем в рамках более крупных объединений, что определяет необходимость в большем количестве управляющего персонала. При этом чем больше управляющая команда кластера, тем больше у него возможностей для участия в международных программах с точки зрения качества руководства большим количеством проектов.

Связь между количеством стран, с которыми сотрудничают ТЛК, и долей кластеров с формализованной стратегией свидетельствует о том, что организация сотрудничества кластеров основана на определении и достижении общих стратегических целей и направлений развития, без формализации которых данный процесс усложняется.

Таким образом, выявленные взаимосвязи показателей факторов, характеризующих кластеризацию и инновационное развитие сферы транспорта и логистики, имеют значение для масштабирования эффектов от кластеризации и повышения эффективности ТЛС страны.

Заключение

Исследование таких характеристик кластеризации стран Европы, как период образования, концентрация ТЛК, специализация по видам транспорта и видам деятельности, форма организации и стратегическое управление, количество компаний-участников и управляющих менеджеров, доля инновационных организаций, фокусировка инновационных ТЛК на тех и ли иных группах инновационных технологий, активность международного взаимодействия с другими странами и кластерами, позволило выявить основную специфику образования и функционирования европейских ТЛК, в том числе кластеров инновационного типа.

Выявленная тенденция кластеризации сферы транспорта и логистики послужила основой для гипотезы о том, что кластер является наиболее перспективной формой организации взаимодействия субъектов транспортной системы, что определило дальнейшее направление исследования влияния эффектов от формирования системы ТЛК на эффективность ТЛС страны, оцениваемой посредством LPI за 2023 г. Были выявлены факторы, которые могут оказывать влияние на эффект от формирования ТЛК в стране: уровень кластеризации ТЛС, потенциал месторасположения, структура участников, инновационность, зрелость, качество управления ТЛК страны, а также активность и взаимодействие участников внутри кластера, уровень интернационального и транснационального сотрудничества. Для каждого фактора

были определены характеризующие его показатели, а также установлена целесообразность и возможность их оценки.

На основе количественных данных по 17 из 22 показателей для 28 стран выборки был проведен анализ взаимосвязи факторов, обуславливающих суммарный эффект от кластеризации в сфере транспорта и логистики, а также LPI. Было установлено, что страны-лидеры по анализируемым показателям имеют в основе организации взаимодействия субъектов транспортной системы кластеры и характеризуются более высоким рейтингом по LPI.

С применением многофакторного корреляционного анализа была установлена теснота взаимосвязи факторов и результирующего показателя эффективности ТЛС стран. Было выявлено 11 показателей, имеющих среднюю и высокую степень взаимосвязи с LPI. Кроме того, были обнаружены цепочки неявных взаимосвязей показателей. Так, например, уровень инновационности ТЛК имеет взаимосвязь высокой и средней степени с 11 показателями. В результате анализа было определено, что эффективность ТЛС в большей степени связана с такими факторами, как инновационность, структура участников и зрелость ТЛК. Иными словами, количество ТЛК само по себе не оказывает сильного влияния на эффективность ТЛС: большее значение имеют конкретные характеристики ТЛК, их специализация, инновационный потенциал.

Стоит отметить, что выявленные взаимосвязи могут быть не единственными. Точность и достоверность результатов исследования могут быть повышены за счет формирования полной базы существующих ТЛК мира с отдельной группировкой кластеров по уровню инновационности, так как представленная на Европейской платформе кластерного сотрудничества информация относится преимущественно к странам ЕС и может быть неполной в контексте отдельного кластера.

Несмотря на это, полученные результаты исследования имеют важное значение для разработки модели управления эффективностью ТЛС стран, регионов на основе кластеризации и инновационных технологий. Прогнозирование и установление целевых показателей конкретных характеристик ТЛК с применением методов моделирования позволит обеспечить эффективное распределение ресурсов в процессе кластеризации транспорта и логистики.

Список литературы

1. Волынчук А.Б., Крылова И.А. Транспортно-логистический кластер как инструмент развития периферийных территорий // *Фундаментальные исследования*. – 2018. – № 6. – С. 72–77. EDN: XUETGX.
2. Носов А.Л. Кластерный подход к логистике в условиях инновационной экономики // *Инновационное развитие экономики*. – 2018. – № 2 (44). – С. 62–66. EDN: XOOWDR.
3. Носов А.Л. Логистические кластеры в России // *Логистика сегодня*. – 2018. – № 2. – С. 106–112. EDN: XQMWHB.
4. Kirova A. Logistics clusters and their potential for economic development // *MEST Journal*. – 2024. – Vol. 12 (1). – P. 26–33. DOI: 10.12709/mest.12.12.01.05. EDN: PPUYDA.
5. Специфика организации транспортно-логистического кластера с приоритетом развития интеллектуальных транспортных технологий / Е.В. Будрина, А.С. Лебедева, Л.И. Рогавичене, К.Б. Квитко // *Мир транспорта*. – 2020. – Т. 18. – № 4 (89). – С. 156–173. DOI: 10.30932/1992-3252-2020-18-156-173. EDN: DJKNLW.
6. Intelligent transport systems as an integration platform for creating a network of regional transport and logistics complexes / A.G. Budrin, E.V. Budrina, A.S. Lebedeva, L.I. Rogavichene, K.B. Kvitko // *Proceedings of the 2019 IEEE International Conference Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies*. – Sochi: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2019. – P. 176–181. DOI: 10.1109/ITQMIS.2019.8928343. EDN: LTBSPX.
7. Formation mechanism of logistics cluster in Belarus / S. Baranowski, E. Busko, S. Shishlo, W. Usevich, Ju. Androsik, M. Mistseiko, W. Tanaś, M. Szymanek // *Agriculture and Agricultural Science Procedia* 7. – 2015. – P. 12–20. URL: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/22344/1/Baranowski_Formation.pdf (дата обращения 06.06.2024).
8. Liu S., Li G., Jin F. Quantitative measurement and development evaluation of logistics clusters in China // *Journal of Geographical Sciences*. – 2018. – № 73. – P. 1540–1555. DOI: 10.11821/dlxb201808011. URL: https://www.researchgate.net/publication/329031935_Quantitative_measurement_and_development_evaluation_of_logistics_clusters_in_China (дата обращения 06.06.2024).

9. Булатова Н.Н., Бабкин А.В. Перспективы формирования транспортно-технологических систем региона (на примере республики Бурятия) // Известия юго-западного государственного университета. Серия «Экономика. Социология. Менеджмент». – 2019. – Т. 9. – № 2 (31). – С. 106–120. EDN: MCTQWP.
10. Cluster analysis of the transport and logistics potential of the regions of Kazakhstan / A.A. Satybaldin, B.E. Sadykov, A. Moldabekova, Z.B. Akhmetova // The economy strategy and practice. – 2022. – № 17 (4). DOI: 10.51176/1997-9967-2022-4-41-57. URL: https://www.researchgate.net/publication/366864400_Cluster_Analysis_of_the_Transport_and_Logistics_Potential_of_the_Regions_of_Kazakhstan (дата обращения 08.06.2024).
11. Creation of transport and logistics clusters on railway networks / Z. Mukhamedova, G. Ibragimova, S. Khudayberganov, A. Bashirova, S. Kayumov // E3S Web of Conferences. – 2023. – Vol. 401 (S6). DOI: 10.1051/e3sconf/202340103042 EDN: AASOPT. URL: https://www.researchgate.net/publication/372283415_Creation_of_transport_and_logistics_clusters_on_railway_networks (дата обращения 10.06.2024).
12. Малышева К.Б. Комплексная методика оценки готовности к созданию транспортно-логистического кластера // Вестник Университета. – 2023. – № 12. – С. 76–86. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-76-86>. EDN: NHSERL.
13. Verduzco-Garza T. A logistics and transportation cluster initiative: a theoretical framework // 18th TCI Global Conference. – Daegu, South Korea, 2015. – Vol. 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/290447748_A_logistics_and_transportation_cluster_initiative_a_theoretical_framework (дата обращения 10.08.2024).
14. Лебедева А.С., Рогавичене Л.И. Инновационное развитие рынка транспортных услуг: кластерный подход // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 4 (169). – С. 83–91. EDN: VLSGMQ.
15. Салтыков М.А. Типология пространственно-экономических форм морских портовых агломераций // Вестник АГТУ. Серия «Экономика». – 2019. – № 1. – С. 62–75. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-1-62-75. EDN: CAERPH.
16. Hui Han. A review and a model for logistics clusters // International Journal of Logistics Systems and Management. – 2019. – Vol. 33. – № 1. – P. 73–96. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJLSM.2019.099662>. URL: https://www.researchgate.net/publication/324153015_A_review_and_a_model_for_logistics_clusters (дата обращения 12.08.2024).
17. Makarova E.S., Lukashuk M.D. The approach of the transport & logistics cluster model development // IOP Conference Series Materials Science and Engineering, 2020. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92426/1/10.1088-1757-899X-709-2-022045.pdf> (дата обращения 12.08.2024). DOI: 10.1088/1757-899X/709/2/022045. EDN: BZVSSB.
18. International LPI, 2023 // The World Bank. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения 15.10.2024).
19. Информационный портал Российской кластерной обсерватории. URL: <https://cluster.hse.ru/> (дата обращения 11.12.2024).
20. European Cluster Collaboration Platform. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/cluster-list> (дата обращения 20.10.2024).
21. Площадь территорий стран мира. URL: <https://infotables.ru/strany-i-goroda/19-tablitsa-ploshchad-territorij-stran-mira> (дата обращения 15.10.2024).
22. Logistics-Initiative Hamburg. URL: <https://www.hamburg-logistik.net/en/> (дата обращения 10.10.2024).
23. Menzel M.P., Fornahl D. Cluster life cycles – dimensions and rationales of cluster development // Jena Economic Research Papers. – 2007. – № 076. URL: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/215585859> (дата обращения 15.09.2024).
24. Костенко О.В., Оленин О.А. Жизненный цикл экономического кластера: критерии развития // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 4. – С. 92–97. EDN: UQCXUS.

Информация об авторе

Анна Сергеевна Лебедева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления бизнес-технологиями Инженерно-экономического факультета Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Лоцманская, 3; aslebedeva11@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5353-3885>

Поступила в редакцию: 12.11.2024

Поступила после рецензирования: 20.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Volynchuk A.B., Krylova I.A. Transport and logistics cluster as a tool for the development of peripheral territories. *Fundamental research*, 2018, no. 6, pp. 72–77. (In Russ.)
2. Nosov A.L. Cluster approach to logistics in an innovative economy. *Innovative economic development*, 2018, no. 2 (44), pp. 62–66. (In Russ.)
3. Nosov A.L. Logistics clusters in Russia. *Logistics today*, 2018, no. 2, pp. 106–112. (In Russ.)
4. Kirova A. Logistics clusters and their potential for economic development. *MEST Journal*, 2024, vol. 12 (1), pp. 26–33. DOI: 10.12709/mest.12.12.01.05 EDN: PPUYDA.
5. Budrina E.V., Lebedeva A.S., Rogavichene L.I., Kvitko K.B. Features of organisation of transport and logistics cluster prioritising intelligent transport technologies development. *World of Transport and Transportation*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 156–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2020-18-156-173>. EDN: DJKNLW.
6. Budrin A.G., Budrina E.V., Lebedeva A.S., Rogavichene L.I., Kvitko K.B. Intelligent transport systems as an integration platform for creating a network of regional transport and logistics complexes. *Proceedings of the 2019 IEEE International Conference Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies*. Sochi, Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2019. pp. 176–181. DOI: 10.1109/ITQMIS.2019.8928343. EDN: LTBSPX.
7. Baranowski S., Busko E., Shishlo S., Usevich W., Androsik Ju., Mistseiko M., Tanaś W., Szymanek M. Formation mechanism of logistics cluster in Belarus. *Agriculture and Agricultural Science Procedia*, 2015, vol. 7, pp. 12–20. Available at: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/22344/1/Baranowski_Formation.pdf (accessed 6 June 2024).
8. Liu S., Li G., Jin F. Quantitative measurement and development evaluation of logistics clusters in China. *Journal of Geographical Sciences*, 2018, no. 73, pp. 1540–1555. DOI: 10.11821/dlxb201808011. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329031935_Quantitative_measurement_and_development_evaluation_of_logistics_clusters_in_China (accessed 6 June 2024).
9. Bulatova N.N., Babkin A.V. Prospects of development of transport and technological logistics systems in the region (on example of republic of Buryatia). *Proceedings of the Southwestern State University. Series “Economics. Sociology. Management”*, 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 106–120. (In Russ.) EDN: MCTQWP.
10. Satybaldin A.A., Sadykov B.E., Moldabekova A., Akhmetova Z.B. Cluster analysis of the transport and logistics potential of the regions of Kazakhstan. *The economy strategy and practice*, 2022, no. 17 (4). DOI: 10.51176/1997-9967-2022-4-41-57. Available at: https://www.researchgate.net/publication/366864400_Cluster_Analysis_of_the_Transport_and_Logistics_Potential_of_the_Regions_of_Kazakhstan (accessed 8 June 2024).
11. Mukhamedova Z., Ibragimova G., Khudayberganov S., Bashirova A., Kayumov S. Creation of transport and logistics clusters on railway networks. *E3S Web of Conferences*, 2023, vol. 401 (S6). DOI: 10.1051/e3sconf/202340103042 EDN: AASOPT Available at: https://www.researchgate.net/publication/372283415_Creation_of_transport_and_logistics_clusters_on_railway_networks (accessed 10 June 2024).
12. Malysheva K.B. Integrated methodology for assessing the readiness of a territory for the creation of a transport cluster. *Vestnik Universiteta*, 2023, no. 12, pp. 76–86. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-76-86>. EDN: NHSERL.
13. Verduzco-Garza T. A logistics and transportation cluster initiative: a theoretical framework. *18th TCI Global Conference*. Daegu, South Korea, 2015. Vol. 18. Available at: https://www.researchgate.net/publication/290447748_A_logistics_and_transportation_Cluster_Initiative_A_Theoretical_framework (accessed 10 August 2024).
14. Lebedeva A.S., Rogavichene L.I. The Innovative development of the transport services market: a cluster approach. *Studies on Russian Economic Development*, 2018, vol. 29, no. 4, pp. 399–405. DOI: 10.1134/S1075700718040123. EDN: YCNPVB.
15. Saltykov M.A. Typology of spatial-economic forms of sea port agglomerations. *Vestnik of Astrakhan state technical university. Series “economics”*, 2019, no. 1, pp. 62–75. (In Russ.) DOI: 10.24143/2073-5537-2019-1-62-75. EDN: CAERPH.
16. Hui Han. A review and a model for logistics clusters. *International Journal of Logistics Systems and Management*, 2019, vol. 33, no. 1, pp. 73–96. DOI: <https://doi.org/10.1504/IJLSM.2019.099662>. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324153015_A_review_and_a_model_for_logistics_clusters (accessed 12 August 2024).
17. Makarova E.S., Lukashuk M.D. The approach of the transport & logistics cluster model development. *IOP Conference Series Materials Science and Engineering*, 2020. DOI: 10.1088/1757-899X/709/2/022045 EDN:

- BZVSSB Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92426/1/10.1088-1757-899X-709-2-022045.pdf> (accessed 12 August 2024).
18. International LPI, 2023. *The World Bank*. Available at: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (accessed 15 October 2024).
19. *Information portal of the Russian Cluster Observatory*. (In Russ.) Available at: <https://cluster.hse.ru/> (accessed 11 December 2024).
20. *European Cluster Collaboration Platform*. Available at: <https://www.clustercollaboration.eu/cluster-list> (accessed 20 October 2024).
21. *Area of the countries of the world*. (In Russ.) Available at: <https://infotables.ru/strany-i-goroda/19-tablitsa-ploshchad-territoriy-stran-mira> (accessed 15 October 2024).
22. *Logistics-Initiative Hamburg*. Available at: <https://www.hamburg-logistik.net/en/> (accessed 10 October 2024).
23. Menzel M.P., Fornahl D. Cluster life cycles – dimensions and rationales of cluster development. *Jena Economic Research Papers*, 2007, no. 076. Available at: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/215585859> (accessed 15 September 2024).
24. Kostenko O.V., Olenin O.A. Life cycle of economic cluster: criteria of development. *Fundamental research*, 2018, no. 4, pp. 92–97. (In Russ.) EDN: UQCXUS.

Information about the author

Anna S. Lebedeva, Cand. Sc., Associate Professor, Saint Petersburg State Marine Technical University, 3, Lotsman-skaya street, St. Petersburg, 190121, Russian Federation; aslebedeva11@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5353-3885>

Received: 12.11.2024

Revised: 20.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 316.346.32-053.9:331.363-044.332
DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1933
Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Профессиональная адаптация и образовательные стратегии для лиц предпенсионного возраста в условиях пенсионной реформы

Е.И. Нордлунд✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

✉icelink63@gmail.com

Аннотация. В условиях пенсионной реформы 2019 года, изменившей возрастные границы выхода на пенсию, необходимость профессиональной адаптации предпенсионеров стала одной из ключевых задач для российского общества. Увеличение пенсионного возраста требует создания условий для продления трудовой деятельности граждан старших возрастных групп и повышения их конкурентоспособности на рынке труда. В статье рассматриваются образовательные стратегии, которые включают краткосрочные курсы, программы наставничества, дистанционное обучение и меры государственной поддержки. Упомянутые подходы играют важную роль в повышении социальной компетентности, освоении новых профессиональных навыков и преодолении возрастных стереотипов, что способствует сохранению экономической активности лиц предпенсионного возраста. **Цель:** анализ профессиональной адаптации предпенсионеров через образовательные стратегии и программы, которые направлены на расширение их возможностей, повышение уровня социальной компетентности и развитие устойчивости к изменениям. **Методы:** анализ статистических данных, анализ нормативных документов и контент-анализ. **Выводы:** успешная адаптация предпенсионеров требует системного подхода, включающего не только профессиональное обучение, но и психологическую поддержку. Важным элементом является создание гибких образовательных программ, учитывающих потребности и ограничения данной возрастной группы. Таким образом, программы минимизируют временные и финансовые затраты, предоставляют доступ к современным образовательным платформам и содействуют успешной интеграции предпенсионеров в экономическую жизнь, а все принятые меры помогают им не только осваивать новые компетенции, но и сохранять уверенность в своей профессиональной значимости. Поддержание профессиональной активности данной группы способствует её социальной включенности и устойчивому развитию общества.

Ключевые слова: предпенсионеры, профессиональная адаптация, пенсионная реформа, образовательные стратегии, возрастная дискриминация, переквалификация, социальная компетентность

Для цитирования: Нордлунд Е.И. Профессиональная адаптация и образовательные стратегии для лиц предпенсионного возраста в условиях пенсионной реформы // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 22–32. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1933

UDC 316.346.32-053.9:331.363-044.332

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1933

Professional adaptation and educational strategies for pre-retirement age individuals in the context of pension reform

E.I. Nordlund✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉icelink63@gmail.com

Abstract. In the context of the 2019 pension reform, which altered the age thresholds for retirement, the need for professional adaptation of pre-retirees has become one of the key challenges for Russian society. The increase in the retirement age requires the creation of conditions to extend the working life of older adults and enhance their competitiveness in the labor market. This article examines educational strategies that include short-term courses, mentoring programs, distance learning, and government support measures. These approaches play a vital role in improving social competence, acquiring new professional skills, and overcoming age-related stereotypes, thus contributing to the preservation of their economic activity. **Aim.** To analyze the professional adaptation of pre-retirees through educational strategies and programs aimed at expanding their opportunities, enhancing their social competence, and developing resilience to change. **Methods.** Analysis of statistical data, regulatory documents, and content analysis. **Results.** Successful adaptation of pre-retirees requires a systematic approach that incorporates not only professional training but also psychological support. A crucial element is the creation of flexible educational programs that take into account the needs and limitations of this age group. Such programs minimize time and financial costs, provide access to modern educational platforms, and facilitate the successful integration of pre-retirees into economic life. All implemented measures help them not only acquire new competencies but also maintain confidence in their professional relevance. Maintaining the professional activity of this group contributes to their social inclusion and the sustainable development of society as a whole.

Keywords: pre-retirement individuals, professional adaptation, pension reform, educational strategies, age discrimination, retraining, social competence

For citation: Nordlund E.I. Professional adaptation and educational strategies for pre-retirement age individuals in the context of pension reform. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 22–32. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1933

Введение

В условиях пенсионной реформы 2019 г. в России предпенсионеры, попавшие под действие новых возрастных ограничений для выхода на пенсию, столкнулись с необходимостью дольше оставаться активными участниками рынка труда, что вызвало серьезные вызовы как для самих граждан, так и для государства, поскольку потребовало разработки новых подходов к обеспечению профессиональной адаптации этой возрастной группы. Увеличение пенсионного возраста означает, что предпенсионеры должны не только продлить свою трудовую деятельность, но и приспособиться к современным требованиям профессиональной среды, где особое значение приобретают компетенции, навыки и гибкость.

Лицам предпенсионного возраста в ряде случаев сложно соответствовать требованиям рынка труда из-за существующих стереотипов, быстрой смены технологий и ограниченных

возможностей для профессионального обучения. Упомянутые факторы создают необходимость для разработчиков социальных программ и профессиональных сообществ поддерживать предпенсионеров в процессе их адаптации через образовательные и профессиональные стратегии. Введение переквалификации и программ профессионального развития для данной возрастной группы становится важнейшим инструментом для успешной интеграции их на рынке труда и повышения их социальной компетентности.

Целью данной статьи является рассмотрение профессиональной адаптации лиц предпенсионного возраста через призму образовательных стратегий и программ, которые направлены на расширение их возможностей, повышение уровня социальной компетентности и развитие устойчивости к изменениям.

Профессиональная адаптация лиц предпенсионного возраста в России сталкивается с рядом значительных вызовов. Возрастная дискриминация является одним из основных препятствий при приеме на работу. Согласно исследованию, проведенному компанией «Контакт» (InterSearch Russia), 35,5 % работодателей не рассматривают кандидатов старше 50 лет на руководящие позиции [1], что свидетельствует о распространенности стереотипов, связанных с возрастом, и предвзятости в отношении профессиональных качеств старших работников.

Анализ данных обследований рабочей силы Росстата (2018–2023 гг.) показал рост численности рабочей силы на 3,4 % среди возрастных групп 50–64 лет, что связано с увеличением пенсионного возраста. Повышение уровня занятости особенно заметно у мужчин и женщин с высшим и средним образованием, однако для работников с низким уровнем образования существует больший риск безработицы [2].

Одна из значимых проблем, выявленных в ходе анализа последствий пенсионной реформы в Российской Федерации, – усиление возрастной сегрегации на рынке труда. Исследования показывают, что доля представителей старших возрастных групп возрастает в низкооплачиваемых и малопрестижных сегментах рынка труда, при одновременном сокращении их участия на высокооплачиваемых и статусных позициях. Упомянутые тенденции указывают на снижение конкурентоспособности данной возрастной группы и наличие возрастной дискриминации, что создает дополнительные барьеры для социальной и профессиональной адаптации лиц предпенсионного возраста в условиях современной социально-экономической трансформации [3].

Кроме того, предпенсионеры часто сталкиваются с ограниченными возможностями для карьерного роста. Работодатели нередко предпочитают инвестировать в развитие более молодых сотрудников, считая их более перспективными. Упомянутое положение приводит к тому, что работники старшего возраста остаются на одних и тех же должностях без перспективы продвижения.

Недостаток современных навыков, востребованных на рынке труда, является еще одной проблемой. С развитием технологий и цифровизации многие профессии требуют новых компетенций. Предпенсионеры при этом не всегда имеют возможность или мотивацию для прохождения дополнительного обучения. По данным исследования, проведенного АКРА и Strategy Partners, около 5 млн работников старше 55 лет составляют потенциальный резерв российского рынка труда [4], что подчеркивает необходимость создания условий для их профессионального развития и адаптации.

В опыте стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) меры по увеличению пенсионного возраста сопровождаются разработкой механизмов стимулирования трудовой активности пожилых работников, таких как гибкие графики и субсидии для работодателей. Это помогает продлить трудовую жизнь и снизить нагрузку на пенсионные системы [5].

Психологические барьеры также играют значительную роль. Страх потерять работу и финансовую независимость, ощущение невостребованности и опасения не соответствовать со-

временным требованиям могут снижать мотивацию к профессиональной активности. Исследования показывают, что возрастные стереотипы и предубеждения могут негативно влиять на самооценку и уверенность в своих силах у работников старшего возраста [6].

Необходимость переквалификации и профессионального развития лиц предпенсионного возраста становится всё более актуальной на фоне изменений на рынке труда и требований пенсионной реформы. В современных условиях способность адаптироваться к новым профессиональным требованиям, осваивать востребованные навыки и сохранять конкурентоспособность на рынке труда – необходимые элементы социальной компетентности, позволяющие предпенсионерам не только оставаться активными участниками рынка труда, но и поддерживать свое экономическое благополучие.

Возрастная дискриминация (эйджизм) продолжает оставаться значимой проблемой на рынке труда. Возрастные ограничения негативно влияют на трудоустройство и профессиональное развитие лиц старшего возраста, препятствуя их карьерному росту и сохранению занятости. Важным становится формирование позитивного отношения к людям предпенсионного и пенсионного возраста со стороны государства и общества. Создание условий для их профессиональной деятельности и самореализации может способствовать снижению уровня эйджизма и преодолению возрастных барьеров, существующих в экономической сфере [7].

Профессиональное обучение для предпенсионеров направлено на расширение их компетенций и развитие навыков, необходимых для выполнения современных трудовых задач. Образовательные программы помогают предпенсионерам осваивать новые профессии или обновлять уже имеющиеся знания и навыки, что значительно увеличивает их шансы на трудоустройство или продолжение трудовой деятельности в выбранной сфере. Программы переобучения и повышения квалификации также способствуют укреплению уверенности предпенсионеров в их профессиональной ценности и востребованности, помогая преодолеть возрастные стереотипы и барьеры на рынке труда.

Наиболее значимыми в этом контексте являются государственные образовательные инициативы, такие как программа «Старшее поколение» в рамках национального проекта «Демография». План мероприятий программы нацелен на профессиональное обучение и дополнительное образование предпенсионеров, предоставляя им возможность бесплатно пройти курсы по актуальным направлениям. Программы включают как базовые, так и углубленные курсы по специальностям, востребованным в разных секторах экономики, таких как ИТ, социальные услуги, здравоохранение и управление [8].

Участие в образовательных программах создаёт условия для предпенсионеров освоить новые профессии или повысить квалификацию, что значительно увеличивает их шансы на трудоустройство. Например, в 2024 г. более 100 тысяч граждан предпенсионного возраста прошли обучение по различным направлениям, что позволило им успешно интегрироваться в современные профессиональные сферы [9].

Образовательные стратегии и программы для лиц предпенсионного возраста играют ключевую роль в их профессиональной адаптации к современным требованиям рынка труда. В условиях стремительного развития технологий и повышенных требований к квалификации работников важно предоставлять предпенсионерам возможности для освоения новых компетенций и навыков.

Одним из эффективных подходов является дистанционное обучение, которое позволяет получать знания в удобное время и без привязки к месту. Электронные образовательные курсы предоставляют возможность изучать актуальные профессиональные дисциплины в комфортных условиях, что особенно важно для данной возрастной группы, где могут возникать сложности с регулярными поездками на учебные площадки. Онлайн-программы также позволяют предпенсионерам совмещать образовательный процесс с текущей трудовой деятельностью, что снижает финансовые и временные затраты на формирование компетенций [10].

Краткосрочные курсы по актуальным специальностям – ещё один важный элемент образовательных стратегий для предпенсионеров. Они ориентированы на быстрое освоение конкретных навыков, востребованных на рынке труда, таких как основы цифровых технологий, социальные услуги, управление и другие актуальные компетенции. Краткосрочные программы позволяют предпенсионерам за короткий срок повысить квалификацию, что особенно ценно для тех, кто планирует продолжать трудовую деятельность в новых или изменяющихся профессиональных сферах.

Центры опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), созданные по инициативе Минпросвещения России в рамках программы «Молодые профессионалы» национального проекта «Образование», предоставляют гражданам старше 50 лет возможность освоить востребованные профессии. По состоянию на 2022 г. центры функционировали в 44 регионах и обучение в них прошли более 4 тыс. чел. В сфере деятельности центров было разработано более 230 образовательных программ, ориентированных на людей старшего возраста. Среди наиболее популярных профессий можно выделить: младшая медицинская сестра, сварщик, экскурсовод, парикмахер, повар, дизайнер, бухгалтер, преподаватель младших классов, портной, закройщик, цифровой куратор и др. Данные программы адаптированы к современным требованиям рынка труда и помогают предпенсионерам успешно повышать квалификацию или осваивать новые профессиональные навыки [11].

Первый заместитель министра труда и социальной защиты Российской Федерации Алексей Вовченко поясняет, что образовательные программы для предпенсионеров имеют региональную специфику и разнообразие. Например, в Башкортостане обучают на операторов станков, слесарей-ремонтников, водителей погрузчика и поваров. В Красноярском крае популярностью пользуются профессии, связанные с работами в сфере зеленого хозяйства для ЖКХ. В Рязанской области востребованы программы по бухгалтерскому и налоговому учету, а также кадровому делопроизводству со знанием программных продуктов «1С». Кроме того, многие предпенсионеры стремятся повысить квалификацию в уже освоенной сфере. Таким образом, образовательные инициативы учитывают потребности конкретных регионов и интересы участников [12].

Следует уделить особое внимание программам наставничества, поскольку их включение в образовательные стратегии способствует ускоренной адаптации лиц предпенсионного возраста к новым профессиональным требованиям, предоставляя поддержку и практические рекомендации от опытных специалистов. Практика наставничества преимущественно ассоциируется с передачей знаний от пожилых работников к более молодым коллегам, что может способствовать стереотипному восприятию роли пожилых сотрудников, выступающих в качестве наставляемых и воспринимаемых как менее эффективные. Кроме того, возрастная дискриминация, распространенная в современных организациях, формирует скрытые барьеры и неравенства, с которыми сталкиваются предпенсионеры, нуждающиеся в наставнической поддержке [13]. Организация программ наставничества как на базе компаний, так и в образовательных учреждениях, создает дополнительные возможности для их профессиональной адаптации.

Сотрудничество с работодателями также играет важную роль в образовательных стратегиях для предпенсионеров. Компании могут активно участвовать в процессе обучения, поддерживая сотрудников предпенсионного возраста через корпоративные образовательные программы. Подобное сотрудничество важно, поскольку позволяет работодателям инвестировать в развитие кадровых ресурсов и одновременно повышает вероятность успешного трудоустройства предпенсионеров.

Необходимость актуализации навыков остается серьезным вызовом для лиц предпенсионного возраста. Постоянное освоение новых знаний и компетенций для соответствия изменениям в повседневной жизни и профессиональной деятельности представляет собой важней-

шую задачу. Современные исследования в области профессиональной подготовки демонстрируют, что пожилые работники способны успешно осваивать новые навыки при условии применения качественно спроектированных образовательных программ. Ключевыми элементами для оптимизации образовательных результатов являются дизайн программ, мотивационные механизмы и устойчивость к обучению. Важную роль в образовательной успешности играет инициатива самих сотрудников и наличие поддерживающей организационной среды, стимулирующей образовательную деятельность на протяжении всей профессиональной жизни [14].

В целом образовательные стратегии и программы, ориентированные на дистанционное обучение, краткосрочные курсы, наставничество и сотрудничество с работодателями, являются ключевыми факторами, обеспечивающими успешную профессиональную адаптацию предпенсионеров.

Роль государства и работодателей в профессиональной адаптации лиц предпенсионного возраста требует расширенного подхода, ориентированного на поддержку и развитие образовательных стратегий, доступных для данной возрастной группы. Одним из ключевых направлений государственной политики является создание благоприятных условий для профессиональной адаптации предпенсионеров через поддержку социальных служб и внедрение различных программ и льгот. Государство обеспечивает не только доступ к обучению, но и консультации, содействие в трудоустройстве, а также информирование граждан о доступных возможностях переквалификации [15]. Взаимодействие с социальными службами позволяет предпенсионерам чувствовать поддержку, уверенно ориентироваться в сложных вопросах и формировать более позитивное восприятие пенсионной реформы.

Государство заинтересовано в том, чтобы предпенсионеры оставались вовлеченными в профессиональную деятельность, поскольку они представляют собой ценный кадровый резерв, обладающий обширным опытом и знаниями. Предпенсионеры часто имеют уникальные навыки и глубокое понимание специфики своей профессиональной сферы, что делает их незаменимыми сотрудниками в различных отраслях. Активное участие в трудовой жизни предпенсионеров снижает нагрузку на социальные программы и повышает эффективность профессиональных коллективов за счет использования их опыта [16].

Анализ готовности общества и работодателей к обучению сотрудников предпенсионного возраста свидетельствует о взаимодействии организаций со службой занятости в вопросах подбора и найма персонала (из 97 % организаций, участвовавших в исследовании, 91 % сосредоточены именно на этих задачах). В то же время лишь 26 % работодателей обращаются за консультацией по вопросам высвобождения сотрудников и только 17 % – по вопросам обучения и развития персонала [17]. В то же время государство внедряет системы стимулирования, направленные на привлечение опытных специалистов предпенсионного возраста, способствуя их трудоустройству. Указанные меры позволяют компаниям эффективно использовать накопленный человеческий капитал, развивая культуру наставничества и преемственности в организациях. Привлечение предпенсионеров укрепляет кадровый состав, особенно в сферах, требующих значительных профессиональных знаний и навыков, накопленных с годами.

Таким образом, государственная поддержка, направленная на трудовую активность предпенсионеров, не только способствует стабильности на рынке труда, но и позволяет задействовать значительный потенциал данной возрастной группы для повышения качества и продуктивности в различных сферах экономики.

Психологические аспекты профессиональной адаптации лиц предпенсионного возраста играют важнейшую роль в их успешной интеграции на рынке труда. В условиях пенсионной реформы и увеличения пенсионного возраста предпенсионерам необходимо перестроить свое восприятие, осознать свою ценность как профессионалов и принять новые вызовы. Та-

кой процесс адаптации требует изменений в образе мышления и самовосприятии, что чаще всего сопровождается эмоциональными и психологическими трудностями. Вопросы психологической поддержки специалистов предпенсионного возраста становятся особенно актуальными в условиях изменений на рынке труда. Отмечается, что данная группа сталкивается с трудностями, связанными с переосмыслением профессиональной идентичности и необходимостью освоения новых компетенций. Эти аспекты требуют разработки специализированных программ, направленных на адаптацию и повышение устойчивости предпенсионеров к современным вызовам [18].

Одним из важнейших элементов повышения социальной компетентности лиц предпенсионного возраста является развитие уверенности в собственных силах. Чувство уверенности и самоуважения значительно влияет на способность предпенсионера адаптироваться к новым условиям работы, осваивать новые навыки и принимать активное участие в профессиональной жизни. Жизнестойкость выступает значимым предиктором, определяющим уровень психического и соматического здоровья, субъективного благополучия и эффективности профессиональной деятельности. Данный факт подчёркивает актуальность психологической поддержки как ключевого фактора в укреплении уверенности и адаптационных способностей лиц предпенсионного возраста [19].

Психологическая поддержка, включая индивидуальные консультации, играет ключевую роль. Консультации помогают предпенсионерам осознать, что они остаются значимыми сотрудниками и что их опыт имеет ценность для работодателей. Психологическая поддержка направлена на преодоление чувства неуверенности и возрастающих опасений по поводу потери конкурентоспособности на рынке труда.

Эффективная адаптация предполагает не только освоение профессиональных компетенций, но и развитие устойчивости к стрессу и позитивное восприятие себя как профессионала. Способность предпенсионеров видеть в себе ценного сотрудника, осознавать свою значимость и продолжать развиваться в профессиональном и личностном плане помогает им успешно адаптироваться и чувствовать себя уверенно в современных условиях [20].

Предпенсионерам сложно отказаться от прежних представлений о стабильности работы и «устойчивого» рабочего ритма, который больше не гарантирован в новых экономических условиях. Термин «текучесть», как описывает Бауман в своей работе «Текущая современность», предполагает, что привычные опоры теряют свою прочность и предпенсионерам приходится учиться находить смысл и ценность в новых профессиональных ролях, динамично изменяющихся задачах и в условиях постоянной необходимости осваивать новые навыки [21].

Многим предпенсионерам трудно принять, что уже накопленный опыт и квалификация могут оказаться недостаточными для продолжения карьеры и что критически важно постоянно адаптироваться. Описанная ситуация влечет за собой внутренний конфликт: с одной стороны, возникает чувство неуверенности и страх перед неопределенностью, а с другой – необходимость освоить принципы «текучей» реальности, где адаптация и готовность к изменениям становятся ключевыми качествами.

Важными элементами психологической поддержки предпенсионеров представляют собой программы, которые помогают осознать новую динамичную среду и принять ее как часть современного профессионального ландшафта.

Понимание новых реалий требует от предпенсионеров внутренней гибкости, которая позволяет не только принимать изменения, но и находить в них положительные стороны. Для многих предпенсионеров переход на «новые рельсы» сопровождается сильным эмоциональным напряжением и страхом перед утратой привычного порядка и контроля. Профессиональная идентичность, которую предпенсионеры выстраивали на протяжении всей своей карьеры, оказывается под угрозой, когда навыки и знания, считавшиеся ранее основой их ком-

петентности, могут утратить актуальность. В такой ситуации необходимо заново осознавать собственную значимость и переосмысливать свой профессиональный путь.

Одной из важнейших задач психологической адаптации становится развитие способности справляться с неопределенностью и воспринимать ее как часть новой реальности, а не как временное явление. Программы, направленные на развитие навыков эффективной эмоциональной регуляции в среднем возрасте, обладают значительным потенциалом для повышения адаптивных компетенций индивидов. Инициативы обеспечивают формирование ключевых ресурсов и стратегий, позволяющих людям успешно справляться с жизненными трудностями, укрепляя чувство уверенности в собственных возможностях и способствуя активному преодолению вызовов по мере их старения [22].

Программы психологической поддержки, направленные на повышение устойчивости и осознание ценности уже имеющихся навыков, помогают предпенсионерам лучше адаптироваться.

Важным компонентом профессиональной адаптации становится обучение «мягким навыкам» – коммуникативным, рефлексивным, а также навыкам решения конфликтов и адаптации к культурным изменениям в коллективе. Понимание того, что можно и нужно учиться даже на этом этапе жизни, помогает предпенсионерам воспринимать себя не только как ценных сотрудников, но и как людей, способных внести свежий взгляд и опыт в новые профессиональные условия. Чувство уверенности в сочетании с гибкостью мышления формирует положительный настрой на будущее и облегчает процесс интеграции в «текущую» реальность, где стабильность заменяется динамикой постоянного развития.

Заключение

В условиях пенсионной реформы, изменившей возрастные границы выхода на пенсию, профессиональная адаптация и развитие образовательных стратегий для лиц предпенсионного возраста становятся ключевыми элементами поддержания их конкурентоспособности и уверенности на рынке труда. Рассмотренные в статье аспекты подтверждают, что для успешной интеграции предпенсионеров в современные профессиональные условия необходимо комплексное участие как со стороны государства и работодателей, так и самой данной возрастной группы.

Профессиональная адаптация предпенсионеров требует системного подхода, охватывающего как практическое обучение, так и развитие гибкости мышления, а также способности справляться с изменениями. Особое внимание должно быть уделено созданию возможностей для переквалификации, чтобы предпенсионеры могли осваивать актуальные навыки, востребованные в современных условиях. Важно, чтобы образовательные программы были гибкими и адаптированными под потребности данной возрастной группы, а также обеспечивали доступ к знаниям и развитию без лишних временных и финансовых затрат.

Создание доступных образовательных платформ и дистанционных курсов позволяют данной возрастной группе получать знания в удобном для них формате, минимизируя нагрузку на личное время и финансы. Гибкость этих программ предоставляет каждому участнику выбирать оптимальный темп обучения, адаптируя его под свои потребности и возможности.

Таким образом, профессиональная адаптация предпенсионеров – это не только вопрос освоения новых навыков, но и процесс расширения их профессиональной роли и укрепления уверенности в своей значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Почему в России дискриминируют работников старшего возраста // Executive.ru. URL: <https://www.executive.ru/career/hr-indicators/1989512-pochemu-v-rossii-diskriminiruyut-rabotnikov-starshego-vozrasta> (дата обращения 25.11.2024).

2. Трудовое долголетие: как повышение пенсионного возраста сказалось на занятости населения // Портал «День за днем» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://daily.hse.ru/post/trudovoe-dolgoletie-kak-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-skazalos-na-zanyatosti-naseleniya> (дата обращения 25.11.2024).
3. Бедрина Е.Б. Пенсионная реформа в России: проблемы реализации и тенденции // Human Progress. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnaya-reforma-v-rossii-problemy-realizatsii-i-tendentsii> (дата обращения 25.11.2024).
4. 2/3 резерва рынка труда в России приходится на работников старше 55 лет // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/668d143a9a794722802f155c> (дата обращения 05.11.2024).
5. Шестакова Е.Е. Продление трудовой жизни: новые подходы и механизмы стимулирования (из опыта стран ОЭСР) // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – №. 1. – С. 144–158. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10008. EDN: HJPQKZ.
6. Колосова В.В. Исследования стереотипов возраста в новой социально психологической реальности (взгляды отечественных учёных) // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 5. – С. 1–13. EDN: VASBWL.
7. Киселева Е.В. Эйджизм лиц старшего возраста в трудовых отношениях: причины и пути решения проблемы // Закон и право. – 2024. – № 9. – С. 161–164. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-9-161-164>. EDN: UERVML.
8. Программа обучения граждан предпенсионного возраста. URL: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/reforma/predpensionnyj-vozrast/obuchenie-predpensionerov/> (дата обращения 25.11.2024).
9. Программу бесплатного профессионального переобучения россиян расширят // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/news/1685473/> (дата обращения 05.11.2024).
10. Романовских П. Как организовать дистанционное обучение // Контур. URL: https://kontur.ru/talk/spravka/51728-organizovat_distancionnoe_obuchenie (дата обращения 25.11.2024).
11. Более 230 программ по профпереподготовке для людей старше 50 лет разработаны в рамках нацпроекта «Образование» // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/press/4735/bolee-230-programm-po-profperepodgotovke-dlya-lyudey-starshe-50-let-razrabotany-v-ramkah-nacproekta-obrazovanie> (дата обращения 25.11.2024).
12. Информация о занятости населения // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/34> (дата обращения 25.11.2024).
13. Nyanjom J. Mentoring and the older worker in contemporary organisations: the Australian case // Inequality and Organizational Practice. Palgrave Explorations in Workplace Stigma / Eds. S. Nachmias, V. Caven. – Cham: Palgrave Macmillan, 2019. – P. 65–88. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11644-6_4.
14. Sterns H.L., Spokus D.M. Training the older workers: pathways and pitfalls // Current and emerging trends in aging and work / Eds. S. Czaja, J. Sharit, J. James. – Cham: Springer, 2020. – С. 259–278. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-24135-3_13.
15. Мероприятия для граждан в возрасте 50 лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста // Правительство Санкт-Петербурга. Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга. URL: <https://ktzn.gov.spb.ru/sodejstvie-zanyatosti-naseleniya/meropriyatiya-dlya-grazhdan-pensionnogo-vozrasta/> (дата обращения 25.11.2024).
16. Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на российском рынке труда: тенденции в реаллокации занятости // Вопросы экономики. – 2019. – № 11. – С. 5–34. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-5-34>. EDN: CCYAPX.
17. Черных Е.А., Тонких Н.В., Клейменов М.В. Готовность общества и работодателей к обучению сотрудников предпенсионного возраста // Вопросы управления. – 2022. – № 4. – С. 61–73. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-4-61-73. EDN: SIHYPD.
18. Гнездилов Г.В., Рожкин А.В., Левитан Н.Е. Психологическая помощь в трудоустройстве в предпенсионном возрасте в условиях цифровизации и экономических санкций // Человеческий капитал. – 2022. – № 12-2 (168). – С. 180–190. EDN: PSGGVV.
19. Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Проактивный коупинг и толерантность к неопределенности у предпенсионеров с разным уровнем жизнестойкости // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2023. – № 1. – С. 12–29. DOI: 10.28995/2073-6398-2023-1-12-29. EDN: YBIXXH.
20. Шакурова Л.В., Халфина Р.Р., Нухова М.В. Проблема психологической адаптации личности в период выхода на пенсию // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-4. – С. 325–327. EDN: YUKNYL.
21. Бауман З. Текучая современность. – М.: Питер, 2008. – 238 с.
22. Taylor M.G., Carr D. Psychological resilience and health among older adults: a comparison of personal resources // The Journals of Gerontology: Series B. – 2021. – Vol. 76. – Iss. 6. – P. 1241–1250. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa116>. EDN: HNIROX.

Информация об авторе

Евгений Игоревич Нордлунд, аспирант кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; icelink63@gmail.com

Поступила в редакцию: 30.11.2024

Поступила после рецензирования: 22.02.2025

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. Why are older workers discriminated against in Russia? *Executive.ru*. (In Russ.) Available at: <https://www.executive.ru/career/hr-indicators/1989512-pochemu-v-rossii-diskriminiruyut-rabotnikov-starshego-vozrasta> (accessed 25 November 2024).
2. Labor longevity: how the pension age increase has affected employment. *Portal "Day by Day" of the National Research University "Higher School of Economics"*. (In Russ.) Available at: <https://daily.hse.ru/post/trudovoe-dolgoletie-kak-povyshenie-pensionnogo-vozrasta-skazalos-na-zanyatosti-naseleniya> (accessed 25 November 2024).
3. Bedrina E.B. Pension reform in Russia: implementation problems and trends. *Human Progress*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pensionnaya-reforma-v-rossii-problemy-realizatsii-i-tendentsii> (accessed 25 November 2024).
4. 2/3 of the labor market reserve in Russia consists of workers over 55 years old. *RBC*. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/668d143a9a794722802f155c> (accessed 25 November 2024).
5. Shestakova E.E. Extension of working life: new approaches and incentive mechanisms (from the experience of OECD countries) *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 1, pp. 144–158. (In Russ.) DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10008. EDN: HJPQKZ.
6. Kolosova V.V. Research of age stereotypes in the new socio-psychological reality (views of domestic scientists). *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 1–13. (In Russ.) EDN: VASBWL.
7. Kiseleva E.V. Ageism of older people in labor relations: reasons and solutions to the problem. *Law and legislation*, 2024, no. 9, pp. 161–164. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-9-161-164>. EDN: UERVML.
8. *Training program for citizens of pre-retirement age*. (In Russ.) Available at: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/reforma/predpensionnyj-vozrast/obuchenie-predpensionerov/> (accessed 25 November 2024).
9. The program of free professional retraining for Russians will be expanded. *GARANT.RU*. (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/news/1685473/> (accessed 25 November 2024).
10. Romanovskikh P. How to organize distance learning. *Kontur*. (In Russ.) Available at: https://kontur.ru/talk/spravka/51728-organizovat_distancionnoe_obuchenie (accessed 25 November 2024).
11. More than 230 professional retraining programs for people over 50 have been developed as part of the national project "Education". *Official website of the Ministry of Education of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://edu.gov.ru/press/4735/bole-230-programm-po-properepodgotovke-dlya-lyudey-starshe-50-let-razrabotany-v-ramkah-nacproekta-obrazovanie> (accessed 25 November 2024).
12. Information on Employment. *Official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://mintrud.gov.ru/employment/34> (accessed 25 November 2024).
13. Nyanjom J. Mentoring and the older worker in contemporary organisations: the Australian case. *Inequality and Organizational Practice. Palgrave Explorations in Workplace Stigma*. Eds. S. Nachmias, V. Caven. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. pp. 65–88. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11644-6_4.
14. Sterns H.L., Spokus D.M. Training the older workers: pathways and pitfalls. *Current and emerging trends in aging and work*. Eds. S. Czaja, J. Sharit, J. James. Cham, Springer, 2020. pp. 259–278. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-24135-3_13.
15. Activities for citizens aged 50 and older, as well as pre-retirement age individuals. *Website of the Government of St. Petersburg. Committee for Labor and Employment of the Population of St. Petersburg*. (In Russ.) Available at: <https://ktzn.gov.spb.ru/sodejstvie-zanyatosti-naseleniya/meropriyatiya-dlya-grazhdan-pensionnogo-vozrasta/> (accessed 25 November 2024).
16. Lukyanova A.L., Kapeliushnikov R.I. Older workers in the Russian labor market: trends in employment reallocation. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 11, pp. 5–34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-5-34>. EDN: CCYAPX.
17. Chernykh E.A., Tonkikh N.V., Kleymenov M.V. Willingness of society and employers to train employees of pre-retirement age. *Management Issues*, 2022, no. 4, pp. 61–73. (In Russ.) DOI: 10.22394/2304-3369-2022-4-61-73. EDN: SIHYPD.

18. Gnezdilov G.V., Rozhkin A.V., Levitan N.E. Psychological assistance in employment in the pre-retirement age in the conditions of digitalization and economic sanctions. *Human Capital*, 2022, vol. 2, no. 12-2 (168), pp. 180–190. (In Russ.) EDN: PSGGVB.
19. Emelyanova T.P., Vikentieva E.N. Proactive coping and uncertainty tolerance in pre-retirees with different levels of hardiness. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2023, no. 1, pp. 12–29. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6398-2023-1-12-29. EDN: YBIXXH.
20. Shakurova L.V., Khalfina R.R., Nukhova M.V. The problem of psychological adaptation of personality in the period of retirement. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 61-4, pp. 325–327. (In Russ.) EDN: YUKNYL.
21. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Moscow, Piter Publ., 2008. 238 p. (In Russ.)
22. Taylor M.G., Carr D. Psychological resilience and health among older adults: A comparison of personal resources. *The Journals of Gerontology: Series B*, 2021, vol. 76, Iss. 6, pp. 1241–1250. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa116>. EDN: HNIROX.

Information about the author

Evgeniy I. Nordlund, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya embankment, St Petersburg, 199034, Russian Federation; icelink63@gmail.com

Received: 30.11.2024

Revised: 22.02.2025

Accepted: 29.03.2025

УДК 005.32:331.101.3

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1935

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Реальные потребности сотрудников организации

Е.М. Рождественская^{1,2✉}, П.Э. Хамидов², Д.П. Непомнящих¹

¹ Томский государственный университет,
Россия, г. Томск

² Томский политехнический университет,
Россия, г. Томск

✉ elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Аннотация. Актуальность. Реальные потребности сотрудников на рабочем месте связаны с ожиданием стабильности заработка, возможностью обучения и развития, социализации, причастности к общему делу и пр. Как ответ на удовлетворение возникающих новых потребностей организации предлагаются комплексные программы, которые позволят поддерживать различные аспекты жизни: физическое и эмоциональное здоровье, духовное развитие и управление финансами. Почти все сферы благополучия сотрудников находятся в центре внимания компаний. **Цель:** исследование возможностей программ благополучия сотрудников отвечать реальным потребностям на рабочем месте. **Методы:** методология Gallup, где концепция благополучия представлена в разрезе пяти сфер деятельности – карьерное благополучие, социальное, финансовое, физическое и психологическое; метод социологического опроса (анкета Q12) с незначительной адаптацией и корректировкой. **Результаты:** полученные данные позволили оценить благополучие сотрудников организации и разработать рекомендации по достижению благополучия по отдельным сферам. Проведенный опрос показал, что в каждой из пяти сфер благополучия наблюдаются некоторые неудовлетворенные потребности, которые можно удовлетворить. **Выводы:** продуктивность сотрудников на рабочем месте зависит от удовлетворенности их реальных потребностей и благополучия, то есть не только от трудовых прав и обязанностей, своевременной заработной платы, но и от общего состояния здоровья, социальной среды и психоэмоционального состояния. Средовые факторы влияют на рабочий процесс, что необходимо учитывать в программах развития сотрудников современных организаций.

Ключевые слова: потребности сотрудников, трудовой потенциал, ресурсы сотрудников, благополучие сотрудников, well-being-программы, потенциал сотрудников

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10065, <https://rscf.ru/project/24-78-10065/>

Для цитирования: Рождественская Е.М., Хамидов П.Э., Непомнящих Д.П. Реальные потребности сотрудников организации // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 33–42. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1935

Конфликт интересов: отсутствует.

UDC 005.32:331.101.3

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1935

Real capabilities of an organization employees

E.M. Rozhdestvenskaya^{1,2✉}, P.E. Khamidov², D.P. Nepomnyashchikh¹

¹ Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

✉ elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Abstract. Relevance. The real capabilities of employees in the workplace include expectations for stable earnings, opportunities for training and development, social interaction, and involvement in a shared goal. In response to these emerging needs, organizations are offering comprehensive programs to support various aspects of employee well-being – physical and emotional health, spiritual growth, and financial management. All areas of employee well-being are at the forefront of companies concerns. **Aim.** To explore how employee well-being programs can meet real workplace needs. **Methods.** This research is based on Gallup's methodology, which defines well-being in terms of five areas of functioning – career, social, financial, physical, and psychological. We employed a sociological survey using the Q12 questionnaire, with minor adaptations and adjustments. **Result.** The data collected allowed us to assess the well-being of organization employees and develop strategies to improve well-being in particular areas. The survey revealed that in each of the five areas of well-being, there were some unmet needs that could be addressed. **Conclusion.** Our findings indicate that the productivity of employees is dependent on their satisfaction of real capabilities and overall well-being. This means that it is not just about their labor rights, timely wages, or even their physical health. It also includes their mental and emotional state, as well as their social environment. Environmental factors, such as the work environment, can have a significant impact on employee performance. Therefore, organizations need to take these factors into account when developing programs to support their employees.

Keywords: employee needs, labor potential, employee resources, employee well-being, well-being programs, capability approach

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-78-10065, <https://rscf.ru/project/24-78-10065/>

For citation: Rozhdestvenskaya E.M., Khamidov P.E., Nepomnyashchikh D.P. Real capabilities of an organization employees. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 33–42. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1935

Conflict of interest: There is no conflict of interest.

Введение

В организациях и на предприятиях в текущих условиях наблюдаются трансформации социально-трудовых отношений, происходят качественные изменения, создаются новые организационные структуры и устанавливаются правила делового общения. В настоящее время все более настойчиво ставится вопрос о благополучии сотрудников организации, об устойчивом развитии с опорой на персонал как важнейший ресурс в долгосрочной перспективе [1]. Понимание важности и необходимости использования организациями в повседневной деятельности элементов концепции *well-being* выдвигает на передний план механизмы устойчивого управления благополучием сотрудников [2]. Однако в современной российской литературе вопросы управления благополучием сотрудников начали активно обсуждаться в последние годы [3–5]. По-прежнему не хватает действенных способов и механизмов управления благополучием сотрудников организаций в соответствии с особенностями российского менталитета [6]. Часто происходит копирование иностранных моделей управления в услови-

ях российской практики, что неэффективно [7]. Вопрос о реальных потребностях сотрудников в организациях звучит нечетко и неконкретно.

Актуальность выбранной темы определяется формированием тренда на well-being-программы среди современных организаций без учета реальных потребностей сотрудников и прогноза эффективности внедрения новых практик [8].

С одной стороны, внедрение программ well-being становится для компании ощутимым конкурентным преимуществом, помогает привлекать новых ценных сотрудников и сохранять собственных талантливых работников [9]. С другой стороны, требуются существенные вложения на разработку новых инструментов управления и адаптацию сотрудников к «новым правилам» [10].

Цель работы заключается в исследовании возможностей программ благополучия сотрудников удовлетворять реальные потребности на рабочем месте.

Материалы и методы

Методологической базой послужили исследования Gallup¹ (международная организация социологических опросов), в которых концепция благополучия сотрудников представлена пятью основными сферами, характеризующими разные аспекты жизни и деятельности человека в трудовом процессе: карьерное благополучие, социальное благополучие, финансовое благополучие, физическое и психологическое благополучие. Компания Gallup разработала опросник Q12, который заполнили 21 % (2021) сотрудников по всему миру [11–14]. Данный опросник стал методической основой разработки собственной процедуры исследования реальных потребностей сотрудников и оценки их благополучия на рабочем месте с учетом особенностей томского предприятия.

Эмпирической базой исследования стал проведенный социологический опрос сотрудников томской организации (наименование скрыто, так как подписан договор о неразглашении), разработанный по методике оценки благополучия сотрудников Gallup [13]. Целью опроса является определение уровня удовлетворенности потребностей персонала томской организации, что несколько отличает выбранную методику от предлагаемой Gallup, где оценивается показатель более высокого уровня потребностей – вовлеченность сотрудников в трудовой процесс. Выбор показателя обусловлен качественным анализом системы управления благополучием сотрудников на предприятии с выявлением элементов стратегии well-being, но комплексный подход к управлению благополучием отсутствует. Следовательно, возникла необходимость адаптации инструмента оценки путем сокращения показателей. Метод социологического опроса – анкетирование посредством рассылки Word-документа. Выборка – 81 чел. в подразделении «Управление». Поскольку рекомендации формировались по категориям сотрудников, руководством было поручено начать с административно-управленческого персонала.

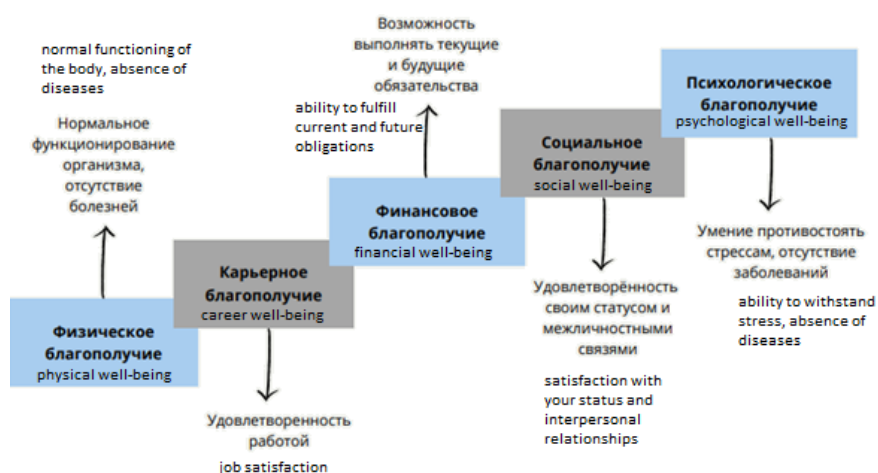
В социологическом исследовании приняли участие 57 % женщин и 43 % мужчин в возрасте от 26 до 60 лет, среди которых 66 % специалистов и 34 % руководителей. Возрастные диапазоны выборки: 51–60 лет – 19 % (предпенсионный возраст); 41–50 лет – 24 %; 31–40 лет – 27 %; 26–30 лет – 27 %. Пятая часть выборки относится к предпенсионной возрастной группе. Доход 80 % респондентов равен 50 000 руб. и более. У 86 % опрошенных респондентов имеется высшее образование, у 14 % – несколько высших образований и/или ученая степень. Выборка соответствует высшей категории профессиональных сотрудников с преобладанием высшего образования. Семейное положение: 50 % респондентов ответили, что женаты или замужем, 30 % – холосты/не замужем, 10 % – разведены.

¹ Gallup. URL: <https://www.gallup-international.com/home?p=500&cHash=21f5261584645a753914feb431d3fe75> (дата обращения 12.10.2024).

Концепция благополучия как инструмент удовлетворения реальных потребностей сотрудников

Существует множество подходов к определению благополучия сотрудников и его составляющих элементов, однако самым известным является подход Gallup.

Благополучие, по мнению Gallup, – это ощущение человека, его внутренняя оценка своего физического состояния, профессиональной самореализации, устойчивости материального положения, отношений с окружающими, комфортности места проживания и рабочего пространства, понимание своего вклада в жизнь общества, а также взаимосвязь этих элементов (рис 1).

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 1. Подход Gallup к определению благополучия сотрудников и его компонентов

Fig. 1. Gallup's approach to determining employee well-being and its components

В России концепция well-being заинтересовала работодателей значительно позже [15], чем в других развитых странах.

К мировым факторам развития концепции относят:

- синдром выгорания на рабочем месте;
- дисбаланс между работой и личной жизнью, а также такие явления, как абсентеизм и презентеизм.

Активное распространение в России концепция получила с началом пандемии COVID-19 [6], которая привнесла свои изменения в повседневную жизнь людей, сместив потребности в сторону экологичности предпочтений, что стало движущим фактором развития концепции благополучия [16].

Анализ реальных потребностей и оценка благополучия сотрудников организации

Уровень благополучия и уровень вовлеченности влияют на трудовой процесс. Так, если сотрудник благополучен и вовлечен, он работает наиболее эффективно, а в случае, если сотрудник не вовлечен и не благополучен – он приносит мало пользы для компании [17].

Одной из популярных методик измерения уровня вовлеченности сотрудников является опросник Gallup Q12. Структура опросника представлена на рис. 2. Каждый из 12 вопросов соответствует одному из четырех уровней в этой иерархии. На основе подхода Gallup, включающего пять факторов благополучия, и опросника Q12 была разработана анкета для определения уровня вовлеченности сотрудников на примере томской организации.

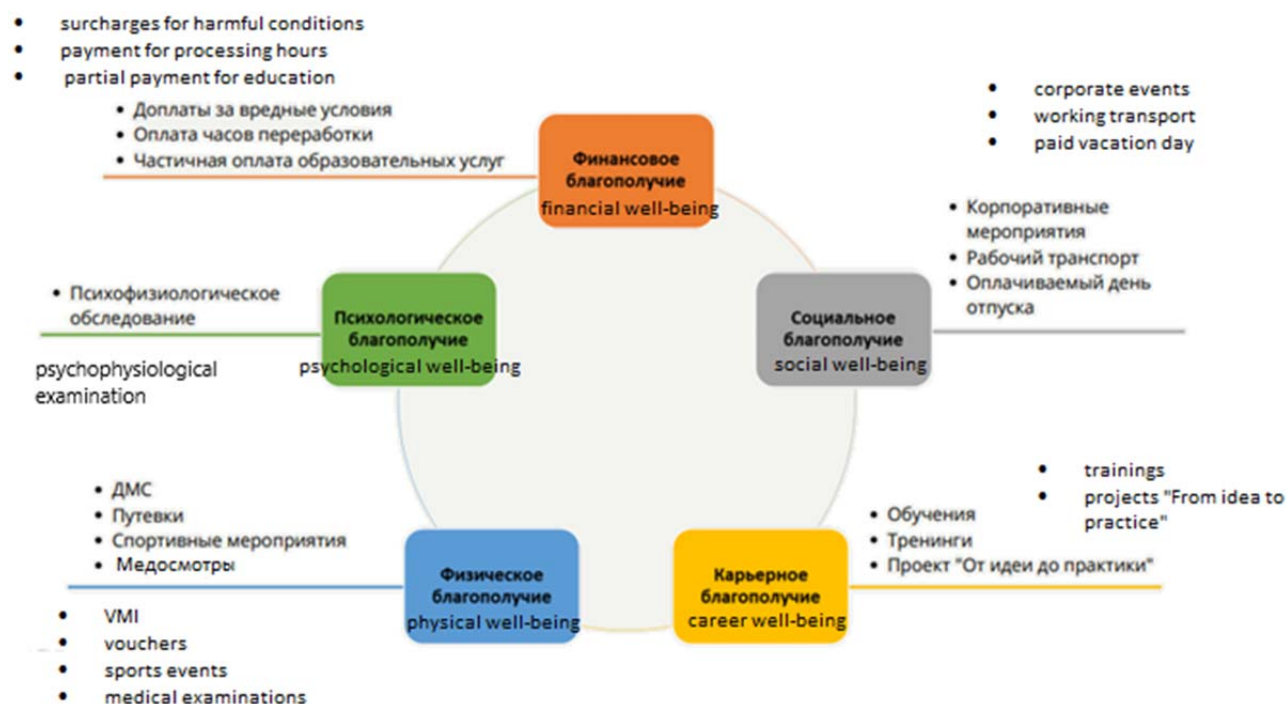
Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Оценка вовлеченности сотрудников на основе методик Gallup (сопоставление опросников)

Fig. 2. Employee engagement assessment based on Gallup methodology (comparison of questionnaires)

Анализ элементов системы управления благополучием сотрудников в томской компании показал, что в компании развиты все пять сфер благополучия, согласно подходу Gallup (рис. 3), но системно мониторинг благополучия сотрудников в организации не проводится [18].

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 3. Анализ элементов системы управления благополучием сотрудников в томской организации

Fig. 3. Analysis of the elements of the employee well-being management system in the Tomsk organization

Реализовано пилотное социологическое исследование благополучия сотрудников в томской организации. В результате при ответе на самый простой вопрос «Вы довольны своей работой?» 76 % опрошенных отметили, что довольны, а 24 % сотрудников сомневаются, довольны они или нет.

Блок «Физическое благополучие». Более 50 % сотрудников на постоянной основе или иногда страдают нарушениями сна. Более 60 % респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы качеством медицинского обслуживания на работе или предоставленной медицинской страховкой от компании?» ответили утвердительно. 70 % респондентов не совсем удовлетворены качеством предоставляемого питания. Выявлена реальная потребность изменить подход к организации питания на рабочем месте.

Блок «Финансовое благополучие». Более 50 % опрошенных сомневаются в том, что они получают адекватную заработную плату. Также 57 % сотрудников испытывают серьезные или временные финансовые трудности. На вопрос «Насколько в Вашей компании понятна и прозрачна система премирования и других вознаграждений?» 42 % респондентов считают, что система премирования недостаточно прозрачна. Выявлена потребность в повышении прозрачности премиальных начислений.

Блок «Карьерное благополучие». У 20 % опрошенных недостаточно инструментов и материалов для выполнения своей работы. 30 % сотрудников считают, что возможности для получения новых знаний и навыков скорее не было, чем была. Также 24 % респондентов считают, что у них есть возможность предлагать и реализовывать свои идеи в компании, однако это может происходить не часто. Выявлена потребность в развитии новых навыков и предоставлении обратной связи о результатах своей работы.

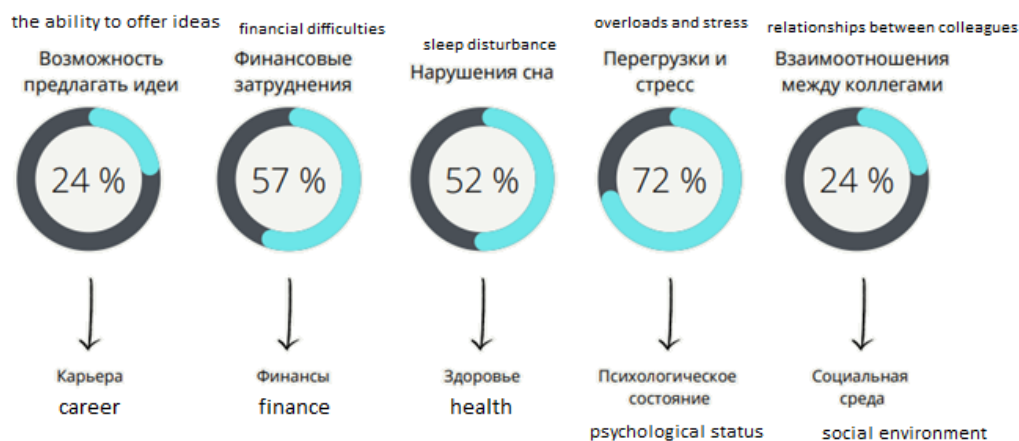
Блок «Психологическое благополучие». Более 70 % опрошенных могут совмещать работу и личную жизнь, а 5 % сотрудникам дается это с трудом. На вопрос «Как часто в течение типичной недели Вы чувствуете перегрузку или стресс?» 60 % опрошенных отметили, что время от времени испытывают стресс на работе, а 15 % респондентов испытывают стресс на постоянной основе. При этом больше половины сотрудников практически не остаются работать сверхурочно.

Блок «Социальное благополучие». Более 80 % опрошенных в целом довольны предоставляемыми льготами, однако лишь 9,5 % сотрудников ответили, что довольны системой льгот на все 100 %. Рабочая атмосфера в целом оценивается высоко. 15 % респондентов ответили, что обстановка «почти приятная». Взаимоотношениями в коллективе довольны более 76 % опрошенных, однако 24 % сотрудников не совсем удовлетворены взаимоотношениями в коллективе.

Проведенный опрос показал (рис. 4), что в каждой из пяти сфер благополучия наблюдаются некоторые неудовлетворенные потребности, которые можно удовлетворить путем несложных организационных изменений. Существенные неудовлетворенные потребности наблюдаются в части физического благополучия (нарушение сна у более половины опрошенных) и финансового благополучия (имеются временные или постоянные финансовые затруднения у 57 % сотрудников). Более 70 % респондентов время от времени или на постоянной основе испытывают перегрузку и стресс.

Рекомендации по достижению финансового благополучия следующие: организация или проведение семинаров по финансовой грамотности, так как больше половины опрошенных имеют финансовые затруднения. Игры, бизнес-симуляторы помогут не только овладеть основами личных финансов, но и в неформальной обстановке наладить отношения в коллективе. Это отвечает реальным потребностям сотрудников организации. Также нужно сформировать полезные финансовые привычки: это можно сделать с помощью плаката или листовок-памяток. Для достижения социального благополучия необходимо проводить корпоративные нетворкинги и организовывать совместный отдых. Предложенные рекомендации помогут

нормализовать атмосферу в компании и наладить коммуникацию между коллегами и руководителями. Сотрудникам можно предложить гибкий график работы, а также организовать обучающие мероприятия по work-life balance. Данные рекомендации помогут снизить уровень стресса и перегрузок на рабочем месте.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 4. Оценка благополучия сотрудников томской организации по разработанной методике

Fig. 4. Assessment of the well-being of employees of the Tomsk organization according to the developed methodology

Рекомендациями для достижения карьерного благополучия являются организация собраний, на которых сотрудники смогут предлагать свои идеи непосредственно руководителю, предоставление услуг well-коучей – экспертов, которые помогают компаниям в создании культуры well-being и реализации корпоративных программ благополучия.

Для поддержания здоровья сотрудников необходимо организовать комнату отдыха, провести анкетирование с целью выявления недостатков в медицинском обслуживании и вкусовых предпочтений для последующей корректировки меню, так как сотрудники не в полной мере удовлетворены организацией питания на работе.

Культурный капитал здоровья сотрудников должен стать приоритетной задачей по управлению их благополучием [1]. В результате всех руководителей и партнеров необходимо мотивировать на совместное обязательство превентивного воздействия на процессы профилактики несчастных случаев на производстве и распространения профессиональных заболеваний: здоровье компании, это здоровье в бизнесе. Отныне управление капиталом в области охраны труда и благополучия любой компании – один из приоритетов ее деятельности. Это является частью стратегических целей компании и должно приниматься во внимание в ее повседневной деятельности.

Заключение

Таким образом, результативность сотрудников напрямую зависит не только от их профессиональных навыков и способностей, но и от общего состояния здоровья, социальной среды, психологического состояния [19]. Наличие корпоративной культуры, фундаментом которой является благополучие сотрудников, позволяет компаниям получать конкурентное преимущество на рынке труда. Внедрение well-being-программ способствует повышению вовлеченности персонала, оптимизирует финансовые издержки от нерационального использования

сотрудниками рабочего времени, создает конкурентное преимущество на рынке труда за счет удержания кадров.

Благополучие сотрудников является частью целой организационной культуры предприятий. Именно такая интерпретация термина «благополучие работника» кажется авторам статьи подходящей: благополучие работника – это состояние, в котором работник успешно реализует свой собственный потенциал, продуктивно работает и вносит вклад в развитие общества в целом. Основными компонентами благополучия сотрудников являются физическое благополучие (физическое и психическое здоровье), психологическое благополучие, социальное благополучие (участие в общественной жизни), финансовое благополучие.

Неудовлетворенность одним из компонентов может повлиять на снижение удовлетворенности другими компонентами, что негативно скажется на общем благополучии сотрудников и бизнеса.

Человек, вовлеченный в производство не только в силу материальной необходимости, но и с учетом различных мотивов и интересов, приносит большую отдачу на вложенные в него средства организации. Без мотивированных и квалифицированных сотрудников ни одна организация не способна создать эффективный маркетинг, продажи, финансы, системный учет. Навыки персонала становятся главным источником процветания для всех организаций. В этих условиях поиск новых, более совершенных моделей управления персоналом в организациях включает в себя достижение высокой эффективности результатов организации управления персоналом, создание возможностей для раскрытия творческих способностей и профессионального роста каждого сотрудника с учетом его реальных потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Well-being at work: a lever for sustainable performance in workplace / M. Amrani, C. Rachid, B. Azzedine, I. Verzea // *Mining Science*. – 2020. – № 27. – P. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.37190/msc202707>. EDN: GXKVYC.
2. Guest D.E. Human resource management and employee well-being: towards a new analytic framework // *Human Resource Management Journal*. – 2017. – Vol. 27. – № 1. – P. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12139>.
3. Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике / А.Ю. Лисовская, С.В. Кошелева, Д.Н. Соколов, А.Ф. Денисов // *Организационная психология*. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 93–112. EDN: ECDENH.
4. Назайкинский С.В. Управление благополучием сотрудников: отечественный опыт // *Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета*. – 2020. – № 1/2. – С. 22–31. EDN: JRQSOP.
5. Рыбаков И.А. Программы поддержки работников: эффективное внедрение в рамках well-being стратегии // *Мотивация и оплата труда*. – 2020. – № 4. – С. 264–273. DOI: 10.36627/2618-8864-2020-4-4-264-273. EDN: HCQANT.
6. Попазова О.Я., Горнак Я.А. Тенденции развития программ корпоративного благополучия в Российских и зарубежных корпорациях в период пандемии Covid-19 // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. – 2021. – № 3. – С. 65–69. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_3_65. EDN: VCZFZM.
7. Щукина Д.В., Черникова В.Е. Well-being программа как современное направление в области удержания персонала в компании // *Деловой вестник предпринимателя*. – 2021. – № 4. – С. 87–90. DOI: 10.24412/2687-0991-2021-11202. EDN: FQVBJO.
8. Workplace resources to improve both employee well-being and performance: A systematic review and meta-analysis / K. Nielsen, M.B. Nielsen, C. Ogbonnaya, M. Käsälä, E. Saari, K. Isaksson // *Work & Stress*. – 2017. – Vol. 31. – Iss. 2. – P. 101–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/02678373.2017.1304463>.
9. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. – 2000. – № 55 (1). – P. 68–78. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>. EDN: GSHHWJ.
10. Van Wingerden J., Bakker A.B., Derks D. Fostering employee well-being via a job crafting intervention // *Journal of Vocational Behavior*. – 2017. – Vol. 100. – P. 164–174. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2017.03.008>.

11. Employee wellbeing is key for workplace productivity // Отчет Gallup. URL: <https://www.gallup.com/workplace/215924/well-being.aspx> (дата обращения 03.09.2024).
12. Gallup's perspective on employee burnout: causes and cures // Отчет Gallup. 2020. URL: <https://www.vanede.nl/media/2669/gallup-iii-employee-burnout.pdf> (дата обращения 02.03.2024)
13. Gallup's Employee Engagement Survey: ask the right questions with the Q 12 survey // Отчет Gallup. 2016. URL: <https://www.gallup.com/workplace/356063/gallup-q12-employee-engagement-survey.aspx> (дата обращения 28.03.2024).
14. The relationship between engagement at work and organizational outcomes 2016 Q12, meta-analysis: ninth edition // Отчет Gallup. URL: <https://www.gallup.com/workplace/356063/gallup-q12-employee-engagementsurvey.aspx> (дата обращения 01.04.2024).
15. Соломанидина Т.О., Максименко А.М. Влияние психоэмоционального состояния сотрудников на их здоровье и эффективность труда // Управление развитием персонала. – 2018. – № 1. – С. 26–37. EDN: YUDHUK.
16. A qualitative study of factors that managers in small companies consider important for their wellbeing / E. Ahmadi, D. Lundqvist, G. Bergström, G. Macassa // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. – 2023. – Vol. 18. – Iss. 1. – Article: 2286669. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2023.2286669>. EDN: XPZJWR.
17. The longitudinal development of employee well-being: a systematic review / A. Mäkikangas, U. Kinnunen, T. Feldt, W. Schaufeli // Work & Stress. – 2016. – Vol. 30. – № 1. – P. 46–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/02678373.2015.1126870>.
18. Bakker A.B. Towards a multilevel approach of employee well-being. European // Journal of Work and Organizational Psychology. – 2015. – Vol. 24. – Iss. 6. – P. 839–843. DOI: <https://doi.org/10.1080/1359432X.2015.1071423>.
19. Quantitative process measures in interventions to improve employees' mental health: A systematic literature review and the IPEF framework / K. Nielsen, M. de Angelis, S.T. Innstrand, G. Mazzetti // Work & Stress. – 2023. – Vol. 37. – Iss. 1. – P. 1-26. DOI: <https://doi.org/10.1080/02678373.2022.2080775>. EDN: FIZKKI.

Информация об авторах

Елена Михайловна Рождественская, кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; доцент Бизнес-школы Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Павел Эркинович Хамидов, магистрант Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; tcg345@yandex.ru

Непомнящих Диана Павловна, студент Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; diananepomnash27@gmail.com

Поступила в редакцию: 01.10.2024

Поступила после рецензирования: 10.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Amrani M., Rachid C., Azzedine B., Verzea I. Well-being at work: a lever for sustainable performance in workplace. *Mining Science*, 2020, no. 27, pp. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.37190/msc202707>. EDN: GXKVYC.
2. Guest D.E. Human resource management and employee well-being: towards a new analytic framework. *Human Resource Management Journal*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12139>.
3. Lisovskaya A.Yu., Kosheleva S.V., Sokolov D.N., Denisov A.F. Key approaches to understanding an employee's wellbeing: from theory to practice. *Organizational Psychology*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 93–112. (In Russ.) EDN: ECDENH.
4. Nazaikinskiy S.V. Employee well-being management. Russian experience. *Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, 2020, no. 1/2, pp. 22–31. (In Russ.) EDN: JRQSOP.
5. Rybakov I.A. Employee support programs: effective implementation within the well-being strategy. *Motivatsiya i oplata truda*, 2020, no. 4, pp. 264–273. (In Russ.) DOI: 10.36627/2618-8864-2020-4-4-264-273. EDN: HCQANT.
6. Popazova O.Ya., Gornak Ya.A. Trends in the development of corporate well-being programs in Russian and foreign corporations during the Covid-19 pandemic. *Telescope: journal of sociological and marketing research*, 2021, no. 3, pp. 65–69. (In Russ.) DOI: 10.51692/1994-3776_2021_3_65. EDN: VCZFZM.

7. Shchukina D.V., Chernikova V.E. Well-being program as a modern direction in the field of personnel retention in the company. *Entrepreneur's Business Herald*, 2021, no. 4, pp. 87–90. (In Russ.) DOI: 10.24412/2687-0991-2021-11202. EDN: FQVBJO.
8. Nielsen K., Nielsen M.B., Ogbonnaya C., Käsälä M., Saari E., Isaksson K. Workplace resources to improve both employee well-being and performance: a systematic review and meta-analysis. *Work & Stress*, 2017, vol. 31, Iss. 2, pp. 101–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/02678373.2017.1304463>.
9. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 2000, no. 55 (1), pp. 68–78. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>. EDN: GSHHWJ.
10. van Wingerden J., Bakker A.B., Derks D. Fostering employee well-being via a job crafting intervention. *Journal of Vocational Behavior*, 2017, vol. 100, pp. 164–174. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2017.03.008>.
11. Employee wellbeing is key for workplace productivity. *Gallup*. Available at: <https://www.gallup.com/workplace/215924/well-being.aspx> (accessed 3 September 2024).
12. Gallup's perspective on employee burnout: causes and cures. *Gallup*. 2020. Available at: <https://www.vanede.nl/media/2669/gallup-iii-employee-burnout.pdf> (accessed 02 March 2024)
13. Gallup's employee engagement survey: ask the right questions with the Q 12 survey. *Gallup*. 2016. Available at: <https://www.gallup.com/workplace/356063/gallup-q12-employee-engagement-survey.aspx> (accessed 28 March 2024).
14. The relationship between engagement at work and organizational outcomes 2016 Q12, meta-analysis: ninth edition. *Gallup*. Available at: <https://www.gallup.com/workplace/356063/gallup-q12-employee-engagementsurvey.aspx> (accessed 1 April 2024).
15. Solomanidina T.O., Maksimenko A.M. The influence of the psycho-emotional state of employees on their health and labor efficiency. *Personnel Development Management*, 2018, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.) EDN: YUDHUK.
16. Ahmadi E., Lundqvist D., Bergström G., Macassa G. A qualitative study of factors that managers in small companies consider important for their wellbeing. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 2023, vol. 18, Iss. 1. Article 2286669. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2023.2286669>. EDN: XPZJWR.
17. Mäkikangas A., Kinnunen U., Feldt T., Schaufeli W. The longitudinal development of employee well-being: a systematic review. *Work & Stress*, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 46–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/02678373.2015.1126870>.
18. Bakker A.B. Towards a multilevel approach of employee well-being. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2015, vol. 24, Iss. 6, pp. 839–843. DOI: <https://doi.org/10.1080/1359432X.2015.1071423>.
19. Nielsen K., De Angelis M., Innstrand S.T., Mazzetti G. Quantitative process measures in interventions to improve employees' mental health: a systematic literature review and the IPEF framework. *Work & Stress*. 2023, vol. 37, Iss. 1, pp. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/02678373.2022.2080775>. EDN: FIZKKI.

Information about the authors

Elena M. Rozhdestvenskaya, Cand. Sc., Associate Professor, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, elena.rojdestvenskaya@gmail.com

Pavel E. Khamidov, Master's Student, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, tcg345@yandex.ru

Diana P. Nepomnyashchikh, Student, National Research Tomsk State University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation, diananepomnasih27@gmail.com

Received: 01.10.2024

Revised: 10.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 316.7:782(511.12):004.9

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1941

Шифр специальности ВАК: 5.10.1

Роль цифровых технологий в актуализации нематериального культурного наследия Пекинской оперы

Хоу Цинжань✉

Томский государственный университет, Россия, г. Томск

✉2597595750@qq.com

Аннотация. С развитием средств массовой информации сохранение и распространение традиционного культурного наследия приобретают беспрецедентные возможности. Вместе с тем медиатехнологии меняют способы передачи информации о традиционной культуре и её объектах. Так, с новыми возможностями и проблемами сталкивается Пекинская опера, имеющая статус сокровища национальной китайской культуры. Автор статьи обращается к проблеме сохранения и поддержки традиционного искусства в условиях цифровой культуры. **Цель:** выявить инновационный эффект и возможности новых технологий, используемых при демонстрации Пекинской оперы, а также обозначить возникающие проблемы. Для этого исследуются две технологии цифровых медиа («искусство света и тени» и «технология спецэффектов частиц»), существенно обновляющие возможности репрезентации. **Результаты:** во-первых, выявлена специфика практического применения каждого из указанных технологических подходов, нацеленных на обновление форм демонстрации культурного наследия, на расширение аудитории и адаптацию искусства Пекинской оперы к восприятию современного зрителя; во-вторых, обозначены проблемы, возникающие при переводе традиционного искусства в формат «цифровой Пекинской оперы». Полученные результаты могут составить теоретическую основу и практическое руководство для обеспечения эффективной коммуникации в сфере культурного наследия в эпоху новых медиа.

Ключевые слова: Пекинская опера, технология «спецэффектов частиц», технология «искусство света и тени», культурное наследие, медиакommunikация

Для цитирования: Хоу Цинжань. Роль цифровых технологий в актуализации нематериального культурного наследия пекинской оперы // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 43–50. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1941

UDC 316.7:782(511.12):004.9

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1941

Role of digital technologies in actualising the intangible cultural heritage of Peking Opera

Hou Qingran✉

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉2597595750@qq.com

Abstract. With the development of mass media, the preservation and dissemination of traditional cultural heritage acquires unprecedented opportunities. At the same time, media technologies are changing the ways of transmitting information about traditional culture and its objects. For example, Peking Opera, which has the sta-

tus of a treasure of national Chinese culture, is facing new opportunities and challenges. The author of the article addresses the problem of preserving and supporting traditional art in the conditions of digital culture. **Aim.** To identify the innovative effect and possibilities of new technologies used in the display of Peking Opera, and to outline the emerging challenges. For this purpose, the author has investigated two digital media technologies ("light and shadow art" and "particle special effects technology") that significantly update the possibilities of representation. **Results.** First, the author revealed the specifics of the practical application of each of these technological approaches aimed at updating the forms of cultural heritage demonstration, expanding the audience and adapting the art of Peking Opera to the perception of modern viewers. Secondly, the problems arising in the translation of traditional art into the format of "Digital Peking Opera" are outlined. The results can provide a theoretical basis and practical guidance for effective cultural heritage communication in the era of new media.

Keywords: Peking Opera, particle special effects technology, light and shadow art technology, cultural heritage, media communication

For citation: Hou Qingran. The role of digital technologies in showcasing the intangible cultural heritage of Peking opera. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 43–50. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1941

Введение

В современных условиях цифровой среды, определяющей особые формы передачи информации и принципы коммуникации, особенно остро встал вопрос сохранения традиционного культурного наследия. Данная проблема касается и искусства Пекинской оперы – культурного сокровища Китая, обладающего незаменимой исторической и художественной ценностью. С развитием новых технологий этот вид традиционного оперного искусства сталкивается с серьезным вызовом: сохранить свою подлинность в неизменности и потерять аудиторию либо адаптироваться к современным запросам меняющегося мира. Автор статьи обращается к актуальной проблеме внедрения инноваций в традиционные формы национального искусства, нацеленных на его сохранение и поддержку. Цель исследования: выявить возможности применения цифровых технологий, модернизирующих искусство Пекинской оперы. Для этого были изучены разные технологические приемы, среди которых наиболее эффективными считаются «искусство света и тени» и «технология спецэффектов частиц».

В качестве методологической основы использовались историко-культурный подход и контент-анализ.

Следует отметить, что результаты исследований по цифровым формам трансляции Пекинской оперы (далее в тексте используется формулировка «цифровая Пекинская опера») скудны и общее количество найденных документов в китайском сегменте интернета по теме или названию «цифровая Пекинская опера» составляет 18 источников; по словосочетанию «Пекинская опера: Искусство света и теней» – 16; общее количество найденных документов по теме «Технология спецэффектов частиц Пекинской оперы» – 6 источников.

Исследователи, как правило, рассматривают цифровые технологии, способствующие повышению уровня коммуникации Пекинской оперы (Чжэн Лимин, Юань Хайбо) [1] и содействующие интеграции культуры и технологий в контексте оцифровки (Вэнь Ваньлянь) [2]; изучают построение визуальных элементов Пекинской оперы в сценических интерактивных пространствах (Чжан Цзин, Гао Цзиньмин) [3], применение дизайна сценографии в новом медиаискусстве (Ли Хайтао) [4], создание «цифровой Пекинской оперы» с помощью искусственного интеллекта, способствующего максимальному погружению зрителя благодаря визуальным эффектам в произведениях виртуальной реальности (Чжан Хэ) [5], использование системы эффектов частиц в реальном времени для иммерсивного театра (Сунь Яньян, Цзэн Чжиган) [6] и т. д.

Следует вспомнить, что в историческом прошлом культурные ценности, смысловое содержание и профессиональные навыки искусства Пекинской оперы, возникшей в 1790 г., передавались от мастеров к ученикам, из поколения в поколение [7]. После просмотра спектаклей зрители распространяли истории и песнопения спектаклей из уст в уста. Наряду с этим древние летописцы записывали сценарии, техники исполнения Пекинской оперы, создавая богатые письменные свидетельства [8]. Эти традиционные способы передачи информации, безусловно, облегчили распространение данного вида оперного искусства и оставили миру ценное культурное наследие. Однако их масштабы ограничены, скорость медленная, а материалы легко повредить и потерять. Современные цифровые технологии эффективно компенсируют подобные недостатки.

Предпосылки актуализации и распространения искусства Пекинской оперы в цифровой среде

Сегодня наблюдается повышенный интерес к искусству Пекинской оперы в китайском обществе. На это есть ряд причин:

1. Столкновение и интеграция традиционной культуры и современных технологий, что на волне глобализации и цифровизации приобрело характер необратимой тенденции. Традиционная Пекинская опера является сокровищем китайской культуры, представляет собой историко-культурное наследие и обладает уникальным художественным очарованием. Однако в быстро развивающемся современном обществе она сталкивается с такими проблемами, как старение аудитории и ограниченность каналов коммуникации. В то же время цифровизация и появление медиаплатформ открыли новые возможности для сохранения, обновления и передачи традиционной культуры. Исследователи подчеркивают, что возникновение цифрового формата трансляции национального искусства китайской оперы – это результат столкновения и слияния традиционной культуры и современных технологий, придающих жизненную силу Пекинской опере [9].

2. Изменение запросов и требований зрителей. С развитием общества и повышением уровня жизни меняются эстетические потребности и методы культурного потребления. Молодое поколение мало интересуется традиционной культурой и не принимает в ней участия. Оно больше стремится к новым, интерактивным и персонализированным культурным впечатлениям.

Так, до внедрения цифровых технологий в сферу Пекинской оперы молодые зрители уделяли ей очень мало внимания. Однако с широким распространением инноваций ситуация значительно изменилась. «Цифровая Пекинская опера» радикально обновляет форму представления, предлагает интерактивный опыт, нацеленный на удовлетворение запросов молодых зрителей. Цифровой формат значительно расширяет каналы коммуникации, делает традиционную культуру ближе к современной жизни и усиливает чувство сопричастности аудитории [10]. Показателем возросшего интереса являются следующие данные: например, 70 % поклонников Шанхайского театра Пекинской оперы (на платформе Bilibili) – молодые люди в возрасте до 30 лет, а серия видеороликов «Наслаждаясь оперой дома» была показана 2,53 млн раз. С января по сентябрь 2020 года число подписчиков блога Шанхайского театра Пекинской оперы выросло с 20000 до 110000 чел. [11].

Власть, в свою очередь, содействует распространению новых форм передачи национального достояния в цифровой среде. Китайское правительство заботится о сохранении культурного наследия и внедрении инноваций в данной сфере. Введено ряд политических мер, направленных на интеграцию и развитие традиционной культуры и современных технологий. Свою роль здесь сыграло и активное развитие культурной индустрии, оказавшей мощную поддержку распространения «Цифровой Пекинской оперы». Таким образом, как отмечает Ли Юньцзы (李云梓), сочетание культурной индустрии и цифровых технологий поро-

дило новые формы культурного бизнеса, обеспечив широкое рыночное пространство и возможности для создания и продвижения искусства Пекинской оперы [12]. Так, согласно официальным данным, за последние пять лет общий объем государственных инвестиций в культурную индустрию увеличился на 35 %. При этом на проекты по распространению цифровых технологий в области традиционного культурного наследия (в том числе, культуры и искусства Пекинской оперы) приходится более 15 % от общего объема. Для поддержки цифровых инноваций в Пекинской опере используется специальный фонд, совокупный объем инвестиций которых превысил 1 млрд юаней. Можно утверждать, что развитие культурной индустрии, особенно сочетание цифровых технологий и традиционной культуры, привело к появлению новых культурных предприятий, обеспечивающих широкое рыночное пространство и возможности для создания и продвижения искусства Пекинской оперы. Данные показывают, что за последние три года объем рынка «цифровой Пекинской оперы» вырос на 200 % [13].

Особо мощную поддержку развития «цифровой Пекинской оперы» обеспечил технологический прогресс. Применение виртуальной реальности (VR), дополненной реальности (AR), проекционных технологий, искусственного интеллекта (AI) и т. д. позволило традиционному виду оперного искусства совершить качественный скачок в плане визуальных эффектов, формы исполнения и интерактивного опыта. Согласно статистике, на представлениях Пекинской оперы с использованием указанных технологий уровень удовлетворенности зрителей достигает 90 %, что на 40 % больше, чем на традиционных представлениях. Применение трехмерного сканирования пространства, захвата движения и т. д. привело к шестикратному увеличению числа онлайн-зрителей представлений. Не случайно артист Пекинской оперы Чжан Цзяньго отметил: «Мы должны как можно скорее создать китайский оперный индустриальный парк национального уровня, внедрить технологии цифрового производства в область «оперной метавселенной», и применение метавселенной должно стать неизбежным путем научно-технического развития в предстоящий период» [14]. Использование новаций, полагает Чжу Хуайнань (朱怀南), не только обогатило художественную выразительность, но и улучшило впечатления зрителей от просмотра [15].

Теперь рассмотрим техническую базу «цифровой Пекинской оперы», включающей следующие аспекты: 3D-сканирование пространства, 3D-сканирование персонажей, технологии цифрового моделирования, технологии «спецэффектов частиц», «искусство света и тени», технологии захвата движения, взаимодействие с виртуальной реальностью, технология обработки звука и мультимедийные презентации. В результате зритель получает яркие впечатления [16].

Наиболее примечательными среди используемых технологий являются «искусство света и теней» и «спецэффекты частиц».

Автор статьи полагает, что применение технологии «искусство света и теней» следует рассматривать как яркий пример успешного обновления форм демонстрации Пекинской оперы, усиливающих её коммуникативный эффект. Для подобного утверждения имеется ряд оснований.

Во-первых, создаются уникальная визуальная атмосфера и красочные сценические эффекты с помощью проекции, тщательно разработанных световых и теневых эффектов и т. д. Они могут быть настроены и изменены в реальном времени в соответствии с потребностями сюжета.

Во-вторых, «искусство света и тени» – это технология 3D-моделирования реалистичных персонажей и сцен. Дополнительно технология захвата движения позволяет точно фиксировать движения актеров и преобразовывать их в цифровые данные [17], благодаря чему виртуальные персонажи приобретают облик, идентичный реальным актерам.

В-третьих, важным отличительным эффектом «искусства света и тени» является интерактивность. Зрители получают возможность взаимодействовать с персонажами в цифровых представлениях Пекинской оперы с помощью интерактивных устройств (сенсорные экраны, соматосенсорные устройства), усиливающих ощущение соучастия и переживания.

Чжао Цзинцзюнь (赵涇钧) отмечает, что в спектаклях Пекинской оперы базовое применение цифровых технологий значительно повысило художественную выразительность сцены [18]. Управление световыми эффектами позволяет точно регулировать распределение, интенсивность и цвет освещения на сцене, создавая тонкие и реалистичные эффекты, усиливая движения и эмоциональную выразительность актеров, что в совокупности значительно обогащает визуальную составляющую спектакля. Важную роль здесь играют профессиональные навыки: точный контроль цвета, положения и интенсивности света; умение использовать контраст и смену света и тени для акцентуации персонажей и управления зрительским вниманием, для создания неповторимой сценической атмосферы и бесконечного ощущения времени и пространства в ограниченном пространстве. Все эти приемы максимально погружают зрителя в сюжет. Коммуникативный эффект зависит от общего очарования Пекинской оперы, а искусство света и тени является бонусом, повышающим художественную привлекательность и привлекающим публику [19].

В свою очередь, дизайн сцены с использованием технологии 3D-моделирования и рендеринга создает достоверную и трехмерную передачу фона. Внедрение панорамного 3D-звука, благодаря его точному позиционированию и обработке микширования, позволяет определить точное положение и динамическую траекторию инструментов, вокала и звуковых эффектов окружающей среды на сцене, создавая более реалистичную атмосферу представления [20].

Таким образом, подобные новаторства в работе над сценографией, сюжетами и персонажами способствуют расширению опыта восприятия у зрителей, получающих новые впечатления.

Таков пример пьесы «Прощай, моя наложница» (数字京剧 霸王别姬). Это классическое произведение о трагической истории взаимоотношений между Сян Юйем, королем Чу и его наложницей Юй Цзи. Для создания виртуальной сцены используется высокоточная система захвата движений, технология рендеринга в реальном времени и голографическая проекция. Когда актеры выступают на сцене, их движения и мимика точно фиксируются и преобразуются в движущиеся изображения в виртуальном пространстве. В то же время технология голографии проецирует на сцену образы персонажей Сян Юйя и Юй Цзи, создавая визуальный эффект слияния реальности и актеров. Храбрость Сян Юйя, нежность Юй Цзи, трагические сцены войны ярко показаны посредством виртуальной сцены. У зрителей появляется возможность почувствовать себя в фантастическом мире, поскольку устранены многие ограничения традиционной сцены [21]. Так, с помощью сложных световых эффектов и сценического оформления технология «искусства света и тени» усиливает художественную силу спектаклей Пекинской оперы [22], тем самым адаптируя к эстетическим потребностям современных зрителей и стимулируя интерес молодого поколения.

Однако в качестве важного недостатка используемой технологии «искусство света и тени», по мнению автора статьи, следует рассматривать ограничения размера и разрешения экрана, влияющих на отображение визуальных эффектов. Это может происходить при обращении к трансляции Пекинской оперы в интернете.

Применение технологии «спецэффектов частиц» – высокоэффективный инновационный способ обновления традиционного искусства Пекинской оперы.

Как объясняют Хуо Минь (霍敏) и Ли Сицзе (李思捷), технология «спецэффектов частиц» – это процесс объединения бесчисленных отдельных частиц (включая точки, линии, поверхности и т. д.) в определенные формы и облик для создания уникальных и впечатляю-

щих художественных эффектов [23]. Здесь возможно объединение с «технологией захвата движения» (Motion Capture). Устанавливая большое количество точек захвата (обычно более 600) на теле актера, система в режиме реального времени получает информацию о его движениях (тела, мимики), вводит данные в программное обеспечение и создает виртуальных персонажей или спецэффекты, синхронизированные с актером. Возможна также интеграция с «фоновыми изображениями», что позволяет легко совмещать виртуальных персонажей с реальными сценами с помощью технологий 3D-моделирования и рендеринга для создания потрясающих визуальных эффектов [24].

Интересным практическим примером является участие Академии изящных искусств Гуанчжоу в первой китайской выставке цифрового искусства «Пекинская опера. Впечатление» (京剧. 印象) [25]. Она была открыта 18 апреля 2024 года в Художественном музее Китайской академии искусств (при совместном спонсорстве Китайской ассоциации художников, Федерации литературных и художественных кружков провинции Чжэцзян и Китайской академии искусств). В данном проекте новаторски использовались танцевальные движения Пекинской оперы в качестве основы для цифрового визуального языка. Здесь была применена 3D-технология для демонстрации сцен на экране, установленном у входа в торговый центр в Шэньчжэне.

Другой вариант инновационной демонстрации получил название «Китайский танец. Впечатление» (华舞. 印象) [26], где были органично объединены тематика традиционной китайской культуры, танцевальные движения Пекинской оперы и классический танец.

Как показывает практика, при помощи технологии «спецэффектов частиц» максимально впечатляюще воссоздаются созвучия черного и красного цветов, которые имеют символическое значение в традиции национального оперного искусства. Черный цвет представляет популярные боевые элементы Пекинской оперы, вызывая ощущение таинственности и торжественности. Красный символизирует справедливость, полноту страсти и жизненной силы героев. Сочетание этих двух цветов демонстрирует артистизм и богатый культурный подтекст Пекинской оперы [27].

За время работы выставку посетили около 10 млн чел., из которых более 60 % – молодежь. Почти 85 % зрителей заявили, что применение цифровых технологий позволило им глубже понять искусство Пекинской оперы: оно приобрело более публичный и открытый характер и оказывает значительное социальное влияние. В век цифровых технологий и интеллекта художественное творчество поддерживается лучшими технологиями [28].

Таким образом, технология «спецэффектов частиц» с ее богатыми визуальными эффектами и гибкой применимостью привнесла в демонстрацию Пекинской оперы беспрецедентные возможности [29]. Не случайно эта технология быстро распространяется на медиаплатформах, привлекает внимание молодой аудитории и способствует популяризации и развитию культуры Пекинской оперы [30].

Среди негативных тенденций, которые могут сопровождать внедрение этой технологии, можно выделить стремление ориентироваться исключительно на визуальные эффекты и игнорировать глубокий смысл самого спектакля Пекинской оперы.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что данное исследование выявляет преимущества двух технологий. Технология «спецэффектов частиц» привносит в искусство Пекинской оперы беспрецедентные визуальные впечатления и повышает уровень эмоционального воздействия спектакля на зрителя. Технология «искусство света и тени» усиливает сценическую атмосферу за счет управления цветовыми, световыми и теневыми средствами выразительности, что делает представление более ярким. Обе цифровые новации существенно повышают интерактивные возможности представления и уровень его коммуникативности. При этом сле-

дует учитывать, что чрезмерное увлечение цифровыми эффектами может отвлекать от ценностно-смысловой глубины содержания спектакля.

В целом же обновление форм культурного наследия способствует привлечению к нему внимания со стороны общества, и что крайне важно – значительно повышает интерес среди молодого поколения зрителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCE

1. Zheng Limin, Yuan Haibo. Digital technology promotes the new development of communication methods of Beijing Opera. *China Beijing Opera*, 2024, pp. 106–107. (In Chinese)
2. Wen Wanliang. Promoting the integration of culture and technology in the context of digitalization. *Science, Technology and Innovation*, 2023, no. 1, pp. 1–3. (In Chinese)
3. Zhang Jing, Gao Jinmin. Iterative construction of visual elements of Peking Opera in the space of stage interaction. *Northwest Fine Arts*, 2022, no. 3, pp. 102–105. (In Chinese) DOI: 10.13772/j.cnki.61-1042/j.2022.01.022.
4. Li Haitao. On the application of stage space design in new media art. *Art technology*, 2017, no. 5, pp. 113–137. (In Chinese)
5. Zhang He. Creating visual immersion in virtual reality works. *Lu Xun Fine Art*, 2021, pp. 15–16. (In Chinese) DOI: 10.27217/d.cnki.glxmc.2021.000004.
6. Sun Yangyang, Zeng Zhigang. Research on real-time particle effect system for immersive theatre. *Modern Film Technology*, 2024, no. 3, pp. 53–59. (In Chinese)
7. Li Xuefeng. On the relationship between the origin of Peking Opera and the inheritance of Chinese cultural traditions. *Artistic Theory*, 2017, no. 3, pp. 85–86. (In Chinese)
8. Hai Zhen. Action memory and oral and personal teaching of Peking Opera: a discussion on 'oral and mental teaching'. *Journal of the Chinese Academy of Theatre Arts*, 2021, no. 4, pp. 12–19. (In Chinese) DOI: 10.15915/j.cnki.cn11-1172/j.2021.04.021.
9. Li Hui. Exploration on the inheritance and development of the art of Peking Opera in China. *Chinese Artists*, 2019, no. 7, p. 89. (In Chinese)
10. Peng Aoli. Promoting the living inheritance of Peking Opera art by digital means. *China Culture News*, 2023, no. 3, pp. 1–2. (In Chinese) DOI: 10.28144/n.cnki.ncwhb.2023.002426.
11. People's daily: Peking Opera art, embracing young audiences (Decoding Cultural Heritage Enriches Life). *Tianjin University News Network*. (In Chinese) Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2021-02/03/content_5584518.htm (accessed 3 January 2025).
12. Li Yunzi. Study on the communication forms and paths of Peking Opera art under the empowerment of digital media. *China Peking Opera*, 2024, no. 06, pp. 103–104. (In Chinese)
13. *Market research and competitive landscape analysis of China's Beijing Opera industry*. (In Chinese) Available at: https://www.docin.com/touch_new/preview_new.do?id=4733949499 (accessed 3 January 2025).
14. What is the Theatre Metaverse? How to build it? The commissioner said it. *Sina News*. (In Chinese) Available at: https://www.docin.com/touch_new/preview_new.do?id=4733949499 (accessed 30 January 2025).
15. Zhu Huainan. Research on digital communication of Peking opera face painting art. *Tianjin University of Science and Technology*, 2021, pp. 32–33. (In Chinese) DOI: 10.27359/d.cnki.gtqgu.2021.000845.
16. Lu Chang. When Peking Opera culture meets modern media. *China Knowledge*, 2024, no. 47, pp. 52–54. (In Chinese)
17. Zhang Xiaohua. Research on the application of motion capture and digital animation technology in Peking Opera performances – taking the experimental segment of Peking Opera "The True and False Monkey King" as an example. *Performing Arts Technology*, 2021, no. 4, pp. 43–48. (In Chinese)
18. Zhao Jingjun. Exploration of the design of Peking Opera three-dimensional digital cultural and creative products based on the aesthetic interest of "harmony beauty". *Cultural Relics Appraisal and Appreciation*, 2022, no. 12, pp. 120–123. (In Chinese) DOI: 10.20005/j.cnki.issn.1674-8697.2022.12.029.
19. Zhu Hongen. Imagery expression of stage space in realistic operas: on the stage design of the Peking Opera "Chen Yi Returns to Sichuan". *Playwright*, 2020, no. 03, pp. 122–123. (In Chinese)
20. Liao Jiayue, Liu Ming. Characteristics and presentation of panoramic sound in virtual reality environments. *Chinese Literary Artist*, 2024, pp. 89–90. (In Chinese)
21. Chen Mingjie. *Chinese Art. Digital transmission of Peking Opera "Farewell My Concubine"*. (In Chinese). Available at: <http://xhslink.com/a/BgEk6MfWkr2Y> (accessed 23 February 2024).
22. Wu Yuefei. Application and research of digital stage lighting design technology. *Radio and Television Network*, 2024, no. S1, pp. 148–151. (In Chinese). DOI: 10.16045/j.cnki.catvtec.2024.s1.028.
23. Huo Min, Li Sijie. Artistic practice of particle growth change in virtual dynamic sculpture. *Tomorrow's Style*, 2024, no. 7, pp. 76–78. (In Chinese)

24. Wu Ruiqi, Cheng Mingzhi, Bao Yiming. Design and implementation of Yu Ji sword dance experience system based on motion capture technology. *Journal of Beijing Institute of Graphic Communication*, 2024, no. 32 (03), pp. 52–55. (In Chinese). DOI: 10.19461/j.cnki.1004-8626.2024.03.008.
25. Guangmei. *Digital Media Team, Beijing Opera Impressions*. (In Chinese) Available at: <http://xhslink.com/a/5p29suaHlg2Y> (accessed 19 September 2024).
26. Chen Mingze. *"Chinese Dance·Impression"*. (In Chinese) Available at: <http://xhslink.com/a/hhqAC6VoYf2Y> (accessed 19 September 2024).
27. Zhang Xudong. The contemporary discourse of the colors of traditional Peking Opera costumes. *Chinese Peking Opera*, 2023, no. 08, pp. 105–106. (In Chinese)
28. *Dialogue with Gao Shiming: the endless "possibilities" of artistic narrative in the digital age*. (In Chinese) Available at: http://www.360doc.com/content/24/0606/18/56845366_1125504710.shtml (accessed 3 January 2025).
29. Zheng Limin, Yuan Haibo. Digital technology promotes the new development of Peking Opera dissemination methods. *Chinese Peking Opera*, 2024, no. 01, pp. 106–107. (In Chinese)
30. Zhang Zun, Yi Wenzhi. On the visual art expression of particle special effects in 3D film and television animation – taking the animation film "Deep Sea" as an example. *Comedy World (Second Half of the Month)*, 2024, no. 08, pp. 58–60. (In Chinese)

Информация об авторах

Хоу Цинжань, магистрант кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; 2597595750@qq.com

Поступила в редакцию: 02.01.2025

Поступила после рецензирования: 12.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

Information about the authors

Hou Qingran, Master Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; 2597595750@qq.com

Received: 02.01.2025

Revised: 12.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 338.246.2:004:341.655
DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1947
Шифр специальности ВАК: 5.2.5

Сквозные цифровые технологии как инструмент противодействия санкционным ограничениям

С.С. Красных✉

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Россия, г. Екатеринбург*

✉krasnykh.ss@uiec.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования сквозных цифровых технологий как инструмента противодействия санкционным ограничениям обусловлена растущей важностью технологической независимости в условиях глобальных экономических и политических вызовов. Введенные санкционные ограничения приводят к трансформации экономических процессов, которые включают в себя ограничение доступа к внешним рынкам, инвестициям, технологиям и инновациям. В таких условиях поиск эффективных решений, способных минимизировать последствия введенных санкций и ускорить переход к самостоятельному и высокотехнологичному производству, становится приоритетной задачей. **Цель:** анализ использования сквозных цифровых технологий как инструмента противодействия санкционному давлению в Российской Федерации. **Методы:** анализ научных работ, посвященных оценке применения современных технологий в различных областях, и анализ влияния санкционных ограничений на российскую экономику; обобщение и синтез авторской идеи использования сквозных цифровых технологий как инструмента противодействия санкционным ограничениям. **Результаты:** анализ возможностей применения искусственного интеллекта, машинного обучения, интернета вещей, блокчейна, аддитивных технологий и квантовых вычислений как инструментов противодействия санкционным ограничениям позволил выявить следующее – данные технологии, обладают высоким потенциалом для снижения ограничительных мер. Они могут значительно повысить экономическую и технологическую независимость, ускорить процесс локализации производства и усилить безопасность данных. Эти решения уже применяются на практике в ряде отраслей, а их развитие в Российской Федерации может существенно ослабить последствия введенных санкций, обеспечивая технологический суверенитет и долгосрочную устойчивость экономики.

Ключевые слова: сквозные цифровые технологии, санкционные ограничения, Российская Федерация, искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей, квантовые вычисления, 3D-печать

Для цитирования: Красных С.С. Сквозные цифровые технологии как инструмент противодействия санкционным ограничениям // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 51–65. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1947

UDC 338.246.2:004:341.655

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1947

Cross-cutting digital technologies as a tool to counteract sanctions restrictions

S.S. Krasnykh✉

*Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russian Federation*

✉krasnykh.ss@uiec.ru

Abstract. Relevance. Growing importance of technological independence in the context of global economic and political challenges. The imposed sanctions restrictions lead to the transformation of economic processes, which include restricted access to external markets, investments, technologies and innovations. Under such conditions, the search for effective solutions that can minimize the effects of the imposed sanctions and accelerate the transition to independent and high-tech production becomes a priority task. **Aim.** To analyze the use of cross-cutting digital technologies to counteract sanctions pressure in the Russian Federation. **Methods.** Analysis of scientific works devoted to the assessment of the use of modern technologies in various fields and analysis of the impact of sanctions restrictions on the Russian economy; generalization and synthesis of the author's idea of using cross-cutting digital technologies as a tool to counteract sanctions restrictions. **Results.** The analysis of the possibilities of using artificial intelligence, machine learning, the Internet of things, electronic technologies, additive technologies and quantum computing as tools to counter sanctions restrictions shows the following feature – these information technologies have minimal potential for reducing restrictive measures. They can significantly increase economic and technological independence, accelerate the production localization and enhance data security. The practical application of these solutions has already demonstrated positive results in a number of industries, and their development in the Russian Federation can significantly mitigate the effects of the imposed sanctions, ensuring technological sovereignty and long-term sustainability of the economy.

Keywords: cross-cutting digital technologies, sanctions restrictions, Russian Federation, artificial intelligence, blockchain, internet of things, quantum computing, 3D printing

For citation: Krasnykh S.S. Cross-cutting digital technologies as a tool to counteract sanctions restrictions. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 51–65. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1947

Введение

Сквозные цифровые технологии представляют собой передовые области научно-технического прогресса, способствующие разработке высокотехнологичных продуктов и услуг. Они оказывают значительное влияние на развитие экономики, изменяя ландшафт существующих рынков и генерируют появление новых.

В настоящее время в соответствии с дорожными картами, утвержденными в рамках федерального проекта «Цифровые технологии», к сквозным относятся следующие категории: «Нейротехнологии и искусственный интеллект» (Нейротехнологии направлены на изучение и оптимизацию работы мозга, включая мышление, память и другие высшие психические функции. Искусственный интеллект представляет собой набор технологий, воспроизводящих человеческие когнитивные способности, и обладает возможностью самостоятельного обучения и поиска решений без предварительно запрограммированных алгоритмов), «Технологии виртуальной и дополненной реальности» (Виртуальная реальность (VR) – техноло-

гия, обеспечивающая полное погружение пользователя в компьютерно-генерируемую среду посредством иммерсивных устройств (шлемы, перчатки, наушники). Дополненная реальность (AR) – технология, накладывающая цифровую информацию (текст, графику, аудио) на физическую среду в реальном времени), «Технологии распределенного реестра» (они представляют собой децентрализованный подход к организации баз данных, где управление не зависит от единого центра: каждый узел автономно обновляет реестр, при этом хранит полную историю изменений и проверяет новые данные через алгоритм консенсуса), «Квантовые технологии» (технологии, базирующиеся на квантовых эффектах, таких как суперпозиция и запутанность, что обеспечивает принципиально новые подходы к обработке и передаче больших объемов данных), «Новые производственные технологии» (представляют собой инновационные подходы, материалы и методы, применяемые для проектирования и изготовления конкурентоспособной продукции, востребованной на глобальном рынке), «Компоненты робототехники» (многоподвижные системы, основанные на сенсорных устройствах и технологиях искусственного интеллекта и способные воспринимать внешнюю среду, корректировать свои действия и адаптироваться к изменяющимся условиям) и «Технологии беспроводной связи» (раздел информационных технологий, обеспечивающий скоростную передачу данных между удаленными точками без физического подключения).

В условиях ограниченного доступа к финансовым ресурсам и технологиям вследствие введенных санкционных мер, а также увеличения миграции квалифицированных специалистов, использование сквозных цифровых технологий становится критически важным. Применение данных технологий в различных отраслях экономики может способствовать повышению уровня технологической независимости, поэтому актуальной научной проблемой является исследование потенциала искусственного интеллекта, машинного обучения, интернета вещей, блокчейна, аддитивных технологий и квантовых вычислений как средств противодействия санкционным ограничениям.

Цель данного исследования – анализ применения сквозных цифровых технологий как инструмента противодействия санкционному давлению. Поставленные Президентом РФ национальные цели и стратегические задачи развития экономики Российской Федерации до 2030 года подчеркивают важность внедрения таких технологий для обеспечения цифровой трансформации. Научно-практическая значимость данного исследования также подтверждается Стратегией национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, а также соотносится с задачами, определенными Правительством РФ в Постановлении от 15.04.2014 года № 316 (ред. от 30.05.2022 года) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».

Использование сквозных цифровых технологий в отраслях экономики

Исследования, посвященные использованию сквозных цифровых технологий в различных отраслях экономики, в настоящее время находится в авангарде российской и зарубежной науки.

Рассмотрим существующие исследования по данной проблеме. М. Onyesolu и F. Eze в своей научной работе кратко описали виртуальную реальность (VR), ее системы, типы и возможности [1]. VR затронула все сферы человеческой деятельности – производство/бизнес, разведку, оборону, досуг, медицину и др. AR и VR сегодня широко используются в качестве основного прорыва в технологическом развитии науки. А. Guttentag в своей работе объяснил концепцию применения виртуальной реальности, описал терминологию, возможности, тенденции применения технологии VR [2]. Y. Xiao обосновал, что с быстрым развитием технологий виртуальная реальность получает и будет получать более широкое распространение в различных областях экономики и социума [3]. А. Bergin и М. Craven в своем исследовании акцентируют внимание на том, что использование AR, в частности в медицин-

ской сфере, позволяет значительно снизить издержки и сэкономить денежные средства [4]. К. Логун и И. Рощупкина отмечают, что широкое внедрение технологий расширенной реальности способствует развитию экономики, значительному повышению производительности труда и эффективности работы промышленных предприятий в рамках Индустрии 4.0. [5].

С 1990-х гг. технология квантового управления сделала значительный шаг вперед, положив начало быстрой эволюции квантовых технологий, примером которой, в частности, является квантовая информатика. Она охватывает такие области, как квантовая связь, квантовые вычисления и квантовые прецизионные измерения, предлагая революционные решения для повышения безопасности передачи информации, ускорения скорости вычислений и повышения точности измерений. Эти достижения потенциально могут стать важной основой национальной безопасности и высококачественного развития национальной экономики [6].

Использование квантового блокчейна является новой ступенью в защите данных, которую в настоящее время невозможно взломать [7]. Л. Раткин в своем исследовании определяет, что квантовые технологии применимы при проектировании жизненного цикла гражданских и военных изделий, компьютерной поддержке программного инжиниринга, в аналитике больших данных и транзакциях с ними, искусственном интеллекте [8]. Результаты проведенного анализа авторами Д. Буханец и Л. Бочаровым, свидетельствуют о том, что технологии квантовых вычислений обладают высокой практической ценностью и рассматриваются военными специалистами, в том числе США, в качестве одного из важнейших направлений перспективного развития вычислительных систем военного назначения [9].

Технология блокчейн обладает значительным потенциалом в экономике, предлагая такие возможности, как обмен ценностями в режиме реального времени, снижение затрат и повышение безопасности [10]. Ее применение в различных секторах экономики, включая управление, финансы и глобальную торговлю, может помочь предотвратить коррупцию и мошенничество [11]. К. Шилов и Е. Вахтуров отмечают, что криптовалюты способны выступить в качестве альтернативного канала движения капитала для осуществления расчетов по сделкам с контрагентами из других стран в условиях санкций [12, 13].

Z. Khan и др. показали роль робототехники в секторе здравоохранения с учетом минимизации последствий угрозы жизни медицинского персонала и врачей [14]. Хранение персональных данных о здоровье и разработка систем прогнозирования и профилактики заболеваний обеспечивают экономически эффективные решения в сфере здравоохранения [15]. I. Pappas и др. утверждают, что преимущества цифровых технологий в здравоохранении следует рассматривать с точки зрения лечения пациентов и совместного создания устойчивого общественного блага [16]. Цифровые технологии кардинально изменили способ транспортировки людей и товаров, что связано с ростом спроса на перевозки и значительным влиянием на связанное с ними потребление энергии и воздействие на окружающую среду. M. Noussan и S. Tagliapietra провели анализ чувствительности для оценки комбинаций выработки электроэнергии и повышения эффективности электромобилей. Результаты показали, что для использования преимуществ цифровых технологий необходимо оптимизировать альтернативные варианты транспорта и разработать соответствующую политику для поддержки эффективного и результативного применения цифровых технологий [17].

Интернет вещей (IoT) как технология для управления отходами предлагается несколькими авторами для умных городов [18–20]. T. Ringenson и др. поставили перед собой цель найти цифровые решения экологических проблем, важных для муниципалитетов в зависимости от политики Европейского союза [21].

Технология цифрового двойника имеет преимущество для интеграции и гармонизации текущих производственных систем, процессов и инструментов с помощью небольшого оборудования, такого как датчики и прикладное программное обеспечение. Таким образом, она помогает повысить производительность за счет снижения ошибок и поломок путем приме-

нения предиктивного обслуживания [22]. Для деятельности цепочки поставок N. Simchenko и др. предложили использовать цифровых двойников для осуществления деятельности по всем каналам распределения. Как только заказы клиентов попадают в систему, цифровой двойник видит детали заказа и связанные с ним коммуникации цепи поставок, что позволяет моделировать и принимать решения в режиме реального времени [23].

В условиях пандемии COVID-19 использование цифровых технологий сыграло важную роль в реагировании на кризис. В Китае правительство способствовало внедрению больших данных, искусственного интеллекта (ИИ), облачных вычислений и других сквозных цифровых технологий в мониторинг эпидемий, мониторинг вирусов, лечение заболеваний и сохранение рабочих мест. Технология больших данных оказала мощную помощь в мониторинге пандемии в режиме реального времени. Благодаря онлайн-офисному программному обеспечению она позволила сотрудникам работать удаленно [24]. Благодаря удаленной работе организации осуществляли свою деятельность в виртуальном месте, вдали от офиса, а также набирали сотрудников, получая доступ к неограниченным пулам новой рабочей силы по всему миру [25]. Также отмечается взаимосвязь между инвестициями в ИТ-инфраструктуру и эффективностью цифровой трансформации [26].

Таким образом, существующие зарубежные исследования в области сквозных технологий свидетельствуют о важных, существенных изменениях, которые приносят цифровые технологии практически во все сферы жизнедеятельности – образование, здравоохранение, производство, политика, экология и др. Стоит отметить, что сквозные цифровые технологии являлись одним из драйверов преодоления глобального кризиса, такого как COVID-19. Таким образом, развитие сквозных цифровых технологий в России представляется значимым направлением в контексте обеспечения технологического суверенитета.

Влияние санкционных ограничений на технологии изучали Н. Ганичев и О. Кошовец. Авторы рассматривают стартовые условия, в которых отечественный цифровой сектор подошел к принципиально новому этапу своего развития [27]. Возможные пути роста цифровой экономики рассматривает Г. Трофимова. Она выделяет следующие пути: параллельный импорт, импортозамещение, переориентация на сотрудничество с другими странами, помощь дружественных стран, разумная государственная политика в отношении развития экосистемы ИТ-сектора [28]. Г. Абдрахманова и др. рассматривают оценки последствий санкций, введенных весной 2022 г. против российского высокотехнологичного сектора, а также рекомендации по мерам государственной политики цифровой трансформации ряда отраслей экономики и социальной сферы [29].

Таким образом, проблема использования сквозных цифровых технологий как средства противодействия санкционным ограничениям не рассматривается в зарубежных источниках ввиду низкой актуальности для неподсанкционных экономик. Среди российских авторов данная проблематика мало проработана. Обнаружено лишь несколько научных работ, связанных с криптовалютой как средством преодоления финансовых ограничений на международных рынках. Таким образом, можно сделать вывод, что данная тема актуальна и более глубокая проработка и изучение сквозных цифровых технологий как инструмента противодействия санкционным ограничениям являются крайне важными для российской экономики.

Анализ влияния санкционных ограничений на российскую экономику

Введённые западными странами санкции охватывают различные сферы экономики, включая финансовый сектор, энергетическую отрасль и высокие технологии. Они ограничили доступ российских финансовых институтов к иностранному капиталу, что привело к удорожанию заемных средств и усложнению их привлечения. Это, в свою очередь, вызвало нехватку финансирования, рост процентных ставок и снижение объемов кредитования. Кроме того, санкции привели к сокращению прямых иностранных инвестиций в энергетическую, финан-

совую, транспортную и другие отрасли, оказали давление на российский рубль, вызвав его ослабление по отношению к мировым валютам, и ограничили доступ к зарубежным технологиям и финансовым услугам, что особенно затронуло отрасли, зависимые от импорта технологий и капитала [30].

С февраля 2022 года Россия столкнулась с ограничительными мерами, инициированных странами ЕС, а также США, Великобританией, Японией, Швейцарией, Австралией и Канадой. По данным системы X-Compliance, с 21 февраля 2022 года по 15 января 2025 года было введено 18 265 санкций против российских физических и юридических лиц [31].

К 27 февраля 2024 года число российских лиц и компаний под санкциями превысило 6000, увеличившись примерно с 1000 на 20 февраля 2022 года и до 5444 на конец 2023 года. С начала 2024 года по 27 февраля было введено 1019 санкционных мер, из которых 964 пришлось на период с 22 по 25 февраля. В частности, США добавили в свои списки 488 российских лиц за один день, что стало рекордом, Канада – 161, ЕС – 151, Австралия – 86 [32].

Помимо прямых санкций, усиливаются случаи введения вторичных ограничительных мер, влияющих на сотрудничество третьих стран с Россией. С 2022 по 2024 г. США, ЕС и Великобритания ввели 483 санкции против компаний из третьих стран, подозреваемых в нарушении ограничительных мер против России. Чаще всего это компании из ОАЭ, Кипра, Китая и Турции. Евросоюз, который в 2021 г. не вводил санкции против компаний из третьих стран в рамках антироссийских мер, в 2022 г. ввел вторичные санкции против восьми компаний, в 2023 г. – против 21, а с начала 2024 г. – уже против 16 [32].

По состоянию на 15 января 2025 года российские граждане и компании составляют 32 % от всех фигурирующих в санкционных списках. Санкции также распространяются на морские и воздушные суда: под ограничениями находятся 1248 морских судов и 902 воздушных судна.

Таким образом, санкционное давление на Россию продолжает нарастать, охватывая все больше сфер и затрагивая не только российские, но и иностранные компании, подозреваемые в сотрудничестве с Россией. Это создает новые вызовы для российской экономики и требует адаптации к изменяющимся условиям.

Санкции, введенные против Российской Федерации, существенно повлияли на её внешнюю торговлю, вызвав изменения в структуре экспорта и импорта, а также в географии торговых партнёров. В 2022 г., на фоне санкционного давления, Россия столкнулась с необходимостью перестройки внешнеторговых связей. По данным исследования В. Нарбута и Е. Шпаковской, значимость торгового партнёрства с Европейским союзом для России снизилась, несмотря на увеличение стоимости товаров, поставляемых в ЕС. Рост стоимости экспорта объясняется двумя противоположными тенденциями: снижением объёмов поставок и ростом цен на основные группы экспортируемых товаров. В условиях сворачивания торговых отношений с ЕС Россия начала активно развивать альтернативные пути обмена товарами с другими странами мира [33]. Анализ, проведённый Д. Ушкаловой, показывает, что санкции оказали значительное влияние на динамику российского экспорта и импорта, а также на конъюнктуру мировых товарных рынков. Введение ограничений привело к снижению физических объёмов экспортных поставок, однако рост мировых цен на сырьевые товары позволил России компенсировать эти потери в стоимостном выражении. Автор вводит понятие «ловушка большой страны», указывая на то, что санкции против крупной экономики могут иметь ограниченный эффект из-за её способности адаптироваться к новым условиям [34].

Исследование Л. Чэньчэнь и Ч. Цзе подтверждает статистически значимый негативный эффект санкций на объёмы двусторонней торговли России с развитыми странами. Снижение объёмов торговли наблюдается во всех секторах, что свидетельствует о широкомасштабном воздействии ограничительных мер на внешнеэкономическую деятельность России [35]. Анализ изменений во внешнеэкономической деятельности свидетельствует о диверсификации

торговых связей в условиях санкционных ограничений. Например, по данным исследования, опубликованного в «Журнале Новой экономической ассоциации», российские компании активно переориентируют свои рынки сбыта и источники импорта в пользу азиатского региона, включая Китай, Индию и Объединённые Арабские Эмираты [36].

Таким образом, санкции против России привели к значительным преобразованиям во внешней торговле страны, стимулируя её к поиску новых партнёров и адаптации к изменяющимся условиям мировой экономики.

Международные санкции, введённые против Российской Федерации, существенно ограничили её доступ к мировым финансовым рынкам, что оказало значительное влияние на экономику страны. С 2014 г. Европейский союз и другие западные страны ввели меры, направленные на ограничение доступа России к рынкам капитала. Эти меры включали запрет на предоставление кредитов и инвестиционных услуг ряду российских финансовых учреждений и компаний, а также ограничения на торговлю определёнными финансовыми инструментами [37]. Исследование А. Афанасьева показывает, что ограничительные меры привели к снижению объёмов внешнеторгового оборота и замедлению роста ВВП России. Особенно пострадала промышленность, испытывая трудности с доступом к необходимым технологиям и инвестициям [38]. Кроме того, санкции усилили волатильность на российских финансовых рынках, что затруднило привлечение иностранного капитала и повысило стоимость заимствований для российских компаний. Это, в свою очередь, негативно сказалось на инвестиционной активности и замедлило экономическое развитие [39]. В ответ на эти ограничения Россия предприняла шаги по снижению зависимости от западных финансовых рынков, усиливая внутренние финансовые институты. Однако полная компенсация потерь от санкций остаётся сложной задачей, требующей значительных ресурсов.

С 2014 г., в ответ на внешнеполитические действия России, западные страны начали вводить экономические ограничения, направленные на сдерживание её экономического развития. Эти меры включали запрет на предоставление новых кредитов и инвестиций в ключевые секторы российской экономики, такие как энергетика, оборона и финансовый сектор. В результате, по данным исследования, опубликованного в журнале «Федерализм», наблюдалось снижение притока прямых иностранных инвестиций, что негативно сказалось на модернизации и технологическом обновлении отечественных предприятий [40]. Дополнительным фактором, усугубившим экономическую ситуацию, стал массовый уход иностранных компаний с российского рынка. В работе С.П. Земцова, В.А. Бариновой и А.А. Михайлова отмечается, что это привело к сокращению деловой активности в регионах, особенно в тех, где присутствие зарубежных фирм было значительным. Уход иностранных компаний также вызвал разрывы в производственных цепочках, снижение занятости и уменьшение налоговых поступлений в региональные бюджеты [41]. В ответ на эти вызовы российские предприятия начали адаптироваться к новым условиям, стремясь заместить ушедших иностранных партнёров и найти альтернативные источники инвестиций. По данным доклада, подготовленного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», компании стали активнее развивать внутренние производственные мощности, искать новых поставщиков и переориентироваться на другие рынки сбыта. Процесс перестройки экономических связей и производственных цепочек сопровождается необходимостью привлечения дополнительных ресурсов и временных затрат [42].

На макроэкономическом уровне санкции привели к усилению инфляционного давления, особенно в начальной стадии их введения, из-за ослабления рубля и роста издержек. Ослабление курса рубля способствует ускорению инфляции в результате удорожания импортных товаров. В условиях финансовой автаркии меры финансовой репрессии, препятствующие валютным сбережениям, могут укреплять обменный курс, оставляя больше ресурсов для импорта. Однако такая политика может приводить к перераспределению ресурсов и снижению

благополучия определённых групп населения [43]. Кроме того, волатильность курса рубля усиливает инфляционные ожидания среди населения и бизнеса, что может приводить к повышению цен на товары и услуги. По данным исследования, опубликованного на портале «Независимая газета», новые санкции против российских банков во второй половине ноября 2024 г. привели к краткосрочному росту волатильности и ослаблению рубля, что, в свою очередь, усилило инфляционное давление [44].

Таким образом, санкционное давление, оказываемое на Российскую Федерацию, привело к значительным экономическим трансформациям, затрагивающим практически все ключевые аспекты её экономики. Ограничения во внешней торговле, доступе к международным рынкам капитала, инвестиционной активности и уход иностранных компаний вызвали структурные изменения, к которым стране пришлось адаптироваться.

Во внешней торговле снижение объёмов экспорта и импорта сопровождалось переориентацией на азиатские и другие развивающиеся рынки, что лишь частично компенсировало потери от сокращения сотрудничества с Европейским союзом. Санкции, ограничивающие доступ к международным рынкам капитала, привели к снижению иностранных инвестиций и замедлению модернизации ключевых секторов экономики. Массовый уход иностранных компаний создал дополнительные сложности, такие как разрывы в производственных цепочках и рост безработицы в отдельных регионах.

Эти факторы усилили инфляционное давление в экономике и ослабили национальную валюту. Ослабление рубля увеличило стоимость импорта, усиливая рост цен, что в условиях ограниченного доступа к валютным рынкам стало дополнительным вызовом для экономики.

В ответ на эти изменения российская экономика демонстрирует адаптацию через диверсификацию внешнеэкономических связей, развитие внутренних производственных мощностей и поиск новых источников финансирования. Тем не менее полное восстановление до санкционного уровня остаётся трудной задачей, требующей значительных усилий, стратегического подхода и длительного времени, а также поиска дополнительных инструментов для преодоления данных ограничений.

Возможности использования сквозных цифровых технологий для противодействия санкционным ограничениям

Одним из таких инструментов для противодействия санкционным ограничениям могут быть сквозные цифровые технологии, которые способны усиливать экономическую устойчивость и повышать конкурентоспособность.

Искусственный интеллект и машинное обучение обладают значительным потенциалом в смягчении последствий санкционных ограничений, способствуя повышению устойчивости экономики. Внедрение данных технологий в промышленности позволяет создавать имитационные модели, которые моделируют зависимости между различными характеристиками технических систем. Это способствует автоматизации процессов, ранее требовавших участия человека, и быстрой обработке больших объёмов информации с последующим анализом, что повышает производительность и снижает зависимость от внешних технологий. Использование методов машинного обучения в информационной безопасности web-приложений позволяет определять и предотвращать потенциальные угрозы, обеспечивая защиту данных и систем в условиях значительного роста мошеннических действий в последнее время. Искусственный интеллект может применяться для обнаружения и противодействия коррупции: он анализирует большие объёмы данных и выявляет аномальные паттерны поведения. Это способствует повышению прозрачности и эффективности управления, что особенно важно в условиях ограниченности финансов. Для эффективного противодействия санкциям необходимо разрабатывать и реализовывать национальную стратегию развития искусственного интеллекта, направленную на поддержку исследований, обучение специалистов и создание

благоприятных условий для внедрения искусственного интеллекта в различных секторах экономики. Большие данные дают возможность анализировать глобальные и локальные тренды в реальном времени, повышая качество стратегических решений. Обработка данных о международной торговле, логистике и спросе могут способствовать внедрению более эффективных стратегий экспорта и импорта. Кроме того, технологии анализа данных позволяют выявлять скрытые возможности для развития отраслей и точно направлять ресурсы.

Интернет вещей представляет собой сеть взаимосвязанных устройств, способных собирать и обмениваться данными через интернет. Внедрение интернета вещей в промышленности позволяет осуществлять мониторинг и управление оборудованием в режиме реального времени, что положительно влияет на повышение эффективности и снижение издержек. Сбор и анализ данных с датчиков помогают предсказывать возможные неисправности и проводить профилактическое обслуживание, предотвращая внеплановые простои и повышая производительность. Технологии интернета вещей могут найти свое применение в создании «умных» городов и домов, где устройства взаимодействуют для повышения комфорта и безопасности граждан. В условиях санкционных ограничений разработка отечественных решений в этой сфере может снизить зависимость от импортных технологий и обеспечить информационную безопасность. Санкционные ограничения стимулируют развитие национальных стандартов и технологий в области интернета вещей. Создание собственной инфраструктуры и платформ для интернета вещей позволит снизить зависимость от иностранных поставщиков и обеспечить технологический суверенитет.

Блокчейн – это технология распределенного реестра, которая представляет собой цепочку блоков данных, каждый из которых содержит информацию о транзакциях или событиях. Каждый блок связан с предыдущим с помощью криптографической подписи, обеспечивающей защиту данных от изменений и мошенничества. Децентрализованный характер блокчейна способен хранить данные о транзакциях без единого центра управления, что затрудняет внешнее вмешательство и контроль. Это может быть полезно в условиях санкций, позволяя создавать альтернативные финансовые системы, менее подверженные внешнему давлению. В условиях санкций блокчейн может способствовать развитию новых схем платежей между банками и структурными преобразованиями в управлении компаниями, попавшими под ограничения. Это позволяет обходить торговые барьеры и поддерживать международные экономические связи. Несмотря на потенциал блокчейна, существуют препятствия для его адаптации, включая технологические, правовые и организационные барьеры. Для эффективного использования блокчейна в противодействии санкциям необходимо преодолеть эти вызовы и создать благоприятные условия для его развития.

3D-печать, или аддитивные технологии, представляют собой метод производства объектов путём послойного добавления материала. В условиях санкционных ограничений эта технология становится важным инструментом для повышения технологической независимости и устойчивости российской экономики.

Санкции ограничили доступ к иностранному оборудованию и комплектующим, что стимулировало разработку отечественных технологий 3D-печати. Многие российские компании начали разрабатывать собственные решения, а также ориентироваться на азиатский рынок, что способствовало ускоренному развитию внутреннего производства. 3D-печать позволяет эффективно восстанавливать детали, которые ранее поставлялись из-за рубежа. Процесс реверс-инжиниринга включает сканирование существующих компонентов, создание 3D-моделей и их последующее воспроизведение с помощью 3D-принтеров. Это особенно актуально для сложных или устаревших деталей, для которых нет доступных чертежей. В ответ на санкции российские предприятия начали внедрять 3D-печать для производства различных компонентов. Например, в автомобильной промышленности с помощью 3D-печати изготавливаются уязвимые пластиковые комплектующие, такие как шестерни привода стеклоподъ-

ёмников и крепления зеркал заднего вида. Это позволяет снизить зависимость от иностранных поставок и ускорить процесс производства.

Стоит отметить, что правительство утвердило стратегию развития аддитивных технологий до 2030 г., предоставляя гранты и субсидии отечественным производителям. Это способствует созданию благоприятных условий для роста и внедрения 3D-печати в различных отраслях экономики.

Квантовые вычисления – это область информатики, использующая принципы квантовой механики для обработки информации. В отличие от классических компьютеров, которые оперируют битами, принимающими значения 0 или 1, квантовые компьютеры используют кубиты, способные находиться в состоянии суперпозиции, что позволяет параллельно обрабатывать множество состояний и значительно ускорять решение сложных задач. В последние годы Россия активно развивает квантовые технологии. В октябре 2024 года российские ученые создали 50-кубитный квантовый компьютер на ионной платформе, что вывело страну в число лидеров в этой области. Данный проект реализован Физическим институтом им. П.Н. Лебедева РАН и Российским квантовым центром при поддержке «Росатома» [45].

В качестве инструмента противодействия санкционным ограничениям квантовые компьютеры способны значительно ускорить процессы моделирования и анализа, что может привести к быстрому развитию новых технологий и материалов, снижая зависимость от иностранных разработок. Квантовые алгоритмы могут быть использованы для формирования более надежных систем защиты данных, что особенно важно в условиях повышенных рисков кибератак и информационных угроз. Создание собственных квантовых вычислительных систем позволит России уменьшить зависимость от зарубежных технологий и обеспечить технологический суверенитет.

Таким образом, использование сквозных цифровых технологий может способствовать адаптации экономики к изменяющимся условиям и формированию долгосрочной технологической устойчивости. Для реализации этого потенциала необходимо активное государственное и частное инвестирование в научные исследования, развитие инфраструктуры и подготовку специалистов в области цифровых технологий.

Заключение

В условиях санкционных ограничений, введенных западными странами в отношении Российской Федерации, сквозные цифровые технологии представляют собой важный инструмент, который может способствовать укреплению технологической независимости. Эти технологии позволяют не только развивать альтернативные производственные и финансовые процессы, но и повышать уровень безопасности, внедрять новые решения для локализации производства, а также обеспечивать защиту от внешнего воздействия.

Однако для успешной реализации этих возможностей требуется активная поддержка со стороны государства и бизнеса, а также создание необходимой инфраструктуры, включая научно-исследовательские разработки, образовательные программы и новые нормативно-правовые инициативы. При эффективной реализации сквозные цифровые технологии могут стать значимым фактором в противодействии санкциям, обеспечивая долгосрочный экономический и технологический суверенитет.

Список литературы

1. Onyesolu M., Eze F. Understanding virtual reality technology: advances and applications // *Advances in Computer Science and Engineering*. – 2010. – P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.5772/15529>.
2. Guttentag A. Virtual reality: applications and implications for tourism // *Tourism Management*. – 2010. – Vol. 31 (5). – P. 637–651. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tourman.2009.07.003>.
3. Xiao Y. Research and practice on application of virtual reality technology in virtual estate exhibition // *Procedia Engineering*. – 2011. – Vol. 11. – P. 1245–1250. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.proeng.2011.08.230>.

4. Bergin A., Craven M. Virtual, augmented, mixed, and extended reality interventions in healthcare: a systematic review of health economic evaluations and cost-effectiveness // *BMC Digital Health*. – 2023. – Vol. 1. – P. 53. DOI: <https://doi.org/10.1186/s44247-023-00054-9>.
5. Логун К., Рощупкина И. Бизнес-сценарии использования технологий расширенной реальности на современном производственном предприятии // *Организатор производства*. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 16–26. DOI: 10.25987/VSTU.2019.37.63.002. EDN: UCJQDE.
6. Pan J. Quantum information technology: current status and prospects // *Acta Physica Sinica*. – 2024. – Vol. 73 (1). – P. 010301. DOI: <https://doi.org/10.7498/aps.73.20231795>.
7. QIoTChain: quantum IoT-blockchain fusion for advanced data protection in Industry 4.0 / A. Sharma, M. Peelam, B. Chauasia, V. Chamola // *IET Blockchain*. – 2023. – P. 12059. DOI: <https://doi.org/10.1049/blc2.12059>.
8. Раткин Л.С. Использование квантовых коммуникаций для реализации инвестиционных проектов по модернизации высокотехнологичных отраслей экономики России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. – 2022. – № 17-1. – С. 520–522. EDN: VCTRDU.
9. Буханец Д.И., Бочаров Л.Ю. Характеристика американских военных программ исследований в области квантовых вычислений // *Новые исследования в разработке техники и технологий*. – 2016. – № 1. – С. 54–76. EDN: WCJNAN.
10. Saha S., Bappaditya J., Jayanta P. A Study on Blockchain Technology // *SSRN*. – 2019. – P. 3477373. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3477373>.
11. Ahmed O. Blockchain technology: concept of digital economics. URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/80967/> (дата обращения 16.01.2025).
12. Шилов К.Д. Криптовалюты: тенденции рынка и санкции // *Экономическое развитие России*. – 2023. – Т. 30. – № 2. – С. 43–50. EDN: GHHFLE.
13. Вахтуров Е.В. Международный опыт минимизации санкционных рисков в процессе осуществления трансграничных платежей // *Инновации и инвестиции*. – 2023. – № 8. – С. 217–220. EDN: OOJSQQ.
14. Khan Z., Siddique A., Lee C. Robotics utilization for healthcare digitization in global COVID-19 management // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2020. – Vol. 17. – Iss. 11. – P. 3819. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113819>.
15. Digitalization and co-creation of healthcare value: a case study in occupational health / M. Balta, R. Valsecchi, T. Papadopoulos, D. Bourne // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2021. – Vol. 168. – P. 120785. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120785>.
16. Big data and business analytics ecosystems: paving the way towards digital transformation and sustainable societies / I. Pappas, P. Mikalef, M. Giannakos, J. Krogstie, G. Lekakos // *Information Systems and e-Business Management*. – 2018. – Vol. 16. – P. 479–491. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10257-018-0377-z>.
17. Noussan M., Tagliapietra S. The effect of digitalization in the energy consumption of passenger transport: an analysis of future scenarios for Europe // *Journal of Cleaner Production*. – 2020. – Vol. 258. – P. 120926. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120926>.
18. Kasliwal M., Suryawanshi S. A novel approach to garbage management using internet of things for smart cities // *International Journal of Current Trends in Engineering & Research*. – 2016. – Vol. 2 (5). – P. 348–353.
19. Akhil Nair R., Valarmathie P. Dr. IOT based waste management system for smart cities // *International Journal of Advance Research, Ideas and Innovations in Technology*. – 2017. – Vol. 3. – Iss. 3. – P. 1276–1280.
20. Nirde K., Mulay P., Chaskar U. IoT based solid waste management system for smart city // *International Conference on Intelligent Computing and Control Systems (ICICCS)*. – Madurai, India, 2017. – P. 666–669. DOI: <https://doi.org/10.1109/ICCONS.2017.8250546>.
21. Digitalization and environmental aims in municipalities / T. Ringenson, M. Höjer, A. Kramers, A. Viggedal // *Sustainability*. – 2018. – Vol. 10. – Iss. 4. – P. 1278. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10041278>.
22. Digital twin for sustainable manufacturing supply chains: current trends, future perspectives, and an implementation framework / S. Kamble, A. Gunasekaran, H. Parekh, V. Mani, A. Belhadi, R. Sharma // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2022. – Vol. 176. – P. 121448. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121448>.
23. Simchenko N., Tsohla S., Chyvatkin P. IoT & digital twins concept integration effects on supply chain strategy: challenges and effect // *International Journal of Supply Chain Management*. – 2019. – Vol. 8. – № 6. – P. 803–808. DOI: <https://doi.org/10.59160/ijscm.v8i6.4073>.
24. The Digitalization and public crisis responses of small and medium enterprises: implications from a COVID-19 survey / H. Guo, Z. Yang, R. Huang, A. Guo // *Frontiers of Business Research in China*. – 2020. – Vol. 14 (1). – P. 1–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/s11782-020-00087-1>.
25. COVID-19 and digitalization: the great acceleration / J. Amankwah-Amoah, Z. Khan, G. Wood, G. Knight // *Journal of Business Research*. – 2021. – Vol. 136. – P. 602–611. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.08.011>.
26. Zhang X., Xu Y., Ma L. Information technology investment and digital transformation: the roles of digital transformation strategy and top management // *Business Process Management Journal*. – 2023. – Vol. 29. – № 2. – P. 528–549. DOI: <https://doi.org/10.1108/BPMJ-06-2022-0254>.

27. Ганичев Н. А., Кошовец О. Б. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6 (195). – С. 94–108. DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108. EDN: DUNBAC.
28. Трофимова Г.А. Цифровая трансформация в России в условиях санкций // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 1. – № 8. – С. 104–107. DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_8_1_104. EDN: VNBRHY.
29. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2022 г. / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 221 с.
30. Горохова С.С. О некоторых аспектах регуляторного воздействия на российский финансовый рынок в условиях санкций недружественных государств // Право и политика. – 2024. – № 9. – С. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.9.71435>. EDN: NONYNX.
31. Санкции против России // X-compliance. URL: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения 16.01.2025).
32. Число подсанкционных российских лиц превысило 6000 // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/947919> (дата обращения 16.01.2025).
33. Нарбут В.В., Шпаковская Е.П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 131–148. DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_131_148. EDN: WMGUSN.
34. Ушколова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 218–226. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>. EDN: OGZSKI.
35. Ли Ч., Чэнь Ц. Влияние санкций на внешнюю торговлю российской федерации // Форум молодых ученых. – 2019. – № 3 (31). – С. 512–518. EDN: ZBJYWA.
36. Хажеева М., Швайкина И. Влияние международных экономических санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации // Молодая наука Сибири. – 2024. – № 4 (22). – С. 1–9.
37. Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 4. – С. 7–35. DOI: <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-4-7-35>. EDN: NFJOAW.
38. Афанасьев А.А. Об оценке влияния международных санкций на условия функционирования отечественной промышленности // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 179–194. DOI: <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114858>. EDN: FIPEIT.
39. Переход С.А., Мхитарян А.В., Селифонкина Д.С. Международные санкции против России (2014–2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 4. – С. 116–138. DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_4_116_138. EDN: RWIZLA.
40. Алихани С. Меры по нейтрализации последствий санкций против России на федеральном и региональном уровнях // Федерализм. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 150–161. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-1-150-161>. EDN: UNKTGU.
41. Земцов С.П., Баринаева В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 44–79. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>. EDN: RGUWPN.
42. Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2023 г. / Ю.В. Симачев, А.А. Яковлев, В.В. Голикова и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 38 с.
43. «Загадка» рубль: санкции, обменный курс и благосостояние // Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/zagadka-rublya-sanktsii-obmennyy-kurs-i-blagosostoyaniye/> (дата обращения 16.01.2025).
44. Валютные качели задают ускорение инфляции в России // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2024-12-10/1_9153_inflation.html (дата обращения 16.01.2025).
45. В квантовой гонке участвует с десятков стран, в том числе Россия. URL: <https://www.lebedev.ru/en/smi-onas/74-noyabr-2024/4787-07-11-2024-lazernyj-mir-v-kvantovoj-gonke-uchastvuet-s-desyatok-stran-v-tom-chisle-rossiya.html> (дата обращения 16.01.2025).

Информация об авторах

Красных Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; krasnykh.ss@uiec.ru

Поступила в редакцию: 18.01.2025

Поступила после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Onyesolu M., Eze F. Understanding virtual reality technology: advances and applications. *Advances in Computer Science and Engineering*, 2010, pp. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.5772/15529>.
2. Guttentag A. Virtual reality: applications and implications for tourism. *Tourism Management*, 2010, vol. 31 (5), pp. 637–651. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tourman.2009.07.003>.
3. Xiao Y. Research and practice on application of virtual reality technology in virtual estate exhibition. *Procedia Engineering*, 2011, vol. 11, pp. 1245–1250. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.proeng.2011.08.230>.
4. Bergin A., Craven M. Virtual, augmented, mixed, and extended reality interventions in healthcare: a systematic review of health economic evaluations and cost-effectiveness. *BMC Digital Health*, 2023, vol. 1, pp. 53. DOI: <https://doi.org/10.1186/s44247-023-00054-9>.
5. Logun K., Roschupkina I. Business scenarios for using augmented reality technologies in a modern manufacturing enterprise. *Production Organizer*, 2020, vol. 28, no. 4, pp. 16–26. (In Russ.) DOI: 10.25987/VSTU.2019.37.63.002. EDN: UCJQDE.
6. Pan J. Quantum information technology: current status and prospects. *Acta Physica Sinica*, 2024, vol. 73 (1), pp. 010301. DOI: <https://doi.org/10.7498/aps.73.20231795>.
7. Sharma A., Peelam M., Chauasia B., Chamola V. QIoTChain: Quantum IoT-blockchain fusion for advanced data protection in Industry 4.0. *IET Blockchain*, 2023, pp. 12059. DOI: <https://doi.org/10.1049/bic2.12059>.
8. Ratkin L.S. Use of quantum communications for the implementation of investment projects to modernize high-tech industries of the Russian economy. *Russia: trends and prospects of development*, 2022, vol. 17-1, pp. 520–522. (In Russ.) EDN: VCTRDU.
9. Bukhanets D.I., Bocharov L.Yu. Characteristics of American military research program in quantum computing. *New researches in the development of techniques and technologies*, 2016, vol. 1, pp. 54–76. (In Russ.) EDN: WCJNAN.
10. Saha S., Bappaditya J., Jayanta P. A Study on blockchain technology. *SSRN*, 2019, pp. 3477373. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3477373>.
11. Ahmed O. Blockchain technology: concept of digital economics. Available at: <https://mp.ra.ub.uni-muenchen.de/80967/> (accessed 16 January 2025).
12. Shilov K.D. Cryptocurrencies: market trends and sanctions. *Economic Development of Russia*, 2023, vol. 30, no. 2, pp. 43–50. (In Russ.) EDN: GHHFLE.
13. Vakhturov E.V. International experience in minimizing sanctions risks in the process of making cross-border payments. *Innovations and Investments*, 2023, vol. 8, pp. 217–220. (In Russ.) EDN: OOJSQQ.
14. Khan Z., Siddique A., Lee C. Robotics utilization for healthcare digitization in global COVID-19 management. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17, Iss. 11, pp. 3819. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17113819>.
15. Balta M., Valsecchi R., Papadopoulos T., Bourne D. Digitalization and co-creation of healthcare value: a case study in occupational health. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, vol. 168, pp. 120785. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120785>.
16. Pappas I., Mikalef P., Giannakos M., Krogstie J., Lekakos G. Big data and business analytics ecosystems: paving the way towards digital transformation and sustainable societies. *Information Systems and e-Business Management*, 2018, vol. 16, pp. 479–491. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10257-018-0377-z>.
17. Noussan M., Tagliapietra S. The effect of digitalization in the energy consumption of passenger transport: an analysis of future scenarios for Europe. *Journal of Cleaner Production*, 2020, vol. 258, pp. 120926. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120926>.
18. Kasliwal M., Suryawanshi S. A novel approach to garbage management using internet of things for smart cities. *International Journal of Current Trends in Engineering & Research*, 2016, vol. 2 (5), pp. 348–353.
19. Akhil Nair R., Valarmathie P.Dr. IoT based waste management system for smart cities. *International Journal of Advance Research, Ideas and Innovations in Technology*, 2017, vol. 3, Iss. 3, pp. 1276–1280.
20. Nirde K., Mulay P., Chaskar U. IoT based solid waste management system for smart city. *International Conference on Intelligent Computing and Control Systems (ICICCS)*. Madurai, India, 2017. pp. 666–669. DOI: <https://doi.org/10.1109/ICCONS.2017.8250546>.
21. Ringenson T., Höjer M., Kramers A., Viggedal A. Digitalization and environmental aims in municipalities. *Sustainability*, 2018, vol. 10, Iss. 4, pp. 1278. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10041278>.
22. Kamble S., Gunasekaran A., Parekh H., Mani V., Belhadi A., Sharma R. Digital twin for sustainable manufacturing supply chains: current trends, future perspectives, and an implementation framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 2022, vol. 176, pp. 121448. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121448>.

23. Simchenko N., Tsohla S., Chyvatkin P. IoT & digital twins concept integration effects on supply chain strategy: challenges and effect. *International Journal of Supply Chain Management*, 2019, vol. 8, no. 6, pp. 803–808. DOI: <https://doi.org/10.59160/ijscm.v8i6.4073>.
24. Guo H., Yang Z., Huang R., Guo A. The digitalization and public crisis responses of small and medium enterprises: implications from a COVID-19 survey. *Frontiers of Business Research in China*, 2020, vol. 14 (1), pp. 1–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/s11782-020-00087-1>.
25. Amankwah-Amoah J., Khan Z., Wood G., Knight G. COVID-19 and digitalization: the great acceleration. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 136, pp. 602–611. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.08.011>.
26. Zhang X., Xu Y., Ma L. Information technology investment and digital transformation: the roles of digital transformation strategy and top management. *Business Process Management Journal*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 528–549. DOI: <https://doi.org/10.1108/BPMJ-06-2022-0254>.
27. Ganichev N.A., Koshovets O.B. Russia's digital economy: towards a development strategy under sanctions. *Problems of Forecasting*, 2022, vol. 195, no. 6, pp. 94–108. DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
28. Trofimova G.A. Digital transformation in Russia under sanctions. *Journal of Applied Research*, 2022, vol. 1, no. 8, pp. 104–107. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_8_1_104. EDN: VNBRHY.
29. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovsky S.A., Vishnevsky K.O., Gershman M.A., Gokhberg L.M. Digital transformation: expectations and reality. *XXIII Yasinskaya (April) international scientific conference on the problems of development of economy and society*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2022. 221 p. (In Russ.)
30. Gorokhova S.S. On some aspects of the regulatory impact on the Russian financial market under the sanctions of unfriendly states. *Law and Policy*, 2024, vol. 9, pp. 1–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.9.71435>. EDN: NONYNX.
31. Sanctions against Russia. *X-compliance*. (In Russ.) Available at: <https://x-compliance.ru/statistics> (accessed 16 January 2025).
32. The number of under-sanctioned Russian persons has exceeded 6,000. *Interfax*. (In Russ.) Available at: <https://www.interfax.ru/russia/947919> (accessed 16 January 2025).
33. Narbut V.V., Shpakovskaya E.P. Russia's foreign trade trends under sanctions. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2023, vol. 2, pp. 131–148. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_2_131_148. EDN: WMGUSN.
34. Ushkalova D.I. Russia's foreign trade under sanctions pressure. *Journal of the New Economic Association*, 2022, vol. 3 (55), pp. 218–226. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>. EDN: OGZSKI.
35. Li Ch., Chen Ts. The impact of sanctions on the foreign trade of the Russian Federation. *Forum of Young Scientists*, 2019, vol. 3 (31), pp. 512–518. (In Russ.) EDN: ZBJYWA.
36. Khazheeva M., Shvaykina I. Influence of international economic sanctions on foreign economic activity of the Russian Federation. *Young Siberian science*, 2024, no. 4 (22), pp. 1–9. (In Russ.)
37. Smirnov E.N. Evolution of international practice of application of anti-Russian economic sanctions. *Russian foreign economic bulletin*, 2022, no. 4, pp. 7–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-4-7-35>. EDN: NFJOAW.
38. Afanasyev A.A. Concerning the assessment of the impact of international sanctions on Russian industry. *Journal of International Economic Affairs*, 2022, vol. 12, no. 12, pp. 179–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114858>. EDN: FIPEIT.
39. Perekhod S.A., Mkhitaran A.V., Selifonkina D.S. International sanctions against Russia (2014–2024): assessment and implications for the financial market. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2024, no. 4, pp. 116–138. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_4_116_138. EDN: RWIZLA.
40. Alikhani S. Measures to neutralize the consequences of sanctions against Russia at the federal and regional levels. *Federalism*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 150–161. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-1-150-161>. EDN: UHKTGU.
41. Zemtsov S.P., Barinova V.A., Mikhailov A.A. Sanctions, the departure of foreign companies and business activity in the regions of Russia. *Economic Policy*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 44–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2023-2-44-79>. EDN: RGUWPN.
42. Simachev Y.V., Yakovlev A.A., Golikova V.V. Adaptation of Russian industrial companies to sanctions: first steps and expectations. *XXIV Yasinskaya (April) international scientific conference on the problems of development of economy and society*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2023. 38 p. (In Russ.)
43. “Mystery” of the ruble: sanctions, exchange rate and welfare. *Economic conversation*. (In Russ.) Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/zagadka-rublya-sanktsii-obmennyy-kurs-i-blagosostoyaniye/> (accessed 16 January 2025).
44. Currency Swings Set Acceleration of Inflation in Russia. *Nezavisimaya Gazeta*. (In Russ.) Available at: https://www.ng.ru/economics/2024-12-10/1_9153_inflation.html (accessed 16 January 2025).
45. A dozen countries, including Russia, are participating in the quantum race. (In Russ.) Available at: <https://www.lebedev.ru/en/smi-o-nas/74-noyabr-2024/4787-07-11-2024-lazernyj-mir-v-quantovoj-gonke-uchastvuet-s-desyatok-stran-v-tom-chisle-rossiya.html> (accessed 16 January 2025).

Information about the authors

Sergey S. Krasnykh, Cand. Diss., Research Fellow, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; krasnykh.ss@uiec.ru

Received: 18.01.2025

Revised: 25.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 316.347(=1-86)(571.1/.5)

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1946

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Национальные сетевые сообщества в жизнеобеспечении регионов ресурсного типа

А.В. Орлова✉, В.Э. Кытманова

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово✉ anniov@bk.ru

Аннотация. Актуальность. Межэтнические отношения в многонациональных государствах представляют собой одну из наиболее актуальных проблем современности. В России проживает 190 народов, 46 из которых являются коренными и малочисленными. Учитывая многообразие народов, проживающих на территории Сибири, необходимо вовремя реагировать на возникающие напряженности или межэтнические конфликты, ведущие к массовой мобилизации населения и противостояниям «мы» и «чужие». **Цель:** выявление роли национальных сетевых сообществ в системе жизнеобеспечения регионов ресурсного типа. **Методы:** сетевой анализ, который проводился как «вручную», так и с помощью аналитического сайта Popsters для сравнения наиболее популярных сообществ. **Результаты:** были выделены наиболее популярные национальные сообщества. Анализ информации, распространяемой в них, показывает, что в основном участники сообществ рассказывают об обычаях, проведенных мероприятиях, делятся рецептами национальных блюд. Можно отметить, что темы постов и репостов чаще всего касаются повседневной жизни жителей регионов, то есть виртуальная коммуникация дополняет и расширяет реальную. **Выводы:** в современном мире большое влияние на коммуникации жителей регионов оказывают цифровые технологии, которые могут воздействовать на идентификацию человека, в том числе и национальную. Социальные сети способствуют быстрому распространению информации, что формирует возможности социальной и политической мобилизации ресурсов как для позитивной деятельности, так и для деструктивного поведения. Особую остроту этой мобилизации может придать национальный окрас сетевых сообществ, поэтому так важно своевременное реагирование на информацию, распространяемую в них.

Ключевые слова: нация, Сибирь, регион ресурсного типа, сетевые сообщества, национальные сетевые сообщества, мобилизация

Благодарности: Материалы подготовлены при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Акторы социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Орлова А.В., Кытманова В.Э. Роль национальных сетевых сообществ в социальной и политической коммуникации регионов ресурсного типа // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 66–79. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1946

UDC 316.347(=1-86)(571.1/.5)

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1946

National network communities in the life support of resource-type regions

A.V. Orlova✉, V.E. Kytmanova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

✉anniov@bk.ru

Abstract. Relevance. Interethnic relations in multinational States are one of the most pressing problems of our time. Russia is a multinational country, 190 peoples live in it, 46 of which are indigenous and small. Taking into account the diversity of the peoples living in Siberia, it is necessary to respond in time to emerging tensions or interethnic conflicts leading to mass mobilization of the population and confrontations between «us» and «strangers». **Aim.** To identify the role of national network communities in the life support system of resource-type regions. **Method.** Network analysis, which was conducted both "manually" and using the Popsters analytical site to compare the most popular communities. **Results.** The authors have identified the most popular national communities. An analysis of the information disseminated in them shows that community members mainly talk about customs, events held, and share recipes for national dishes. It can be noted that the topics of posts and reposts most often relate to the daily lives of residents of the regions, that is, virtual communication complements and expands the real one. **Conclusions.** In the modern world, digital technologies are increasingly influencing the communications of regional residents. This can affect human identification, including national identification. Social networks facilitate the rapid dissemination of information, which creates opportunities of social and political mobilization of resources for both positive activities and destructive behavior. The national color of online communities can make this mobilization particularly acute that is why timely response to information disseminated in them is so important.

Keywords: nation, Siberia, resource-type region, network communities, national network communities, mobilization

Acknowledgements: The materials were prepared with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project no. FZSR-2024-0017 «Actors of socio-political mobilization in Siberian resource-type regions: network analysis and forecasting using artificial intelligence algorithms»).

For citation: Orlova A.V., Kytmanova V.E. National network communities in the life support of resource-type regions. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 66–79. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1946

Актуальность

Межэтнические отношения в многонациональных государствах представляют собой одну из наиболее актуальных проблем современности. В России, по данным переписи 2020 г., проживает более 190 народов, из них 46 – коренные малочисленные этносы. Наиболее крупными народами страны являются русские, татары, чеченцы, башкиры, чувашы, аварцы, армяне, украинцы, даргинцы и казахи [1]. Такое разнообразие народов требует создания этнокультурной безопасности [2]. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [3] предусматривается «обеспечение поддержки коренных малочисленных народов Российской Федерации, включая создание необходимых условий для сохранения и защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни». Эти условия зависят от системы жизнеобеспечения региона, под которой мы понимаем «модернизированный комплекс условий, капитала и ресурсов, которые стимулируют к

развитию жизненных сил и повышению продуктивности социальной активности; к осуществлению политической власти и формированию идентичностей; к расширению возможностей социального участия, развитию городских форм жизни и т. д.» [4, с. 23].

Сибирь как макрорегион – это территория, обладающая уникальной историей, концентрацией разнообразных ресурсов, а также насыщенная событиями социальной, экономической, политической и культурной жизни населения. Историко-сравнительные исследования Сибирских регионов подтверждают уникальные процессы формирования новых и сохранения традиционных (сложившихся) административно-территориальных, производственных, геополитических и социокультурных отношений. Отдаленность от центральных районов и официальной власти способствовала усилению принципов самоорганизации и мобилизации на данной территории. В советское время Сибирь активно развивалась. Привлечение людей для жизни и работы в регионе было как добровольным (участие в освоении ресурсов), так и принудительным (насильственное переселение). Необходимость быстро восполнить утраченные в первые годы после революции ресурсы привела к пониманию, что мобилизация – «это единственно возможное средство для успешного общественного развития». Во время Великой Отечественной войны (1941–1945) и в послевоенное время Сибирь становится одним из главных индустриальных регионов. Эвакуация заводов из Центральной России, восстановление и их запуск в Сибири дали мощный толчок к развитию. Многие решения производственных и бытовых вопросов приходилось принимать, не дожидаясь центральных официальных властей, поэтому опять включались механизмы самоорганизации на территории [5]. Но в 1990-е гг. возможности ресурсных территорий превратились в их недостатки. М. В. Курбатова, С. Н. Левин и др. предлагают следующее определение регионов ресурсного типа: «регионы, характеризующиеся не просто высокой ресурсной обеспеченностью, но и той или иной степенью ресурсной зависимости» [6, с. 95]. К.С. Саблин указывает, что регионы относятся к категории «ресурсного типа» (ресурсодобывающих), если для них «базовыми отраслями являются горнодобывающие отрасли, и (или) отрасли обрабатывающей промышленности первичного передела, производящие сырьевую и промежуточную продукцию» [7, с. 130]. В Сибирском макрорегионе представлены четыре группы регионов с выделенными уровнями ресурсной зависимости: очень высокий уровень (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ); высокий уровень (Томская область, Иркутская область, Кемеровская область); средний уровень развития (Тюменская область без автономных округов, Республика Хакасия, Красноярский край) и регионы с преобладанием добывающих отраслей промышленности (Республика Тыва) [8]. При больших запасах природных ресурсов Сибирь характеризуется оттоком социальных ресурсов, сильной зависимостью от ресурсодобывающих компаний, оторванностью от центра принятия решений, а следовательно, большим влиянием местных сообществ на жизнь региона. Регионы Сибири, имеющие специфическое географическое положение, центровку территорий, географических мест, социальных ресурсов, национальное разнообразие и равноудаленное размещение, занимают определенные, по-своему уникальные позиции и в плане сетевого виртуального сопровождения социальных и политических коммуникаций населения Сибирских регионов ресурсного типа. Исследовательская ориентация на ресурсы регионов является исходным основанием в интересах построения региональных моделей коммуникации национальных сетевых сообществ, позволяющих компетентно и с использованием современных цифровых инструментов описывать социально-политические процессы, происходящие на обширных Сибирских территориях. Учитывая многообразие народов, проживающих на территории Сибири, необходимо вовремя реагировать на возникающие напряженности или межэтнические конфликты, ведущие к массовой мобилизации населения и противостояниям «мы» и «чужие».

Цель данного исследования – выявление роли национальных сетевых сообществ в системе жизнеобеспечения регионов ресурсного типа.

Методы исследования

Значимость социальных сетей повышается с каждым днем, что обуславливает высокую включенность граждан России в социальные сети (по данным Brand Analytics, в октябре 2024 г. число активных авторов в социальных медиа в России составило 74,9 млн – 51,25 % от всего населения страны) [9]. Пользователи создают свои личные страницы, каналы, блоги и пр., делятся своими контактными данными, фотографиями и т. п., а иногда и ежедневно транслируют свою жизнь в «массы» (блогеры). Социальные сети становятся важным источником социологической информации, позволяя с помощью сетевого анализа изучать социальные, межнациональные, межэтнические, межкультурные, политические и другие взаимодействия, происходящие в виртуальном пространстве. В рамках исследования, проведенного в сентябре–декабре 2024 г., выделено 661 уникальное сообщество в социальной сети «ВКонтакте» различной направленности (гендерные, молодежные, патриотические, а также национальные, которые и будут рассмотрены в данной статье), относящееся к регионам ресурсного типа. Участники каждой группы могут представлять и отстаивать свои интересы, обсуждать острые/проблемные темы как города, так и всего региона. После проведенного далее отбора было выделено 118 сообществ с разным уровнем включенности и активности пользователей.

По регионам сообщества распределились следующим образом: Ямало-Ненецкий автономный округ – 14 шт., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – 8 шт., Тюменская область – 15 шт., Кемеровская область – 32 шт., Иркутская область – 9 шт., Томская область – 6 шт., Красноярский край – 14 шт., Республика Хакасия – 3 шт., Республика Тыва – 14 шт.

Также было проведено пилотажное сравнение самых больших национальных сообществ (по количеству подписчиков) с помощью сервиса для сетевого анализа сообществ в различных социальных сетях – Popsters¹.

Результаты исследования

В жизни региона жители могут участвовать через онлайн-взаимодействия как между собой, так и с органами власти. Сетевые сообщества позволяют информировать о значимых событиях территории, обсуждать местные и региональные проблемы, искать пути их решения, обращаться с просьбами к органам власти и привлекать к коммуникации других акторов социального и политического взаимодействия и мобилизации. Социальные сети становятся площадкой для оценки деятельности органов региональной власти, в том числе и во взаимодействии с населением. Данные о пользователях интернета и социальных сетей в России свидетельствуют о широком вовлечении общества в социальные сети. Так, в апреле 2024 г. 73,5 % жителей России являлись пользователями социальных сетей [10]. В тройку лидеров социальных медиа входит «ВКонтакте» (месячный охват – 74,3 % населения) [11]. Эта сеть – наиболее распространенный и быстрый способ общения, имеющий многообразные возможности для создания как личных страниц, так и сообществ, объединяющих разных людей. У. Бек полагал, что современное общество «политизируется» через индивидуализацию, в результате которой граждане формируют повестку «политики повседневности», которая наполняется новыми институциональными смыслами, «вторжением в биографию» на фоне публичного характера уникальных жизненных историй» [12]. В то же время концепция политического участия Л. Милбрата позволяет увидеть, что на нижнем уровне (digital spectator activities) большую роль играет именно феномен массового кликтивизма и metavoicing с его лайками, переходящий на средний уровень (digital transitional activities) со сбором цифровых петиций, привлечением финансовых средств, политическим консьюмеризмом, а затем достигающий высшего уровня (digital gladiatorial activities) с наименьшим числом участников (от групп хакеров до партий) [13].

¹ Popsters. URL: <https://popsters.ru/> (дата обращения 17.12.2024).

Присутствие органов местного самоуправления в социальных сетях, в том числе во «ВКонтакте», в условиях новой цифровой реальности является обязанностью (согласно Федеральному закону от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [14]) и необходимостью, поскольку за счет этого обеспечивается некая информационная прозрачность их деятельности на данной территории. Муниципальная власть наиболее приближена к общественной среде, в которой формулируются общественные интересы, выдвигаются гражданские инициативы, складывается общественное мнение жителей муниципальной территории. Поэтому для органов местного самоуправления социальные сети выступают каналом коммуникации, с помощью которого они могут оперативно, адресно и без посредников информировать о своей деятельности, выявлять наиболее напряженные вопросы, требующие приоритетного решения, получать сигналы о критических ситуациях. Таким образом, через аккаунты в социальных сетях органы местного самоуправления занимают позицию официального полезного источника информации в информационном пространстве.

Рассмотрение национальных меньшинств, коренных и малочисленных народов и групп, которых в Сибири большое разнообразие, обусловлено их ролью в жизнеобеспечении региона, актуальностью изучения активности и степени проявленности национальных либо этнокультурных коммуникаций в регионах ресурсного типа, актуальности обсуждаемых ими проблем. Необходимо признать, что значительная часть содержания коммуникативной деятельности национальных сообществ остается «не расколдованной» (по М. Веберу) в силу языковых ограничений и ментальной рассогласованности социокультурного восприятия многих социальных практик. Вместе с тем само влияние этнонациональных сообществ на развитие территорий не стоит игнорировать и занижать ее значимость. Самоорганизационный потенциал сетевых сообществ, топология которых описывается преимущественно горизонтальными коммуникациями, представляет собой отличительное, конкурентное преимущество по сравнению с вертикально организованными (формальными, бюрократическими) структурами. Это позволяет сетям успешно решать нестандартные проблемы коллективным способом с применением нелинейного взаимодействия как внутри сети, так и вне ее (внешней среде), мобилизуя имеющиеся ресурсы. Такова позиция, например, Л. Беннета и А. Сегерберга, предложивших теорию «связующего действия» [15]. В качестве противоположной точки зрения выступает позиция, согласно которой сетевые сообщества могут быть успешнее формальных организаций только в том случае, если они функционируют на основании социального капитала, уже сформированного последними. В силу «слабости» связей между акторами в рамках сети сторонники данной позиции утверждают, что групповая коммуникация, отсутствующие навыки взаимодействия и опыт коллективного принятия решения становятся преградой для становления эффективной организационной структурой, способной конкурировать с формальной [16].

Процессы глобальной цифровизации вовлекают малые народы на включение в новые формы взаимодействия, сохранения своей идентичности в современном обществе. Ведя в основном традиционный образ жизни, представители национальных сообществ в современных реалиях чаще всего вынуждены менять и приспосабливать различные виды деятельности под виртуальную среду [17]. В частности, практика изучения больших региональных данных показывает тяготение сетевых сообществ ЯНАО к консолидированному обсуждению национально-этнических вопросов в социальной сети «ВКонтакте». Другими словами, точкой сборки традиционных сообществ выступают новые виртуальные сети коммуникации. Большинство национальных сообществ «ВКонтакте» отражают культуру коренных народов своих регионов. Публикация постов, а также общение внутри сообществ осуществляется

преимущественно на русском языке, что позволяет использовать возможности узнать о культуре малых этносов и национальных групп. Также сообщества, не являющиеся национальными по составу так или иначе отражают определенные элементы национальной культуры своих регионов: освещают национальные события, праздники, обычаи, традиции. Такая поликультурность и включенность малых народов в региональный информационный формат в эпоху глобализации позволяют сохранять и транслировать элементы этнической культуры и снижать угрозы эскалации напряженности и межнациональных конфликтов.

Виртуальное пространство в региональном ракурсе изучения становится площадкой для сохранения культуры и истории через сообщества, где размещаются архивные и современные фото- и видеоматериалы, организуются виртуальные и реальные экскурсии. Через социальные сети существует возможность ознакомить другие сообщества с национальной культурой, рассказать о традициях и выйти с локального на региональный уровень и далее.

Авторами статьи были проанализированы национальные сообщества Сибири во «ВКонтакте», учитывались лишь «живые» сообщества, то есть те, в которых самая поздняя дата последней публикации – март 2024 г. (таблица). По среднему количеству подписчиков лидируют интернет-сообщества Республики Тыва (41117,2 чел.), наименьшее среднее количество – в Кемеровской области (562,8 чел.). Что может говорить о большой вовлеченности жителей Тывы в социальные сети. Также интересным видится тот факт, что лишь в Республике Тыве преобладающим народом являются тувинцы, а не русские. Возможно, именно этим обусловлена большая активность и представленность в сети пользователей-тувинцев, а также популярность тувинских сообществ.

Большинство сообществ отражают культуру коренных народов региона (60 сообществ). Официальные сообщества, имеющие наибольшее количество подписчиков (к ним относились, например, сообщества мечети, благотворительных фондов, ассоциаций, представительств и пр.), представлены в пяти из девяти регионах: ЯНАО, ХМАО, ТюмО, КО, ТомО. В Кемеровской области обнаружилось два официальных сообщества, что является наибольшим, несмотря на наименьшее среднее количество подписчиков во всех обозначенных национальных сообществах КО. Однако в Республике Тыва – регионе с самыми крупными неофициальными национальными сообществами – официальное сообщество «Центр тувинской культуры» насчитывает в разы меньше пользователей (23151 чел.) и не смогло попасть в список наиболее популярных сообществ. Несмотря на это тувинцы создают свои группы и в других регионах. Так, в список попали их сообщества в Красноярском крае (и заняли первые строчки).

Помимо описанного выше анализа, проведенного «вручную», авторы статьи также воспользовались возможностями аналитического сайта Popsters для сравнения наиболее популярных сообществ (рисунок). Его результаты говорят о том, что не всегда сообщества с большим количеством подписчиков являются активными (количество просмотров, реакций на посты). Данный факт требует дополнительного анализа для определения, в частности, насколько активно и как отражаются национальные либо этнокультурные коммуникации в регионе, какие проблемы актуальны и обсуждаемы национальными сообществами и т. д.

Анализ информации, распространяемой в выделенных авторами национальных сообществах, показывает, что в основном они рассказывают об обычаях, проведенных мероприятиях, делятся рецептами национальных блюд. Можно отметить, что темы постов и репостов чаще всего касаются повседневной жизни жителей регионов, то есть виртуальная коммуникация дополняет и расширяет реальную.

К ключевым особенностям сетевых сообществ можно отнести способность их подписчиков коллективно потреблять, воспринимать и интерпретировать размещаемую информацию, в результате чего формируются коллективные ответные реакции и обобщенная позиция. При этом стоит отметить, что данные процессы протекают без участия институциональных посредников.

Таблица. Национальные сообщества Сибирских регионов в социальной сети «ВКонтакте»**Table. National communities of Siberian regions on the VKontakte social network**

Регион Region	Население, чел. Population, people (2024)	Представленные народы Peoples represented*	Коренные и малочисленные народы Indigenous and small-numbered peoples**	Лидеры среди национальных сообществ (по количеству подписчиков на 11.01.2025) Leaders among national communities (by the number of subscribers as of 11.01.2025)
Ямало-Ненецкий АО Yamalo-Nenets Autonomous District	515960 (плотность – 0,67 чел./км ²) (density – 0.67 people/km ²)	- Русские/Russians – 62,9 % (253306 чел./people) - Ненцы/Nenets – 8,9 % (35917 чел./people) - Татары/Tatars – 4,7 % (18912 чел./people) - Украинцы/Ukrainians – 4,5 % (18234 чел./people) - Ханты/Khanty – 2,5 % (9985 чел./people) - Азербайджанцы/Azerbaijanis – 1,7 % (6696 чел./people) и др./and others	- Ненцы/Nenets – 8,9 % (35917 чел./people) - Ханты/Khanty – 2,5 % (9985 чел./people) - Селькупы/Selkups – 0,5 % (2001 чел./people)	«Ненцы»/"Nenets" – 12987 чел./people «Департамент по делам КМНС ЯНАО» "Department for Indigenous Minorities of the North of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug"**** – 7982 чел./people «Этнопарк»/"Ethnopark" – 5701 чел./people. «Ассоциация "Ямал – потомкам!"» "Association "Yamal – to Descendants!" – 5195 чел./people
Ханты-Мансийский АО Khanty – Mansiysk Autonomous District	1759386 (плотность – 3,29 чел./км ²) 1759386 (density – 3.29 people/km ²)	- Русские/Russians – 70,3 % (888660 чел./people) - Татары/Tatars – 6,3 % (79727 чел./people) - Украинцы/Ukrainians – 3,3 % (41596 чел./people) - Башкиры/Bashkirs – 2,4 % (29717 чел./people) - Таджики/Tajiks – 1,7 % (21791 чел./people) - Азербайджанцы/Azerbaijanis – 1,7 % (21259 чел./people) и др./and others	- Ханты/Khanty – 1,5 % (19568 чел./people) - Манси/Mansi – 0,9 % (11065 чел./people) - Ненцы/Nenets – 0,1 % (1381 чел./people)	«Ханты, Манси и Лесные Ненцы. ХМАО–Югры» "Khanty, Mansi and Forest Nenets. Khanty-Mansi Autonomous Okrug– Yugra" – 4380 чел./people «Ханты Манси Мир Хӧнты ясӧн Луимӧ сӕрипос» "Khanty Mansi World Khanty Mansi Luima Seripos"**** – 3362 чел./people «Khanty_Live» – 1108 чел./people «Думающие игрушки народов Севера» "Thinking Toys of the Peoples of the North" – 732 чел./people
Тюменская область Tyumen region	1608500 (без учета ХМАО и ЯНАО округов) (плотность – 10,04 чел./км ²) 1608500 (excluding Khanty-Mansiysk Au- tonomous Okrug and Yamalo-Nenets Auton- omous Okrug districts) (density – 10.04 people/km ²)	- Русские/Russians (85,9 % – 1197435 чел./people) - Татары/Tatars (6,9 % – 96592 чел./people) - Казахи/Kazakhs (1,0 % – 14435 чел./people) - Украинцы/Ukrainians (0,8 % – 10953 чел./people) - Немцы/Germans (0,5 % – 6966 чел./people) - Азербайджанцы/Azerbaijanis (0,5 % – 6880 чел./people) и др./and others	Эвенки/Evenks – 10 чел./people	«Татары Тюмени»/"Tatars of Tyumen" – 10179 чел./people - РУССКАЯ ДРУЖИНА (Тюмень)» "RUSSIAN SQUAD (Tyumen)" – 8659 чел./people «"Северный человек" Тюмень» "Northern Man" "Tyumen" – 7347 чел./people «Центр сибирско-татарской культуры Тобольск»/"Center of Siberian-Tatar Culture Tobolsk"*** – 3392 чел./people

Кемеровская область – Кузбасс Kemerovo Region – Kuzbass	2547684 (плотность – 26,61 чел./км ²) 2547684 (density – 26.61 people/km ²)	• Русские/Russians (95,3 % – 2280108 чел./people) • Татары/Tatars (0,9 % – 22077 чел./people) • Немцы/Germans (0,4 % – 10132 чел./people) • Армяне/Armenians (0,4 % – 8811 чел./people) • Шорцы/Shors (0,3 % – 8324 чел./people) • Таджики/Tajiks (0,3 % – 8070 чел./people) и др./and others	• Шорцы/Shors – 0,3 % (8324 чел./people) • Телеуты/Teleuts – 0,1 % (2060 чел./people) • Кумандинцы/Kumandins – 123 чел./people	1. «Мусульмане Кемерово» "Muslims of Kemerovo"*** – 2337 чел./people 2. «Мусульмане Кемеровской области» "Muslims of the Kemerovo Region" – 1936 чел./people 3. «Благотворительный фонд “Развитие Горной Шории”» "Charitable Foundation "Development of Mountain Shoria"**** – 1425 чел./people 4. «Шория. Древняя и молодая» "Shoria. Ancient and Young" – 1137 чел./people
Иркутская область Irkutsk region	2330537 (плотность – 3,01 чел./км ²) 2330537 (density – 3.01 people/km ²)	• Русские/Russians (92,2 % – 1917265 чел./people) • Буряты/Buryats (3,6 % – 74746 чел./people) • Татары/Tatars (0,6 % – 12130 чел./people) • Украинцы/Ukrainians (0,5 % – 9506 чел./people) • Таджики/Tajiks (0,3 % – 7092 чел./people) • Армяне/Armenians (0,3 % – 5238 чел./people) и др./and others	• Эвенки/Evenks – 0,1 % (1144 чел./people) • Тофалары/Tofalars – 659 чел./people	1. «БУРЯТСКИЙ ИРКУТСК» "BURYAT IRKUTSK" – 6660 чел./people 2. «Северный человек» Иркутск» "Northern Man" Irkutsk" – 4439 чел./people 3. «Русская Община (Иркутск)» "Russian Community (Irkutsk)" – 2911 чел./people «Русский Лад – иркутское отделение» "Russian Lad – Irkutsk branch" – 1817 чел./people
Томская область Tomsk region	1043385 (плотность – 3,32 чел./км ²) 1043385 (density – 3.32 people/km ²)	• Русские/Russians – 93,4 % (802719 чел./people) • Татары/Tatars – 1,2 % (10358 чел./people) • Немцы/Germans – 0,5% (4472 чел./people) • Украинцы/Ukrainians – 0,5 % (4413 чел./people) • Азербайджанцы/Azerbaijanis – 0,3% (2903 чел./people) • Узбеки/Uzbeks – 0,3 % (2733 чел./people) и др./and others	• Селькупы/Selkups – 0,1 % (997 чел./people) • Ханты/Khanty – 0,1 % (495 чел./people) • Чулымцы/Chulyms – 228 чел./people • Эвенки/Evenks – 41 чел./people	1. «Русская Община города ТОМСК» "Russian Community of the city of TOMSK" – 2871 чел./people 2. «Немцы Томской области» "Germans of Tomsk region"**** – 2493 чел./people 3. «Томские Татары»/"Tomsk Tatars" – 1714 чел./people 4. «Томская духовная семинария» "Tomsk Theological Seminary" – 712 чел./people
Красноярский край Krasnoyarsk Territory	2846120 (плотность – 1,2 чел./км ²) 2846120 (density – 1.2 people/km ²)	• Русские/Russians (93,6 % – 2382723 чел./people) • Татары/Tatars (0,8 % – 19418 чел./people) • Таджики/Tajiks (0,5 % – 12968 чел./people) • Азербайджанцы/Azerbaijanis (0,5 % – 11658 чел./people)	• Долганы/Dolgans – 0,2 % (5867 чел./people) • Ненцы/Nenets – 0,2 % (3836 чел./people) • Кеты/Chum salmon – 911 чел./people	1. «Тыва подслушано в Красноярске))» "Tuva overheard in Krasnoyarsk))" – 51011 чел./people 2. «КМТЗ "ЭНЕСАЙ" I Тыва в Красноярске» "KMTZ "ENESAI" I Tuva in Krasnoyarsk" – 19023 чел./people

		- Украинцы/Ukrainians (0,5 % – 11601 чел./people) - Киргизы/Kyrgyz (0,4 % – 10652 чел./people) и др./and others	- Нганасаны/Nganasans – 663 чел./people - Селькупы/Selkups – 314 чел./people - Энцы/Ents – 195 чел./people - Чулымцы/Chulymys – 145 чел./people - Эвенки/Evenks – 20 чел./people	3. «ЭВЕНКИ»/"EVENKI" – 4979 чел./people 4. «Таджики Красноярска» "Tajiks of Krasnoyarsk" – 4115 чел./people
Республика Хакасия Republic of Khakassia	528175 (плотность – 8,58 чел./км²) 528175 (density – 8.58 people/km²)	- Русские/Russians (82,1 % – 356325 чел./people) - Хакасы/Khakassians (12,7 % – 55144 чел./people) - Немцы/Germans (0,7 % – 2831 чел./people) - Тувинцы/Tuvans (0,5 % – 2051 чел./people) - Украинцы/Ukrainians (0,4 % – 1800 чел./people) - Татары/Tatars (0,4 % – 1590 чел./people) и др./and others	Шорцы/Shors – 0,3 % (1445 чел./people)	1. «Хакасияның тархыны» "Khakasian Tarhyny" – 5627 чел./people 2. «АСХЫР Хакасия» "ASHYR Khakassia" – 4387 чел./people 3. «НАША ХАКАСИЯ» "OUR KHAKASSIA" – 881 чел./people <i>Всего было найдено три сообщества</i> <i>Three communities were found</i>
Республика Тыва Republic of Tyva	337544 (плотность – 2 чел./км²) 337544 (density – 2 people/km²)	- Тувинцы/Tuvans (88,7 % – 279789 чел./people) - Русские/Russians (10,1 % – 31927 чел./people) - Тувинцы – тоджинцы/Tuvans – Todzhans (2,3 % – 7189 чел./people) - Киргизы/Kyrgyz (0,1 % – 379 чел./people) - Хакасы/Khakassians (0,1 % – 359 чел./people) - Армяне/Armenians (0,1 % – 289 чел./people) и др./and others	Тувинцы – тоджинцы Tuvinians – Todzha – 2,3 % (7189 чел./people)	1. «Хөглүг аал»/"Khoglug aal" – 102649 чел./people 2. «ТЫВА ЫРЫЛАР АЯННЫГ ЫРЫЛАР ТУВИНСКИЕ ПЕСНИ»/"TYVA YRYLAR AYANNYGYRYLAR TUVINIAN SONGS" – 87389 чел./people 3. «Тыва хуреш. INFO»/"Tyva khuresh. INFO" – 88056 чел./people «Тыва шулуктер»/"Tyva shulukter" – 51146 чел./people

Источник: составлено авторами с использованием данных *Всероссийской переписи населения 2020 г. [18], **Единого перечня коренных и малочисленных народов Российской Федерации [19]; ***Официальные сообщества.

Source: compiled by the authors using the data from *The 2020 All-Russian Population Census [18], **The Unified List of Indigenous and Small-Numbered Peoples of the Russian Federation [19]; ***Official communities.

									
Соц.сеть									
Подписчиков	101 284	5 606	12 474	10 111	4 369	2 418	50 352	6 652	2 315
Postov	12	56	6	408	180	25	81	17	5
Мне нравится	2 665	2 625	1 669	1 645	1 163	778	197	160	46
Поделиться	648	148	73	233	70	110	92	22	8
Комментариев	390	91	57	85	37	13	295	0	0
Просмотров	224 493	73 955	28 015	136 595	58 549	17 262	186 279	7 332	1 329
Лайков в среднем	222	46	278	4	6	31	2	9	9
Репостов в среднем	54	2	12	0	0	4	1	1	1
Комментариев в среднем	32	1	9	0	0	0	3	0	0
Просмотров в среднем	18 707	1 320	4 669	334	325	690	2 299	431	265

Источник: составлено автором по данным сервиса Popsters.
Source: compiled by the author based on the data from the Popsters service.

Рисунок. Анализ национальных сетевых сообществ Сибири в сети «ВКонтакте»
(данные сервиса Popsters)

Figure. Analysis of the national network communities of Siberia in the VKontakte network
(data from the Popsters service)

Пользователи сетевых сообществ выступают не только как реципиенты информации, размещаемой в данных сообществах. Они также могут принимать участие в распространении общественно-политической информации, инициировать формирование горизонтальных связей, генерировать посредством комментариев собственный контент, интерпретировать информационно-политический контент сообщений в постах.

Демонстрируя активность в комментариях, пользователи влияют на то, как информацию из поста будут воспринимать другие подписчики. Не только само содержание поста становится значимой составляющей сетевой коммуникации, сколько активность участников сетевого сообщества в комментариях под ним, посредством которой формируется общественная реакция, общественная позиция и общественная оценка того или иного события или процесса. Даже самое нейтральное сообщение за счет управляемой или стихийной активности в комментариях может быть интерпретировано в совершенно ином ключе. Причем участниками коммуникации могут выступать и подписчики, не являющиеся жителями региона, в котором произошло то или иное событие. «Стирание границ» в сети может приводить к расширенному участию в жизни региона большего числа пользователей. Чаще всего в сетевых сообществах размещают информацию с других регионов страны, некоторые пользователи не выходят из групп даже при переезде из региона – все это формирует обширную сетевую коммуникацию.

Информация, размещенная в комментариях под постами, может оказать влияние на большинство нейтральных пользователей, не обнаруживающих активность в комментариях, но тем не менее являющихся активными потребителями такого рода контента. Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что наблюдается повышение манипулятивного потенциала сетевой коммуникации за счет смещения и искажения информации постов, размещаемых в сетевых сообществах, посредством размещения пользовательских комментариев и субъективных позиций.

Таким ярким примером триггерной тематики является национальная тема и тема миграций иностранных (иноязычных) граждан из стран Средней Азии на территории Сибирских регионов. В частности, в Республике Тыва в начале декабря 2024 г. [20] мигрантом из Средней Азии было совершено насилие над местной девушкой. Происшествие получило резо-

нансное освещение в местных социальных сетях и вызвало множественный отклик (более тысячи комментариев и большое количество перепостов среди пользователей). Но поводом для активных насильственных действий в адрес мигрантов послужила информация о якобы заражении девушки ВИЧ. Буквально в считанные часы собралась внушительная толпа мужчин, которые напали на мигрантов, работающих на предприятии и избили несколько из них. Власти же не смогли удержать ситуацию под контролем, не придав должного внимания совершенному над девушкой насилию [21]. Позже было выяснено, что фейк о заражении ВИЧ распространился с фейк-аккаунтов, расположенных за пределами региона. Тем не менее власти были вынуждены усилить контроль в регионе [22] и принимать решения о возможности введения ограничения для мигрантов, работающих в Республике Тыва [23].

В данной статье выделяются такие подходы к изучению категории «жизнеобеспечение», как биологический (его суть заключается в понимании обеспечения существования населения той или иной территории), антропологический (связь ресурсов конкретной среды обитания, позволяющих существовать людям), социальный (создание условий для удовлетворения социальных потребностей человека), социокультурный (акцент делается на образе жизни, обычаях, традициях, общепринятых ценностях людей), геополитический (объектом жизнеобеспечения является население и экономическая безопасность каждого региона), экономический (совокупность качественных и количественных характеристик), управленческий (жизнеобеспечение – регулируемый процесс создания благ), системный (жизнеобеспечение – социально-экономическая категория с иерархической, многофункциональной структурой) [4]. Анализируя роль национальных сетевых сообществ в регионах ресурсного типа, можно отметить следующее. Все изученные сообщества созданы с целью поддержания национальных ценностей, сохранения обычаев, традиций и самобытности народов, приобщения к культуре, что можно переложить на социокультурный подход в рассмотрении жизнеобеспечения. Стоит также отметить, что в рамках управленческого подхода большее число сообществ индивидуализировано, то есть субъекты жизнеобеспечения рассчитывают на свои силы (или обращаются к сообществу в поисках помощи) в удовлетворении потребностей, не перекладывая ответственность на органы власти (патерналистская позиция), что подтверждается данными таблицы. С позиции системного подхода в «жизнеобеспечение» включаются следующие составляющие: социокультурная сфера, региональные факторы, естественно-природные элементы, материально-вещественный мир потребляемых продуктов и услуг, экономическая сфера и др.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что сетевая коммуникация посредством социальных сетей вышла далеко за рамки информационно-коммуникационного процесса. В современном информационном обществе, даже в масштабе региона, человек находится под воздействием цифровых информационных технологий. Такие цифровые технологии способны оказывать влияние на идентификацию человека, в том числе и национальную, за счет содержащейся в них информации, а также посредством форм и методов, за счет которых эта информация может быть передана. В социальных сетях формируется поле сетевых взаимодействий, которое становится не только источником информации, но и за счет развития горизонтальных связей сетевая коммуникация становится способом решения как повседневных, так и общественно важных задач, а также способом существования в информационном пространстве. Расширение сетевой коммуникации, выход за пределы региона (события из других регионов, участники, не являющиеся жителями региона, их комментарии) создают дополнительные возможности для взаимодействия сетевых сообществ. Быстрое распространение информации не только внутри региона, но и за его пределами создают огромные возможности для социальной и политической мобилизации ресурсов сети как для позитивной деятельности (взаимо-

помощь и поддержка), так и для деструктивного поведения. Особенную остроту этой мобилизации может придать национальный окрас сетевых сообществ, так как они играют важную роль в социальной и политической коммуникации, формировании национальной идентичности, социальном участии и активности в жизни региона и т. п. Для создания благоприятных условий жизнеобеспечения многонационального государства необходимо своевременно реагировать на информацию, распространяемую, в том числе, и в национальных сетевых сообществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 15.12.2024).
2. Алиева Н.В. Национальные общества поликультурного региона как акторы обеспечения комплексной безопасности (на примере Астраханского региона) // *CaspiumSecuritatis: журнал каспийской безопасности*. – 2022. – № 2 (4). – С. 38–53.
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (в ред. от 6 дек. 2018 г. № 703). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 16.12.2024).
4. Система жизнеобеспечения городов Кузбасса: ресурсы населения, гражданская поддержка: коллективная монография / отв. ред. Е.А. Кранзеева. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. – 302 с.
5. Тимошенко А.И. Мобилизационные практики в формировании экономики сибирского тыла СССР (1920–1980-е гг.) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilizatsionnye-praktiki-v-formirovanii-ekonomiki-sibirskogo-tyla-sssr-1920-1980-e-gg> (дата обращения 25.12.2024).
6. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация / М.В. Курбатова, С.Н. Левин, Е.С. Каган, Д.В. Кислицын // *Terra Economicus*. – 2019. – № 17 (3). – С. 89–106. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106. EDN: GEJYTZ.
7. Саблин К.С. Сравнительный анализ инновационной активности в ресурсодобывающих регионах Сибири и странах БРИКС // *Журнал экономической теории*. – 2015. – № 2. – С. 129–133. EDN: TVUOPP.
8. Левин С.Н., Кранзеева Е.А., Саблин К.С. Субъекты квазипубличного взаимодействия в регионе ресурсного типа: взгляд изнутри // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2021. – Т. 30. – № 4. – С. 106–127. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127. EDN: FNLKZN.
9. Социальные сети в России. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (дата обращения 16.12.2024).
10. Борисова Л. Цифровая Россия 2024: интернет и социальные сети в цифрах. URL: <https://blog.manufact.pro/2024/07/01/digital-russia-2024/> (дата обращения 17.12.2024).
11. Mediascope. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения 17.12.2024).
12. Beck U. *Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 2015. – 437 p.
13. George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: understanding digital activism // *Information and Organization*. – 2019. – Vol. 29. – № 3. Article 100249. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»: федер. закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024> (дата обращения 01.02.2025).
15. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action // *Information, Communication & Society*. – 2012. – Vol. 15. – № 5. – P. 739–768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
16. Breuer A., Groshek J. Online media and offline empowerment in post-rebellion Tunisia: an analysis of internet use during democratic transition // *Political Communication*. – 2014. – Vol. 11. – № 1. – P. 25–44.
17. Плешкевич И.Б. Методология идентификации сообществ коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в социальных сетях // *Арктические исследования: от экстенсивного освоения к комплексному развитию: материалы III Международной молодежной научно-практической конференции*. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. – С. 126–130. EDN: OVKKIU.
18. Карта народов // *Народы России.рф*. URL: <https://xn----7sbmrazicodma9j.xn--p1ai/> (дата обращения 15.12.2024).

19. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26631/0b18494d31d83a8c049ac37acc932f3df0a7634d/ (дата обращения 15.12.2024).
20. Телеканал «Тува 24». URL: https://vk.com/tvtyva?w=wall-54122259_66381 (дата обращения 15.12.2024).
21. В Кызыле произошли нападения на мигрантов после фейков о ВИЧ // Богатыри земли Русской. URL: https://vk.com/wall-16279264_863864 (дата обращения 15.12.2024).
22. Общественная палата обсудила провокационные вбросы в социальных сетях // Телеканал «Тува 24». URL: https://vk.com/tvtyva?w=wall-54122259_66398 (дата обращения 15.12.2024).
23. Депутаты Верховного Хурала обсудили возможность введения ограничения для мигрантов, работающих в Республике Тыва // Телеканал «Тува 24». URL: https://vk.com/tvtyva?w=wall-54122259_66405 (дата обращения 15.12.2024).

Информация об авторах

Анна Владимировна Орлова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; anniov@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8568-6763>

Виктория Эдуардовна Кытманова, лаборант-исследователь учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; kytmanova.01@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.02.2024

Поступила после рецензирования: 27.02.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

REFERENCES

1. *The results of the VPN2020*. Vol. 5 National composition and language proficiency. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed 15 December 2024).
2. Alieva N.V. National societies of the multicultural region as actors of ensuring integrated security (on the example of the Astrakhan region). *CaspiumSecuritatis: Journal of Caspian Security*, 2022, no. 2 (4), pp. 38–53. (In Russ.)
3. *On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025*. Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 no. 1666 (as amended from 6 Dec. 2018, No. 703). (In Russ.) Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (accessed 16 December 2024).
4. *The life support system of Kuzbass cities: population resources, civil support: a collective monograph*. Ed. by E.A. Kranzeeva. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 2021. 302 p. (In Russ.)
5. Timoshenko A.I. Mobilization practices in shaping the economy of the Siberian rear of the USSR (1920–1980's). *Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology*. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilizatsionnye-praktiki-v-formirovanii-ekonomiki-sibirskogo-tyla-sssr-1920-1980-e-gg> (accessed 25 December 2024).
6. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S., Kislitsyn D.V. Resource-type regions in Russia: definition and classification. *Terra Economicus*, 2019, no. 17 (3), pp. 89–106. (In Russ.) DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106. EDN: GEJYTZ.
7. Sablin K.S. Comparative analysis of innovation activity in resource-producing regions of Siberia and the BRICS countries. *Journal of Economic Theory*, 2015, no. 2, pp. 129–133. (In Russ.) EDN: TVUOPP.
8. Levin S.N., Kranzeeva E.A., Sablin K.S. Subjects of quasi-public interaction in the resource-type region: an inside look. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 106–127. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127. EDN: FNLKZN.
9. *Social networks in Russia*. (In Russ.) Available at: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024> (accessed 16 December 2024).
10. Borisova L. *Digital Russia 2024: the Internet and social networks in numbers*. (In Russ.) Available at: <https://blog.manufact.pro/2024/07/01/digital-russia-2024/> (accessed 17 December 2024).
11. *Mediascope*. (In Russ.) Available at: <https://mediascope.net/data/> (accessed 17 December 2024).
12. Beck U. *World Risk Society. In search of lost security*. Frankfurt/Main, Suhrkamp Verlag, 2015. 437 p. (In Germ.)
13. George J.J., Leidner D.E. From Clicktivism to hacktivism: understanding digital activism. *Information and Organization*, 2019, vol. 29, no. 3. Article 100249. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
14. *On Amendments to the Federal Law «On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Governments» and Article 10 of the Federal Law «On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in*

- the Russian Federation*». Federal Law No. 270-FL dated 14.07.2022. (In Russ.) Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024> (accessed 1 February 2025).
15. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action. *Information, Communication & Society*, 2012, vol. 15, no. 5, pp. 739–768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
 16. Breuer A., Groshek J. Online media and offline empowerment in post-rebellion Tunisia: an analysis of internet use during democratic transition. *Political Communication*, 2014, vol. 11, no. 1, pp. 25–44.
 17. Pleshkevich I.B. Methodology of identification of communities of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East in social networks. *Arctic research: from extensive development to integrated development: proceedings of the III International Youth Scientific and Practical Conference*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov Publ., 2022. pp. 126–130. (In Russ.) EDN: OBKKIU.
 18. Map of nations. *The peoples of Russia. Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://xn---7sbmrzicodma9j.xn--plai/> (accessed 15 December 2024).
 19. *Unified List of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26631/0b18494d31d83a8c049ac37acc932f3df0a7634d (accessed 15 December 2024).
 20. *Tuva 24 TV channel*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/tvtyva?w=wall-54122259_66381 (accessed 15 December 2024).
 21. In Kyzyl, attacks on migrants occurred after fakes about HIV. *Heroes of the Russian land*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/wall-16279264_863864 (accessed 15 December 2024).
 22. The Public Chamber discussed provocative stuffing on social networks. *Tuva 24 TV channel*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/tvtyva?w=wall-54122259_66398 (accessed 15 December 2024).
 23. Deputies of the Supreme Khural discussed the possibility of introducing restrictions for migrants working in the Republic of Tyva. *Tuva 24 TV channel*. (In Russ.) Available at: https://vk.com/tvtyva?w=wall-54122259_66405 (accessed 15 December 2024).

Information about the authors

Anna V. Orlova, Cand. Sc., Associate Professor, Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; anniov@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8568-6763>

Victoria E. Kytmanova, Laboratory Researcher, Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; kytmanova.01@mail.ru

Received: 02.02.2024

Revised: 27.02.2025

Accepted: 28.03.2025

УДК 331.5-055.2:334.722.1.02
DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1952
Шифр специальности ВАК: 5.4.2

Интерес женщин России к предпринимательской деятельности

Ф.А. Таскин✉

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург*

✉taskinf@mail.ru

Аннотация. *Актуальность* исследуемой темы связана с тем, что развитие интереса женщин к предпринимательской деятельности и вовлечение в нее позволят обеспечить гендерное равенство на рынке труда, сократит безработицу, повысит уровень жизни, увеличит валовый внутренний продукт страны и наполнит бюджет за счет налоговых отчислений. Кроме этого, развитие собственного бизнеса поможет личностному росту и профессиональной самореализации женщин, снизит социальное напряжение в обществе. *Цель:* изучение причин заинтересованности российских женщин в предпринимательской деятельности. *Методы:* систематизация и обобщение данных, сравнительный анализ, опрос. *Результаты:* рассмотрены основные нормативные документы, регулирующие развитие женского предпринимательства в России. Проанализированы данные гендерной статистики о численности и занятости населения на 2020–2024 гг., количестве индивидуальных предпринимателей в стране. Представлены значения индекса женской предпринимательской активности за 2015–2023 гг., а также результаты опросов населения по теме развития женского предпринимательства в России, проведенных аналитическим центром НАФИ, Комитетом по развитию женского предпринимательства «ОПОРЫ РОССИИ», Всероссийским центром изучения общественного мнения. Сформулированы причины роста заинтересованности женщин в предпринимательской деятельности. Приведен ряд мер государственной поддержки женщин-предпринимателей. Выявлены уникальные черты женщин, способствующие достижению успеха в ведении своего дела. Систематизирован комплекс причин, мешающих развитию женского предпринимательства в России. *Выводы:* женщины проявляют интерес к организации собственного бизнеса. Выявлена высокая заинтересованность молодых женщин в предпринимательской деятельности, отмечено наличие в стране благоприятной среды для развития женского предпринимательства. Даны рекомендации по мерам, способствующим стимулированию интереса российских женщин к предпринимательской деятельности, развитию мероприятий государственной поддержки женского предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, женщины-предприниматели, заинтересованность в бизнесе, меры поддержки, причины успеха, проблемы

Для цитирования: Таскин Ф.А. Интерес женщин России к предпринимательской деятельности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 80–93. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1952

UDC 331.5-055.2:334.722.1.02

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1952

Interest of Russian women in entrepreneurial activity

F.A. Taskin✉

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation*

✉taskinf@mail.ru

Abstract. Relevance. The development of interest and involvement of women in entrepreneurial activity will ensure gender equality in the labor market, reduce unemployment, improve the standard of living, increase the country gross domestic product and fill the budget through tax deductions. In addition, developing their own business will facilitate personal growth and professional self-realization of women, reduce social tension in society. **Aim.** To study the reasons for the interest of Russian women in entrepreneurship. **Methods.** Systematization and generalization of data, comparative analysis, survey. **Results.** The paper considers the main regulatory documents governing the development of women's entrepreneurship in Russia. The author has analyzed the data of gender statistics on the number and employment of the population at the beginning of 2020–2024, the number of individual entrepreneurs in the country. The paper introduces the values of the index of female entrepreneurial activity for 2015–2023 and the results of population surveys on the development of female entrepreneurship in Russia, conducted by the analytical center NAFI, the Committee for the Development of Female Entrepreneurship "OPORA RUSSIA", the All-Russian Center for the Study of Public Opinion. The author stated the reasons for the growth of women's interest in entrepreneurship and proposed a number of measures of state support for women entrepreneurs, as well as identifies the unique features of women that contribute to achieving success in entrepreneurship. The paper demonstrates the set of reasons that hinder the development of female entrepreneurship in Russia. **Conclusion.** Women are interested in organizing their own business, young women are interested in entrepreneurship, there is favorable environment in the country for the development of female entrepreneurship. The paper introduces the recommendations on measures to stimulate the interest of Russian women in entrepreneurship, the development of measures of state support for women's entrepreneurship.

Key words: entrepreneurship, women entrepreneurs, interest in business, support measures, reasons for success, problems

For citation: Taskin F.A. Interest of Russian women in entrepreneurial activity. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 80–93. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1952

Введение

Женское предпринимательство является важной и активно развивающейся частью российской экономики. Женщины-предприниматели создают позитивный имидж страны, способствуют укреплению авторитета России на мировой арене. Программы поддержки предпринимательских инициатив, развитие инфраструктуры поддержки, расширение межрегиональных контактов между женщинами-предпринимателями и налаживание международных связей играют важную роль в стимулировании предпринимательской активности среди женщин. По мнению большинства россиян, мужчины и женщины в современном мире имеют одинаковые шансы на успех в бизнесе. Зарубежные исследователи пришли к выводу, что прирост мирового ВВП до 6 % возможен при расширении занятости женщин в сфере малого предпринимательства [1].

Одной из ключевых задач государственных органов является создание условий и возможностей для увеличения занятости женщин в области малого бизнеса. Основными нормативными документами, регулирующими развитие женского предпринимательства в России на федеральном уровне, являются Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2], Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. [3], Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. [4], План мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин [5]. В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) в Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве одного из направлений предусмотрено создание дополнительных механизмов популяризации женского предпринимательства. В Плате мероприятий утверждены мероприятия по привлечению женщин в предпринимательскую деятельность, в том числе по наращиванию грантовой поддержки, обучение женщин и формирование у них новых профессиональных компетенций, развитие системы наставничества, расширение участия женщин-предпринимателей в экспортной деятельности, в реализации экологических проектов, обеспечение доступа предпринимательниц к международным рынкам сбыта, проведение международных конкурсов по женскому предпринимательству на площадках международных организаций и объединений [5].

Поддержка развития женского бизнеса финансируется за счет средств федерального бюджета, бюджетов регионов России, а также внебюджетных источников, ресурсов общественных организаций и коммерческих банков [6]. Кроме того, для вовлечения женщин в предпринимательскую деятельность предусмотрены мероприятия кредитно-гарантийной поддержки Корпорации МСП, которые включают льготные кредиты, выдачу гарантий и поручительств, льготный лизинг оборудования [7, 8].

Анализ основных причин, способствующих вовлечению женщин в бизнес, статистических показателей по занятости женщин, данных опросов по предпринимательству позволит оценить уровень интереса женщин к предпринимательской деятельности и перспективы его роста.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для государственных органов всех уровней власти, корпораций и общественных организаций в рамках формирования программ поддержки и развития предпринимательских инициатив женщин, проведения профориентационной работы со школьниками и студентами по повышению привлекательности предпринимательской деятельности.

Результаты исследования

В целях обеспечения экономической безопасности и устойчивости развития России целесообразным является привлечение женщин в предпринимательскую деятельность. Повышение уровня профессионального образования, получение новых компетенций позволят женщинам укрепить свою экономическую независимость и положение в обществе, поспособствуют повышению производительности труда и, как следствие, росту валового внутреннего продукта страны и других экономических показателей.

Для понимания перспектив развития женского предпринимательства в России вначале необходимо оценить основные статистические показатели по численности и занятости населения (табл. 1).

В целом на последние пять лет в России наблюдается снижение общей численности населения при увеличении численности трудоспособного населения. Указанная тенденция связана с проводимой в России пенсионной реформой, которая предусматривает увеличение пенсионного возраста для женщин и мужчин. Также причинами являются увеличение рождаемости с начала 2000-х гг., увеличение с 2023 г. миграции трудоспособного населения после пандемии коронавирусной инфекции (далее – COVID-19) в 2020–2022 гг. и начала Специальной военной операции на Украине. Миграционный прирост в 2023 г. составил

204 тыс. чел. за счет внутрироссийской миграции, международной миграции из стран СНГ и других зарубежных стран [11].

Таблица 1. Основные показатели по численности и занятости населения в России
Table 1. Key indicators of population size and employment in Russia

Наименование показателя Indicator name	Период (на начало года) Period (at the beginning of the year)					Темп прироста Rate of increase 2024/2020, %
	2020	2021	2022	2023	2024	
Численность населения, всего, тыс. чел., в том числе: Population, total, thousands of people, including:	147959	147455	146980	146448	146151	-1,2
женщин/women	79219	78952	78602	78355	78234	-1,2
мужчин/men	68740	68503	68378	68093	67917	-1,2
Численность трудоспособного населения*, всего, тыс. чел., в том числе: Number of working-age population, total, thousands of people, including:	83680	82926	84400	83441	85065	1,7
женщин/women	39515	39868	40695	40337	41223	4,3
мужчин/men	43163	43058	43705	43104	43842	1,6
Численность занятых, всего, тыс. чел., в том числе: Number of employed, total, thousands of people, including:	71933	70601	71720	72644	73636	2,4
женщин/women	35021	34393	34829	35563	35946	2,6
мужчин/men	36912	36208	36891	37081	37690	2,1
Численность безработных, всего, тыс. чел., в том числе: Number of unemployed, total, thousands of people, including:	3465	4322	3630	2989	2401	-30,7
женщин/women	1619	2085	1792	1494	1215	-25,0
мужчин/men	1846	2237	1838	1495	1186	-35,8

*С учетом изменения трудоспособного возраста: на начало 2020–2021 гг. трудоспособный возраст женщин – 16–55 лет, мужчин – 16–60 лет; на начало 2022–2023 гг. – женщин – 16–56,5 лет, мужчин – 16–61,5 лет; на начало 2024 г. – женщин – 16–57 лет, мужчин – 16–62 лет.

*Taking into account the change in working age: at the beginning of 2020–2021, the working age of women is 16–55 years, men – 16–60 years; at the beginning of 2022–2023 – women – 16–56.5 years, men – 16–61.5 years; at the beginning of 2024 – women – 16–57 years, men – 16–62 years.

Источник: составлено автором по [9–12].

Source: compiled by the author according to [9–12].

Положительным фактом является увеличение занятых (на 2,6 %) и существенное снижение безработных (на 25,0 %). Снижение уровня безработицы среди женщин оказалось на 10,8 % ниже, чем среди мужчин. Следует отметить, что безработица среди женщин обусловлена рядом факторов, таких как демографическое соотношение между мужчинами и женщинами; наличие скрытой безработицы (сокращение рабочей недели (часов), неоплачиваемый отпуск; декретные отпуска, больничные по уходу за детьми; неофициальный возрастной ценз при устройстве на работу; стереотипное отношение работодателей к женщинам-соискателям.

Анализ рабочей силы показывает, что доля женщин в ее составе (15 лет и старше) в 2023 г. составила 56,3 %, что больше статистических данных за 2019 г. (55,4 %) на 0,9 % [9, 11]. Этому способствовал не только рост трудоспособного женского населения в стране, но и активное вовлечение женщин в предпринимательскую деятельность и регистрация их в качестве индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) или самозанятых.

Особую роль в развитии предпринимательства сыграл период пандемии COVID-19, который имел не только негативные последствия в виде изоляции, потери заработка из-за вынужденного простоя и закрытия предприятий, но и принес позитивные моменты. Он послужил толчком к поиску женщинами новых возможностей для получения дохода, способствовал развитию профессиональных компетенций и навыков.

Аналитики сервиса Контур.Фокус провели исследование гендерного состава предпринимателей в России за последние три года [13]. Данные о количестве зарегистрированных ИП в России представлены в табл. 2.

Таблица 2. Общее количество индивидуальных предпринимателей в России

Table 2. Total number of individual entrepreneurs in Russia

Наименование показателя Indicator name	Дата/Date			Темп прироста Rate of increase 01.03.2024/01.03.2022, %
	01.03.2022	01.03.2023	01.03.2024	
Количество ИП, всего, чел., в том числе: Number of IE, total, people, including:	3848321	4033389	4395995	14,2
женщин/women	1776360	1873139	2061305	16,0
мужчин/men	2071961	2160250	2334690	12,7
Доля ИП-женщин, %/Share of female IE, %	46,2	46,4	46,9	0,7

Источник: составлено автором по [13].

Source: compiled by the author according to [13].

В абсолютных значениях число женщин-предпринимателей России меньше числа мужчин-предпринимателей, однако этот разрыв постепенно уменьшается. Доля ИП-женщин за последние три года возросла на 0,7 %. Женщины стали проявлять большую активность в официальной регистрации предпринимательской деятельности. Количество женщин-предпринимателей с 01.03.2022 по 01.03.2024 выросло на 16,0 %, а мужчин – только на 12,7 %.

Исследование показало, что в 2023 г. женщины впервые обогнали мужчин по количеству регистраций новых ИП. Данные о вновь зарегистрированных ИП в России за 2022–2023 гг. приведены в табл. 3.

Таблица 3. Вновь зарегистрированные индивидуальные предприниматели в России

Table 3. Newly registered individual entrepreneurs in Russia

Наименование показателя Indicator name	Период/Period		Темп прироста Rate of increase 2023/2022, %
	2022	2023	
Количество ИП, всего, чел., в том числе: Number of IE, total, persons, including:	808836	986476	22,0
женщин/women	398047	504097	26,6
мужчин/men	410789	482379	17,4
Доля ИП-женщин, %/Share of female IE, %	49,2	51,1	1,9

Источник: составлено автором по [13].

Source: compiled by the author according to [13].

Количество вновь зарегистрированных ИП-женщин в 2023 г. составило 504 097, или 51,1 % от общего количества ИП, что на 26,6 % больше, чем в 2022 г. Доля предпринимательниц в 2023 г. составила 51,1 % и увеличилась на 1,9 % по сравнению с 2022 г. По сравнению с 2020 г. (доля – 40,2 %) увеличение составило 10,9 % [14].

Женщины активно ведут бизнес в самых разных отраслях. По результатам исследования АО «Корпорация «МСП», проведенного в 2024 г., наибольшая занятость женщин, зарегистрированных как ИП, наблюдается в следующих отраслях [15]:

- предоставление социальных услуг – 83 %;
- оказание прочих персональных услуг – 77 %;
- производство одежды – 71 %;
- деятельность турагентств – 70 %;
- образование – 69 %;
- деятельность в области права и бухучета – 65 %;
- изготовление текстильных изделий – 63 %;
- страховая деятельность – 60 %;
- ветеринарная деятельность – 60 %;
- деятельность по трудоустройству и подбору персонала – 59 %.

Самозанятые предпочитают следующие направления деятельности:

- услуги маникюра и педикюра – 99 %;
- косметологические услуги – 97 %;
- уход за детьми – 97 %;
- парикмахерские услуги – 92 %;
- пошив одежды – 91 %.

Меньше всего женщин занято в сферах ремонта автомобилей (3 %) и бытовой техники (4 %), а также в области оказания сантехнических услуг (4 %) [15]. Некоторые женщины предпочитают основывать бизнес в сферах, ранее считавшимися мужскими – IT-индустрия или технические отрасли. Это свидетельствует о прогрессе в области гендерного равноправия [16].

Степень благоприятности деловой и социальной среды для развития женского предпринимательства в России отражает Индекс женской предпринимательской активности (Women Business Index, WBI). Ежегодно, начиная с 2015 г., оценку индекса проводит аналитический центр НАФИ совместно с Комитетом по развитию женского предпринимательства «ОПОРЫ РОССИИ». Значение индекса варьируется от 0 до 100, где показатель выше 50 пунктов указывает на благоприятную среду, а ниже 50 пунктов – на неблагоприятную. В России среда для женского предпринимательства является благоприятной. С 2015 по 2017 г. индекс WBI колебался в пределах 56–59 пунктов; с 2017 по 2019 г. превышал 69 пунктов; в 2020 г. на фоне пандемии снизился до 60,1 пункта; в 2021 г. поднялся до 71,1 пункта; в 2022 г. составил 69,8 пункта, а в 2023 г. достиг 73,7 пункта, что является абсолютным максимумом с 2015 г. [17, 18].

Анализ индекса показывает, что женщины-предприниматели умеют просчитывать риски, более склонны инвестировать средства на долгосрочную перспективу для реализации целей своих компаний и программ развития персонала. Организации, владельцами которых являются женщины, чаще демонстрируют финансовую стабильность, имеют более быстрый возврат инвестиций и меньший размер задолженности. По данным исследований, проведенных консалтинговой компанией BCG, организации, придерживающиеся принципов гендерного равенства, показывают результаты на 15–50 % лучше, чем чисто «мужские» предприятия. Что также подтверждается исследованием аудиторской компании PwC в России. По данным PwC, проекты и бренды, созданные и реализуемые исключительно женщинами или в сотрудничестве с мужчинами, оказываются более эффективными и прибыльными [19].

По результатам опроса о женском предпринимательстве, проведенном Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 1 сентября 2023 г. среди 1600 опрошенных старше 18 лет, занимаются предпринимательством 5 % женщин, намерены открыть свой бизнес в ближайшие несколько лет – 13 %, не планируют заниматься бизнесом – более 80 %.

Общий потенциал женского предпринимательства составляет 13 %, что характеризует умеренный интерес женщин к созданию собственного бизнеса в России. Ситуация меняется при анализе ответов в разрезе возрастных групп. Среди девушек в возрасте 18–24 лет этот показатель составляет 46 %, каждая вторая из них планирует заняться бизнесом в ближайшие несколько лет. Интерес к предпринимательству женщин до 45 лет варьируется на уровне 20–25 %, а после этого возраста значительно снижается. Высокий интерес молодых женщин к запуску собственного дела можно объяснить рядом факторов: наличием активной жизненной позиции, здоровых амбиций и решительности, отсутствием семейных обязательств и страха перед возможными ошибками, информационной и технологической грамотностью, наличием примеров успешных предпринимателей в своем поколении [1].

Среди действующих предпринимателей наибольшую долю составляют женщины в возрасте 30–39 лет – 68 %, на молодых (18–29 лет) приходится 13 %. Данные опроса ВЦИОМ показывают, что интерес женщин к предпринимательству активизировался в последние годы – 80 % опрошенных имеют собственное дело не более 5 лет. При этом 70 % опрошенных занимаются исключительно предпринимательством, а 30 % – совмещают собственный бизнес с работой по найму [1].

Можно выделить несколько причин роста заинтересованности женщин в предпринимательской деятельности. Во-первых, это активная государственная поддержка предпринимательства. С 2019 г. в России реализуется национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [20]. Этот проект включает в себя ряд финансовых и нефинансовых мер, направленных на поддержку малых и средних предприятий на различных этапах их создания, развития и расширения. Предпринимателям, независимо от гендерной принадлежности, предоставляются гранты и субсидии, льготные кредиты и займы, поручительства, проводится обучение, оказывается информационная, консультационная и имущественная поддержка, услуги по сопровождению и продвижению бизнеса.

Дополнительно для женщин действуют отдельные программы финансирования и обучения. В рамках национального проекта проводится федеральная грантовая программа для женщин, планирующих начать свой бизнес, – «Мама-предприниматель». На уровне государства программа контролируется и сопровождается Министерством экономического развития РФ, АО «Корпорация МСП», Центром «Мой бизнес», Комитетом по развитию женского предпринимательства «ОПОРЫ РОССИИ» [6]. За 2013–2023 гг. в ней приняли участие около 7000 женщин, 247 из них стали победительницами и получили гранты по 100 тыс. руб. для развития своего бизнеса. Было проведено 255 тренингов, в том числе по развитию социального предпринимательства [21]. Благодаря программе женщины смогли повысить свой уровень знаний, получить новые профессиональные компетенции и навыки, организовать и расширить собственное дело. В 2024 г. география программы расширилась с 63 до 70 регионов РФ и были выделены отдельные направления «Мама на селе», «Мама в туризме» и «Мама-экспортер» [22].

Помощь в сопровождении и развитии бизнеса оказывают специалисты центров «Мой бизнес», где проводятся семинары, форумы, клубы, наставнические программы для женщин. В отдельных регионах женщины-предприниматели могут участвовать в специальных налоговых и заемных программах. Кроме этого, поддержка предоставляется через государственные микрофинансовые и региональные гарантийные организации [23].

Одной из важных организаций, поддерживающих женское предпринимательство, является Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», в которой с 2015 г. работает Комитет по развитию женского предпринимательства (Комитет) [24]. В 2019 г. Комитет реализовал свыше 400 проектов для женщин в различных регионах России, включая бизнес-завтраки, семинары, мастер-классы, форумы,

встречи с представителями государственных органов, образовательные программы, выставки и ярмарки. Эти мероприятия были направлены на вовлечение женщин в экономическую деятельность и развитие женского предпринимательства, и в них приняли участие более 8 тыс. чел. В 2020 г. Комитет организовал 657 мероприятий в 60 регионах страны, собрав более 63 тыс. слушательниц; в 2021 г. прошло 472 мероприятия в 60 регионах; в 2023 г. было проведено 1850 мероприятий для более 70 тыс. женщин [25–28].

В 2019 г. образовательный проект «Мама-предприниматель» был реализован в 60 регионах России и более 2 тыс. женщин приняли в нем участие; в 2020 г. – в 41 субъекте РФ прошла обучение 1181 слушательница, из них 590 женщин официально зарегистрировали свой бизнес в качестве ИП или самозанятых; в 2021 г. – в 69 субъектах РФ. Программа включена в список Минэкономразвития России и рекомендована для проведения в регионах [25, 26].

За 2019–2023 гг. Комитетом проведены международные конкурсы женских предпринимательских проектов АРЕС BEST AWARD на форумах АТЭС, ежегодные бизнес-марафоны «Голос женского бизнеса» при поддержке Совета Федерации и Евразийского женского форума; подписаны соглашения о сотрудничестве с Агентством стратегических инициатив, благотворительным фондом Amway «В ответе за будущее», фондом «Инносоциум», Ernst & Young, ПАО «Банк «ФК Открытие»; выстроены деловые отношения с женскими бизнес-сообществами и предпринимателями из других стран: ОАЭ, Египта, Китая, Индии, Узбекистана, Казахстана, Армении, Туркменистана, Киргизии, Турции. Достигнуты договоренности о партнерстве с Кубой и Мексикой. В 2023 г. запущен федеральный образовательный проект «Женщина может», направленный на обучение и вовлечение женщин в экономику; налажено взаимодействие с региональными органами власти в рамках совместной реализации дорожной карты Национальной стратегии действий в интересах женщин [25–28].

Господдержка имеет особо важное значение на старте бизнеса. Она помогает женщинам преодолеть основные преграды, такие как нехватка знаний, неуверенность в собственных силах и отсутствие стартового капитала. В 2023 г. более 550 тыс. предпринимателей и самозанятых воспользовались финансовой, образовательной, консультационной и другой поддержкой от центров «Мой бизнес», что на 110 тыс. больше, чем в 2022 г. [24].

Снижение доли активного населения и повышение пенсионного возраста выводят вопросы организации и развития поддержки женского предпринимательства на первый план [7].

Во-вторых, росту женского предпринимательства способствуют законодательное закрепление статуса самозанятого, введение налога на профессиональный доход, оцифровка государственных услуг по регистрации бизнеса и ведению отчетности. В результате реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» по итогам 2023 г. в стране было зарегистрировано более 6,3 млн субъектов МСП и более 9,3 млн самозанятых граждан.

Причинами популярности регистрации самозанятости являются: гибкий график работы, что особенно важно для студентов, женщин с детьми; возможность приобретения предпринимательского опыта без прекращения работы по найму; простая регистрация самозанятости и легализации дохода, доступная ставка налога на профессиональный доход. Женщины выбирают самозанятость для возможности совмещения работы, своего профессионального роста с заботами по воспитанию детей и содержанию дома [29].

В-третьих, на интерес женщин к предпринимательству влияет активное развитие маркетплейсов. На онлайн-площадках проще, дешевле и удобнее торговать, можно развивать практически любой бизнес. Регистрация на площадке простая: для старта нужен классический пакет документов и товар. Продавцам не нужно нанимать дополнительных сотрудников для работы, так как основные организационные и производственные вопросы решает маркетплейс. Продавцы получают доступ к федеральному рынку сбыта, им не нужно думать о том, где взять покупателей, как доставить до них товар и где его хранить [30].

Кроме этого, информационная доступность сведений о программах поддержки позволяет расширить круг женщин, заинтересованных в открытии собственного дела. Образовательные программы в онлайн-формате, профильные сайты министерств, фондов и организаций поддержки предпринимательства, мобильные приложения и специализированные страницы в социальных сетях помогают привлекать к занятию предпринимательской деятельностью женщин не только из крупных, но и из небольших городов и сельской местности [31].

Следует отметить, что стремление женщин обеспечить лучшие условия жизни для своей семьи, возможность обрести материальную независимость и иметь больший доход, чем при найме на работу, также способствуют развитию женского предпринимательства. Средняя начисленная заработная плата женщин, работающих по найму, по всех отраслях народного хозяйства меньше, чем у мужчин. По данным Росстата, отношение средней начисленной заработной платы женщин (61 113 руб.) (без субъектов малого предпринимательства) за октябрь 2023 г. к заработной плате мужчин (87 757 руб.) составило 69,6 % [11].

Развитие собственного бизнеса помогает женщинам самореализоваться, повысить свой социальный статус, построить успешную карьеру в интересной области, способствует интеллектуальному и личностному росту, нивелирует негативные условия наемного труда. Предпринимательство открывает возможности развития творческих навыков, реализации своих целей и желаний. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2023 г., 85 % мужчин высказываются за поддержку стремления женщин заниматься предпринимательством [1]. Это является важным фактором в повышении уверенности женщин, минимизации страха перед новым делом.

В начале 2023 г. Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) и профильным Комитетом «ОПОРЫ РОССИИ» было проведено исследование по восприятию женщинами предпринимательской деятельности. Результаты показали позитивный настрой россиянок на занятие предпринимательством: 75 % женщин могут представить себя в роли предпринимателя [32].

Успехи женщин в предпринимательской деятельности связаны с рядом уникальных черт, присущих женщинам.

Во-первых, женщины обычно обладают более высоким эмоциональным интеллектом, для них свойственна эмпатия и лучшее понимание клиента. Это позволяет женщинам создавать продукты или оказывать услуги, которые в большей степени соответствуют ожиданиям клиентов и вызывают у них положительные эмоции. Женщины-предприниматели обладают большей гибкостью по сравнению с мужчинами, что способствует оперативной адаптации к изменениям рынка.

Во-вторых, умение справляться с многозадачностью. Многие женщины успешно совмещают собственный бизнес с домашними обязанностями, чему способствует грамотное управление временем и ресурсами. Благодаря данному качеству женщины умело структурируют бизнес-задачи и эффективно справляются с ними.

В-третьих, женщины более склонны к сотрудничеству и коммуникации, чем мужчины. Они, как правило, легче создают и укрепляют деловые связи, открыты для обмена опытом, чаще объединяются в женских сообществах и клубах, готовы поддержать коллег, проявляют терпимость к риску. Такие качества способствуют более эффективному взаимодействию с партнерами и сотрудниками компании.

Кроме этого, для женщин характерен творческий подход к решению проблем. Они способны анализировать проблему с разных сторон и предлагать нестандартные решения. Это качество помогает женщинам выводить на рынок уникальные продукты и услуги и опережать конкурентов.

Также для женщин свойственны решимость и упорство. Невзирая на трудности, женщины способны находить решения и сохранять мотивацию для достижения бизнес-задач. Эти каче-

ства делают женщин более устойчивыми к стрессам и трудностям и обеспечивают сохранение бизнеса [33].

Можно выделить ряд причин, которые тормозят развитие женского предпринимательства в России:

- 1) правовые причины – отсутствие в законодательных актах отдельных положений по женскому предпринимательству;
- 2) инфраструктурные причины – отсутствие развитой инфраструктуры поддержки, в том числе Центров поддержки женского бизнеса, в ряде регионов;
- 3) экономические причины – отсутствие финансов для открытия бизнеса, сложности в получении кредитов, займов, привлечении инвестиций, проблемы в доступе к рынкам сбыта продукции;
- 4) административные причины – проблемы с лицензированием, государственной регистрацией, экспертизой, обязательной сертификацией продукции в ряде регионов;
- 5) нестабильная экономическая ситуация – женщины с осторожностью относятся к внешним рискам, политическим и экономическим преобразованиям;
- 6) социально-психологические причины – отсутствие достаточных знаний, умений, опыта работы для открытия своего дела;
- 7) психологические причины – серьезность в восприятии обществом, партнерами по бизнесу женщин-предпринимателей, нехватка поддержки семьи, неуверенность в своих силах [34].

Заключение

Расширение и совершенствование женского предпринимательства является одним из факторов эффективного развития экономики России. Участие женщин в бизнесе не только укрепляет экономику, но и способствует формированию более инклюзивного общества, создает позитивный имидж России на международной арене.

Задачей государства является обеспечение благоприятных условий для увеличения интереса женщин к созданию бизнеса. Кроме универсальных мер поддержки субъектов МСП, утвержденных в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ, для женщин-предпринимателей необходимо дополнительно разработать целевые меры поддержки в связи с особой ролью женщин в обществе.

Благодаря умению работать в режиме многозадачности, женщины могут успешно совмещать работу и семью, что способствует стабильности экономики, увеличению поступлений налоговых платежей в бюджет вне зависимости от геополитической ситуации. Россия в настоящее время живет в режиме санкций, введенных США, странами Евросоюза и рядом других иностранных государств, в том числе из-за проведения Специальной военной операции на Украине. Следствием этого явился уход многих иностранных компаний с российского рынка. Освободившиеся ниши в бизнесе открывают новые возможности для развития предпринимательства в России.

Несмотря на наличие ряда проблем, интерес женщин к предпринимательству существенно повысился на последние 5 лет и с каждым годом растет. Высокий потенциал роста заинтересованности в открытии своего дела демонстрируют молодые женщины. Основной мотивацией служит желание женщин улучшить материальное положение, обеспечить благосостояние семьи и будущее детей, стремление к самореализации и финансовой независимости, возможность развития своего хобби через бизнес. Значение индекса деловой активности женщин свидетельствует о благоприятной среде для развития женского предпринимательства в России.

Для стимулирования интереса женщин к предпринимательской деятельности, развития комплекса мер по поддержке женского предпринимательства предлагаются к рассмотрению следующие мероприятия:

- 1) законодательное закрепление в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ либо подзаконных актах понятий, касающихся субъектов женского предпринимательства и статуса женских предприятий;
- 2) установление в нормативных актах особых условий получения государственной поддержки малыми и средними «женскими» предприятиями (более 90 % женщин в коллективе);
- 3) расширение программ специального финансирования и кредитования, ежегодное выделение квот на поддержку женского предпринимательства;
- 4) внедрение системы льготного налогообложения для женщин-предпринимателей, предоставление налоговых каникул для одиноких молодых и многодетных матерей, занимающихся бизнесом, особенно в малых населенных пунктах, где присутствуют проблемы с трудоустройством;
- 5) предоставление женщинам-предпринимателям льготных тарифов страхования предпринимательской деятельности;
- 6) увеличение числа центров, фондов поддержки женского предпринимательства в регионах;
- 7) расширение образовательных программ для женщин с учетом возрастных критериев и направленности бизнеса, развитие дистанционных форм обучения;
- 8) формирование системы персонифицированного сопровождения бизнеса женщин-предпринимателей и института наставничества;
- 9) содействие органов власти внедрению и развитию проектов женщин-предпринимателей, особенно в малых населенных пунктах, организации рекламы и продвижению товаров на рынке;
- 10) развитие специальных мер поддержки – льготное право на получение места в детском саду, доступ к дополнительному образованию и кружкам для детей;
- 11) поддержка исследований по трудоустройству женщин, оценке структурных и иных барьеров для развития женского предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женское предпринимательство: перспективы и сложности // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-predprinimatelstvo-perspektivy-i-slozhnosti?ysclid=m4masmnpa2688502283> (дата обращения 17.12.2024).
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/12154854/?ysclid=m5ugh8zyeo283673047> (дата обращения 15.12.2024).
3. О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации: распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/> (дата обращения 15.12.2024).
4. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/> (дата обращения 15.12.2024).
5. План мероприятий по реализации в 2023–2026 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы: распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1104-р // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406727397/?ysclid=m5ux4k8ijd836917550> (дата обращения 15.12.2024).
6. Горбунова Е.Г. Актуальность проекта «Мама-предприниматель» в создании собственного бизнеса // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 105–108.
7. Абдулаева З.З. Возможности и условия расширения занятости женщин в сфере малого предпринимательства // Управленческий учет. – 2021. – № 9–2. – С. 321–328. DOI: 10.25806/uu9-22021321-328. EDN: NSPIME.
8. Кванина В.В., Громова Е.А., Спиридонова А.В. Государственная поддержка женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 4. – С. 52–65. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.5. EDN: ZSEXHZ.
9. Женщины и мужчины России 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbtdG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения 15.12.2024).
10. Женщины и мужчины России 2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (дата обращения 15.12.2024).

11. Женщины и мужчины России 2024 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf (дата обращения 15.01.2025).
12. Труд и занятость в России 2023 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения 15.01.2025).
13. Женщины в России открывают бизнес чаще мужчин // СКБ Контур. URL: https://kontur.ru/press/news/49020-zhenshchiny_rf_otkryvayut_biznes_chashche_muzhchin?utm_referrer=https%3a%2f%2findex.ru%2f (дата обращения 12.12.2024).
14. ФНС России подсчитала, сколько женщин занято в малом бизнесе // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10662978/ (дата обращения 15.12.2024).
15. С начала года россиянки создали около 317 тысяч ИП // Известия. URL: <https://iz.ru/1792835/2024-11-19/s-nacala-goda-rossianki-sozdali-okolo-317-tysac-ip> (дата обращения 15.12.2024).
16. Мазурук М.Р. Женское малое предпринимательство: успехи и препятствия // Проблемы современного социума глазами молодых исследователей – XVI: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: Университетская книга, 2024. – С. 306–309. EDN: VXUOFC.
17. Индекс деловой активности женщин в России достиг максимума // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/491770-indeks-delovoj-aktivnosti-zensin-v-rossii-dostig-maksimuma> (дата обращения 05.01.2025).
18. Мозулев С.Н., Санина С.Н., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 536–546. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(2).536-546. EDN: VKEGEQ.
19. Токарева А.К., Грищенко О.В. Женское предпринимательство в России: особенности и проблемы // Модернизация экономики государств: отраслевой и региональный аспект, научно-технологическое и инновационное предпринимательство: Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. В 2 томах. – Ростов-на-Дону: РИНХ, 2023. – С. 29–33. EDN: WLGOLX.
20. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Минэкономразвития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/590794813211b644ea136d7da5a7c9cf/Passport_NP_MSP.pdf (дата обращения 15.12.2024).
21. Мама-предприниматель // Мамапредприниматель.рф. URL: <https://мамапредприниматель.рф/?ysclid=m4mmsd5cw664864144> (дата обращения 15.12.2024).
22. Коробова О.О. Женское предпринимательство в малых городах: достижения и проблемы // Малые города большой страны: Сборник научных статей и материалов второй Всероссийской научно-практической конференции. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. – С. 615–625.
23. Как женщины стали важной частью бизнес-сообщества // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/08/2024/66acb85f9a79478bed4464f5> (дата обращения 15.12.2024).
24. Орлова А.В. Развитие женского предпринимательства в Российской Федерации // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2020. – № 3. – С. 22–26.
25. Годовой отчет 2019 // ОПОРА РОССИИ. URL: https://opora.ru/site/assets/files/4864/godovoi_otchet_2019.pdf (дата обращения 20.12.2024).
26. Годовой отчет 2020–2021 // ОПОРА РОССИИ. URL: https://opora.ru/site/assets/files/4864/godovoi_otchet_2020-2021.pdf (дата обращения 20.12.2024).
27. Годовой отчет 2022 // ОПОРА РОССИИ. URL: https://opora.ru/site/assets/files/4864/godovoi_otchet_2022.pdf (дата обращения 20.12.2024).
28. Годовой отчет 2023 // ОПОРА РОССИИ. URL: https://opora.ru/site/assets/files/4864/oporarussia_annualreport23_web.pdf (дата обращения 20.12.2024).
29. Ершова И.В. Женское предпринимательство: от эмпирики и доктрины к правовому регулированию // Lex Russica. – 2022. – Т. 75. – № 8. – С. 9–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.009-022. EDN: MIZRYO.
30. Почему в России набирает обороты женское предпринимательство // URA.RU. URL: <https://ura.news/articles/1036288434?ysclid=m4mazii6sd681963795> (дата обращения 15.12.2024).
31. Аскерова М.Р. Женское предпринимательство; развитие, характеристики, проблемы // Sciences of Europe. – 2024. – № 133. – С. 3–11. DOI: 10.5281/zenodo.10575534. EDN: PVRJIB.
32. На пике женского предпринимательства: россиянки активно занялись собственным бизнесом // ОПОРА РОССИИ. URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/na-pike-zhenskogo-predprinimatelstva-rossiyanki-aktivno-zanyalis-sobstvennym-biznesom/> (дата обращения 17.12.2024).
33. Женщина в деле: 5 секретов, почему женский бизнес становится все более успешным // VC. URL: <https://vc.ru/hr/1075044-zhenshina-v-dele-5-sekretov-pochemu-zhenskii-biznes-stanovitsya-vse-bolee-uspeshnym?ysclid=m4madb5bpc171680083> (дата обращения 15.12.2024).
34. Коробова О.О. Социально-экономические факторы развития женского предпринимательства // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2020. – № 2 (62). – С. 30–39. EDN: VWXGJY.

Информация об авторах

Фёдор Александрович Таскин, студент департамента международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира; 19. taskinf@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.01.2025

Поступила после рецензирования: 10.03.2025

Принята к публикации: 28.03.2024

REFERENCES

1. Women's entrepreneurship: prospects and challenges. *RCSP.O.* (In Russ.) Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-predprinimatelstvo-perspektivy-i-slozhnosti?ysclid=m4masmnpa2688502283> (accessed 17 December 2024).
2. On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. Federal Law of 24.07.2007 no. 209-FL. *Garant.ru.* (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/12154854/?ysclid=m5ugh8zyeo283673047> (accessed 15 December 2024).
3. On the Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation until 2030 and the action plan («road map») for its implementation. Order of the Government of the Russian Federation of 02.06.2016 No. 1083-r. *Garant.ru.* (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/> (accessed 15 December 2024).
4. On approval of the National Strategy of Action in the Interests of Women for 2023–2030. Order of the Government of the Russian Federation of 29.12.2022 no. 4356-r. *Garant.ru.* (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/> (accessed 15 December 2024).
5. Action plan for the implementation in 2023–2026 of the National Strategy for Action in the Interests of Women for 2023–2030. Order of the Government of the Russian Federation of 28.04.2023 no. 1104-r. *Garant.ru.* (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406727397/?ysclid=m5ux4k8ijd836917550> (accessed 15 December 2024).
6. Gorbunova E.G. Relevance of the project «Mom-entrepreneur» in creating your own business. *Fundamental foundations of innovative development of science and education. Collection of articles of the IX International scientific and practical conference.* Penza, Science and Education Publ., 2020. pp. 105–108. (In Russ.)
7. Abdullaeva Z.Z. Opportunities and conditions for expanding the employment of women in the sphere of small businesses. *Management accounting*, 2021, no. 9-2, pp. 321–328. (In Russ.) DOI: 10.25806/uu9-22021321-328. EDN: NSPIME.
8. Kvanina V.V., Gromova E.A., Spiridonova A.V. The governmental support for female entrepreneurship. *Woman in Russian society*, 2020, no. 4, pp. 52–65. (In Russ.) DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.5. EDN: ZSEXHZ.
9. Women and men of Russia 2020. *Federal State Statistics Service.* (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (accessed 15 December 2024).
10. Women and men of Russia 2022. *Federal State Statistics Service.* (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (accessed 15 December 2024).
11. Women and men of Russia 2024. *Federal State Statistics Service.* (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf (accessed 15 January 2025).
12. Labor and Employment in Russia 2023. *Federal State Statistics Service.* (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (accessed 15 January 2025).
13. Women in Russia open businesses more often than men. *SKB Kontur.* (In Russ.) Available at: https://kontur.ru/press/news/49020-zhenshchiny_rf_otkryvayut_biznes_chashche_muzhchin?utm_referrer=https%3a%2f%2fyanDEX.ru%2f (accessed 12 December 2024).
14. The Federal Tax Service of Russia calculated how many women are employed in small businesses. *Federal Tax Service.* (In Russ.) Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10662978/ (accessed 15 December 2024).
15. Since the beginning of the year, Russian women have created about 317 thousand individual entrepreneurs. *Izvestiya.* (In Russ.) Available at: <https://iz.ru/1792835/2024-11-19/s-nacala-goda-rossianki-sozdali-okolo-317-tysac-ip> (accessed 15 December 2024).
16. Mazuruk M.R. Women's small business: successes and obstacles. *Materials of the XVI All-Russian scientific and practical conference. Problems of modern society through the eyes of young researchers–XVI.* Volgograd, University Book Publ., 2024. pp. 306–309. (In Russ.) EDN: VXUOFC.

17. The index of business activity of women in Russia has reached its maximum. *Forbes.ru*. (In Russ.) Available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/491770-indeks-delovoj-aktivnosti-zensin-v-rossii-dostig-maksimuma> (accessed 5 January 2025).
18. Mozulev S.N., Sanina S.N., Shavkunova I.S. Equal opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, Iss. 2, pp. 536–546. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(2).536-546. EDN: VKEGEQ.
19. Tokareva A.K., Grishchenko O.V. Women's entrepreneurship in Russia: features and problems. *Modernization of the economies of states: sectoral and regional aspects, scientific, technological and innovative entrepreneurship. Proceedings of the international scientific and practical conference of faculty, young scientists and students*. Rostov-on-Don, RINH Publ., 2023. pp. 29–33. (In Russ.) EDN: WLGOLX.
20. Passport of the national project «Small and medium entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative». *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/590794813211b644ea136d7da5a7c9cf/Passport_NP_MSP.pdf (accessed 15 December 2024).
21. Mom-entrepreneur. *Mamapredprinimatel.rf*. (In Russ.) Available at: <https://mamapredprinimatel.rf/?ysclid=m4mmdsd5cw664864144> (accessed 15 December 2024).
22. Korobova O.O. Women's entrepreneurship in small towns: achievements and problems. *Small towns of a big country. Collection of scientific articles and materials of the Second All-Russian scientific and practical conference*. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2024. pp. 615–625. (In Russ.)
23. How women became an important part of the business community. *RBC*. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/business/08/08/2024/66acb85f9a79478bed4464f5> (accessed 15 December 2024).
24. Orlova A.V. Development of female entrepreneurship in the Russian Federation. *Economy. Business. Finance*, 2020, no. 3, pp. 22–26. (In Russ.)
25. Annual report 2019. *OPORA RUSSIA*. (In Russ.) Available at: https://opora.ru/site/assets/files/4864/godovoi_otchet_2019.pdf (accessed 20 December 2024).
26. Annual report 2020–2021. *OPORA RUSSIA*. (In Russ.) Available at: https://opora.ru/site/assets/files/4864/godovoi_otchet_2020-2021.pdf (accessed 20 December 2024).
27. Annual report 2022. *OPORA RUSSIA*. (In Russ.) Available at: https://opora.ru/site/assets/files/4864/godovoi_otchet_2022.pdf (accessed 20 December 2024).
28. Annual report 2023. *OPORA RUSSIA*. (In Russ.) Available at: https://opora.ru/site/assets/files/4864/oporarussia_annualreport23_web.pdf (accessed 20 December 2024).
29. Ershova I.V. Female Entrepreneurship: from empiricism and doctrine to legal regulation. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 8, pp. 9–22. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.009-022. EDN: MIZRYO.
30. Why is female entrepreneurship gaining momentum in Russia. *URA. RU*. (In Russ.) Available at: <https://ura.news/articles/1036288434?ysclid=m4mazii6sd681963795> (accessed 15 December 2024).
31. Asgarova M.R. Women's entrepreneurship; development, characteristics, problems. *Sciences of Europe*, 2024, no. 133, pp. 3–11. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.10575534. EDN: PVRJIB
32. At the peak of female entrepreneurship: Russian women are actively engaged in their own businesses. *OPORA RUSSIA*. (In Russ.) Available at: <https://opora.ru/news/media-about-us/na-pike-zhenskogo-predprinimatelstva-rossiyanki-aktivno-zanyalis-sobstvennym-biznesom/> (accessed 17 December 2024).
33. Woman in Business: 5 secrets why women's business is becoming more and more successful. *VC*. (In Russ.) Available at: <https://vc.ru/hr/1075044-zhenshina-v-dele-5-sekretov-pochemu-zhenskii-biznes-stanovitsya-vse-bolee-uspeshnym?ysclid=m4madb5bpc171680083> (accessed 15 December 2024).
34. Korobova O.O. Socio-economic factors in the development of women's entrepreneurship. *Modern science-intensive technologies. Regional supplement*, 2020, no. 2 (62), pp. 30–39. (In Russ.) EDN: VWXGJY.

Information about the authors

Fedor A. Taskin, Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; taskinf@mail.ru

Received: 06.01.2025

Revised: 10.03.2025

Accepted: 28.03.2024

УДК 167.5:304.9

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Роль утопического подхода в прогнозировании космополитического будущего

В.А. Терлецкий✉*Томский государственный университет, Россия, г. Томск*

✉kraylog@gmail.com

Аннотация. Актуальность. Антиутопии фокусируются на социальных, политических и экологических проблемах, рисуя мрачные сценарии будущего. И хотя антиутопии и служат предупреждением, их чрезмерная популярность формирует чувство безысходности и страха, ограничивая способность общества представлять позитивные альтернативы. Утопии, напротив, фокусируются на создании идеальных моделей будущего, предлагают конструктивные решения и вдохновляют на изменение реальности, стимулируя стремление к улучшению мира. Конец истории или непримиримое продолжение, сменяющееся волнами демократизации и войн: Фукуяма или Хантингтон? Человечество нуждается в проекте, который способен предложить модель глобальной солидарности и сотрудничества, необходимую для решения самых критических транснациональных проблем современности и будущего. В статьях, посвященных идеологии космополитизма, были изучены специфика идеологии космополитизма и критические характеристики утопической идеи мирового гражданства, а также проанализировано влияние идеологии космополитизма в виртуальном пространстве на идентичность и образ жизни людей. В этой работе доказывается, что утопия как рефлексивный метод достижения лучшего будущего стирает границу между идеалом и реальностью. Надежда на позитивные преобразования, подкреплённая творческим воображением, способствует формированию новой перспективы на настоящее и будущее. **Цель:** теоретическое обоснование космополитического утопизма как спрогнозированного ориентира для человечества. **Методы:** междисциплинарный подход (философский, социологический, политологический, культурологический), применение которого позволяет глубже изучить сложность и многогранность утопического космополитизма; общенаучные методы, сравнительный анализ, контент-анализ, анализ и синтез. **Выводы:** переход от антиутопии к утопии как доминирующей концепции в общественном дискурсе необходим для преодоления кризиса веры в прогресс, развития конструктивного мышления и мобилизации общества на решение глобальных проблем. Утопия не только вдохновляет, но и формирует ориентиры для преобразований, предлагая видение будущего, объединяющее научные, культурные и социальные усилия. Космополитический ориентир представляет собой ключевую концепцию, которая позволяет переосмыслить традиционные подходы к идентичности, гражданству и международным отношениям. Его значимость особенно высока в эпоху глобализации, когда транснациональные проблемы требуют коллективных действий и единства на основе общих ценностей.

Ключевые слова: утопический метод, космополитический утопизм, космополитизм, Иммануил Кант, Фрэнсис Фукуяма, Сэмюэль Хантингтон

Для **цитирования:** Терлецкий В.А. Роль утопического подхода в прогнозировании космополитического будущего // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 94–102. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944

UDC 167.5:304.9

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944

Role of the utopian approach in forecasting the cosmopolitan future

V.A. Terletsky✉

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

✉kraylog@gmail.com

Abstract. Relevance. Dystopias focus on social, political, and environmental issues, painting gloomy scenarios for the future. Although they serve as a warning, their excessive popularity creates a sense of hopelessness and fear, limiting society ability to imagine positive alternatives. Utopias, on the contrary, focus on creating ideal models of the future. They offer constructive solutions and inspire change in reality, stimulating the desire to improve the world. The End of History or an Irreconcilable Continuation, Replaced by Waves of Democratization and Wars: Fukuyama or Huntington? Humanity needs a project that can offer a model of global solidarity and cooperation necessary to solve the most critical transnational problems of the present and future. The articles devoted to the ideology of cosmopolitanism have studied the specifics of the ideology of cosmopolitanism and the critical characteristics of the utopian idea of world citizenship, as well as analysed the influence of the cosmopolitanism ideology in the virtual space on the identity and way of life of people. This work proves that utopia as a reflexive method for achieving a better future erases the boundary between the ideal and reality. Hope for positive transformations, supported by creative imagination, contributes to the formation of a new perspective on the present and the future. **Aim.** To theoretically substantiate cosmopolitan utopianism as a predicted benchmark for humanity. **Methods.** Interdisciplinary approach (philosophical, sociological, political, cultural), the application of which allows for a deeper study of the complexity and versatility of utopian cosmopolitanism; general scientific methods, comparative analysis, content analysis, analysis and synthesis. **Conclusions.** Transition from dystopia to utopia as a dominant concept in public discourse is necessary to overcome the crisis of faith in progress, develop constructive thinking and mobilize society to solve global problems. Utopia not only inspires, but also forms benchmarks for transformations, offering a vision of the future that unites scientific, cultural and social efforts. The cosmopolitan benchmark is a key concept that allows us to rethink traditional approaches to identity, citizenship and international relations. Its significance is especially high in the era of globalization, when transnational problems require collective action and unity based on common values.

Keywords: utopian method, cosmopolitan utopianism, cosmopolitanism, Immanuel Kant, Francis Fukuyama, Samuel Huntington

For citation: Terletsky V.A. Role of the utopian approach in forecasting the cosmopolitan future. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 94–102. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944

В настоящее время многие страны пытаются найти баланс между защитой национальных интересов и международным сотрудничеством. Например, международные соглашения по правам человека, экологические инициативы, такие как «Парижское соглашение по климату», и усилия международных организаций, таких как ООН, демонстрируют стремление к глобальной солидарности. Со времен Первой мировой войны в литературе и кинематографе развивался жанр антиутопии, в котором общество будущего изображалось ужасающим. Утопии подвергались критике за то, что они были нереалистичными и расплывчатыми конструкциями мечты, подходящими для самых убежденных идеалистов.

Антиутопические сценарии, хотя и важны для анализа рисков и предотвращения кризисов, ограничивают развитие научного воображения, поскольку акцентируют внимание на

негативных аспектах будущего. Утопия, напротив, стимулирует исследовательское мышление, предлагая модели и концепции, которые могут служить основой для научных разработок и экспериментов, и формирует созидательную перспективу, вдохновляя на разработку инновационных подходов к решению текущих и будущих проблем, фокусируясь на создании идеальных моделей будущего. Стремление к идеалу стимулирует конструктивные решения и вдохновляет на изменение реальности.

Антиутопия часто погружает в пассивное восприятие неизбежности кризисов, формируя в обществе чувство беспомощности. Утопия мотивирует к активным действиям, задавая ориентир для построения лучшего будущего и позволяет не только мечтать, но и разрабатывать конкретные шаги, направленные на преодоление социальных, экономических и экологических вызовов.

Путь к космополитическому будущему требует дальнейших шагов в сторону интеграции, справедливости и этического универсализма, при этом учитывая культурные и политические реалии. Космополитизм остаётся идеалом, который ориентирует общество на более тесное международное сотрудничество и справедливость, даже если его полное воплощение в реальности остаётся труднодостижимым. Проект утопического космополитизма, который базируется на идеях глобальной солидарности, универсальных ценностей и общей ответственности за будущее планеты, предполагает, что человечество движется к формированию мирового сообщества, в котором уважение к правам и достоинству каждого человека, культурное разнообразие и совместные действия по решению глобальных проблем станут основными принципами. В мире, где национальные границы уже не могут эффективно сдерживать экономические, экологические, социальные и политические кризисы, проект станет идеей, направляющей к формированию совместного подхода, рассматривающего человечество как взаимозависимое сообщество с общими интересами и будущим.

Конец истории или война цивилизаций?

В настоящее время становится более актуальным противостояние сторонников Фрэнсиса Фукуямы и Сэмюэла Хантингтона по вопросам прогнозирования будущего. Исследователи разделили основное представление научных сообществ о ближайшем будущем на «конец истории» [1] и непримиримое продолжение, сменяющееся волнами демократизации [2] и войн [3].

Дискуссия между Фрэнсисом Фукуямой и Сэмюэлем Хантингтоном о будущем мирового порядка и роли демократии и культурных различий остаётся одной из самых влиятельных в политических, философских науках.

Необходимо оценить аргументы в пользу утопии или антиутопии. Фукуяма доказывал, что после окончания холодной войны многие страны Восточной Европы, Латинской Америки и Азии начали переходить к демократическим системам, а глобализация ускорила распространение западных моделей экономики и политического устройства. Некоторые теоретики считают, что либеральные демократические принципы постепенно становятся универсальными ценностями. Однако на практике многие страны, принявшие демократию, столкнулись с трудностями. Демократия не всегда приводила к стабильности и процветанию, и многие государства возвращались к авторитарным или гибридным моделям правления. Кроме того, культура и национальная идентичность оставались мощными факторами, влияющими на политику и отношения между странами, что не вполне вписывалось в теорию Фукуямы.

Хантингтон в своих работах предположил, что после холодной войны конфликты будут происходить между цивилизациями, определяемыми культурными и религиозными различиями. Он считал, что эти различия станут основными источниками международных конфликтов. Культурные различия действительно играют важную роль в международных отношениях. Столкновения между западным и исламским миром, напряжённость в отношениях между Западом и Китаем, а также национализм и культурное возрождение в странах бывшего СССР

могут подтверждать эту точку зрения. Многие считают, что Хантингтон предсказал рост таких противоречий, которые, как и предполагалось, оказались устойчивыми даже на фоне глобализации. Оппоненты утверждают, что межкультурные конфликты не объясняют все современные конфликты, многие из которых носят внутрисоциальный характер (например, гражданские войны) или связаны с экономическими интересами. Кроме того, культурные границы не всегда чётко определены, а многие остаются мультикультурными и многоконфессиональными, поддерживая стабильные внутренние отношения.

На сегодняшний день в мире можно найти элементы обеих теорий. В некоторых регионах наблюдаются демократические процессы и стремление к интеграции в глобальное сообщество (что больше соответствует теории Фукуямы), в то время как в других регионах видны культурные и цивилизационные противоречия, которые усиливаются и приводят к конфликтам (в духе Хантингтона).

Современный мир показывает, что обе теории отражают часть реальности. Демократические идеалы действительно распространились, но это не исключило культурных и цивилизационных различий, которые продолжают быть источником противоречий. В мире, где глобализация и локальные традиции сосуществуют, идея «конца истории» кажется слишком упрощенной, но и «столкновение цивилизаций» не объясняет сложные отношения между странами с общими культурными основами.

Прагматическая утопия: реальный идеал устойчивого будущего

Теоретически построить идеальный мир вряд ли возможно по объективным причинам, но можно наметить утопии. Космополитизм как утопия означает, что он понимается не как конкретный план или модель перемен, а как надежда на лучшее с помощью воображения, которое поддерживает новый взгляд на настоящее и будущее. К концу холодной войны утверждалось, что эта историческая ситуация стала концом истории как таковой. Конечно, у истории не может быть конца; утопия также не должна восприниматься как конечная цель, а скорее как метод представления будущего, центральным принципом которого станет равенство.

Утопический подход в науке связан с исследованием идеальных моделей развития общества, технологий и знаний. Этот подход стремится представить оптимистичные сценарии будущего, в которых разрешены ключевые социальные, экономические, технологические и экологические проблемы. Несмотря на то, что утопический подход может восприниматься как спекулятивный или нереалистичный, он играет важную роль в научных исследованиях и практике. Утопический подход в науке и философии привлекал внимание множества мыслителей, учёных и писателей на протяжении веков.

Среди авторов и последователей этого подхода можно выделить несколько ключевых фигур, которые по-разному развивали и применяли утопические идеи. Основателем утопического подхода был Томас Мор, автор знаменитой работы «Утопия» [4], в которой он ввёл термин в научный и философский оборот. Позже Фрэнсис Бэкон в своей работе «Новая Атлантида» [5] предложил утопическую модель общества, в котором наука и образование являются главными двигателями прогресса. Его подход повлиял на развитие научного метода и идею о роли знаний в улучшении общества. Жан-Жак Руссо в философском трактате «Общественный договор» [6] описал идеальное общественное устройство, основанное на равенстве и свободе. Его идеи вдохновили многие утопические движения и революции.

Яркими современными последователями являются Дэвид Хелд и Эммануэль Валлерстайн. Исследования [7] Дэвида Хелда по глобализации и космополитизму включают элементы утопического подхода, предлагая модели глобального управления, основанные на солидарности и универсальных правах человека. Эммануэль Валлерстайн развивал идеи [8] о посткапиталистическом будущем, рассматривая возможности создания более равноправного и справедливого мирового порядка.

Функция утопий описывается как предлагающая мечтательный уход от реального мира и стимулирующая социальные изменения. Британский социолог Рут Левитас утверждает, что утопия – это рефлексивный метод представления альтернативного (лучшего будущего во времени и пространстве страдающих от различных кризисов, будь то экологические, социальные, экономические, политические или экзистенциальные). Утопия предлагает комплексный подход к рассмотрению этих различных областей.

Левитас доказывает, что утопия понимается как выражение надежды и стремления к лучшему образу жизни и убежденности в том, что современное общество могло бы отличаться от того, каким оно является сейчас. Утопия определяется как экзистенциальная, так и относительная. По мнению Левитаса, «утопия выполняет по меньшей мере три потенциальные функции: компенсацию, критику и изменение» [9, с. 107]. Эти три функции взаимосвязаны. В то время как компенсация в первую очередь относится к представлениям (индивида) о жизни в лучшем мире, критика, скорее, относится к групповому или более общему общественному взгляду на личный опыт, например к определению неудовлетворенности как зависящей от чего-то системного. Изменение – важнейшая функция утопии. Согласно Левитасу, важность утопии заключается в ее способности воплощать надежду, а не желание, и стимулировать фантазии о преобразовании мира к лучшему. Современный общественный дискурс и политическая культура антиутопичны, отчасти из-за страха перед тоталитарными политическими последствиями, которые влечет за собой «совершенное общество» [9, с. 7].

Утопия как метод включает три подхода: археологический, онтологический и прогностический. Эти методы не изолированы друг от друга, а скорее пересекаются. Археологический подход сочетает «образы хорошего общества, которые заложены в политических программах и социально-экономической политике» [9, с. 153]. Кроме того, археологический режим позволяет воображать и воссоздавать целое общество из фрагментов. Онтологический подход пытается ответить на вопрос о том, каких людей развивает и поощряет определенное общество, или об «исторической и социальной детерминации человеческой природы» [9, с. 153]. Прогностический, наконец, обозначает потенциальные альтернативные сценарии будущего, включая описания и представления о новом мире и его социальных институтах, а также о том, что может произойти с людьми, которые их населяют, и о последствиях для них. Левитас утверждает, что основа хорошего общества – равенство [9, с. 215] и что утопия – это плодотворный метод, помогающий по-другому взглянуть на настоящее и будущее и представить пути достижения равенства. Этот тройственный целостный утопический метод является междисциплинарным и не ограничен технологическим детерминизмом, а основан на мысленном эксперименте.

Начиная с «Утопии» [4] Томаса Мора, способ описания идеального общества, перенесенного в другое время и пространство, стал использоваться для критики современного общества или некоторых его составляющих. Утопия – это метод описания будущих целей (политических, социальных или религиозных). На самом деле, эта традиция преобладала задолго до появления работ Томаса Мора. По-видимому, она была важной идеей многих религий, а также Древней Греции. Из-за свободы проекции во времени и пространстве утопии, как правило, содержат описания обществ без изменений и движения, где нет динамики между различными проявлениями идей и, следовательно, нет дальнейшего развития. Таковы характерные черты представлений утопических обществ от рая до будущего золотого века.

Утопический космополитизм Канта

После падения Берлинской стены и распада Советского Союза труд Канта «На пути к вечному миру» [10] вновь занял центральное место в научных дискуссиях. Его идеи о мире во всем мире и предложенный им способ развития стали источником вдохновения в воображаемом новом политическом ландшафте. Тот факт, что в 1995 г. работе исполнилось 200 лет,

не уменьшил ее популярности. Было организовано несколько конференций, а также подготовлено множество публикаций, посвященных его идеям.

В философской системе Канта отчетливо прослеживаются предпосылки космополитической утопии. Тезисы изложены в основном в его небольших работах по истории и политике, но главные принципы отражены в его крупных критических трудах, в частности в «Критике способности суждения» [11]. Помимо «К вечному миру» [8], «Что такое просвещение?» [12], «Предполагаемое начало истории человечества» [13], «Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения» [14] и относятся к исследованиям, которые иногда называют историко-политическими трудами. Космополитическая утопия Канта касается человечества в целом и развития человека в направлении реализации его способностей, особенно разума. Человек, согласно Канту, является частью мира необходимости и природы, с одной стороны, и мира свободы – с другой. Его знаменитое определение Просвещения как «освобождения человека от собственной незрелости», где незрелость – это «отсутствие решимости и смелости использовать свой интеллект без указания других», указывает на часть этого развития [12]. В своих основных трудах по критической философии, в частности в «третьей критике», Кант раскрывает телеологический прогресс человечества. Неявная утопия Канта описывается так, как если бы у природы была цель, телеологическая цель, направленная к конечной цели, которая заключается в реализации возможностей человеческого существа и особенно в развитии разума. Это похоже на то, как если бы природа помогала человеку достичь развития всех его способностей.

Одной из составляющих имплицитной утопии Канта является предполагаемая телеология, философия «как если бы», позволяющая действовать так, «как если бы» или воспринимать мир так, «как если бы» существовал окончательный конец. В некоторых из своих более поздних работ он описывает историю человечества, идущего по пути к вечному миру, тем самым связывая себя с традицией миллениаризма. Он ищет эмпирические доказательства того, что человечество в целом продвигается к лучшему миру. И все же его интересует не прошлое, а скорее будущее.

Космополитизм представляет собой один из важных компонентов имплицитной утопии Канта. Центральным вопросом является «Телос» в историческом мире и то, что человек характеризуется как конечная цель. Это связано с его уникальной способностью построить идеальное общество, управляемое человеческим разумом, где нет необходимости в законах, подобно человеческому обществу, основанному на моральных принципах. Согласно мысленному эксперименту Канта, история человечества началась с того, что люди покинули мирную Аркадию и начали развивать свой разум. Поскольку предназначение человека не может быть исполнено за одну жизнь, альтернативой является то, что оно может быть исполнено в ходе истории.

Космополитизм занимает центральное место в этом процессе, поскольку Кант рассматривает его как часть развития рациональности человеческого существа. Одной из важных составляющих реализации человеческих способностей является разработка морального закона, ведущего к утопии, в которой нет противоречия или конфликта между моральным законом, политическим законом и склонностью воли и желания.

Согласно Канту, природа человека не отличается миролюбием и люди время от времени вступают в ссоры, враждебные отношения и войны. По этой причине необходима правовая система, основанная на конституции, которая гарантирует свободу каждого человека в сосуществовании со свободой других. Идеальной конституционной формой он называет республиканскую, и свободные республики должны объединиться в федерацию, основанную на федеральном праве [8]. Кантовская система права регулирует отношения между гражданами (республиканизм) и государствами (международное право) и добавляет третье космополитическое право – между индивидом (не являющимся гражданином) и государствами, в которых гостеприимство обозначается центральным понятием.

В книге «На пути к вечному миру» Кант демонстрирует в виде мирного договора один из своих тезисов следующим образом: «Право космополита должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства» с тем ограничением, что иностранцу может быть отказано, если это можно сделать, «не причинив ему смерти» [8]. Если космополитическое право Канта понимать как его космополитизм, то это очень узкое определение. Тем не менее, как упоминалось выше, в последние годы этому определению уделяется большое внимание, поскольку ситуация с беженцами стала актуальной глобальной темой. Однако, с точки зрения Канта, космополитизм – это нечто гораздо большее, чем понятие гостеприимства. Скорее, его следует признать частью утопии.

В упомянутом выше тезисе из «Вечного мира» Кант делает вывод: растущее распространение сообщества (более узкого или более широкого) среди народов Земли в настоящее время достигло такого уровня, что нарушение прав в любом месте на Земле ощущается повсюду. По этой причине идея космополитического права не является фантастической или преувеличенной концепцией права. Скорее, это необходимое дополнение к неписаному кодексу конституционных и международных прав, для обеспечения общественных прав человека в целом и, следовательно, для обеспечения длительного мира. Только при этом условии человек может льстить себя надеждой на постоянное продвижение к вечному миру [8].

В этом отрывке строго определенное космополитическое право открывает возможности для «сообщества всех народов Земли», основанного на идее развития в направлении достижения конечной цели или полной модернизации человеческого потенциала. Как отмечалось выше, космополитизм Канта является важной частью неявной утопии, которая в общих чертах описана в его философской системе. В разные периоды эта утопия анализировалась по-разному. Например, во времена, когда Кант интерпретировался как философ-аналитик, как в англосаксонской традиции XX в., это отвергалось как незначительное предположение.

Однако, даже если «Вечный мир» Иммануила Канта трудно понять в полной мере, несложно увидеть актуальность критики Ханны Арендт в том, что поздние труды Канта по истории и политике не идут ни в какое сравнение по качеству и глубине с другими трудами Канта и что четвертая критика так и не была написана [15]. Аллен Вуд [16] утверждает, противоположно позиции Арендт, что можно рассматривать вопросы вечного мира как центральные в архитектурной философской системе Канта, если характеризовать всю критическую философию с исторической точки зрения и как нечто, что касается конкретной ситуации в развитии человеческой истории. Используя сложную аргументацию, Вуд описывает космополитизм как утопию. Он приводит пример того, как прежние идеи, казавшиеся утопическими, неожиданно воплощались в жизнь. Вуд предполагает, что в будущем могут быть реализованы некоторые другие утопические проекты, основанные на философии Канта, даже если это кажется неосуществимым при повседневной жизни [16].

Заключение

Утопия как рефлексивный метод достижения лучшего будущего многогранна. Социальное воображение и надежды на потенциальное будущее являются частью каждой конкретной ситуации. Если рассматривать космополитизм только как ценность саму по себе, человек становится пренебрегаемым личными, социальными и политическими отношениями внутри общества, что демонстрирует необходимость закрепления космополитизма в практической идее человеческого бытия. Выводом становится тезис, что космополитизм гораздо шире, чем гостеприимство или права беженцев, о которых писал Кант. Космополитизм развивается в утопию о лучшем мире для всех, утопию, которая затем может послужить источником вдохновения для действий и организации. Кант пишет, что «нарушение прав в любом месте на Земле ощущается повсюду» [10, с. 7]. Утопия потенциально может привести к стремлению к переменам, а значит, к действию и мобилизации. Утопический подход в науке важен как ис-

точник вдохновения и долгосрочного планирования. Он помогает выйти за рамки текущих ограничений и ставить амбициозные цели. Однако его применение требует баланса между идеализмом и реализмом, чтобы утопические идеи могли трансформироваться в практические решения, способные изменить мир. Согласно Левитасу, утопию необходимо постоянно изобретать заново как один из инструментов создания будущего. Рассматривать космополитизм как утопию – это приглашение к воображению в поисках лучшего будущего, даже если само по себе это может и не быть решением.

Утопия как междисциплинарный метод в науке представляет собой исследовательский подход, использующий утопические идеи и концепции для анализа и моделирования альтернативных социальных, политических и культурных систем. Этот метод позволяет объединить подходы из разных дисциплин – философии, социологии, политологии, культурологии – для изучения идеальных, гипотетических или проектных моделей общества. Использование утопического метода способствует расширению научного воображения и переосмыслению существующих парадигм, выявляя новые перспективы для преобразований в реальной социальной и научной практике. Данный подход поможет изучить и дополнить идеологию космополитизма всесторонне и выявить, как она балансирует между стремлением к глобальному единству и критикой её применимости на практике.

Миграционные процессы, обусловленные конфликтами, способствуют расселению человеческих сообществ по всему миру. Однако, учитывая конечность пространственных ресурсов планеты, данный процесс не может продолжаться бесконечно. На определенном этапе для дальнейшего развития общества становится необходимым высокий уровень рационального мышления, обеспечивающий возможность формирования гармоничного социума, характеризующегося как внутренним душевным равновесием индивидов, так и стабильными международными отношениями.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 588 с. EDN: QOCIBD.
2. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с. EDN: TUPBER.
4. Мор Т. Утопия. – М.: АН СССР, 1953. – 296 с.
5. Бэкон Ф. Новая Атлантида. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 188 с.
6. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.
7. Валлерстайн И. После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
8. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
9. Levitas R. Utopia as method: the imaginary reconstitution of society. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 288 p. DOI: 10.1057/9781137314253.
10. Кант И. К вечному миру. Сочинения в 8 т. Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – 495 с.
11. Кант И. Критика способности суждения. – СПб.: Издание М.В. Попова, 1898. – 390 с.
12. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? URL: http://budclub.ru/w/worotnikow_m_g/kant_aufklaerung.shtml (дата обращения 09.11.2024).
13. Кант И. Предполагаемое начало истории человечества // Родоначальники позитивизма. – URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/24720/1/Кант_Предполагаемое_Начало_Истории_Человечества_1910_B114639.pdf (дата обращения 09.11.2024).
14. Kant I. Idea for a universal history with a cosmopolitan purpose // Kant: Political Writings / Ed. by H.S. Reiss. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 41–53.
15. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. – М.: Наука, 2011. – 303 с.
16. Wood A. Kant's project for perpetual peace // Proceedings of the Eighth International Kant Congress. – 1995. – Vol. 1. – Iss. 1. – P. 3–18.

Информация об авторе

Владислав Александрович Терлецкий, аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; kraylog@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-7541-2708>

Поступила в редакцию: 20.12.2024

Поступила после рецензирования: 05.02.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

References

1. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. Moscow, AST Publ., 2004. 588 p. (In Russ.) EDN: QOCIBD.
2. Huntington S. The third wave. *Democratization at the End of the 20th Century*. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2003. 368 p. (In Russ.)
3. Huntington S. *The clash of civilizations*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russ.) EDN: TUPBEP.
4. More T. *Utopia*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953. 296 p. (In Russ.)
5. Bacon F. *New Atlantis*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. House, 1962. 188 p. (In Russ.)
6. Rousseau J.J. *On the social contract. Treatises*. Moscow, CANON-press Publ., 1998. 416 p. (In Russ.)
7. Wallerstein I. *After liberalism*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)
8. Held D. *Global transformations: politics, economics, culture*. Moscow, Praxis Publ., 2004. 576 p. (In Russ.)
9. Levitas R. *Utopia as method: the imaginary reconstitution of society*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013. 288 p. DOI: 10.1057/9781137314253.
10. Kant I. *Towards eternal peace*. Works in 8 vol. Vol. 7. Moscow, Choro Publ., 1994. 495 p. (In Russ.)
11. Kant I. *Critique of the power of judgment*. St. Petersburg, M.V. Popov Publ. House, 1898. 390 p. (In Russ.)
12. Kant I. *Answer to the question: what is enlightenment?* (In Russ.) Available at: http://budclub.ru/w/worotnikow_m_g/kant_aufklaerung.shtml (accessed 9 November 2024).
13. Kant I. The proposed beginning of human history. *The Founders of Positivism*. (In Russ.) Available at: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/24720/1/Кан_Предположенное_Начало_Истории_Человечества_1910_БП_4639.pdf (accessed 9 November 2024).
14. Kant I. Idea for a universal history with a cosmopolitan purpose. *Kant: political writings*. Ed. by H.S. Reiss. Cambridge, Cambridge University Press, 1991. pp. 41–53.
15. Arendt H. *Lectures on Kant's political philosophy*. Moscow, Nauka Publ., 2011. 303 p. (In Russ.)
16. Wood A. Kant's project for perpetual peace. *Proceedings of the Eighth International Kant Congress*, 1995, Vol. 1, Iss. 1, pp. 3–18.

Information about the author

Vladislav A. Terletsy, Postgraduate Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kraylog@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0009-7541-2708>

Received: 20.12.2024

Revised: 05.02.2025

Accepted: 28.03.2025

УДК 331.103.2:004

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1936

Шифр специальности ВАК: 5.2.3

Изменение роли труда как эффект цифровой трансформации производства

Е.Г. Новоселова✉*Одинцовский филиал Московского государственного института
международных отношений МИД, г. Москва*✉ egnovoselova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается новая роль живого труда, возникающая как эффект цифровой трансформации производства. Описание этой роли путем регламентации бизнес-процессов является начальным этапом их оцифровки и последующей цифровой трансформации. Новая роль живого труда связана с изменением требований к рабочей силе персонала, повышением его внутренней мобильности, динамикой содержания труда и настройкой систем управления. Регламентация трудовой деятельности должна отражать эти изменения для лучшей адаптации персонала к эффектам цифровой трансформации и для достижения максимального результата трансформации. Проанализировано содержание цифровой трансформации, результатом которой является реорганизация бизнес-процессов и трудовых процессов. Это происходит на основе оцифрованных данных, описывающих производственный и трудовой процессы. Исследование проведено с помощью методов анализа дефиниций цифровой экономики, результатов практиков и их обобщения. Сформулирован перечень первостепенных задач регламентации трудовых процессов наряду с производственными, их формализации, прототипирования и дальнейшей оцифровки. Результаты исследования могут быть использованы для теоретического анализа и методических разработок программ и алгоритмов цифровой трансформации на производственных предприятиях.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, способность к труду, противоречие содержания труда, рутинизация труда, регламентация труда, прототипирование бизнес-процессов

Для цитирования: Новоселова Е.Г. Изменение роли труда как эффект цифровой трансформации производства // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 103–119. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1936

UDC 331.103.2:004

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1936

Changing the role of labor as an effect of digital transformation of production

E.G. Novoselova✉*Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation*✉ egnovoselova@gmail.com

Abstract. The article examines the new role of living labor, which arises as an effect of the digital transformation of production. Describing this role by regulating processes is the initial stage of their digitization and subsequent digital transformation. The new role of living labor is associated with changes in the requirements for the workforce of personnel, with the dynamics of labor content, with increased internal mobility of personnel, with the adjustment of labor management systems. The regulation of work activities should reflect these changes in order to better adapt staff to the effects of digital transformation and to achieve maximum transformation results. The content of digital transformation is analyzed. Its result is a change in business processes and in the use of living labor. These changes are taking place through the use of end-to-end digital technologies based on digitized data describing the production process and, in particular, the labor process. The study was conducted using the methods of analyzing definitions of the digital economy, the results of practitioners, and their generalization. The author has stated the list of the primary tasks of regulating labor processes along with production processes, their formalization, prototyping and further digitization. The results obtained can be used for theoretical analysis and methodological development of programs and algorithms for digital transformation in manufacturing enterprises.

Key words: digitalization, digital transformation, ability to work, contradiction of labor content, labor routine, labor regulation, prototyping of business processes

For citation: Novoselova E.G. Changing the role of labor as an effect of digital transformation of production. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 103–119. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1936

Цифровизация в настоящее время распространилась на все сферы жизнедеятельности и во многом определяет современное развитие экономики. Задача ускоренной цифровизации национальной экономики была обозначена в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203, которым утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг. [1]. Конкретизация данной задачи отражена в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р) [2].

Цифровая экономика оказывает значительное влияние на современную жизнь, однако данный термин трактуется по-разному и наполняется содержанием по мере развития цифровых технологий. В работе Н.В. Манохиной, Н.В. Митяева [3] отмечается «многообразие подходов в понимании цифровой экономики: как рынков на основе цифровых технологий; как экономической системы на основе информационно-коммуникационных технологий (ИТК), используемых на благо потребителей, бизнеса и государства; как производства цифрового оборудования, медийного производства и программирования; как eCommerce в масштабах страны, состоящей из множества отдельных e-коммерсов; как экономического уклада, характеризующегося переходом на качественно новый уровень использования. Фактически цифровая экономика означает применение ИКТ во всех сферах социально-экономической деятельности» [3, с. 140]. На основании анализа авторами делается вывод о том, что цифровая экономика «ассоциируется с четвертой промышленной революцией (The Fourth Industrial Revolution) как массовым внедрением киберфизических систем в производство (Индустрия 4.0) и в процесс реализации потребностей субъектов, включая труд, быт, досуг» [3, с. 140].

Анализ данной дефиниции, представленный в работе Ю.В. Белоусова [4], рассматривает цифровую экономику в контексте изменений средств труда и рабочей силы. Автор справедливо направляет исследование на выявление признаков, которые позволяют определить экономику как цифровую в отличие от нецифровой экономики. Им предлагается выделить основной критерий дифференциации – это наличие автоматизированных блоков управления в средствах труда. Изменения в средствах труда обусловили, по мнению автора, и второе важное отличие цифровой экономики от нецифровой. Деятельность человека в данном случае лишается своей важнейшей сущностной характеристики – целеполагания. На основании проведенного анализа автор предлагает определить «цифровую экономику как деятельность людей по производству, распределению и потреблению материальных и нематериальных

благ, при которой человек воздействует на автоматизированный блок управления средствами труда» [4, с. 32]. Данное определение в явном виде сокращает значение живого труда в процессе производства, но при этом отмечает повышение его значения в проектировании производственного процесса. Важным является вывод том, что для цифровой экономики требуются высококвалифицированные работники «для разработки и проектирования новых цифровых устройств». Другими словами, цифровая экономика основывается на изменении характера и содержания труда в связи со значительной заменой живого труда машинным. Это качественно трансформирует роль живого труда в производственном процессе. При этом в цифровой экономике изменяется не только характер труда, но и способы жизнедеятельности носителя рабочей силы. Это проявляется в новых моделях потребления, обучения, трудоустройства, а также отражается на потенциальной, актуальной и реализованной способностях к труду современного работника. Иными словами, новая роль труда в цифровой экономике подкрепляется эффектами цифровизации во всех сферах его жизнедеятельности.

Цифровизация как суть цифровой экономики изучается разными областями знаний. Однако у экспертов также существуют различные мнения по ее определению. В работе Е.В. Катрин [5] представлен обзор имеющихся определений понятия «цифровизация» в областях правового регулирования, экономики, социологии, психологии и сделан вывод о том, что «цифровизация приобрела характеристики системно-деятельностного процесса, осуществляемого в целях создания цифрового общества и последующего прогресса цивилизации, перехода общества из постиндустриального в цифровое» [5, с. 51]. Не противоречит этому выводу и определение цифровизации, данное в работе В.А. Плотникова, который считает, что «цифровизация, – это процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности, а не только в экономику» [6, с. 17].

В работе М. Кондратьевой и А. Комахиной исследован термин цифровизации на основе изучения научной литературы [7] и сделан справедливый вывод о том, что в зависимости от цели субъектов экономики различаются акценты: предприниматели определяют цифровизацию как некий процесс, связанный с изменением бизнес-моделей с помощью использования цифровых технологий для достижения более эффективного ведения бизнеса; научное сообщество рассматривает как процесс эволюции общества, который сопровождается развитием и использованием цифровых технологий и при котором видоизменяются основные процессы жизнедеятельности общества; государство – как внедрение цифровых технологий и устройств в жизнедеятельность общества, а также как обеспечение эффективной передачи информации [7]. Тем самым следует подчеркнуть главное, что отмечается всеми исследователями: в основе цифровизации – процесс использования цифровых технологий.

Определяя цифровую трансформацию, авторы часто цифровое преобразование отождествляют с цифровизацией. Так, анализируя содержание данных категорий, в работе А.Н. Лиманского и Г. Хофбауэра отмечается, что «цифровая трансформация – это интеграция технологических разработок в области цифровизации в различные сферы деятельности компаний. Здесь бизнес-процессы или целые цепочки создания стоимости могут быть оптимизированы с помощью новых технологий и на основе собранных данных, а бизнес-единицы, клиенты и другие заинтересованные стороны объединены в сеть друг с другом [7]. Таким образом, эти два термина различаются: экономические аспекты рассматриваются в цифровой трансформации, но оцифровка также включает в себя общество. Цифровая трансформация является подзадачей оцифровки» [8, с. 70]. Аналогичный вывод сделан и А.В. Плотниковым о том, что цифровизация – более широкий феномен, по сравнению с цифровой экономикой [6].

В работе С.Р. Турковского [9] представлена иная трактовка соотношения понятий «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация». Автор рассматривает данные процес-

сы как результат разного рода инноваций. «Оцифровка представляет собой ресурсную составляющую, обслуживающую инновационные процессы и инновационную инфраструктуру на уровне предприятия, отрасли, региона и национальной экономики в целом. Цифровизация как более широкая категория уже обеспечивает инновационную систему, с одной стороны предоставляя лучшие возможности для научно-технической деятельности, а с другой стороны – выступая предметом технологических (в первую очередь, продуктовых и процессных) инноваций. Цифровая трансформация же как многомерный комплекс изменений в формате социального взаимодействия является одновременно и предпосылкой, и результатом организационно-управленческих инноваций, при этом последние отвечают не только за финансовый результат предприятий, но за эффективность и результативность адаптации хозяйствующих субъектов к новой реальности» [9, с. 191].

В докладе, подготовленном коллективом ученых «Высшей школы экономики» [10], верно подчеркнут динамический аспект соотношения рассматриваемых понятий. «Цифровая трансформация представляет собой следующую стадию развития после оцифровки, подразумевающей перевод аналоговых данных и процессов в машиночитаемый (цифровой) вид, и цифровизации, означающей использование цифровых технологий для повышения эффективности отдельных направлений или видов деятельности. В основе цифровой трансформации лежит экосистема взаимозависимых цифровых технологий, постоянное развитие которых стимулирует экономические и социальные изменения» [10, с. 9–10].

Таким образом, цифровая трансформация производства рассматривается в литературе как требование современного развития экономики и ее выхода на уровень цифровой. Эксперты называют данный процесс новой эпохой индустриализации. Она обеспечивает предприятиям высокую гибкость в формировании бизнес-моделей и широкий охват потенциальной клиентской базы. «Речь идет уже не только об автоматизации отдельных этапов производства, но и о внедрении цифровых технологий в сквозной процесс, включающий не только производственные этапы, но и сопутствующую финансовую и организационную деятельность» [11, с. 3]. Поэтому эффект цифровизации относительно управления персоналом при цифровой трансформации принимает форму механизма применения живого труда в изменяемых бизнес-процессах.

Специалисты отмечают, что сам процесс цифровой трансформации производства может осуществляться несколькими траекториями в зависимости от степени готовности как управляющей системы, так и управляемых производственных и технологических процессов к оцифровке и последующей оптимизации на основе цифровых технологий. В работе Е.А. Нигай [12] проанализированы различные по содержанию и последовательности действий подходы к осуществлению трансформации, представленные «исследовательскими, консалтинговыми компаниями и научными институтами – от осознания менеджментом необходимости оцифровки бизнес-процессов и стихийного точечного внедрения цифровых технологий до имплементации открытой цифровой экосистемы бизнеса» [12, с. 136]. На основании проведенного анализа автором предложен подход, который «раскрывает последовательность этапов (уровней) в процессе цифровой трансформации бизнеса и его становления как цифровой экосистемы, когда сменяется несколько последовательных стадий, в ходе которых можно проследить рост и усложнение цифровой архитектуры бизнес-моделей» [12, с. 137–138]. Тем самым автором подчеркивается значение оцифровки процессов производства и использования живого труда, формирующих цифровую среду предприятия вне зависимости от того, какой последовательностью этапов идет трансформация.

Учитывая, что категориальный аппарат явлений цифровизации находится в развитии, и основываясь на анализе различных аспектов в оценке категорий, обогащающих понятия новыми гранями, возможно схематично соотнести понятия: оцифровка – это перевод информации в цифровую форму; цифровизация – это использование цифровых технологий в любой сфере

деятельности; цифровизация производства – это применение цифровых технологий для повышения его эффективности в сфере материального производства; цифровая трансформация – это переход от этапа неоцифрованных процессов к процессам с использованием сквозных цифровых технологий. Другими словами, начальным этапом цифровой трансформации является подготовка информации, описывающей трансформируемый процесс, к оцифровке.

Первый вывод, который следует из проведенного анализа терминов, заключается в том, что главное в цифровой трансформации – это новая роль персонала при формировании способности к труду и ее использованию в производстве, а также изменения во всех сферах жизнедеятельности. Поскольку фактором этих модификаций стала цифровизация, то логичным является тезис о том, что описание новой роли труда – его регламентация – есть начальный этап цифровой трансформации. Оцифровке подлежат только формализованные, регламентированные и прототипированные процессы. Прототипирование в данном случае – создание и апробация модели нового оцифрованного процесса, удовлетворяющего заданным критериям оптимизации. Этап прототипирования процесса при цифровой трансформации особенно важен, так как трансформация направлена на замену неформализованных элементов процесса алгоритмизированными. Поэтому существует риск утраты важных недокументированных действий персонала, необходимых для процесса.

Оптимизация в эпоху цифровой экономики основана на использовании соответствующих технологий для перехода (трансформации) бизнес-процессов к новому качеству, обеспечивающему становление цифровой экономики. Смысл регламентации труда при цифровой трансформации – описание новой бизнес-модели, основанной на применении сквозных цифровых технологий, заменяющих живой труд машинным на всех этапах производства, реализации и потребления продукта. Сквозные цифровые технологии являются инструментами цифровизации производственных процессов. Национальная технологическая инициатива (НТИ) определяет сквозные технологии как «ключевые научно-технические направления, которые оказывают наиболее существенное влияние на развитие рынков НТИ. Формирование в России научно-технологического задела по данным группам позволит создать глобально конкурентоспособные высокотехнологичные продукты и сервисы» [13, с 1]. Анализ перечня сквозных технологий представлен в работе И.А. Филиповой: технологии искусственного интеллекта и нейротехнологии; компоненты робототехники и сенсорики; технологии виртуальной и дополненной реальности; новые производственные технологии; системы распределенного реестра; технологии беспроводной связи; квантовые технологии.

В работе выделяют три вектора изменений в связи с распространением цифровых технологий [14]:

- 1) автоматизация как замена человеческого труда машинным;
- 2) цифровизация как преобразование физических объектов и документов в цифровые и наоборот;
- 3) платформизация как использование цифровых платформ в качестве посредников для организации экономических транзакций.

Все эти векторы прямо влияют на процесс использования рабочей силы:

- автоматизация изменяет содержание труда;
- цифровизация дополнительно изменяет сам процесс осуществления трудовых действий с оцифрованными предметами и средствами труда;
- платформизация изменяет процесс включения рабочей силы в производство.

Поэтому для внедрения сквозных технологий на производстве необходимо изначально регламентировать новое содержание трудовых процессов для их последующей оцифровки.

Взаимозависимости производственных цепочек создания продуктов и услуг требуют единого и согласованного использования сквозных цифровых технологий, чтобы обеспечить максимально бесшовное взаимодействие всех участников процесса. Такое взаимодей-

ствие, соответственно, требует стандартизации процессов использования цифровых технологий при разнообразии цифровой трансформации на различных предприятиях. В связи с этим следует отметить повышение внимания к стандартизации и самих сквозных технологий. Так, в монографии под редакцией М.Я. Веселовского и Н.С. Хорошавиной отмечается, что «в 2020 году для цифровой промышленности были разработаны первые стандарты в рамках серии ПНСТ «Умное производство», в том числе регулирующие сферу так называемых цифровых двойников, реализующих виртуальное представление физических элементов производственного процесса, Интернета вещей (IoT) и промышленного Интернета вещей (IIoT). Принято более 30 стандартов в области цифровых технологий и ведется разработка еще 50 новых стандартов. Это будет способствовать унификации инструментов цифровизации и развитию цифровых платформ» [15, с. 19]. В свою очередь, унификация стандартов сквозных технологий будет более эффективна при готовности производства к применению стандартных цифровых инструментов. Поэтому второй вывод об изменении использования труда при цифровой трансформации заключается в том, что эффект сквозных цифровых технологий будет достигнут, если предварительно производственные и трудовые процессы будут подготовлены к цифровой трансформации: прототипированы и алгоритмизированы.

Практики считают [16], что наиболее перспективными для производства являются следующие сквозные технологии:

- промышленный интернет вещей – комплексы компьютерных сетей и связанного с ними производственного оборудования с датчиками и контроллерами, которые необходимы для сбора информации и обмена данными;
- цифровые двойники – создание виртуальных моделей, копирующих физический мир и достоверно описывающих все процессы и взаимосвязи как отдельного объекта, так и производства в целом;
- большие данные – технологии, которые позволяют обрабатывать огромные объемы неструктурированных данных, правильно их интерпретировать и визуализировать;
- искусственный интеллект – интеллектуальные системы, которые способны анализировать информацию, делать прогнозы, находить возможности для оптимизации и принимать решения самостоятельно.

Соответственно, ожидаемый результат внедрения данных цифровых технологий – сокращение затрат живого труда. Такая перспектива привела к прекаризации. «С позиций междисциплинарного анализа прекаризация занятости является проявлением системной стохастичности цифровой экономики, присущей ей неоднородности и экономической турбулентности, когда постоянно генерируемые случайные, хаотичные процессы обретают порядок, своего рода институциональное равновесие, но каждый раз порядок устанавливается новый, по новым правилам игры» [3, с. 138].

Явление прекаризации указывает на *третий вывод* об использовании живого труда при цифровой трансформации: необходимо не только формализовать бизнес-процессы, обеспечив устойчивую позицию персонала в новом процессе, но и учесть динамику изменений сквозных технологий. Это позволит оперативно подстраивать трудовые регламенты. Поэтому помимо компетенций по работе с цифровыми объектами, так называемыми цифровыми компетенциями, персонал должен обладать новыми качествами способности к труду:

- Потенциальная способность к труду, формируемая в процессе обучения, должна обеспечить возможность быстрой адаптации к изменяющимся условиям производственного процесса. По сути, требуется создание непрерывной системы обучения и переподготовки персонала на производстве, адаптированной к требованиям цифровой трансформации.
- Актуальная способность к труду, проявляющаяся в трудовом процессе, должна обеспечить гибкость и готовность к новым требованиям оцифрованных процессов. Для ее полной реализации необходима четко регламентированная система расстановки и пе-

ремещения персонала согласно его потенциальной способности к труду при изменениях производственных процессов. Речь идет о внутренней мобильности рабочей силы, в том числе в рамках экосистемы.

- Реализованная способность к труду должна стимулироваться и вознаграждаться так, чтобы изменение в характере и содержании труда в связи с цифровой трансформацией процессов не снижали уровень оплаты за результат и не порождали проявления прекаризации.

Исходя из изменения роли живого труда при цифровой трансформации, должна изменяться и работа службы персонала предприятия с целью минимизации влияния прекаризации, как эффекта цифровой трансформации, на производство. Управление персоналом обогащается новыми функциями по организации непрерывного обучения и переподготовки персонала, обеспечению его внутренней мобильности. На новом уровне встает задача обогащения труда.

Оцифровка процессов – не новое явление, так как использование информационных технологий осуществляется на непрерывной основе. В статье «Цифровая Россия: новая реальность» проанализированы направления автоматизации. Так, первая волна цифровых инноваций сводилась к автоматизации существующих технологий и бизнес-процессов. Вторая волна пришлась на середину 1990-х годов, когда распространение интернета, мобильной связи, социальных сетей, появление смартфонов привели к стремительному росту использования технологий конечными потребителями. Сегодня цифровые технологии меняют саму операционную модель компаний, повышают эффективность затрат. По данным Глобального института McKinsey, уже к 2036 году может быть автоматизировано от 2 до 50 % работы, выраженной в человеко-часах, а к 2066 году эта доля может достичь от 46 до 99 %» [17].

С учетом опыта предприятий, осуществляющих цифровую трансформацию, представляется, что главное отличие современного уровня цифровизации производства от ранних стадий автоматизации состоит в появлении технологической возможности повышения целостности производственной системы. Основа повышения целостности – минимизация неструктурированных данных производственных процессов, создания, сбора, хранения и обработки показателей производственного процесса, направленных на принудительное исключение неформализованных действий работников либо на осуществление замены живого исполнительского и управленческого труда на протяжении всего процесса. Инструменты цифровизации позволяют на новом уровне обеспечить целостность, то есть динамическое соответствие всех составляющих бизнес-процесса, так как прототипированный и оцифрованный процесс стремится к сокращению до минимума области неучитываемых параметров.

Здесь уместно обратить внимание на то, что цифровая трансформация привела к созданию экосистем. Решение задачи цифровой трансформации начинается с нормализации эффективного процесса производства продукции. Анализ процесса от момента изучения потребителя до обслуживания доставленного ему продукта очерчивает зону цифровизации производства и границу цифровой экосистемы. Речь идет уже не об отдельном производстве, а о взаимодействующих предприятиях. Экосистема сама становится результатом цифровой трансформации. «Проведение цифровой трансформации с использованием разнообразных современных технологий должно базироваться на соответствующей цифровой платформе. Вокруг каждой цифровой платформы зарождается экосистема цифрового предприятия, включающая в себя поставщиков ресурсов и комплектующих, потребителей, а также сервисные и эксплуатационные службы. Важно также, что при этом все данные об операционных процессах, их эффективности, управлении качеством и операционном планировании доступны в режиме реального времени в интегральной сети организации» [11, с. 2]. По мнению экспертов BCG, у экосистем есть несколько важных отличий, связанных с тем, что в экосистеме для потребителя продукты совместимы и более эффективны, если используются в комплексе, а участники экосистемы действуют на основе «общих стандартов, правил и процессов» [18, с. 4].

Экосистемное расширение бизнеса обеспечивает рост масштаба занятости высвобождаемого живого труда и с этой точки зрения является позитивным для рынка труда. Цифровизация производства может начинаться с базовых, уже, возможно, автоматизированных этапов процесса производства и последующей цифровизации обеспечивающих процессов, процессов поддержки и сопровождения производства. Далее следует переходить на процессы доставки продукта потребителю, вовлекать в трансформацию сопутствующие производства. А поскольку развитие производства непрерывно, то и его цифровизация также продолжается в направлении детализации цифровой информации и повышения чувствительности оценки производственного процесса и на этой основе расширения цифрового пространства в целом.

Таким образом, *четвертый вывод* об использовании труда при цифровой трансформации заключается в расширении зоны действия трудовых регламентов за границы отдельного предприятия, так как цифровое пространство экосистемы требует единообразия. Это важно для обеспечения механизма координации ее участников. Соответственно, формализованные процессы с меньшими затратами соединяются и дают возможность совмещения продуктов, производственных и трудовых процессов, вошедших в экосистему и изначально не связанных между собой. Пространство внутренней мобильности рабочей силы расширяется в экосистеме, создавая условия реализации актуальной способности к труду и занятости при вытеснении живого труда на автоматизированных участках производств экосистемы.

В общем виде становится ясно, что эффект цифровизации достигается при условии готовности производственных процессов к цифровой трансформации. Роль первого звена здесь играет регламентация производственной деятельности. Определение дискретных точек изменения и измерения формализованных параметров ресурсов на входе, в их движении в процессе производства и доставки продукта, и их оценка на каждом этапе преобразования ресурсов создают базу для цифровизации и последующего использования оцифрованной информации в организации производственного процесса. Процесс может управляться и исполняться силами живого труда, комбинированными комплексами «человек–машина», без полного или частичного участия работника – в зависимости от того, какой способ управления и исполнения процесса более эффективен. Достижение цели цифровой трансформации возможно на основе оптимизации комплекса бизнес-процессов с использованием цифровых технологий, когда критерием оптимизации является перевод в цифровую форму всех составляющих взаимодействия рабочей силы со средствами и предметами труда для получения результата.

Несмотря на то, что цифровая трансформация в настоящее время является неперенным фактором роста эффективности производства, следует отметить, что промышленность не в полной мере готова внедрять цифровые технологии. Коллектив авторов [19], анализируя практику цифровизации, отмечает, что «большинство отечественных компаний находятся лишь на начальной стадии цифровой трансформации. В частности, результаты исследования «Индекс готовности российских компаний к цифровой трансформации» показывают, что 91 % производственных компаний нашей страны работают по архаичным бизнес-моделям. Однако 78 % респондентов заявили о готовности внедрять передовые цифровые технологии в ближайшие 3–5 лет. При этом на текущий момент производственные процессы цифровизованы на высоком уровне только у 4 % предприятий, и только 5 % активно используют цифровые технологии для повышения эффективности обеспечивающих бизнес-процессов» [19, с. 236]. В связи с этим можно сделать вывод, что задачи регламентации процессов для дальнейшей их оцифровки и внедрения цифровых технологий являются актуальными для основной массы промышленных предприятий. сервисы.

Перевод в цифровую форму данных для управления и контроля средств производства и рабочей силы, используемых в данном процессе, лежит в основе оцифровки. А возможная замена живого труда инструментами автоматизации, роботизации и искусственного интел-

лекта на этой основе есть результат цифровой трансформации бизнес-процесса. «Специалисты ведущих экспертных агентств указывают, что уже в ближайшие годы 47 % рабочих мест будут «оцифрованы», а людей заменят компьютерные программы или роботы. Например, по оценкам McKinsey Global Institute (2013), примерно 140 млн штатных работников интеллектуального труда во всем мире будут заменены цифровыми устройствами. С помощью уже существующих технологий можно автоматизировать человеческий труд стоимостью 2 трлн долларов» [20, с. 173]. Наибольшая угроза автоматизации и последующего вытеснения наблюдается для ряда профессий, связанных с управлением машинами и механизмами, низкоквалифицированной работой по обслуживанию и обработке первичной информации (клерки, секретари и администраторы) [21, с. 258].

Таким образом, цифровая трансформация оказывает значительное влияние на занятость, поэтому важно предусмотреть при трансформации изменение роли живого труда. Основываясь на работе В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова [22], в которой впервые в отечественной литературе представлен анализ распределения на российском рынке труда занятых между рутинными и нерутинными задачами когнитивного и физического содержания, можно сделать вывод о том, каким путем в этой части идет цифровая трансформация. Авторы подчеркивают, что «под рутинностью понимается не элементарность того или иного занятия, а возможность его полной спецификации в виде серии инструкций, выполняемых машиной. К рутинным относят трудовые операции, носящие заданный, однотипный, повторяющийся характер. Поскольку они следуют строго определенному протоколу, то без особых затруднений поддаются алгоритмизации и программированию с помощью современных информационно-коммуникационных технологий. Данные технологии чаще всего оказываются в отношениях взаимозаменяемости с рутинными, но в отношениях дополнения с нерутинными когнитивными типами занятий. Поэтому автоматизация требует настолько высокой степени кодификации задачи, при которой относительно негибкая машина могла бы выполнять ее в автономном или полуавтономном режиме» [22, с. 8–10].

Другими словами, при цифровой трансформации по большей части происходит либо дополнение, либо полная замена живого труда машинным. Поэтому необходимо учитывать, как может быть в перспективе использован живой труд. Автоматизация процесса заменяет живой труд на машинный при выполнении рутинных операций. Роботизация обеспечивает замену живого труда при выполнении рутинных процессов роботизированными комплексами. Искусственный интеллект позволяет заменить живой труд в процессах с неструктурированными данными или, по определению В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова, с «нерутинными задачами когнитивного содержания». Следовательно, требуется предусмотреть возможность адаптации труда к данной конкретной стадии цифровой трансформации производственных процессов – от автоматизации отдельных его этапов до применения искусственного интеллекта. Учитывая, что данные процессы находятся в развитии, то для науки и практики экономики труда необходимо адаптировать механизмы управления трудом на всех этапах трансформации.

Рутинизация труда – это результат его разделения. При развитии технико-технологической составляющей средств производства всегда имеется противоречие содержания труда – между потребностью в удешевлении рабочей силы путем упрощения трудовых приемов и последующей их рутинизации в рамках пооперационного разделения и потребностью в усложнении требований к рабочей силе в связи с усложнением инженерно-технических и административно-управленческих характеристик процесса. В данном противоречии отражаются и особенности цифровой трансформации:

- упрощение совокупности трудовых действий, имеющих целевым назначением обслуживание по стандартному алгоритму автоматизированных и роботизированных процессов вплоть до полной замены живого труда;

- усложнение технологических операций как части технологического процесса в связи с увеличением параметров контроля и управления процессом, в том числе при отклонении параметров от заданных величин и требовании быстрой диагностики и коррекции процесса.

Цифровизация, таким образом, еще более усилила поляризацию требований к компетенциям, определяющим качество рабочей силы персонала. Разрешение противоречия в содержании труда находится в автоматизации оцифрованных функций и в дальнейшем замене живого труда, выполняющего оцифрованные функции, относящиеся как к простому, так и сложному труду, машинным трудом. Определяющим признаком сначала автоматизации части функций, а затем и передачи комплекса функций, составляющих законченные процессы, роботизированным комплексам, является степень регламентации законченного технологического процесса. Затем на этой основе происходит оцифровка бизнес-процесса и всех его составляющих:

- в трудовом процессе – оцифровка действий субъекта труда;
- в технологическом процессе – оцифровка операций, состоящих из отдельных приемов и трудовых движений с целью воздействия субъекта труда на предмет труда с помощью средств труда для его превращения в планируемый результат;
- в производственном процессе – оцифровка организации превращения ресурсов в новый продукт или услугу и доставки его потребителю (продуктообразование и продуктопродвижение).

Для замены живого труда машинным при осуществлении трудовых приемов требуется точное исполнение законченного действия. Регламентация служит цели формирования и описания алгоритма трудового приема, его рутинизации и последующей оцифровки. Таким образом, регламентация вытекает из пооперационного разделения труда и является основой оцифровки процессов. Перевод в цифровую форму возможен, если процесс изучен и все связи и закономерности взаимодействия факторов и ресурсов познаны и регламентированы. Регламенты как основа для оцифровки текущего процесса создают структурный капитал предприятия (по Л. Эдвинсону). Его накопление обеспечивает повышение уровня цифровизации, так как формируется массив данных о параметрах управляемых процессов. Эта информация является источником для аналитического анализа процесса и его последующего совершенствования. Кодифицированная на основе регламентов информация имеет вид различного рода баз данных. Если она используется в производстве, то приобретает форму капитала, так как участвует в нем как ресурс.

Важно подчеркнуть, что регламентация процессов должна основываться на общей идее, лежащей в управлении данным производством. По С.Б. Чернышову, системные качества регламентации как предмета – в частности, проблемы обеспечения ее целостности, полноты и непротиворечивости – влекут за собой вполне определенные требования к формам работы с таким предметом. Свобода возрастает за счёт того, что решение стоящих перед исполнителем проблем (например, необходимость выполнения социальной функции в условиях сложной системы ограничений) переводится в разряд рутинной процедуры [23]. Из этого следует, что регламентация для целей цифровизации должна отвечать требованиям максимальной формализации параметров процесса, чтобы было возможно эффективно применять цифровые технологии. Такое представление о регламентации как способе формализации отношений в процессе деятельности, направленном на реализацию цели, адекватной для всех участников процесса, определяет ее как необходимое и достаточное условие развития производства и экономии и более рационального использования высвобождаемого труда. Но это также и ставит вопрос о быстром перепрофилировании высвобожденного персонала и его последующем трудоустройстве. Данный процесс управления персоналом также подлежит регламентации как элемент текущей производственной деятельности.

Содержание регламентации описано с помощью научных методов Ф. Тейлора, структурных принципов организации, сформулированных А. Файолем, в теории бюрократической организации М. Вебера, в понятии «ограниченной рациональности» Дж. Саймона и т. д. В литературе представлены разные классификации совокупности регламентов. Подробный их анализ дан в работе [24]. Так, существующие регламенты можно классифицировать в зависимости от элементов системы управления: регламенты, регулирующие деятельность предприятия в целом как единого юридического лица (устав, договор учредителей, философия, правила внутреннего трудового распорядка и др.); работу персонала (положение о подразделениях, модели рабочих мест, должностные инструкции, контракты и др.); информационное обеспечение (делопроизводство, документы, классификаторы, типовые банки данных и др.); порядок работы с техникой управления (размещение, паспорт, инструкции по эксплуатации и др.); процесс управления (матрица функций, график процессов, технологические карты и др.). С точки зрения корпоративной культуры различаются регламенты: поведения персонала, делового взаимодействия – то, как сотрудники кооперируются между собой, как ставятся задачи подчиненным и учитываются результаты, как проводятся совещания, как принимаются и контролируются решения; межличностного общения. С точки зрения персонал-технологий для их практической реализации различают регламенты, на основании которых назначены ответственные, определены подразделения и должностные лица для выполнения работы в рамках данной технологии, установлен порядок работы и предоставления отчетности, зафиксированный в должностных инструкциях исполнителей, в соответствующих положениях и приказах, указано, кто из высшего руководства будет курировать эту работу, кто будет отвечать за общую координацию и контроль за реализацией всей программы. Можно выделить две группы регламентов: нормативные формы регламентации деятельности (длительного срока действия) и ситуационные (целевые)». С точки зрения типов документов выделяют регламенты для исполнителей: должностная инструкция, порядок, классификатор; технологические регламенты, положение о подразделении, технологическая схема, перечень; регламенты общего характера: методика, план, стандарт. На основании анализа массива регламентов в работе сделан вывод о том, что потребность в регламентации деятельности возрастает по мере перевода системы управления на более высокий уровень.

В работе Савельевой Е.А. [25] представлено современное понимание регламентации, имеющееся в литературе, и сделан ряд обобщений. «С юридической точки зрения регламентация представляет собой способ организации правового регулирования общественных отношений посредством наделения их участников субъективными юридическими правами и возложения на них юридических обязанностей. С технико-технологических позиций регламентация труда отражает взаимосвязь производственно-технологических и трудовых процессов. С организационно-экономической позиции при помощи регламентации труда устанавливаются границы экономической самостоятельности трудовых агентов в бизнес-системах, оптимальные пропорции между имеющимися ресурсами, осуществляется закрепление рационального разделения труда, упорядочивается выполнение конкретных трудовых процессов, координируется взаимодействие всех организационных факторов в трудовой системе. С позиций управления регламентация сводится к упорядочению действий трудовых агентов исходя из интересов управляющей системы, когда для регулярных задач принимаются унифицированные способы их решения, разделяются зоны ответственности, закрепляются права на принятие решений, задаются связи кооперации и субординации» [25, с. 5–6]. Исследователи данной темы [26] представляют, как формируется регламентирующий документ.

Помимо описания процессов в виде набора документов, регламентация включает и набор параметров контроля их исполнения. В обзоре бизнес-аналитика В. Мальзама представлено значение регламентации как эффективного инструмента при координации большого числа исполнителей. В нем говорится, что избежать хаоса в этой ситуации позволяют инструмен-

ты системного управления – регламентация, автоматизация или системы BPMS. Их использование сопряжено с издержками как на организацию процессов, так и на обеспечение их контроля. Информационные системы класса BPMS предназначены для совмещения автоматизации, электронной регламентации и сквозного контроля исполнения процессов [27]. «Проверки правильности нарисованных моделей по заранее сформулированным правилам, анализ организационных и информационных разрывов в процессах и решение других задач с помощью программных средств – это то, что может помочь при инжиниринге бизнес-процессов и облегчить эту сложную задачу» [28, с. 2]. Контрольно-аналитическая роль труда при цифровизации процессов в значительной части может быть регламентирована и автоматизирована. Но принятие решений на основе анализа должно оставаться прерогативой живого труда для максимального достижения цели оптимизации процессов. Поэтому именно регламентация в части оптимизации процессов играет ведущую роль, так как дает возможность прототипировать процессы и на основе анализа отклонений фактических данных модели от плановых осуществлять их оптимизацию. Учитывая, что регламентация – юридический инструмент управления процессами, ее использование направлено также на закрепление результатов контроля процессов в системах мотивации и стимулирования труда.

На основании анализа различных совокупностей регламентов и исходя из структуры отношений в деятельности, следует сделать вывод о том, что регламенты формализуют следующие процессы:

- Технологические процессы превращения всех видов ресурсов в конечный продукт – уровень объект-объектных отношений. Данная группа регламентов требуется для оцифровки технологического процесса и формирования показателей контроля его исполнения. Эти регламенты являются основными для автоматизации и роботизации производства, например в «промышленном интернете вещей» (Industrial Internet of Things – IIoT). Реализация данной метатехнологии предполагает оснащение измерительными устройствами, подключенными к сети обмена данными, всего используемого производственного оборудования предприятия; компьютеризацию всех рабочих мест на предприятии (не только управленческого персонала, но и производственного, сервисного и др.); формирование системы передачи, автоматизированной обработки и визуализации собираемых данных, объединение парка оборудования и рабочих мест в единую информационную сеть; интеграцию в систему управления предприятием интеллектуальных подсистем автоматической интерпретации получаемой информации, принятия и реализации решений [6].
- Управление производственным процессом – уровень субъект-субъектных отношений. Данная группа регламентов позволяет оцифровать процесс сбора, анализа и хранения показателей оценки результатов процесса управления для последующей цифровизации документооборота, аналитики для исполнения управленческих функций. В перспективе рутинные функции управления могут быть автоматизированы и далее заменены роботизированными комплексами. Накопление данных показателей оценки процесса управления позволит, вероятно, применять искусственный интеллект при выполнении некоторых функций управления (дополнять или частично заменять живой труд). Регламентация процесса принятия решения формализует соотношение управленческих и исполнительских функций при производстве продукта и на основе закрепления полномочий и ответственности. Данный вид регламентации осуществляется в рамках организационной, информационной и технологической структур. Организационная структура определяет должностные субординации, информационная структура – движение информации от должности к должности. Технологическая структура детерминирует отношения кооперации труда. В данной группе регламентов как раз и должна найти отражение новая роль труда в оцифрованном процессе.

- Регламентация трудовых процессов производства – уровень субъект-объектных отношений. Эта группа регламентов формализует действия работника в технологическом процессе и позволяет описать функции живого труда, требуемые для каждого технологического процесса преобразования ресурсов в результат. Именно данная группа регламентов обуславливает возможность автоматизации и роботизации производства путем замены рутинных повторяющихся типичных для данного технологического процесса функций живого труда машинным. Регламентация трудовых процессов непосредственно регулирует использование рабочей силы путем моделирования выполнения различных видов работ. В этой связи обращает на себя внимание концепция цифрового или виртуального близнеца [8]. «Цифровой близнец – это виртуальный образ физического продукта. Оба они подключены к сети и могут общаться друг с другом. Физическим близнецом могут быть как готовые изделия, так и отдельные компоненты, целые производственные установки или процессы. Цифровой близнец состоит из трех частей: одна – это сам физический продукт, который также называется физическим близнецом. Однако существует виртуальный близнец – цифровое изображение, которое отражает физического близнеца. Существует связь между физическим и виртуальным близнецом, которая обеспечивает передачу данных». [8, с. 70]. Использование данной технологии для моделирования процесса позволяет эффективно внедрять новые технологические схемы производства и в последующем – оцифровку живого труда и его возможное замещение машинным трудом.

В совокупности регламентов предприятия помимо технологических и управленческих процессов реализуется смысл стратификации деятельности в иерархии живого труда. Управленческая деятельность персонала описывается в абстрактных понятиях, исполнительская – конкретизирует их в процедурах и действиях на каждом уровне. Чем конкретнее процедуры, тем легче осуществляется их оцифровка. Поэтому и применение цифровых технологий более результативно в рамках исполнения технологических процессов, то есть на уровне объект-объектных и объект-субъектных отношений. Уровень же управления (субъект-субъектный) может быть оцифрован фрагментарно – только в части его рутинных элементов.

Замена живого труда машинным, то есть фактически замена субъекта деятельности объектом поднимает задачу оцифровки на уровень организации трудового процесса и далее на уровень производственного процесса. Если оцифровка труда исполнителей, особенно в части технологических процессов, осуществляется в рамках технологической документации, то управление процессами – это объективно область недостаточной формализации, поэтому и оцифровки. Хотя, по мнению исследователей, именно в данной области скрыты значительные перспективы автоматизации. Так, Всемирный экономический форум совместно с партнерами подготовил отчет Future of Jobs Report 2023 («Будущее рабочих мест 2023»). Исследование аккумулирует мнения крупнейших работодателей мира – 803 компаний, в которых работают более 11,3 млн представителей 27 отраслей из 45 стран. Согласно ожиданиям, к 2027 г. планируется автоматизировать 42 % бизнес-задач. Если говорить о характере автоматизируемых операций, ожидается, что, например, 65 % из них будет связано с обработкой данных, а 35 % – с логическими рассуждениями и принятием решений [29]. Данный вывод представляется весьма спорным, так как логические рассуждения и принятие решения всегда подкрепляются интуицией, опытом и прочими неформализуемыми мыслительными процессами. Это результаты творческой деятельности, которая, вероятно, может быть автоматизирована в части аналитики, обработки информации, обобщения результатов. Но вряд ли это возможно и главное – необходимо в части принятия решений, когда их качество определяется не только имеющейся информацией, но и иными качествами предпринимателя, не поддающимися оцифровке. Тем самым при цифровизации повышается творческая составляющая роли труда относительно нерутинных функций.

Таким образом, цифровая трансформация производства как результат применения цифровых технологий (цифровизации) включает блоки задач, связанных оптимизацией использования живого труда при реинжиниринге бизнес-процессов:

1. Формализация бизнес-процесса преобразования ресурсов в продукт, заключающаяся в его описании и выборе показателей оценки соединения средств производства и рабочей силы для производства и доставки продукта потребителю.
2. Описание, регламентация и прототипирование формализованных процессов, настройка сбора и хранения оценки показателей мониторинга их параметров с формализацией трудовых приемов, норм и нормативов их исполнения. Определение соотношения форм автоматизированного и неавтоматизированного контроля показателей.
3. Оцифровка регламентированных процессов и организации сбора и хранения показателей для управления и контроля их исполнения. Выявление неструктурированных данных и вероятностей получения ожидаемого или незапланированного результата и определение дальнейших действий для положительного завершения регламентированного процесса. Уточнение на этой основе функций живого труда при стандартном и отклоняющемся течении процесса.
4. Определение возможности замены живого труда машинным и дальнейшей его рутинизации в отдельных операциях, стадиях и процессе целиком или частично на основании анализа показателей исполнения, контроля процесса и его управления.
5. Собственно цифровизация процессов путем выбора сквозных цифровых технологий и инструментов для замены или дополнения живого труда машинным. Автоматизация и роботизация исполнения и контроля процесса, а также отдельных функций управления.
6. Выявление потребности в более глубоком применении цифровых технологий в управлении процессами в экосистеме для повышения эффективности ее функционирования, оцифровка управленческих процессов и их последующая цифровизация.

Подводя итог, важно отметить, что эффект цифровизации при использовании труда выражается, во-первых, в новых требованиях к качеству рабочей силы, связанных с навыками работы с оцифрованными данными, а также с непрерывной оптимизацией процессов; во-вторых, в новом содержании труда практически всех категорий работающих – управленческих и исполнительских должностей, в связи с изменениями в средствах труда и предметах труда, которые вызваны использованием цифровых технологий; в-третьих, в появлении абсолютно новых способов соединения рабочей силы со средствами производства, основанных на шеринговой, гига-, платформенной моделях, а также в видоизменении традиционной модели занятости – узаконивании удаленной формы трудовой деятельности. Все это кардинально изменяет роль труда в производстве. Значительная часть персонала из субъекта деятельности все больше приобретает черты объекта. Это означает, что действия работающего рутинизируются, лишаются целеполагания и творческой составляющей и при цифровой трансформации будут заменены машинным трудом. Управление данной группой персонала сводится к точному описанию и регламентации *трудовых приемов* в автоматизированном процессе и верной расстановке персонала при полной автоматизации контрольных процедур. Другая часть персонала, наоборот, приобретает роль творца процесса. Возникает задача управления и контроля, так как именно этим персоналом определяется качество трансформации. Здесь требуется однозначная и детальная регламентация ожидаемых результатов труда и постоянный мониторинг достижения этих метрик. Новая роль труда выражается в поляризации:

- требований к качеству рабочей силы;
- содержания труда разных групп персонала – от полностью рутинного до полностью творческого вне зависимости исполнительских или управленческих функций данных групп персонала;
- методов управления сложно структурированным персоналом.

Новая роль труда при цифровизации изменяет функции управления персоналом и повышает роль регламентации. Без регламентации процессов с учетом новой роли труда и сам эффект цифровой трансформации будет снижен или вообще не достигнут за счет разных отклоняющихся проявлений «человеческого фактора».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 07.02.2023).
2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения 12.10.2022).
3. Манохина Н.В., Митяева Н.В. Прекаризация занятости в цифровой экономике // Известия Саратовского университета. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2022. – Т. 22 – Вып. 2. – С. 137–144. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144>. EDN: JANUOW.
4. Белоусов Ю.В. Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 26–43. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43. EDN: NRZDOA.
5. Катрин Е.В. Цифровизация: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. Политология. – 2022. – Т. 28. – № 5. – С. 49–54. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-5-49-54.
6. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития Российской экономики // Известия СПбГЭУ. – 2018. – № 4 (112). – С. 16–24. EDN: UUURVF.
7. Кондратьева М.Н., Комахина А.В. Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – № 3 (165). – С. 134–139.
8. Лиманский А.Н., Хофбауэр Г. Цифровой близнец как инструмент оцифровки процесса управления проектами // Теоретическая экономика. – 2021. – № 78 (6). – С. 68–81. DOI: 10.52957/22213260_2021_6_68.
9. Турковский С.Р. Оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация в контексте инновационного развития и организационно-управленческих инноваций // Экономическая наука сегодня. – 2023. – Вып. 17. – С. 186–195. DOI: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2023-17-186-195>. EDN: YGQPIA.
10. Цифровая трансформация: ожидания и реальность / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др. // XXIII Ясинская (Апрельская) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2022. – 221 с.
11. Цифровизация промышленности в России и за рубежом // Центр 2М. URL: <https://center2m.ru/tsifrovizatsiya-promyshlennosti> (дата обращения 05.11.2023).
12. Нигай Е.А. Процесс цифровизации бизнеса: от точечной оцифровки бизнес-процессов к цифровой трансформации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 2. – С. 134–145. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-2-134-145. EDN: EVSWNX.
13. Сквозные технологии НТИ. URL: <https://nti2035.ru/technology/?ysclid=lpgqxb04h7652421572> (дата обращения 01.10.2023).
14. Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 106 с. EDN: ORAKRN.
15. Цифровая трансформация промышленных предприятий в условиях инновационной экономики / под научной редакцией М.Я. Веселовского и Н.С. Хорошавиной. URL: <https://izd-mn.com/PDF/06MNNPM21.pdf?ysclid=lzset0hjkr79017950> (дата обращения 01.10.2023).
16. Цифровизация промышленности: задачи, преимущества внедрения. URL: <https://adeptik.com/blog/cifrovizatsiya-promyshlennosti/> (дата обращения 01.10.2023).
17. Цифровая Россия: новая реальность. URL: <https://bit.samag.ru/archive/article/1958?ysclid=lzsrde8lj1268451699> (дата обращения 01.10.2023).
18. Что такое бизнес-экосистемы и зачем они нужны // РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6087e5899a7947ed35fdbbf3> (дата обращения 01.10.2023).
19. Лютягин Д.В., Зюков В.А. Цифровизация производственных процессов в рамках концепции «Индустрия 4.0» // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 11. – № 9-1. – С. 235–247. DOI: 10.34670/AR.2021.36.86.029. EDN: ZTXXY.
20. Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 4-2. – С. 166–180. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180. EDN: HMNHLI.
21. Васина В.Н. Обратная сторона цифровизации: поляризация российского рынка труда в процессе его структурной трансформации // Российские регионы в фокусе перемен: XVII Сборник докладов XVII международной конференции. – Екатеринбург: Ажур, 2023. – С. 255–259. EDN: CWTOFX.

22. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. – 2022. – № 8. – С. 68–94. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-68-94>. EDN: HSIVVK.
23. Чернышов С.Б. Корпоративное предпринимательство: от смысла к предмету. Лекция 11. Современные проблемы регламентации. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5839/5850> (дата обращения 12.05.2023).
24. Новоселова Е.Г. Тенденции использования рабочей силы в банковской деятельности: регламентация и инновационность. – Томск: Изд-во Том. гос. Ун-та, 2006. – 166 с.
25. Савельева Е.А. Сущность и функции регламентации труда при переходе к цифровой экономике // Экономика труда. – 2018. – Т. 5. – № 1. – С. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.1.38886>. EDN: YVETUQ.
26. Поздеева С.В., Захарова С.Н. Основные направления регламентации организации управленческой деятельности // Проблемы экономики и менеджмента. – 2017. – № 4 (68). – С. 48–52.
27. Мальзам В. Управление бизнес-процессами: методы и инструменты. URL: <https://www.cfin.ru/itm/bpr/bpms.shtml> (дата обращения 12.05.2023).
28. Коптелов А.К. Регламентация процессов – регламенты и инструкции. URL: <https://koptelov.info/reglamentatsiya-protsessov/> (дата обращения 12.05.2023).
29. Навыки будущего: как изменится рынок труда по версии Всемирного экономического форума. URL: <https://netology.ru/blog/05-2023-future-of-jobs-report> (дата обращения 22.05.2023).

Информация об авторе

Елена Георгиевна Новоселова, доктор экономических наук, доцент кафедры управления инновациями Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений МИД, Россия, 143005, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, 3; egnovoselova@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-7076-9143>

Поступила в редакцию: 03.12.2024

Поступила после рецензирования: 10.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. *Strategy for the development of the information society for 2017–2030*. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (accessed 7 February 2023).
2. Program “*Digital Economy of the Russian Federation*”. Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 no. 1632-r. (In Russ.) Available at: <http://government.ru/docs/28653/> (accessed 12 October 2022).
3. Manokhina N.V., Mityaeva N.V. Precarization of employment in the digital economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, Iss. 2, pp. 137–144. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144>. EDN: JAHUOW.
4. Belousov Yu.V. Digital economy: concept and trends of development. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2021, no. 1, pp. 26–43. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43. EDN: NRZDOA.
5. Katrin E. «Digitalization»: on approaches to defining a definition in political science. *Transbaikal State University Journal*, 2022, vol. 28, no. 5, pp. 49–54. (In Russ.) DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-5-49-54.
6. Plotnikov V.A. Digitalization of production: the theoretical essence and development prospects in the Russian economy. *Bulletin of the St. Petersburg State Economic University*, 2018, no. 4 (112), pp. 16–24. (In Russ.) EDN: UUURVF.
7. Kondratyeva M.N., Komakhina A.V. Digitalization: a study of basic terms. *Economics and management: scientific and practical journal*, 2022, no. 3 (165), pp. 134–139. (In Russ.) DOI: 10.34773/EU.2022.3.25.
8. Limansky A.N., Hofbauer G. Digital twin as an instrument of digitization of the process of product management. *Theoretical Economics*, 2021, no. 78 (6), pp. 68–81. (In Russ.) DOI: 10.52957/22213260_2021_6_68.
9. Turkovsky S.R. Digitization, digitalization and digital transformation in the context of innovative development and organizational and management innovations. *Economic science today*, 2023, Iss. 17, pp. 186–195. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2023-17-186-195>. EDN: YGQPIA.
10. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovsky S.A., Vishnevsky K.O., Gershman M.A., Gokhberg L.M. Digital transformation: expectations and reality. *XXIII Yasinsk (April) international scientific conference on problems of economic and social development*. Moscow, Higher School of Economics Publ. house, 2022. 221 p. (In Russ.)
11. Digitalization of industry in Russia and abroad. *2M Center*. (In Russ.) Available at: <https://center2m.ru/tsifrovizatsiya-promishlennosti> (accessed 5 November 2023).

12. Nigay E.A. The process of business digitalization: from targeted digitization of business processes to digital transformation. *STAP: economic theory, analysis, practice*, 2022, no. 2, pp. 134–145. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6435-2022-2-134-145. EDN: EVSWNX.
13. *End-to-end NTI technologies*. (In Russ.) Available at: <https://nti2035.ru/technology/?ysclid=lpqxb04h7652421572> (accessed 1 October 2023).
14. Filipova I.A. *The influence of digital technologies on labor: guidelines for labor law*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky Publ., 2021. 106 p. (In Russ.) EDN: ORAKRN.
15. *Digital transformation of industrial enterprises in an innovative economy*. Eds. M.Ya. Veselovsky, N.S. Khoroshavina. (In Russ.) Available at: <https://izdmn.com/PDF/06MNNPM21.pdf> (accessed 1 October 2023).
16. *Digitalization of industry: challenges, advantages of implementation*. (In Russ.) Available at: <https://adeptik.com/blog/cifrovizaciya-promyshlennosti/> (accessed 1 October 2023).
17. *Digital Russia: New Reality*. (In Russ.) Available at: <https://bit.samag.ru/archive/article/1958?ysclid=lzsrc8lj1268451699> (accessed 1 October 2023).
18. What are business ecosystems and why are they needed. *RBC trends*. (In Russ.) Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6087e5899a7947ed35fdbbf3> (accessed 1 October 2023).
19. Lyutyagin D.V., Zyukov V.A. The digitalization of production processes within the framework of the Industry 4.0 concept. *Economics: yesterday, today, tomorrow*, 2021, vol. 11, no. 9-1, pp. 235–247. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2021.36.86.029. EDN: ZTXXYV.
20. Digilina O.B., Teslenko I.B. Transformation of the labor market in the context of digitalization. *RGGU bulletin. Series "Economics. Management. Law"*, 2019, no. 4-2, pp. 166–180. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180. EDN: HMNHLI.
21. Vasina V.N. The reverse side of digitalization: polarization of the russian labor market in the process of its structural transformation. *Collection of reports of the XVII international conference. Russian regions in the focus of change*. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2023. pp. 255–259. (In Russ.) EDN: CWTOFX.
22. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Work routines and risks of automation in the Russian labor market. *Voprosy Ekonomiki*, 2022, no. 8, pp. 68–94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-68-94>. EDN: HSIVVK.
23. Chernyshov S.B. *Corporate entrepreneurship: from meaning to subject. Lecture 11. Modern problems of regulation*. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/5839/5850> (accessed 12 May 2023).
24. Novoselova E.G. *Trends in the use of labor in banking: regulation and innovation*. Tomsk, Tomsk University Press, 2006. 166 p. (In Russ.)
25. Saveleva E.A. Essence and functions of labor regulation in transition to the digital economy. *Russian Journal of Labour Economics*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 1–12. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.1.38886>. EDN: YVETUQ.
26. Pozdeeva S.V., Zakharova S.N. *The main directions of regulation of managerial activity. Problems of economics and management*, 2017, no. 4 (68), pp. 48–52. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-reglamentatsii-organizatsii-upravlencheskoy-deyatelnosti?ysclid=lpkvhh06g112201609> (accessed 12 May 2023).
27. Malzam V. *Business process management: methods and tools*. (In Russ.) Available at: <https://www.cfin.ru/itm/bpr/bpms.shtml> (accessed 12 May 2023).
28. Koptelov A.K. *Regulation of processes – regulations and instructions*. (In Russ.) Available at: <https://koptelov.info/reglamentatsiya-protsessov/> (accessed 12 May 2023).
29. *Skills of the future: how the labor market will change according to the World Economic Forum*. (In Russ.) Available at: <https://netology.ru/blog/05-2023-future-of-jobs-report> (accessed 22 May 2023).

Information about the author

Elena G. Novoselova, Dr. Sc., Associate Professor, Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs, 3, Novosportivnaya street, Odintsovo, 143005, Russian Federation; egnovoselova@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-7076-9143>

Received: 03.12.2024

Revised: 10.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 7.046.1:165+316.75

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

Шифр специальности ВАК: 09.00.11

Специфика мифологии масс

Н.И. Петев✉

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир*

✉ cyanideemo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика массовой мифологии как феномена современной культуры и сознания индивида. Автор выявляет и анализирует специфические черты и условия формирования массовых (искусственных) мифологем, а также трансформацию различных феноменов, которые наполняются новым содержанием. Также рассматривается транспозиция «нуминозного», для которого традиционной является область религиозного, в не-религиозные сферы. **Цель:** выявить внутреннее содержание мифологии масс, причины и условия её актуализации, а также установить метаморфозы, которые она инициирует. Интегрирование массовых мифов имеет двухстороннее последствие: с одной стороны, переход «сакрального» в иные сферы, что предполагает компенсацию при кризисе религиозных систем, с другой – очевидным становится интенсификация процесса маргинализации «священного» и связанного с ним понятий и явлений. Важным аспектом является проблематика новаторства и собственно производительных способностей массовой мифологии. Особенность данного процесса, а также использование определённых «ресурсов» обуславливают содержание создаваемого продукта. Он, в свою очередь, репрезентирует архитектуру мифологии масс, что создаёт благотворную почву для её развития и интеграции в сознание индивида. **Методы:** диалектический метод, позволяющий выявить и проанализировать те противоречия, которые присутствуют в рамках реализации массовых мифологем, в частности соотношение пассивности и динамизма, прогресса и маргинализации и т. д.; метод моделирования, способствующий формированию представления о массовой мифологии как динамичной целостной системе, которая постоянно изменяется в зависимости от этиологического и телеологического примата; метод анализа и синтеза, позволяющий глубже проникнуть в суть проблемы, связанной с формированием и интегрированием массовых мифологем, а также выявить причины и условия возникновения и развития массовой мифологии; психологический подход, делает возможным выявить основные компоненты данной мифологии, которые эффективнее и успешнее воспринимаются массами. Религиоведческий подход применялся при рассмотрении таких феноменов, как «сакральность», «чудо» и т. д., а также при анализе, собственно, явления массовой мифологии. **Результаты:** выявлены условия формирования массовых мифологем, такие как доступность, отсутствие вариативности, каналы передачи и т. д.; обнаружено отсутствие непосредственно производственных сил массовой мифологии; установлены метаморфозы такого феномена, как время, в парадигме его определения как ресурса в аспекте динамизма; определена искусственная и спекулятивная драпировка рациональностью некоторых положений массовых мифологем; проанализированы концепции скорости и динамизма в области формирования массовой мифологии, имеющие императивный характер; выявлены такие черты, как дискретность и фрагментарность, присущие сознанию индивида в парадигме влияния мифологии масс; установлен процесс транспозиции «сакрального» в рамках актуализации мифологии масс, а также факт снятия такого его качества, как чуждость; выявлена тенденция массовой мифологии к формированию автономной реальности; проанализировано соотношение императивности активности мифологии масс и пассивности массового индивида.

Ключевые слова: массовая мифология, время и пространство, производство, ресурсы, «сакральное», чудеса, массы, социум

Для цитирования: Петев Н.И. Специфика мифологии масс // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 120–137. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

UDC 7.046.1:165+316.75

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

Specifics of the mythology of masses

N.I. Petev✉

Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation.

✉cyanideemo@mail.ru

Abstract. This article examines the problems of mass mythology as a phenomenon of modern culture and individual consciousness. The author identifies and analyzes the specific features and conditions of the formation of mass (artificial) mythologies, as well as the transformation of various phenomena that are filled with completely new content. The transposition of the «numinous», for which the area of the religious is traditional, into non-religious spheres is also considered. **Aim.** To identify the inner content of the mythology of masses, the causes and conditions of its actualization, as well as to establish the metamorphoses that it initiates. The integration of mass myths has a two-way consequence: on the one hand, the transition of the «sacred» into other spheres, which implies compensation in the crisis of religious systems, on the other hand, the intensification of marginalization of the «sacred» and related concepts and phenomena becomes obvious. An important aspect in this study is the problem of innovation and the actual productive abilities of mass mythology. The peculiarity of this process, as well as the use of certain «resources» determines the content of the product being created. It represents, in its turn, the architectonics of the mythology of masses, which creates a beneficial ground for its development and integration into the consciousness of the individual. **Methodology.** The dialectical method is used in this work. It allows us to identify and analyze the contradictions that are present in the framework of the implementation of mass mythologies, in particular the ratio of passivity and dynamism, progress and marginalization, etc. The modeling method allows us to form an idea of mass mythology as a dynamic holistic system that is constantly changing depending on the etiological and teleological primacy. The method of analysis and synthesis allows us to get deeper into the essence of the problem associated with the formation and integration of mass mythologies. In addition, this method allows us to identify the causes and conditions of the emergence and development of mass mythology. The psychological approach allows us to identify the main components of this mythology, which are more effectively and successfully perceived by the masses. The religious approach was applied when considering such phenomena as «sacredness», «miracle», etc., as well as when analyzing the phenomenon of mass mythology itself. **Results.** The author revealed the conditions for the formation of mass mythologies, such as: accessibility, lack of variability, transmission channels, etc. He revealed as well the absence of the actual production forces of mass mythology. The author established the metamorphoses of such a phenomenon as time within the framework of its definition as a resource in the aspect of dynamism as well as artificial and speculative draping by rationality of some provisions of mass mythologies. The paper analyzes the concepts of speed and dynamism within the framework of the formation of mass mythology, which have an imperative character. The author revealed such features as discreteness and fragmentation inherent in the consciousness of an individual in the paradigm of the influence of mass mythology. He established transposition of the «sacred» within the framework of the actualization of mass mythology, as well as the removal of such a quality as alienness. The author revealed the tendency of mass mythology to form an autonomous reality and analyzed the correlation between the imperative activity of the mythology of the masses and the passivity of the mass individual.

Keywords: mass mythology, time and space, production, resources, «sacred», miracles, masses, society

For citation: Petev N.I. Specifics of the mythology of masses. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 120–137. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

Проблема массового сознания и культуры затрагивает все сферы человеческого существования, в том числе религию. Массовому обществу не только противопоставляется элитарное, но и отмечается тот факт, что первое не просто претендует на власть и силу. Массы становятся тем, что «реквизирует» их в собственное пользование, в частности у элиты [1, 2]. Более

того, некоторые исследователи отмечают, что именно демократические системы власти становятся крайне уязвимы перед политикой масс [3]. Вместе с тем элитарность в своих радикальных формах является прототипом массового человека. Элитарное мышление и чувство в настоящее время трансформировались в массовые мифы, которые распространяются в социуме с огромной скоростью. Можно отметить следующие яркие черты массовости: отчуждение и дистанция индивида и общества [3], притеснение неконформистского творческого духа со стороны чрезмерно упрощающего большинства, склонного к стереотипному мышлению [4], кризис идентичности [5], социальная изоляция и единообразие поведения/связей/реакции [6] и т. д.

Разделение человеческих сфер деятельности и её продуктов, как, например, искусства и культуры, на элитарную и массовую не является секретом. Процесс этой демаркации берёт своё начало в глубокой древности. Область религиозного также не является исключением. Например, М. Элиаде выделял «сказания истинные» (сакральные, тайные) и «сказания вымышленные» (светские, пересказываемые публично) [7, с. 19–21]. Некоторые мифы озвучивались в узком кругу (тайных обществах, союзах) или передавались от одного человека к другому (от одного шамана к другому). Вышесказанное справедливо и для ритуальных действий. Мифология масс – симптом двойки. С одной стороны, он указывает на транспозицию мифа и мифотворчества в иные сферы, с другой – на маргинализацию, которая связана с бесконечным производством искусственных мифологем.

Мифология масс инициирована не древним «истокотом», не исторической авторитетностью, не трансмиссией традиций и т. д. Будучи искусственным конструктом её генезис выходит за пределы индивидуального или группового творчества и экзистенции, создавая своё собственное онто-гносеологическое пространство. Мифология масс представляет собой систему идей, представлений и т. д., сформированную в рамках прагматической телеологии и этиологии одного или нескольких индивидов (группы). Если традиционный миф не является изобретением архаичной (примитивной) ментальности, то современная мифология, в частности массовая, является продуктом сознания индивида/группы. Мифология масс не является мифом со всеми его качествами и спецификами, но она заимствует отдельные компоненты и инструменты для собственной актуализации и адаптации. Особенностью в данном случае является то, что такая система при интенсивном развитии и интеграции обретает автономию и развивается независимо от первоначального источника. Если рационализация приводит к деструкции содержания традиционного мифа, то в парадигме исследуемой мифологии наоборот. Более того, можно указать на постоянную трансгрессию и подстановку «рационального-иррационального», формально-логического и чувственного и т. д. Благодаря современным СМИ, виртуально-цифровому пространству, вычислительной технике и технологиям появляются новые суррогаты традиционного мифа, которые под воздействием этих сфер не только развиваются, но и приобретают свой суверенитет. Все сферы человеческой жизни (социально-экономическая, эстетическая, политическая, этическая и т. д.) подвергаются тенденции воспроизводства искусственных мифологем, которые в дальнейшем приобретают массовый характер. И эти мифологические конструкты не являются «остатком» примитивного мышления или когнитивным рудиментом, а совершенно новыми образованиями.

Стоит указать, что многие исследователи мифа, в частности К. Деви-Стросс, опираются на исследование мифа через призму культуры архаических народов, племён и групп, используя методы языкового исследования. Р. Барт в свой «Мифологии» анализирует современные мифологемы, опосредовано указывая на широкий диапазон их влияния и распространения. Однако для него мифология, как и миф, ограничивается лишь семиотикой и рамками дискурса, что исключает дифференциацию традиционного мифа и современных искусственных мифологем. К. Хюбнер проводил глубокий анализ феномена мифа (а также исследование феномена нуминозного) и пришёл к выводу, что миф есть система реальности или мышления и опыта.

Однако он не установил демаркацию между индивидуальным и коллективным опытом/мышлением. Последнее имеет свою специфику и характерные черты. А.Ф. Ильин указывает на личностную (миф есть имя, личность, слово и т. д.) особенность мифа. Вместе с тем в настоящее время существуют факторы, которые узурпируют и доминируют в процессе формирования и коррекции мышления и опыта индивида. В частности, влияние СМИ, виртуально-цифрового пространства, а также различных медиа создают условия подмены индивидуального мышления и опыта групповым/коллективным, а впоследствии – и массовым. Учитывая диапазон влияния и глубину интеграции вышеуказанных явлений, стоит принимать во внимание то, что метаморфозы не только выходят за пределы условно-локальных границ (индивид, группа и т. д.), но и корректируют «изменения» мышления и опыта в соответствии со своей спецификой.

Стоит указать на особую абсолютизацию массы самой себя. Дело в том, что она не признает никого выше себя [8]. Массы не терпят ограничений или каких-либо препятствий, так как они не привыкли к тому, что какие-либо границы вообще возможны в этом мире. Возникшие в почве недостатка, многообразия и избытка массы требуют всего этого как простой факт. Но изобилие не должно быть статичным. Массы обладают патологическим, можно даже сказать невротическим, стремлением удовлетворения влечения к неомании. Пароксизмальное стремление к новому порождает определённые проблемы. Сфера религиозного, а именно устоявшиеся системы как, например, христианство, ислам иудаизм и т. д., преисполнены различными догматами и устоявшимися представлениями, что исключает высокую степень новаторства. Традиционные религии крайне сомнительно относятся к тенденциям модернизма, и тому есть объективные причины. Компенсировать же эту жажду новаторства позволяют иные сферы. Многие из них представляют собой «благодетельную почву» для формирования различных мифологем (как, например, область политики). Вместе с тем эти мифологии могут выступать суррогатом «сакрального», в частности, благодаря тому, что это понятие, как и многие другие сложные религиозные феномены, настолько изменяются, проникая в массы, что для него может быть установлено тождество между религиозным (сакральным) и вне-религиозным. Р. Отто говорил о нуминозном как о своеобразной форме оценки и толкования, а также как об особом состоянии, которое вызывает объект, называемый нуминозным (священным) [9]. Этот объект воспринимается как нечто «совершенно иное», отличающееся и превосходящее индивида. Он вызывает ряд чувств начиная от страха и заканчивая священным трепетом. Вместе с тем «иное» всегда интерпретируется как нечто, что располагается за пределами человеческой действительности, а потому вызывает неукротимый интерес. Эта некая специфическая экзистенциальная тяга не только выражается в формах приобщения и переживания, но и в тенденциях овладения и абсорбции. Подобная экспансия предполагает не ожидания и претерпевания в рамках установленных границ священного (религиозного), но его систематическую экстраполяцию на иные сферы.

Итак, П. Буайе отмечает, что идеи, «возбуждающие» больше систем логического вывода, больше соответствующие ожиданиям и дающие более обильный урожай умозаключений, имеют большую возможность быть усвоенными и переданными [10]. Можно представить, что если человеческий мозг действительно работает, как об этом говорит П. Буайе, тогда справедливо предположить, насколько широкий диапазон различных мифологем, в том числе сакральных, может предоставить мифотворчество в не-религиозных сферах. Зачем ждать «чуда», когда оно может быть частью повседневности, независимо от того, какое деструктивное влияние подобный процесс производства, а точнее его симуляция, в результате оказывает.

Массы любят и принимают только то, что является их зеркальным отражением. Отдельные открытия, достижения и т. д. являются детищем отдельных индивидов, а масса пользуется этими успехами. Более того, они не терпят никакого превосходства над собой, поэтому

масса делает таких отдельных производителей прогресса своими жертвами и мучениками [11]. Такова схема «приобретения» желаемого массами, особенно в парадигме неомании. Массовость узурпирует всё, что ей может пригодиться, и изменяет это так, чтобы удовлетворять необходимые потребности. Возникает вопрос о том, должна ли быть мифология массы разработана во всех деталях, чтобы производить требуемый эффект. С одной стороны, это должен быть готовый продукт, что указывает на некий моменте завершённости. Но это законченность лишь фикция. Различные мифологемы должны иметь возможность иных интерпретаций, но не со стороны потребителя, а лишь со стороны производителя (индивида, группы или самой системы). Для того, кто потребляет, всё изначально определено. К.Г. Юнг указывал, что опыт массы (толпы) предполагает более низкий уровень сознания, чем индивидуальный, этот групповой опыт ближе к примитивному мышлению и предполагает большую силу внушаемости [12]. Подобная внушаемость играет важную роль в интеграции мифологем. Иллюзия законченности, таким образом, принимается за действительное положение вещей. С другой стороны, последовательность, проработанность и завершёность являются не только факторами необязательными, но и чрезмерными. Конкретная референтность способна уничтожить мифологию масс: она противостоит принципам потребляемости, доступности и универсальности. Достаточно одной центральной идеи (формальной, абстрактной, эфемерной) – остальные же могут трансформироваться по мере необходимости. Можно сказать, что схема схожа с концепцией научно-исследовательских программ И. Лакатоса: центральную идею (ядро), защищают её вторичные, заменяемые элементы (оболочка).

Кризис религиозности (особенно традиционных религий) – необязательный фактор, но вполне способствующий развитию искусственной мифологии, в том числе мифологию масс. Интенсивная адаптация религиозных взглядов к общественным потребностям ведёт к утрате их первичного значения [13]. Параллельно данной девальвации и деструкции значения у человека наличествует склонность к мифотворчеству. В частности, Р. Докинз приводит несколько интересных примеров мифотворчества примитивных народов (Карго-культ, культ Джона Фрума и культ принца Филиппа) [14]. Сюда же можно отнести различные городские мифы и легенды. Ре-интерпретация мифа или какого-то конкретного элемента вероучения вполне может рассматриваться как процесс создания мифа. Ярким примером служит организация «Свидетели Иеговы». Они устраняют самые критичные элементы христианского вероучения (Триединство, божественность Христа и т. д.). Это те компоненты, которые труднее всего понять «среднему» верующему. Но вместе с тем многие члены данной организации даже не задумываются о том, как можно быть христианином, отвергая Христа как Бога. При глубоком анализе выявляется множество ошибок и непоследовательности в данном вероучении, но подчинённость всего «теоретического блока» одной простой идее (единственный Бог), позволяет варьировать остальные второстепенные представления. Подобное присуще и мифологии масс, а диапазон вариаций увеличивается при изменении сферы образования мифологемы либо при контаминации этих областей (например, религиозной и политической).

Можно выделить следующие характерные условия формирования мифологии масс:

1. Необходимо исключить индивидуальную обработку искусственных мифологем (разумом, воображением и т. д.). Стоит подчеркнуть, что если рациональное осмысление может привести к развенчиванию массовой мифологемы, то воображение способно увести индивида далеко за её пределы, что приведёт к последующей деактуализации. Как готовый продукт мифологемы должны соответствовать критериям доступности, актуализации и универсальности. Доступность предполагает бесконечную делимость и воспроизводимость. Чем меньше в массовой мифологеме компонентов реальности и материальности, тем успешнее репликация и распределение. Актуализация предполагает релевантность, но не реальности, а массовости. Универсальность предполагает, что эта мифологема способна интегрироваться в сознание максимально возможного количества индивидов. Массовое сознание не восприимчи-

во к доводам разума и объективным аргументам. Критическое и рациональное осмысление, последовательность, схематизация, теоретические выкладки, практическая ориентированность слишком тяжеловесны для массы. Идея должна быть проста, при этом настолько, что эта простота будет критерием действительности. Аналогичное положение вещей можно встретить в мифе о литературе Мину Друэ у Р. Барта [15]. Сложные рациональные конструкции инициируют живое движение мысли, которое не оставляет места для иллюзий массового человека. Подобное свойственно и для самого «нуминозного». Понятия и категории создают границы для искусственной мифологии, которые она не способна преодолеть. Мысль должна быть заменена на чувства, ведь именно они внушают и управляют массами. Яркие образы, постоянное повторение идеи, догматическое утверждение (даже если оно не основано на объективной действительности), сверхъестественные иллюзии – это то, что воспринимается и желаемо массовым сознанием и что использует массовая мифология для своей интеграции и развития. Насколько бы фантастическими не были идеи, возбуждающие чувства масс, они всегда будут восприниматься как действительные и даже неизбежные. «Сверхъестественное» как категория веры (нуминозного) не существует для массовой психологии, так как в своей традиционной интерпретации она предполагает деление всех явлений на две радикальные сферы: включённую в повседневную реальность и находящуюся вне её. Чудесное, легендарное, фантастическое всегда включено в «естественное», то есть присуще повседневности. В противовес этому ставится категория «противоестественного», в которое включается то, что не соответствует массовому сознанию, даже если это имеет свою объективную инкарнацию в материальной реальности.

2. Исключить возможность вариативности. Другим успешным подходом является установление узкого диапазона альтернатив, соответствующих общей системе. Последнее предполагает адаптацию мифологии масс и устанавливает возможность внутри неё различных идеологических метаморфоз. Проблема вариативности связана с такой чертой масс, как односторонность. В частности, причиной вышеуказанного является отсутствие критического отношения, а также догматическое принятие той или иной идеи без колебаний и сомнений. Любая действительная вариативность предполагает плюрализм суждений, отношений и точек зрения. Вместе с тем массы не желают иметь повода, который может привести к сомнению. Даже обсуждение в подобной парадигме вещей – фактор, раздражающий и вызывающий агрессию и неприятие. Но стоит также указать, что массовое сознание привлекает изобилие не только количества потребляемого, но и такой потребительский фактор как доступное многообразие. Последнее не должно вызывать категорических противоречий или взаимоисключение при выборе. Даже если оппозиция и возникает, то она должна быть условной, то есть не должна влиять на возможность потребления. Ярким примером является политическая оппозиция в философии Ж. Бодрийяра [16].

3. Установление конкретного текстуального, подтекстуального и контекстуального мас-сива. Средства передачи информации (мифологемы масс), в частности определённые знаки, должны установить конкретную парадигму толкования и интерпретации. Одним из важнейших моментов в данном процессе является строгая ограниченность вариаций понимания передаваемого сообщения. Его текст должен обладать рядом характеристик: простота, немногосложность, буквальность, подстановочность смыслов, изобилие аналогий и т. д. Несмотря на то, что слова как элементы знаково-символической системы могут обладать широким диапазоном трактовок, массовая мифология ликвидирует подобное положение вещей, навязывая собственное их значение. Она не только создаёт свой «словарь» (напоминающий «африканскую грамматику» Р. Барта [15]), но и нормы употребления слов в предложении. Ярким примером является современная реклама, в которой индивидуальные качества отчуждаются, передаются определённому продукту и обратное их возвращение возможно лишь при потреблении этой продукции: «твоя красота – это косметика», «сотовый оператор – индивиду-

альность», «новый автомобиль – свобода», «парфюм – сексуальность» и т. д. Стоит указать, что еда и сексуальность являются популярными темами современной рекламы и массмедиа. Данные компоненты имманентно и опосредовано включаются при рекламе любого продукта потребления, даже не связанного с данными феноменами.

4. Обеспечение адресата «ключом» для транскрипции знаковой системы, установленной искусственной мифологией. Недостаточно просто передать мифологему как совокупность знаков, если «получатель» не способен её расшифровать. Дешифратор должен соответствовать знаковым и смысловым аспектам массовости для эффективной узнаваемости, усвоения и передачи. Несомненно, что такой «ключ» создаётся самой массовой мифологией и интегрируется в сознание индивида постоянным повторением мотивов, сюжетов, значений и ряда интерпретаций мифологем.

5. Установление эффективного канала передачи. Это условие не менее важно, чем предыдущие. Дело в том, что от этого зависит не только качество внедрения мифологемы и затрачиваемое время её интегрирования, но и вообще возможность передачи. Искажение мифологемы является неотъемлемым аспектом её передачи. Можно сказать, что есть некая «нормальность отклонения», при которой деформация незначительна. Но вместе с тем сильное искажение недопустимо, особенно если она влияет на фундаментальную идею. Неверный канал передачи может полностью лишить возможности трансляции. Несомненно, что для мифологии масс доступным и рабочим является культура, а также массмедиа. Культура формирует представление о том, что такое для индивида реальность, в частности социальная. Таким образом, это не только самый эффективный для интеграции канал, но и имеющий всеобщий охват. Другим каналом является средства массовой информации. Ж. Бодрийяр указывал на способность формирования «реальности» средствами массовой информации [16]. «Реальность» складывается по определённому сценарию или схеме, продиктованной массовой мифологией. Культура и массмедиа являются зеркальным отражением этой системы, а потому обретают нормативный и законодательный статус. Отметим, что некоторые исследователи рассматривают влияние медиа, в частности в аспекте морального упадка и распространения насилия, как медицинскую проблему, которая подлежит медицинской диагностике и лечению [17]. Но вместе с тем в данном случае возникает проблема, что именно устраняется – истинные причины или симптомы.

6. Установление благоприятных условий передачи. Обеспечение благоприятных социально-политических, экономических, нравственных и прочих условий, а также релевантность психическим установкам и ментальности – благоприятная почва взращивания массовых мифологем. Условия могут иметь как характер «изобилия», так и «недостатка». Для каждой отдельной мифологемы требуются свои собственные, хотя и не полностью индивидуальные основы. Одни из них «расцветают» на фундаменте достатка и излишек, другие – в рамках «голода».

Несомненно, что религиозные компоненты (вероучения, обряды и т. д.) претерпевают определённые изменения (редукцию), когда опускаются в сферу массы. Но зависит ли она сама от них: и да, и нет. Да, потому что невозможно отрицать значения религии для человека. Даже в период высокого уровня развития науки и техники религиозные системы не только продолжают существовать, но и постоянно образуются новые типы и формы, при этом не только у народов и племён, находящихся в частичной или полной изоляции от внешнего мира. Это указывает на то, насколько глубоко укоренились религиозные представления в мышлении индивида и структуре общества. Нет, потому что массовое сознание вполне может найти себе суррогат, к которому оно будет обращаться при необходимости и рассматривать как нечто сакральное. Это соответствует общему принципу массовости: устранение довлеющего над ней элемента и узурпирование всех возможных сфер человеческой деятельности. Зачем зависеть от стороннего производства, если можно стать производителем. Продукт бу-

дет соответствовать массовой архитектоники индивида, лебоновской массовой душе, анатомии массового человека Х. Ортега-и-Гассета.

Стоит указать, что в данном случае нельзя говорить о производстве в прямом смысле этого слова, а тем более о производстве нового. Для вышеуказанного процесса необходима производственная сила, затрачиваемые ресурсы и время, период апробации и т. д. Производства как такового в данной сфере не может быть уже в силу отсутствия производительных сил. Х. Ортега-и-Гассета указывал на отсутствие у массового человека желания заботиться о сохранении и производстве благ [8]. Г. Лебон подчеркивал, что толпа (масса) не способна созидать, а её главная роль в истории – разрушение [11]. Таким образом, сам творец, производитель, инициатор не обладают тем качеством, которое необходимо для инициирования производства. Кроме того, Ж. Бодрийяр отмечал, что возникшая стадия относительности ценности привела к тому, что производительный процесс потерял самое главное – целевые установки [16]. В подобном можно обнаружить тенденцию к автоматизации и отсутствию контроля, в частности в аспекте выбора и потребления. Стоит указать, что Э. Фромм отмечал, что потребление для человека стало самоцелью и он с отстраненностью и безразличием потребляет всё вокруг себя, включая природу, общество и других людей [18]. Человек более не нуждается в удовольствии или наслаждении, так как у него нет определённой цели, а точнее её место заняла тавтологическая установка «потребление ради потребления». Более того, современный индивид не только не выбирает, что потреблять, но и уже за него сделали этот выбор. Теперь уже предложение порождает спрос. Любая конкретная цель представляет собой конкретную референтность. Но массовая мифология не может допустить того, чтобы знаки соотносились с реальностью, действия – с целью, а диалектический процесс и принцип репрезентации сопровождали мышление и деятельность индивида. Выходом является симуляция производства, а точнее воспроизводство. Иными словами, даже если какое-либо действие, то есть процесс производства, имеет место, оно есть лишь бесконечное повторение системы, в которой находится сам производящий. Массовая мифология порождает «реальность», в которой любые феномены, даже, на первый взгляд, не связанные с ней, служат её собственному дублированию.

Трата ресурсов и благ на действие, которое может не принести результатов, недопустима для массового человека. Особенно это касается материальных ресурсов, которые имеют конечный характер. Массовая мифология предпочитает использовать для формирования мифологем воспроизводимый строительный материал. Для постоянного воспроизводства самой себя эта система предпочитает употреблять знаки, символы, идеализированные формы, виртуальные компоненты и т. д. Иными словами, материал для создания и функционирования массовой мифологии должен иметь делящийся до бесконечности характер, а потому он должен максимально не зависеть от материального компонента, который имеет ограниченное деление. Подобное аналогично концепции делимости ценности М. Шелера, в рамках которой указывается, что низшие ценности зависят от количества соответствующих материальных благ, а автономные от физического материала делятся бесконечно. Таким образом, такой материал может передаваться бесконечному числу индивидов. Благодаря такой специфике создаются условия, при которых мифологемы эффективнее интегрируются в индивида, а также имеют высокую степень распространения. Более того, несмотря на то, что они направлены на сферу иррационального, сами они могут драпироваться рациональными и научными (скорее, псевдонаучными) элементами.

Радикальная рационализация имеет место в рамках формирования массовых мифологем. Однако определённые суждения и высказывания принимают лишь форму рациональности, а вместе с тем, в действительности, она представляет собой лишь пустую оболочку, которую можно заполнить любым необходимым содержанием. В ней эффективно применяются метод подстановки и подмены. Спекулятивное использование научно-технического прогресса или

открытий в науки играет роль «неопровержимого довода», а на деле лишь догмата, в качестве формально рационального доказательства массовых мифологем. Цель не столько в том, чтобы доказать их истинность как таковую, а скорее, для более успешного интегрирования в сознание индивидуума. Категория «истины» редко используется из-за того, что она требует установления конкретных критериев, что может привести к деструкции массовой мифологии. Хотя в исключительных случаях возможно обращение к ней, однако её содержание подменяется совершенно иным. Ярким примером подобного использования достижений науки и техники является трансгуманизм. Любая рационализованная или наукообразная мифологема должна исключать живое движение мысли. Иными словами, как готовый продукт, искусственная мифологема не требует собственно осмысления, анализа и критического подхода. Это схоже с мифом «фото-шоков» Р. Барта, в рамках которого человек уже лишён возможности суждения, ведь за него уже размышляли, ужасались и оценивали [15].

Время также является ресурсом, но иного характера. Для массы недопустимыми являются состояния ожидания и терпения. Время, как и пространство, обретает совершенно иную форму. При этом оно получает как собственно объективное, так и субъективное проявление. Х. Ортега-и-Гассета указывал, что скорость, присущая массам, упраздняет пространство и время, происходит вбирание большего отрезка времени в более короткий жизненный срок, наличествует сильнейший жизненный напор, а у современной эпохи доминирует идея её превосходства над иными эпохами [8]. Состояние стазиса для массового сознания является пароксизмальным, а постоянное агональное расположение сознания будет перманентно искать катализатор для реализации импульсов. Время объективное опасно для сознания масс, так как оно показывает, что не всё находится под её контролем и что она зависима от чего-то кроме самой себя. Подобное положение вещей ставит её могущество, авторитет и силы под сомнение, а массы не могут терпеть того, что стоит выше их. Таким образом, время должно лишиться собственного основания в самом себе. Оно утратит свои собственные темпоральные формы – прошлое и будущее. Иными словами, прошлое теряет свою значимость в процессе аксиологической редукции его роли для настоящего. Многие предшествующие эпохи рассматривали прошлое (концепции, идеи, тенденции и т. д.) как некие идеалы или фундамент, на котором строится настоящее. Эпоха масс характеризуется отказом от подобных ориентиров, так как время массового человека – это самое высокое, лучшее и идеальное из возможных. Аналогично и с будущим. Сверх-динамизм и идеализация момента исключают необходимость будущего как наступающего проекта. Это же исключает и необходимость зависимого ожидания.

Настоящее, несомненно, обладает узурпирующей силой. Б. Спиноза отмечал, что аффект прошлого и будущего будет слабее, чем представление вещи и аффект настоящего [19]. Кроме того, вещи, воображаемые в будущем как возможные (не имеющие места в настоящем) оказывает больший эффект, чем вещь случайная. Аналогично, что вещь присутствующая будет производить более сильное влияние, чем вещь воображаемая (в будущем), но случайная. И вместе с тем аффект к вещи воображаемой необходимой будет более напряженным, чем к вещи возможной, случайной и не необходимой [19]. Важным аспектом является то, что массовая мифология никогда не действует на человека через логику, разум и рассудок. Той почвой, на которой расцветают эти мифологемы, является область аффектов, чувственности и воображения. Справедливо отметил Б. Паскаль, что воображение пресекает действие разума и даёт глубокое довольство, которое не может дать разум [20]. Рационально-логическое отношение вызывает сомнение, замешательство и осторожность, а данные состояния не оцениваются массовым сознанием и поведением как достойные и приемлемые. Наоборот, они могут привести к деструкции искусственно интегрированных мифологем. Рациональность и логика могут присутствовать, но только как компоненты чисто поверхностные и эфемерные для актуализации и убедительности. Для мифологии масс является непри-

емлемым допускать наличие чего-то возможного или случайного, в том числе в аспекте будущности. Акциденции и вероятности – это маркёр положения вещей, при котором массы не имеют полного контроля, а также выявляется её зависимость. Массовое сознание питается только категорией необходимого. Вместе с тем необходимость отождествляется массовой мифологией и сознанием с неизбежностью, а субъективное воображение становится материалом для построения объективно-детерминированной реальности. Вероятность становится онтологической необходимостью.

Будущее как комплекс «случайностей», «вероятностей», «неопределённых возможностей» слишком тяжеловесно для массового сознания, так как для него нет ничего невозможного и не поддающегося установленной им категории «необходимого» как неизбежного. Таким образом, прошлое отчуждается как рудимент, а будущее узурпируется настоящим, чтобы лишить его неопределённости. Оба они в своей объективной форме, как бы парадоксально не звучало, являются анахронизмами: прошлое – потому что его идеи, концепции, ценности и идеалы не актуальны для настоящего, а будущее – потому что все, что оно может дать, уже предоставлено настоящим. Массы живут не только в самое лучшее и великое время, идеальнее которого не было и не будет (его не может существовать), но и вместе с тем их динамический и импульсивный характер не может допустить отсутствия ближайшего моментального осуществления своих устремлений. Даже если массовая мифология и предполагает в своей риторике наличие термина «будущее», то он лишь означает абсолютную неизбежность, которая равноценна реализации в настоящем. Это не статика «современности», как у Х. Ортега-и-Гассета [8], представляющая собой экзистенциальную «тюрьму». Но постоянное воспроизводство настоящего, его бесконечная актуализация, где всё регулируемое изобилие, в том числе наступающее (требующее времени для осуществления), включено в момент настоящего. Подобная симуляция позволяет избежать ощущения той мертвой законченности, о которой говорил Х. Ортега-и-Гассет. Радикальная эстетизация как всеобъемлющее приукрашивание момента, в частности благодаря аффектам и воображению, является эффективным инструментом для реализации вышеуказанного процесса унификации времени.

Вышеуказанное касается не только «внешнего» времени, но и «внутреннего». М. Хайдеггер подчеркивает неразрывную связь временностей. Бывшее возникает из будущего, а именно так, что бывствующее настоящее выпускает из себя настоящее [21]. Настоящее присутствие способно быть лишь таким, каким оно всегда было («уже-былым»), и именно как таковое оно способно настать в будущем, чтобы вернуться в себя. В целом временность даёт единство экзистенции, а также раскрывает множество бытийных модусов, в частности основовозможность собственной и несобственной экзистенции [21]. Аналогичное мнение высказывает Ж.-П. Сартр о единстве временности. Вместе с тем он отмечает, что психологическое единство хоть и является проекцией онтологического и экстатического единства, но его единство дробится на множество бесконечных «теперь» [22, с. 329]. При этом последние в форме уже данного, реализованного и готового. И в данном случае не стоит понимать субъективность в кантовской интерпретации пространства и времени. И. Кант устанавливает время как одно из условий чувственного восприятия/созерцания [23]. Более того, И. Кант признаёт объективность и необходимость времени в отношении явлений (но не вещей-в-себе) [23]. Массовое представление времени совершенно иное. Это постоянное механическое сведение к настоящему моменту/состоянию, в рамках которого пресекается обращение к иному – до и после, бывшему и будущему и т. д. При таком положении вещей именно время «внешнее» получает своё определение посредством и через время «внутреннее».

Динамизм и скорость – это фетиш современных масс. Э. Фромм отмечал, что обожествление машин и скорости является элементом некрофилии [24]. Эта деструктивная тенденция предполагает невероятную тягу к неживому (мёртвому), трансформацию живого в

неживое и наоборот и т. д. Основатель футуристического манифеста Ф. Маринетти писал о том, что время и пространство уже умерли вчера и человек живёт в абсолютной, созданной им вечной вездесущей быстроте [25]. Интересно, что итальянские футуристы (большинство из них поэты, художники, скульпторы, музыканты и т. д.) используют яркие образы, свойственные некрофилии: картины гниения, разложения и грязи, провозглашение разрушения естественных связей, уничтожение телесности, уничтожение «дверей жизни», обожествление похоти и сладострастия и т. д. В частности, аналогичная риторика уничтожения телесности встречается в рамках актуализации идей транзгуманизма. Данное течение формирует миф о создании абсолютно нового человека. Пост-человек – это концепция, предполагающая ментальную и физическую трансформацию человека, так как его нынешнее состояние рассматривается данным учением как болезненное, низкое и даже несоответствующее настоящему и будущему. Стоит дополнительно подчеркнуть, что яркими чертами вышеуказанных футуристов также является безудержное стремление к жестокости, разрушению, насилию, анархии, то есть всему тому, что соответствует критериям интенсивности, импульсивности и скорости. Прошлое рассматривается как топчущее и унижающее человека, а потому оно не должно не только иметь значение для настоящего, но и его отпечатки и следы (различные идеи и материальные носители) должны быть уничтожены.

Более того, итальянские футуристы возвещают о новой «религии скорости», которая порождала новую аксиологическую систему. Они провозглашают эпоху массы и её же они боготворят. Можно привести следующий пример подобных мифологем. Р. Барт писал о формировании особого мифа о пилотах реактивного самолёта (Jet-Man), согласно которому скорость – это удел подобных индивидов, и даже более того – указывал на рождение нового человека [15]. Скорость таким образом не что-то особое, опасное, выделяющееся из повседневности, но новая обыденность. Более того, подобные индивиды могут быть охарактеризованы как призванные Богом или как обладающие полубожественностью [15]. Итак, итальянские футуристы считали, что скорость необходимо рассматривать как форму молитвы, надо поклоняться высоким скоростям, а у Бога просить быстроты и т. д. Иными словами, искусственная сакрализация феноменов объективной реальности трансформируется в формирование эфемерной институциональной формы – псевдорелигии. Вместе с тем это не указывает на то, что вера в неё менее искренняя и интенсивная, даже наоборот, а только на то, что выход за пределы религиозного позволяет создать иные её формы.

Массовая мифология имеет аналогичные черты и вместе с тем приобретает аналогичный недуг – некрофилические тенденции. Наиболее яркий показатель феномена воспроизводительности (а не производительности) и некрофилических тенденций – современная индустрия развлечения. Сюда можно отнести такие явления, как киноиндустрия, видеоигры, литература и т. д. Именно в этой сфере впервые, а также наиболее интенсивно проявляется массовость, так как это любимейшая и наиболее желаемая плоскость массового человека. Эти феномены пытаются оживить темы, сюжеты, «вселенные», которые уже изжили себя и «умерли». Мы лишь видим некие останки, наблюдаем «воскрешённый труп», который пытаются (естественно приукрашивая его новыми деталями или цифровыми технологиями) представить как нечто живое и новое. Например, киноиндустрия, в попытке выпустить потенциально успешно потребляемый продукт, идёт простейшим путём воскрешения мотивов, сюжетов, «вселенных» и т. д., которые были популярны 20–30 лет назад и более. Как правило, это могут быть «перезапуски» фильмов с высоким рейтингом. Также сюда можно отнести высокую тенденцию к различным сиквелам, приквелам, интерквелам, кроссоверам, спин-оффам и т. д. Ещё один пример – индустрия производства видеоигр. Многие студии прибегают к ремейкам и ремастерингу уже ранее существующих игр. Кроме того, для данной сферы характерным является постоянное производство большого количества частей и дополнений одной игры, хотя сам сюжет и повествование давно изжили себя.

Итак, современный индивид не терпит вмешательства объективного времени в свою обыденную жизнь и стремится обрести контроль над ним. Это схоже с идеей Ж. Бодрийера о том, что феномен коллекции (коллекционирования) подменяет собой время [26]. Человек переживает постоянно и циклически-контролируемо процесс своего существования, символически преодолевая реальное существование, неподвластное ему в своей необратимой событийности [26]. Современные технологии позволяют человеку не зависеть от времени и пространства, ведь они пошатнули их естественный всеобъемлющий и контролирующий характер. Дискретность и фрагментарность – это то состояние индивида, которое соответствует плоскости массовой мифологии. Он составляет себе ряд последовательных, в частности желаемых, фрагментов, исключая негативные компоненты. Или он может растягивать один фрагмент своего существования, придавая ему символическую форму континуума.

Стоит отметить несоответствие, которое обнаруживается при анализе ментальности массы: соотношение между стремлением к динамизму и дискретностью. Это противоречие не является диалектическим, а потому в результате не восходит к объективному единению. Риторике масс хорошо передаёт высказывание итальянских художников-футуристов: «Движение, которое мы хотим воспроизвести на полотне, не будет более закреплённым мгновением всемирного динамизма. Это будет само динамическое ощущение» [25, с. 11]. Таким образом, динамизм должен преодолеть некое прерывание, заостренность и статику. Но также, учитывая динамику исключения вне субъективных форм времени и пространства как автономных, этот самый континуум лишается своей монолитности через тенденцию искусственной консолидации определённых фрагментов индивидуальной экзистенции или через бесконечное продление одного конкретного момента. Это противоречие решается одновременно в двух плоскостях: мифологической и субъективной. Массовая мифология создаёт представление о ликвидации времени и пространства, а также о динамизме, что их поглощает. Субъект, интегрируя эти идеи, подпитывает мифологемы, которые только усиливают своё влияние на него, через собственную экзистенцию и мироощущение. Таким образом, настоящее в своём бесконечном движении, неважно искусственно синтезированный это блок представлений или один абсолютный момент, абсорбирует прошлое и будущее.

Особенно для этих целей подходит виртуально-цифровое пространство. Оно обладает собственным временем и пространством, своими правилами, а также автономией по отношению к объективной реальности. Всё это позволяет индивиду не просто игнорировать время и пространство, но и сделать их условно подконтрольными себе. Они становятся атрибутами его экзистенции, как вещи, которые его окружают и над которыми он властен.

Массовая мифология также является производительницей и держательницей автономного времени и пространства. М. Элиаде отмечал, что мифологическое время отлично от хронологического (светского) и что оно обладает своим пространством и энергией [7]. Дж.Ф. Бирлайн указывал, что священное время – это отдельное время для отдельной реальности, лежащее за пределами обыденной хронологии [27]. Подобная сепарация своей сферы становления, функционирования и влияния прослеживается и в рамках реализации массовой мифологии. Подобно традиционному мифу массовая мифология хаотична и, на первый взгляд, непоследовательна. Стоит подчеркнуть следующие особенности традиционного мифа. К. Кереньи указывал на особую текучесть мифологии, когда в мифах боги сначала могли быть взрослыми, а затем присутствовали в образе младенца, в частности на примерах Гермеса, Аполлона и Зевса [12]. Иными словами, к мифологии не применимы традиционные принципы хронологической и биографической последовательности, а также радикального рационализма. Аналогичного мнения придерживался М. Элиаде [7] и Р. Отто [9]. Хотя первый рассматривал миф как историю. У Дж. Кэмпбелла более радикальная позиция, которая заключается в том, что необходимо чётко отделять миф от биографии, истории и науки [13]. Иными словами, редукция мифа к любой из этих сфер может привести к демифологизации, а

соответственно к потере первоначального значения и смысла. Заимствование полиморфности и хаотичности традиционного мифа предоставляет массовой мифологии удобный и функциональный инструмент для актуализации и адаптации.

Производимые массовой мифологией мифологемы, аналогично ритуальным действиям, погружают индивида в особую бытийную сферу. Но если для традиционного мифа или религии необходимо конкретное сакральное место, то массовой мифологии такое условие не требуется. Дело в том, что весь мир (материальный и психический) и есть для неё храм, церковь или священная роща. Это и позволяет ей интенсивнее и эффективнее интегрировать искусственные мифы в сознание индивидов. Г. Лебон отмечал, что для толпы (массы) необходимым, желаемым является легендарное и чудесное [11]. И, несомненно, зачем массовому человеку ограничивать себя одной лишь сферой (например, религиозной), чтобы приобщиться к чуду, если всё вокруг становится таковым. Массовая мифология совершает транспозицию «чудесного» из ограниченной плоскости и распространяет его на все сферы человеческого бытия (политика, социум, экономика и т. д.). Все сферы жизни, особенно те, что отвечают потребности в досуге и развлечении, переполнены различными невероятными событиями, поражающими сознание, или персоналиями, для которых устанавливается статус культурных героев и божеств.

Однако «чудо» массовой мифологии отличается от своего религиозного (сакрального) прототипа. Р. Отто указывал, что всё что вызывает оцепенение и изумление, пугающее и изумляющее вызывает ощущение «чуда» [9]. Оно всегда присутствует в повседневной деятельности. И более того, его всегда ожидают, повествование о нём передаётся другим, а также оно постоянно изобретается и открывается. Чудо является истоком религиозного творчества и частью культовых действий. Вместе с тем оно всегда нечто чуждое [9]. Такую категорию, как «чудо», массовая мифология не просто использует, но и эксплуатирует в трансформированной форме. Она разбирает его на мельчайшие компоненты, перебирает и оставляет только те «детали», которые соответствуют её архитектонике. Стоит указать, что работа мозга такова, что выделяющиеся культурные артефакты, в том числе религиозные, получают большее распространение [10]. Они стимулируют больше когнитивных систем, что и делает их предпочитаемыми по сравнению с иными. Вместе с тем для массового сознания «чудо» не может оставаться чуждым. Оно может удивлять, привлекать, завораживать, оно даже может обладать чрезмерной силой и мощью, как нуминозное чувство, но оно должно быть безопасным. Масса любит силу, и она обладает способностью околдовывать и подчинять её. Но массы желают либо владеть этой мощью, либо сделать её «ручной» и управляемой, ведь абсолютный контроль над всем, что возвышается над массами, является важным её императивом. Нуминозное должно быть частью установленного порядка, и даже если сам индивид не является носителем каких-то выдающихся качеств, он должен иметь контроль над ними и постоянный доступ к ним, в частности для эксплуатации. Феномены «чудесного» объективизируются и овеществляются, тем самым исключая его потусторонность. Таким образом, обладая такой вещью/предметом и потребляя его, индивид приобщается к этой силе («чуду»). «Чудесное» – это продукт повседневного и общего пользования, рафинированный и безопасный, легко потребляемый и не требующий усилий. Оно не должно ограничиваться собственной сферой (лишь нуминозного), поэтому массовая мифология конструирует это в форме всеобщего феномена. Подобное снятие ограничений дублируется ещё одним разрешением – временным и пространственным. Нет необходимости демаркации, то есть выделения сакрального времени и пространства, так как индивид уже находится в нём в рамках действия массовых мифологем. Кроме того, благодаря качествам этих мифов уже нет необходимости претерпевать ожидание, которое так презирают массы, ведь именно оно связано с отсутствием динамики и пассивностью. Подобное положение вещей представляет собой симуляцию «возвращения в мифологическое время» (космогоническое), то есть идеальное время, кото-

рое является целью ритуальных практик. Р. Отто подчёркивал, что на более высокой ступени развития религиозного чувства, феномен чуда блекнет [9]. Иными словами, оно носит лишь второстепенный характер, яркого представления и даже фокуса (М. Лютер). Совершенно иное положение вещей в парадигме развития массовой мифологии. «Чудо» должно быть именно таким, чтобы будоражить фантазию индивида, то есть быть ярким, броским, вызывающим чувства и инкарнированным в материальной плоскости для усиления эффекта. Слух, зрение, осязание, обоняние, вкус должны находиться в экзальтации от столкновения с «чудесным». Современные массмедиа и виртуальное пространство целенаправленно стимулируют именно сенсуальный комплекс, в частности для интегрирования той или иной идеи.

Стоит подчеркнуть, что массовые мифологемы строятся на фундаменте принципов магического мышления. Логика магических действий основана на идее возможности манипуляции и контроля явлений, в том числе сверхъестественных, так как они подчиняются определённому закону или формуле. Рецептурный характер даёт возможность прагматического использования сил, на которые направлены магические действия. Более того, они чаще всего связаны с повседневной деятельностью: удача на охоте, богатый урожай, противодействие засухе, избавление от болезней и т. д. Массовое сознание верит в наличие аналогичных универсальных формул, при использовании которых даже «чудесное» находится в тотальной зависимости от индивида.

Массовая мифология создаёт специфическую реальность, в границах которой пребывает индивид. П. Бергер в рамках своей триады «экстернализация–объективизация–интернализация» в парадигме формирования социальной реальности указывал на необходимость симметрии между объективным и субъективным определением реальности [28]. Иными словами, возникающий диссонанс и последующая девальвация социальной реальности (или аномия, по П. Бергеру) должны быть оправданы. И в этом основная цель легитимизации (социально объективированного знания). Противоречие возникает на стыке взаимоотношения субъективного (желаемого, должного) и объективного (имеющегося, наличного), однако данная проблема решается абсолютным тождеством этих плоскостей. Если социальная реальность есть продукт индивида (через процессы экстернализации и объективизации), а он сам продукт социализации (интернализация), то можно представить эффективность инструментов реальности, созданной массовой мифологии, которая устанавливает удовлетворенность, потребляемость, изобилие и т. д. как универсальные и всеобщие критерии. Несомненно, что удовлетворение всех потребностей невозможна, особенно если они связаны с материальным аспектом (например, экономическим), но установленное долженствование реализации и размытые границы дозволенного компенсируют этот недостаток. И здесь обнаруживается яркий контраст между объективной (социальной) и реальностью искусственной мифологии. Р. Мертон отмечал, что для достижения успеха (требований группы) индивид может прибегать к незаконным, но более эффективным по сравнению с институциональными, способам и методам [29]. Законы и правила социальной реальности могут быть крайне жёсткими и устанавливать больше запретов и ограничений, чем разрешений. Сфера массового мифа, создающая образ реальности, наоборот, строит свою внутреннюю политику на дозволении и разрешении. В подобной парадигме вещей набор средств достижения успеха расширяется, но вместе с тем граница дозволенного приближается к черте, за которой лежат инструменты (средства достижения успеха), которые ни в какой возможной ситуации невозможно признать приемлемыми. Иными словами, остаются лишь недопустимые инструменты и вопрос лишь в том, когда индивид в погоне за успехом, богатством, благополучием решится воспользоваться этим запрещённым, но эффективным. Массовая мифология может также прибегать к воспроизводимым (нематериальным) ресурсам, в том числе в рамках подстановки содержания желаемого или преднамеренного его формирования, что обеспечивает ей бесконечный запас и неограниченное деление потребляемого.

Авторитет и религиозно-духовная монополия одной религии часто являлись важным элементом той или иной социальной системы. П. Бергер подчеркивал, что религиозная легитимизация, связывающая социальную и сакральную реальности, необходима для укрепления шаткой структуры общества с его нормами, принципами, законами и т. д. [28]. Нуминозное выступает в данном случае как гарант должностования и правильности (нормативного соответствия) всех процессов и событий, происходящих в жизни человека и общества. Сам этот гарант должен быть абсолютным, неограниченным в силах и возможностях, бесконечным и вечным (как, например, Бог или космический закон). Выше было отмечено, что массы не терпят то, что превосходит их. Зачем таким образом искать и ставить кого-то или нечто над собой, если этот гарант – сам индивид. Он неограничен в силах и возможностях, ведь он живёт в эпоху, когда нет ничего невозможного. Кроме того, подобное «всесилие» является «императивом» массового сознания. Бесконечным и вечным индивид является по причине того, что действительно только настоящее. Прошлое отрицается как рудимент, что девальвирует значение генезиса и становления для индивидуума. Истинный «Бог» не может быть рождён, ведь рождение – его онтологическое ограничение. Будущее как возможность казуальности также не соотносится с образом высшего существа. Оно просто «есть», и оно не зависит от феноменов прошлого и настоящего. Это «есть» и представляет собой настоящее (момент) индивида, и оно не отягощено тяжеловесными формами временности, как прошлое и будущее. Если традиционно религиозное стремится поместить человека в систему координат вселенной, то в этом нет необходимости, если он сам есть эта вселенная. Нуминозное (религиозное) в подобной парадигме вещей есть не более чем суррогат, но вместе с тем вполне может выполнять аналогичную функцию, в частности благодаря пространству массовой мифологии.

Фактического нахождения в одном месте определённого количества отдельных индивидов недостаточно, чтобы говорить о том, что их единение можно классифицировать как толпу (массу). Г. Лебон указывал, что в рамках образования данного феномена имеется исчезновение индивидуального сознания и ориентирование чувств и идей в известном направлении, но это не требует от индивидов непосредственного нахождения в одном месте и одно время [11]. Иными словами, должен существовать ряд внешних и внутренних факторов, которые инициируют образование массы. Вместе с тем Г. Лебон также указывает, что аспект локального и темпорального единства важен, чтобы возникла толпа [11]. Однако в подобной «соборности», по крайней мере в аспекте местопребывания, в современном мире нет необходимости. Благодаря современным технологиям и информационным средствам подобные массовые группы могут быть дистанционными. Им не обязательно быть группой физически, так как виртуальное пространство реализует некую «соборность», даже при локальном и временном «одиночестве» индивида. При этом индивиду интегрируется идея о его особой индивидуальности. Массовые мифологемы обращаются к нему через СМИ и элементы культуры, стимулируя именно необходимые чувства и образы для создания массового индивида.

Стоит отметить следующее противоречие: потенциальную активность современных масс и их физическую (реальную) пассивность. Действительно, массы склонны к импульсивности, высокому динамизму, сверхактивности, однако лишь при определённых условиях. Кроме того, их стимуляция зависит от ситуации (например, какого-то события, которое вызывает взрыв чувств и эмоций), но и имеет темпоральную зависимость (их активность имеет временный характер по причине чрезмерности затрачиваемых психических и эмоциональных ресурсов). Можно предположить, что в настоящее время наличествует новый тип массового человека. Дело в том, что его активность уже не имеет яркой хаотичности и случайности. И здесь есть несколько факторов, которые произвели такое изменение. Во-первых, сама массовая мифология является своеобразной «ситуацией», которая регламентирует импульсивность масс. Во-вторых, принцип потребляемости, который устанавливает легковесность и

простоту продукта, даёт возможность замены одного потребляемого другим, когда возникает дефицит первого. Такая подмена может быть прямой (например, актуализация иного продукта), косвенной (заменяется содержание) или формально-новаторской (инновация или модернизация старого). Это свойственно не только материальным продуктам, но и идеям (образам). В-третьих, виртуальное пространство, в котором в настоящее время происходит движение масс, само по себе «гасит» порывы, то есть служит ингибитором импульсивности. Это не значит, что массы не могут выплёскивать свои настроения и действия в объективном мире. Это лишь указывает, что массы могут иметь реализацию своих порывов лишь в рамках принципа «разрешённого протеста». Такое противодействие не только не принесёт никакого вреда системе, но и способствует её утверждению. Например, острая социальная или иная повестка может быть легитимирована в рамках достижения социально-политических целей, при этом она становится оправданием для любых разрушительных, деструктивных и репрессивных действий масс в объективной реальности.

Итак, нуминозное инициируется в парадигме погружения индивидуума в плоскость массовой мифологии, с последующим влиянием на него и определением его вектора поведения. Вызов «нуминозного» чувства представляет собой одним из инструментов массовой мифологии. Р. Отто отмечал, что одним из способов пробуждения и выражения нуминозного чувства являются средства выражения родственных ему или схожих с ним естественных чувств [9]. Этими естественными чувствами могут быть страх, восхищение, удивление и т. д. Они не являются нуминозным как таковым, но лишь средствами и ступенями восхождения чувственности к нему. Аналогично и с массовой мифологией, с одним отличием: чувства должны восходить, собственно, не к нуминозному со всеми его специфическими качествами и свойствами, но к самой этой мифологии. Иными словами, наблюдается возвращение обратно к мифологеме, её утверждение и постоянное воспроизводство. Это постоянное переутверждение всё той же массовой плоскости, вне которой не может существовать ничего. Можно установить следующую последовательность: мифологемы производят идеи (образы), в том числе своё «сакральное», при этом формируя чувства индивида, а затем сам индивид начинает инкарнировать интегрированные представления в реальность. Но, как и феномен чуда, времени-пространства и т. д. нуминозное не выходит за границы: оно указывает лишь на ту искусственную плоскость, в которой пребывает индивид.

Массовая мифология по своим характеристикам очень схожа с традиционным мифом, однако диапазон распространения и влияния намного шире, что обуславливает ту интенсивность, с которой интегрируются и укрепляются искусственные мифологемы в мышлении индивида. Благодаря таким характеристикам данная мифология вполне может быть альтернативой традиционным религиозно-мифологическим системам. Как готовый суррогат массовая мифология может удовлетворять определённые религиозные потребности индивида. Однако подобное положение вещей не отменяет того, что собственно сакральное (мифологическое) будет просачиваться сквозь плотные пласты симуляций и искусственных конструкторов. Мифологическое может быть выражено в рамках «живой» мифологии, а также в рамках становления «мифологии прорыва», которая предполагает сознательную и бессознательную (чаще последнее) актуализацию религиозных мотивов, содержания, смыслов и т. д. в форме нерелигиозного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mass society and media / P. Long, B. Johnson, S. MacDonald, S. Rogerson Bader, T. Wall // Media Studies: Texts, Production, Context. – London, UK: Routledge, 2021. – P. 390–413. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315690834-13>.
2. Kornhauser W., Horowitz I.L. Two views of mass society // The Politics of Mass Society. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-1>.
3. Kornhauser W., Horowitz I.L. Mass society and democratic order // The Politics of Mass Society. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 227–238. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-13>.

4. Lerner M. Freedom in a mass society // *Tocqueville and American Civilization* / Ed. by S.E. Wallace. – New York, NY: Routledge, 2020. – P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429339516-6>.
5. Philosophy of mass culture and consumer society: worldview emphasis / M. Zhylin, U. Maraieva, L. Krymets, T. Humeniuk, L. Voronovska // *Revista Amazonia Investiga*. – 2023. – Vol. 12. – Iss. 65. – P. 256–264. DOI: <https://doi.org/10.34069/ai/2023.65.05.24>.
6. DeFleur M.L., DeFleur M.H. The Concept of mass society // *Mass Communication Theories: Explaining Origins, Processes, and Effects*. – New York, NY: Routledge, 2022. – P. 93–108. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003083467-8>.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2018. – 256 с.
9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 272 с.
10. Буайе П. Объясняя религию: природа религиозного мышления. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 496 с.
11. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
12. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – М.: Port-Royal, 1997. – 384 с.
13. Кемпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб: Питер, 2018. – 352 с.
14. Докинз Р. Перерастая бога. Пособие для начинающих. – М.: АСТ, 2022. – 256 с.
15. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2014. – 351 с.
16. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2015. – 392 с.
17. Nneoma A. Anozie. A discourse on mass media and society // *Media Influence: Breakthroughs in Research and Practice*. – Hershey, PA: IGI Global, 2018. – P. 422–438. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3929-2.ch023>.
18. Фромм Э. Отделение от себя // *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 97–104.
19. Спиноза Б. Этика. – М.: АСТ, 2001. – 336 с.
20. Паскаль Б. Мысли. – М.: Астрель, 2009. – 253 с.
21. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
22. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: АСТ, 2020. – 1072 с.
23. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2014. – 736 с.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2016. – 624 с.
25. Манифесты итальянского футуризма: собрание манифестов. – М.: Русское товарищество, 1914. – 77 с.
26. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 256 с.
27. Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 336 с.
28. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.
29. Мертон Р. Вызов демона антисоциального поведения // *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 23–40.

Информация об авторах

Николай Иванович Петев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; cyanideemo@mail.ru

Поступила в редакцию: 04.12.2024

Поступила после рецензирования: 23.12.2024

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. Long P., Johnson B., MacDonald S., Rogerson Bader S., Wall T. Mass society and media. *Media Studies: Texts, Production, Context*. London, UK, Routledge, 2021. pp. 390–413. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315690834-13>
2. Kornhauser W., Horowitz I.L. Two views of mass society. *The Politics of Mass Society*. New York, NY, Routledge, 2017. pp. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-1>.
3. Kornhauser W., Horowitz I.L. Mass society and democratic order. *The Politics of Mass Society*. New York, NY, Routledge, 2017. pp. 227–238. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-13>.
4. Lerner M. Freedom in a mass society. *Tocqueville and American Civilization*. Ed. by S.E. Wallace. New York, NY, Routledge, 2020. pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429339516-6>.
5. Zhylin M., Maraieva U., Krymets L., Humeniuk T., Voronovska L. Philosophy of mass culture and consumer society: worldview emphasis. *Revista Amazonia Investiga*, 2023, vol. 12, Iss. 65, pp. 256–264. DOI: <https://doi.org/10.34069/ai/2023.65.05.24>.

6. De Fleur M.L., De Fleur M.H. The Concept of mass society. *Mass Communication Theories: Explaining Origins, Processes, and Effects*. New York, NY, Routledge, 2022. pp. 93–108. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003083467-8>
7. Eliade M. *Aspects of the myth*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010. 251 p. (In Russ.)
8. Ortega-i-Gasset H. *The uprising of the masses*. Moscow, AST Publ., 2018. 256 p. (In Russ.)
9. Otto R. *Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation with the rational*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. House, 2008. 272 p. (In Russ.)
10. Buaje P. *Explaining religion: the nature of religious thinking*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2018. 496 p. (In Russ.)
11. Lebon G. *Psychology of peoples and masses*. Moscow, AST Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)
12. Yung K.G. *Soul and myth. Six Archetypes*. Moscow, Port-Royal Publ., 1997. 384 p. (In Russ.)
13. Campbell J. *The thousand-faced hero*. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 352 p. (In Russ.)
14. Dokinz R. *Outgrowing God. Handbook for beginners*. Moscow, AST Publ., 2022. 256 p. (In Russ.)
15. Bart R. *Mythologies*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 351 p. (In Russ.)
16. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*. Moscow, Dobrosvet Publ., 2015. 392 p. (In Russ.)
17. Nneoma A. Anozie. A discourse on mass media and society. *Media Influence: Breakthroughs in Research and Practice*. Hershey, PA, IGI Global, 2018. pp. 422–438. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3929-2.ch023>.
18. Fromm E. Separation from yourself. *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*. Moscow, Algoritm Publ., 2009. pp. 97–104. (In Russ.)
19. Spinoza B. *Ethics*. Moscow, AST Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)
20. Paskal B. *Thoughts*. Moscow, Astrel Publ., 2009. 253 p. (In Russ.)
21. Haydegger M. Being and time. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 460 p. (In Russ.)
22. Sartre J.-P. *Being and nothing*. Moscow, AST Publ., 2020. 1072 p. (In Russ.)
23. Kant I. *Criticism of pure reason*. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 736 p. (In Russ.)
24. Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. Moscow, AST Publ., 2016. 624 p. (In Russ.)
25. *Manifestos of Italian Futurism: a collection of manifestos*. Moscow, Russkoe tovarishchestvo Publ., 1914. 77 p. (In Russ.)
26. Baudrillard J. *System of things*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 256 p. (In Russ.)
27. Birlein J.F. *Parallel mythology*. Moscow, KRON-PRESS Publ., 1997. 336 p. (In Russ.)
28. Berger P. *The sacred veil. Elements of the sociological theory of religion*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
29. Merton R. Summoning the demon of antisocial behavior. *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*. Moscow, Algoritm Publ., 2009. pp. 23–40. (In Russ.)

Information about the authors

Nikolay I. Petev, Cand. Sc., Associate Professor, Vladimir State University, 87, Gorky street, Vladimir, 600000, Russian Federation; ; cyanideemo@mail.ru

Received: 04.12.2024

Revised: 23.12.2024

Accepted: 29.03.2025

УДК 316.62:364.624.6(470+571)
DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904
Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Социальная тревожность населения России: типы и группы риска (на материалах всероссийских опросов населения 2021–2022 гг.)

Ю.С. Нетребина, Я.В. Артамонова[✉], Г.И. Чикарова

Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

[✉]janaserduchenko@mail.ru

Аннотация. *Цель:* верифицировать сегментированность общероссийской тревожности, выделив основные группы риска, с помощью социологического инструментария. Временные рамки исследования были заданы 2021–2022 гг., периодом высокой концентрации социальных, экономических и политических факторов, негативно влияющих на компоненты социального самочувствия. Эмпирическая база – результаты серии замеров тревожности, опубликованные в открытом доступе (ВЦИОМ). *Результаты:* выделены типы тревожности и соответствующие им группы риска. Первый тип – это стабильно высокотревожные: женщины, россияне предпенсионного и пенсионного возрастов, со средним общим образованием, низкодоходные группы населения, то есть наименее защищенные когорты. Вторая группа – нестабильно высокотревожные (более чувствительные к социальным триггерам): россияне 35–44 лет, группы с низким уровнем образования, безработные, работники некоммерческого сектора, жители городов с населением от 100 до 500 тыс. чел. Третья группа – нестабильно тревожащиеся. Они имеют более широкий набор адаптационных практик, что позволяет им «выравнивать» показатели социального самочувствия (молодые люди 25–34 лет, россияне с высшим образованием, государственные и муниципальные служащие, неквалифицированные рабочие, бизнесмены и предприниматели, учащиеся, слои населения со средним доходом, жители городов-миллионеров и столиц). *Выводы:* в целом результаты исследования свидетельствуют о том, что стабильно спокойных групп населения выделяется меньше, чем тревожных. Все это позволяет говорить о том, что в 2021–2022 гг. тревожность была характерна для большей части россиян, что показывает их уязвимость перед макросоциальными вызовами.

Ключевые слова: социальная тревожность, динамика социальной тревожности, группы риска, социальное самочувствие

Для цитирования: Нетребина Ю.С., Артамонова Я.В., Чикарова Г.И. Социальная тревожность населения России: типы и группы риска (на материалах всероссийских опросов населения 2021–2022 гг.) // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 138–157. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904

UDC 316.62:364.624.6(470+571)

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904

Social anxiety of the Russian population: types and risk groups (based on the materials of the all-Russian population surveys 2021–2022)

Yu.S. Netrobina, Ya.V. Artamonova✉, G.I. Chikarova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉janaserduchenko@mail.ru

Abstract. Aim. To verify the segmentation of all-Russian anxiety by means of sociological tools, identifying the main risk groups. The time frame of the study was set for 2021–2022, a period of high concentration of social, economic and political factors that negatively affect the components of social well-being. The empirical basis of the study was the results of a series of measurements of anxiety published in the public domain (data from the All-Russian Center for the Study of Public Opinion). The results of the analysis make it possible to identify the types of anxiety and their corresponding risk groups. The first type is consistently highly anxious: women, Russians of pre-retirement and retirement age, with secondary general education, low-income groups of the population, that is, the least protected cohorts. The second group is unstable, highly anxious (more sensitive to social triggers): Russians aged 35–44 years, groups with a low level of education, the unemployed, employees of the non-profit sector, residents of cities with a population of 100 to 500 thousand people. The third group is people with unstable anxiety. They have a wider range of adaptation practices, which allows them to “equalize” indicators of social well-being (young people 25–34 years old, Russians with higher education, state and municipal employees, unskilled workers, businessmen and businesswomen, students, middle-income segments of the population, residents of millionaires-plus cities and capitals). **Results.** According to the measurement results, fewer stable calm groups of the population can be identified than anxious ones. All this allows us to say that in 2021–2022 anxiety was typical for the majority of Russians, which indicates their vulnerability to macrosocial challenges.

Keywords. social anxiety, dynamics of social anxiety, risk groups, social well-being

For citation: Netrobina Yu.S., Artamonova Ya.V., Chikarova G.I. Social Anxiety of the Russian Population: types and risk groups (based on the materials of the All-Russian population surveys of 2021–2022). *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 138–157. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1904

Введение

В последние десятилетия тревожность стала неотъемлемой характеристикой не только отдельных индивидов, но и атрибутивным признаком больших социальных групп, а в отдельные периоды – и всего современного общества. Международные исследования фиксируют глобальный рост тревожности. Так, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, «за первый год пандемии COVID-19 распространенность тревожных расстройств и депрессии в мире выросла на 25 %» [1].

В рейтинге стран мира, жители которых больше всего страдают от стресса и депрессии (2013 г., Bloomberg), Россия заняла 25-е место из 74 возможных [2]. Спустя 8 лет, в 2021 г., по данным Statista (Международной компании по сбору и анализу данных), Россия поднялась на 4-е место среди стран по уровню депрессии и тревожности [3]. Российские мониторинги также подтверждают высокий уровень тревожности в современном российском обществе. По данным исследования фонда «Общественное мнение», в 2022 г. около 70 % россиян испытывали тревогу [4]. Представители пресс-службы РАНХиГС, исследовательская группа которой занимается замером социального самочувствия россиян, в публичных заявлениях

отмечают, что высокий уровень тревожности населения – значимая проблема социального самочувствия российского общества: «Свободными от ощущения тревожности могут себя назвать только 40 % россиян, в сильной степени испытывает тревогу достаточно узкая группа, размер которой не превышает 15 % опрошенных (13,2 %)» [5].

Вместе с тем важно отметить, что уровень тревожности в обществе – это динамичная переменная, отличающаяся по уровню проявления в каждый отдельный момент времени, а также степени выраженности среди представителей тех или иных социально-демографических групп.

Результаты исследований аргументированно показывают, что уровень тревожности зависит от внешней среды – тех событий, которые происходят в обществе. Динамика замеров уровня тревожности российского общества последних нескольких лет позволяет сделать вывод, что пик роста тревожности среди россиян приходился на временные отрезки, связанные с распространением COVID-19, началом специальной военной операции, объявлением частичной мобилизации.

По данным Brand Analytics, уровень тревожности россиян из-за пандемии коронавируса оказался самым высоким на постсоветском пространстве. Его пиковые значения (190) пришлись на конец марта – начало апреля 2020 года [6]. В 2022 г. показатель суммарного индекса тревожности, рассчитываемый КРОС на основе анализа новостей СМИ, постов и комментариев в социальных сетях, «взлетел» до 21,4 тыс. «медиаюнглов» [7]. Вместе с тем, по данным аналитического центра НАФИ, было зафиксировано, что большинство жителей России (70 %) в той или иной степени испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации [8].

Дифференциация уровня тревожности прослеживается в ракурсе гендерного, возрастного, территориального рассмотрения данного феномена, а также целого ряда других дифференцирующих современное российское общество признаков (уровня образования, типа занятости, дохода и др.). Исследовательскими коллективами, работающими в разных отраслях науки, выявленная специфика проявления тревожности объясняется по-разному. Так, медицинские исследования интерпретируют разницу в показателях уровня тревожности между мужчинами и женщинами через различия в химическом составе мозга, гормональные колебания и выбор способа преодоления стрессовых факторов, имеющих гендерные различия [9]. Психологи аргументируют сложившуюся дифференциацию в уровне тревожности людей в разных возрастных когортах тем, что индивиды в молодом возрасте острее реагируют на изменяющиеся условия жизни, происходящие события или неожиданные обстоятельства [10].

В этой связи цель статьи – средствами социологического инструментария верифицировать сегментированность общероссийской тревожности, выделив основные группы риска.

Обзор литературы

Измерение индикаторов социального настроения и тревожности как его составляющей является темой научных работ ведущих социологических центров страны на протяжении уже более 20 лет. Обращение к научной литературе по этой проблеме позволяет выделить несколько магистральных направлений исследований.

Общество – это сверхсложная система, и как в любой такой системе в нем, несмотря на развитые механизмы поддержания равновесия и стабильности, присутствует элемент спонтанности. Эта спонтанность связана с тем, что индивиды имеют свободу социального действия, а где свобода, там и неопределенность. Д.Н. Баринов выделяет основные социоструктурные источники тревожности. Первое – это отчуждение от деятельности социальных институтов, «что делает человека беспомощным перед риском возникновения деформации их деятельности» [11, С. 149]. Второе – особенности циркуляции информации, которые в закрытых обществах характеризуются дефицитом, а в открытых – непредсказуемостью и

сложностью в управлении. Третье – интенсивная трансформация информационной инфраструктуры, приводящая к увеличению субъектов информации, интенсификации коммуникационных потоков и, как следствие, усилению нелинейности протекающих процессов [12]. Все это неизбежно создает ситуации противоречия между потребностью индивида в стабильности и неопределенностью социального бытия, что и характеризуется термином «социальная тревожность».

Перечисленные социоструктурные источники тревожности, безусловно, относятся и к российскому социуму. Их эффекты усиливаются трансформационным состоянием, в котором он находится уже длительное время. Периоды кризисов сменяются стабильностью, и массовое сознание чувствительно к этим процессам, что иллюстрируется динамикой тревожности.

Тема социального самочувствия в целом и тревожности как его составляющей является одним из базовых направлений исследования коллектива Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Авторы показывают, что большинство россиян на протяжении последних 20 лет испытывают страх и тревогу. Ученые также фиксируют довольно высокий процент носителей катастрофического сознания (около четверти россиян), который практически не меняется в общей доле респондентов, несмотря на смену периодов социальных кризисов и стабильности. «Тревожная» группа россиян демонстрирует более низкий индекс доверия социальным институтам, чем «спокойные» сограждане, чаще дают негативные оценки текущим событиям. Интересно также отметить, что собственную тревожность респонденты отмечают реже, чем тревожность людей своего окружения. И это не зависит от наличия или отсутствия в обществе кризисных ситуаций. Еще одна интересная закономерность – чем «ближе» к человеку находятся оцениваемые реалии, тем менее критично они воспринимаются. Это еще раз подчеркивает значимость агентов влияния (СМИ, социальных сетей и других посредников в передаче информации) как триггеров тревожности.

Уровень социальной тревожности большинства россиян (за исключением носителей катастрофического сознания) частично коррелирует с оценками текущей ситуации страны и региона и перспектив ее развития: чем позитивнее оценки, тем ниже тревожность. Д.Н. Барinov иллюстрирует этот тезис, взяв за эмпирическую основу своего исследования данные ВЦИОМ с 1994 по 2007 г. [13]. Автор выявил, что общей тенденцией является снижение общего уровня тревожности за указанный период и колебание уровня страха. К концу рассматриваемого периода структура тревожности трансформировалась: в массовом сознании россиян произошел сдвиг от социальных проблем к личным, что также свидетельствовало о стабилизации социальной ситуации.

В то же время сложность социального самочувствия не позволяет ученым объяснять динамику его составляющих исключительно социально-экономическими и политическими изменениями. Ряд исследователей приходят к выводу, что далеко не всегда уровень тревожности меняется при стабилизации социально-экономической и политической ситуации [14–17]. Так, например, улучшение экономического положения населения в первое и второе десятилетие XXI века после тяжелых 90-х годов XX века, казалось, должно было стать причиной снижения тревожности относительно экономической ситуации в стране. Тем не менее значительная часть россиян продолжила оценивать текущую (применительно к указанным временным рамкам) ситуацию как кризисную. Это связано с тем, что (пользуясь терминологией Р. Мертона) желаемые ценности труднодостижимы доступными большинству членов общества средствами. Это позволило ученым сделать вывод о том, что уровень и структура тревожности зависят не только от объективной ситуации, но и от динамики системы ценностей.

Несмотря на то, что иерархия страхов зависима от социального контекста и пересматривается, полученные в ходе многолетних исследований данные позволили ученым выделить стабильно сохраняющиеся группы риска.

Анализ тревожности в гендерном измерении показывает, что женщины являются более тревожной группой населения. Так, например, А.В. Палкина и Н.Э. Соболева, измеряя уровень тревожности в период пандемии, выявили, что его среднее значение у женщин почти в 2 раза выше, чем у мужчин. Авторы связывают это с тем, что женщины столкнулись с проблемами «теневого пандемии» (расширение круга домашних обязанностей и учащение случаев домашнего насилия). Помимо этого, женщины оказались в ситуации, когда их сферы занятости больше пострадали от пандемии (например, сфера торговли). Стабильность гендерных различий подтвердилась тем, что различия в уровне тревожности российских мужчин и женщин оставались практически неизменными на протяжении 2020–2021 гг. [18].

Говоря о гендерной разнице в уровне и структуре тревожности в долговременной перспективе, ученые выявили большую концентрированность мужчин на социально-политических вопросах, а женщин – на экономических [13, 19]. В то же время исследования последних лет отмечают сближение оценок мужчинами и женщинами разных социальных проблем, что ученые связывают с сокращением гендерного неравенства в основных сферах общества [17, 19].

Возраст также обуславливает разницу в уровне тревожности: старшие возрастные группы демонстрировали более высокие показатели тревожности, обусловленные в первую очередь экономическими причинами, но в то же время показывали и более высокий уровень доверия социальным институтам, не характерный для молодых когорт [17, 19]. Это связано с тем, что в современном обществе, в отличие от традиционного, возрастной статус не гарантирует материального успеха, благополучия, уважения и высокого социального положения [16]. Уход с рынка труда или переход на менее квалифицированный труд, ослабление социальных связей, материальные трудности – все это способствует росту тревожности в старших возрастных группах.

На репертуар тревог влияет образование респондента: более низкий его уровень обуславливал большую обеспокоенность экономической обстановкой и в меньшей степени – социально-политическими событиями. В группу риска входят также жители сельской местности, малых и средних городов. Малообеспеченные традиционно показывают более высокий уровень тревожности, однако в периоды экономической нестабильности сюда также включается высокообеспеченная часть населения страны, обеспокоенная потерей возможности поддерживать привычный уровень дохода в меняющихся реалиях [20].

Таким образом, результаты многолетних замеров позволили исследователям сделать важные выводы о характере социальной тревожности россиян. В то же время динамичность социального бытия и появление новых триггеров колебания социального самочувствия требует постоянной актуализации внимания к данной проблематике.

Методология исследования

Исследование выполнено в рамках теоретико-методологического контура, сочетающего в себе идеи социологического и социально-психологического подходов. Однако основной акцент сделан на принципах социологической интерпретации тревожности, так как в фокусе внимания ученых находятся не отдельные индивиды, а большие социально-демографические группы российского общества, атрибутивным признаком которых является социальная тревожность.

Приступая к рассмотрению любой предметной области, необходимо определиться с основным понятийно-категориальным аппаратом. В рамках данной работы главным понятием, требующим операционализации, является понятие «тревожность». Прежде чем проводить социологическую верификацию сегментированности высокого уровня тревожности российского общества, необходимо понять: есть ли различия между, на первый взгляд, схожими категориями «тревога» и «тревожность»; что именно отличает личностную тревожность от со-

циальной тревожности; посредством каких индикаторов возможно социологическое изучение тревожности в обществе.

В научной литературе «под тревогой принято понимать эмоциональное состояние волнения, беспокойства, связанное с ожиданием опасности и дефицитом информации в ситуации неопределенного исхода развития событий» [12, с. 147]. В свою очередь, тревожность в психологических словарях обозначается как «индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека испытывать беспокойства» [21].

Взаимосвязь между понятиями «тревога» и «тревожность» описывается социальными психологами как некое соподчинение. Социальные психологи, фиксируя тревогу как эмоциональное состояние, которое возникает в ситуациях опасности и проявляется в ожидании неблагоприятного развития событий, определяют, что тревожность – это склонность человека переживать то самое чувство тревоги. Вместе с тем тревога – это временное явление, вызванное беспокойством индивида, в то время как тревожность более устойчива и характеризуется не эпизодическим проявлением, а долговременным состоянием [22, 23].

В научной литературе встречаются такие разновидности тревожности, как личностная, ситуационная и социальная. Личностная тревожность – это готовность (установка) человека к переживанию страха и волнений по поводу широкого круга субъективно значимых явлений¹. Ситуативная тревожность – это показатель интенсивности переживаний, которые возникают по отношению к типичным событиям². Определения понятия «социальная тревожность» различны: они включают в себя и «механизм избегания социальных угроз, возникающих из-за жизни в больших группах, и распространенное человеческое переживание, характеризующееся сильным страхом оценки со стороны других в социальных ситуациях, и тревожность, внешним стимулом которой выступают различные ситуации социального взаимодействия» [24, с. 92]. Но все эти дефиниции все же едины в тезисе, что в основе социальной тревожности всегда лежат ситуации социального взаимодействия человека.

Как отмечает Е.Г. Сердюк, «личная и социальная тревога взаимообусловлены и взаимозависимы: устойчивость и изменчивость социальной тревожности зависит от общественных условий и характера деятельности личности в группе, являясь маркером общественного сознания и реальных условий жизнедеятельности людей» [25, с. 160].

В рамках данной работы тревожность определяется авторами как характеристика социальной группы, подразумевающая наличие у членов этой группы чувства тревоги в отношении социальных или жизненных ситуаций, продиктованного отсутствием необходимых факторов для устойчивого функционирования социальной системы в условиях внешних и внутренних изменений.

Проблематика социальной тревожности получила развитие в процессе изучения кризисного и катастрофического сознания, социального самочувствия и настроения [17]. Социальная тревожность рассматривается исследователями как объективная характеристика общественного бытия, порожденная системно-структурными особенностями организации относительно стабильного социума [11]. В этой связи большим эвристическим потенциалом в рамках данного исследования обладает методологический опыт концепции «общества риска», накопленный в работах У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана, позволяющий объяснить, что в «классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие», а само развитие социума предполагает наличие рисков, которые связываются с настоящим и будущим. Согласно данной концепции, современности свойственны критический динамизм и возрастание рисков для всех членов общества. Однако при этом всегда су-

¹ Психологическое исследование личностной тревожности детей с трудностями в обучении. URL: <http://cscb.su/n/022401/022401013.htm> (дата обращения 17.11.2024).

² Там же.

ществуют группы, которые в определенных социальных обстоятельствах более уязвимы, имеют меньший «запас прочности», более узкий набор адаптационных стратегий, несут большие потери. Именно такие группы в настоящей работе будут выступать в качестве группы риска [26, 27].

При характеристике тревожности групп риска в рамках работы используются термины «устойчивость тревожности» и «уровень тревожности». В отличие от общепринятых в психологии шкал интерпретации уровня личностной тревоги в социологии нет единого стандарта измерения уровня социальной тревожности. Также методологические основания замера уровня риска можно найти в работе Н. Лумана, который уделял внимание значению позиции индивида по отношению к риску и ввел понятие «порог катастрофы». По мнению исследователя, «порог катастрофы весьма по-разному определяет тот, кто принимает решения, и тот, кого эти рискованные решения затрагивают» [27, с. 136].

Устойчивость тревожности означает преобладание в настроениях общества страхов, тревог, опасений как некоторого основного тона, выражающего состояние общественного сознания и окрашивающего практическую деятельность людей [28].

В целом в исследованиях динамики уровня тревожности встречаются такие индикаторы, как высокий/низкий, устойчивый/нестабильный уровень тревожности [5]. В связи с этим в рамках данной работы предполагается рассмотрение динамики тревожности групп риска в двух дихотомических характеристиках: высокий/низкий, устойчивый/нестабильный уровень тревожности. Сочетание данных характеристик позволяет выделить типы социальной тревожности.

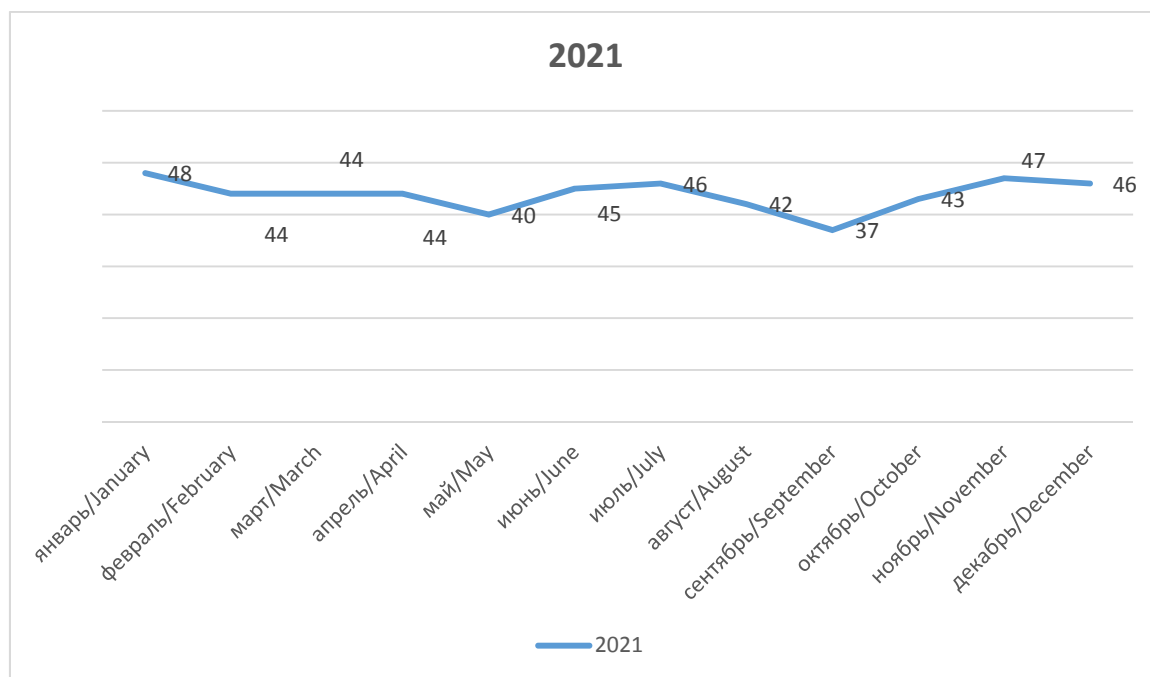
В качестве маркеров дифференциации общероссийского уровня социальной тревожности, требующих социологической верификации, были выбраны такие параметры, как пол, возраст, уровень образования и тип занятости, материальное положение, тип поселения, а также включенность в информационную повестку дня посредством интернета.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу работы составили открытые данные, опубликованные на сайте ВЦИОМ (ежедневные всероссийские опросы) [29].

Временные рамки исследования представлены 2021–2022 гг. Данный период интересен для анализа компонентов социального самочувствия тем, что был наполнен разноплановыми социальными триггерами: с одной стороны, общество постепенно выходило из пандемийной повседневности (оценивало потери и новые риски), а с другой – изменился политический контекст (начало Специальной военной операции, следовавшие за ним санкции и уход с рынка многих западных компаний, проведение частичной мобилизации и сопутствующая всем этим событиям информационная война). В сложившейся ситуации важно понять, насколько действительно макросоциальный контекст влияет на динамику тревожности, выявить группы риска и оценить их адаптационный потенциал.

Отметим, что общая динамика социальной тревожности в рассматриваемый период (рис. 1, 2) отличается единичным резким колебанием в сентябре 2022 г. Подписание 21 сентября 2022 г. указа об объявлении частичной мобилизации в стране привело к рекордному значению уровня тревожности россиян: 59 % опрошенных в это время описали свое настроение через выбор категории «тревога». Взлет уровня тревожности по сравнению с предыдущим показателем составил 25 процентных пунктов. На протяжении остального анализируемого периода показатели тревожности составляли порядка 45 %. Наиболее спокойными для россиян оказались сентябрь 2021 года и август 2022 года. Показатели тревожности в эти временные периоды составляли 37 и 34 % соответственно. Рост уровня тревожности в 4-м квартале 2021 года может быть связан с ухудшением ситуации с коронавирусом. Разница между максимальным и минимальным значением тревожности россиян в 2021 г. составила 11 процентных пунктов.

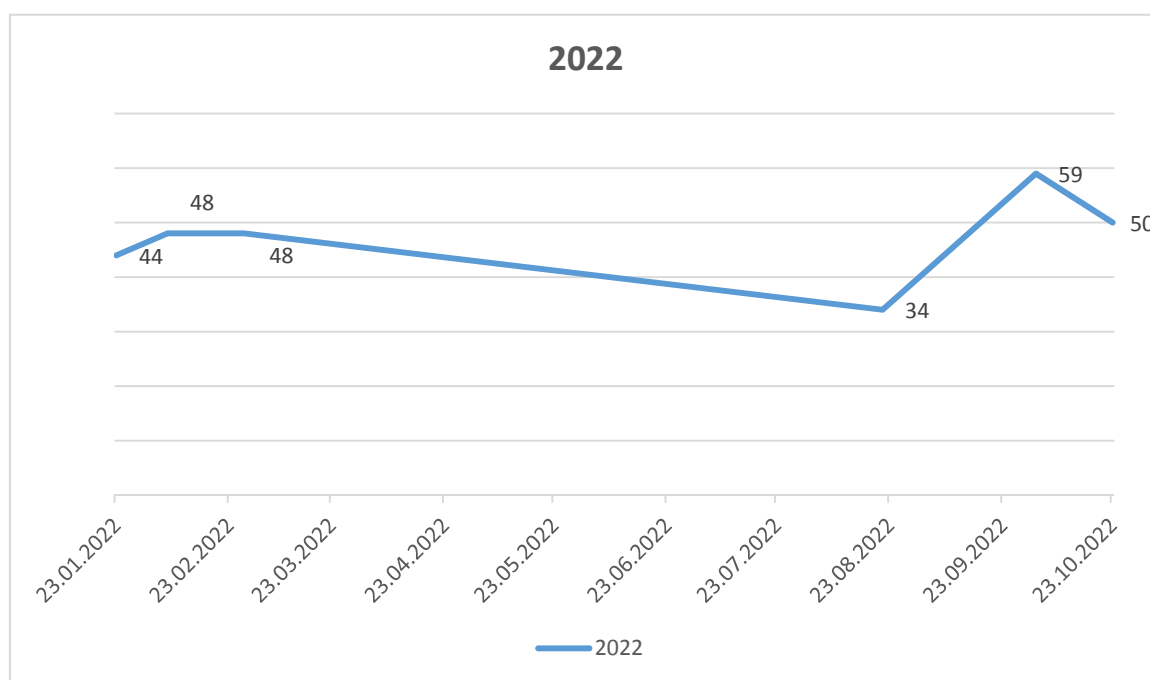

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 1. Динамика уровня тревожности в 2021 г.

Fig. 1. Dynamics of anxiety level in 2021

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

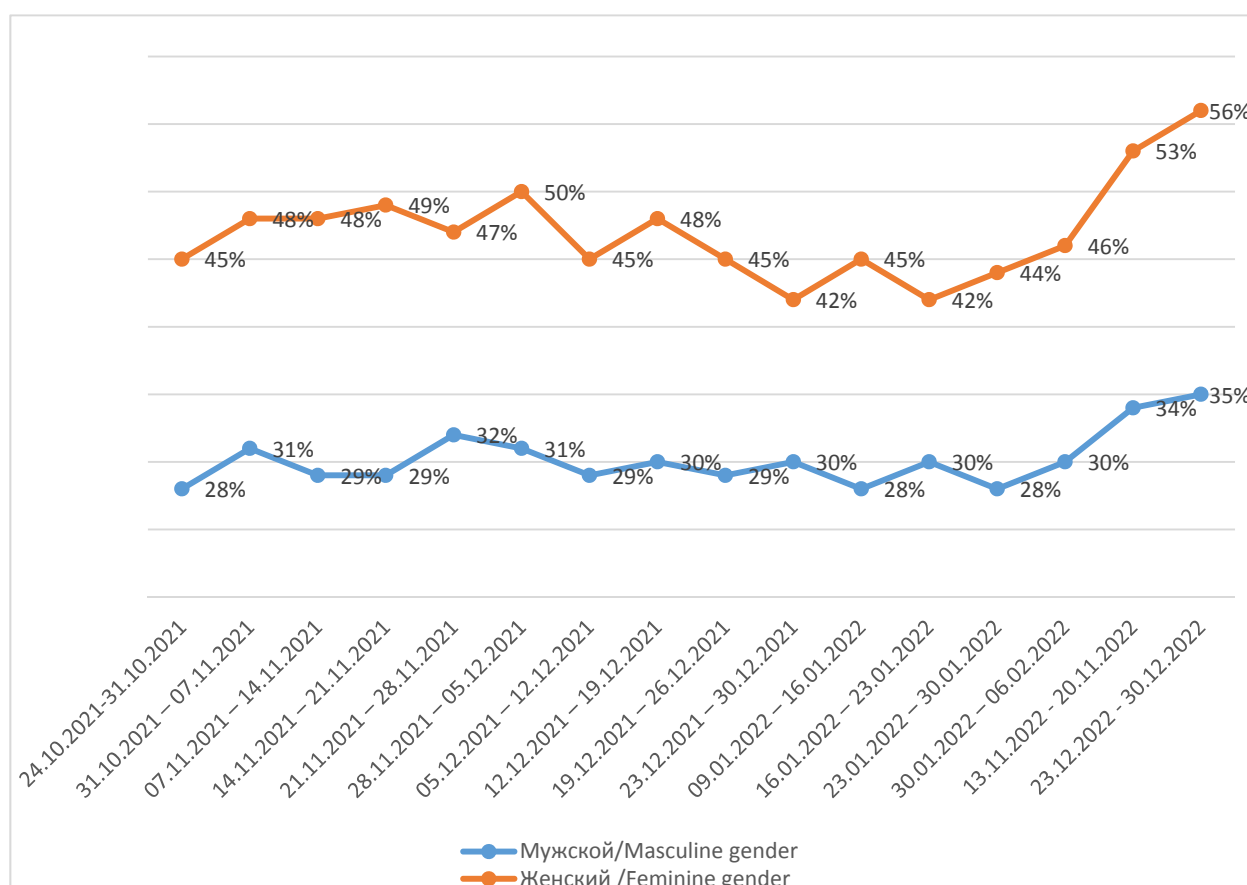
Рис. 2. Динамика уровня тревожности в 2022 г.

Fig. 2. Dynamics of anxiety level in 2022

Социальная тревожность россиян: типы и группы риска

Замеры параметров социального самочувствия в 2021–2022 гг. позволяют сделать вывод о том, что социальная тревожность охватывает значительную часть россиян, но отметим, что распространенность страхов и тревог неодинакова в разных социальных группах. Открытые данные [29] позволяют проанализировать динамику уровня тревожности в зависимости от ряда социально-демографических характеристик, выделить доминирующие типы тревожности в них и, соответственно, группы риска.

Прежде всего проанализируем гендерные различия в динамике уровня тревожности (рис. 3). Как показывают данные, на протяжении рассматриваемого периода показатели тревожности женщин превышают мужские, что, как было отмечено выше, является для российского общества устоявшейся тенденцией. В то же время важно обратить внимание на более резкие колебания уровня тревожности в женском сегменте выборки: если у мужчин разница между минимальным и максимальным значениями составляет 7 процентных пунктов, то у женщин – 14 процентных пунктов. Гендерные различия при этом, оставаясь стабильными в послепандемный 2021 год, несколько усиливаются в 2022-м после начала СВО и частичной мобилизации. Сказанное позволяет сделать вывод, что женщины продолжают оставаться группой риска, несмотря на сокращение гендерного разрыва в основных сферах общества.

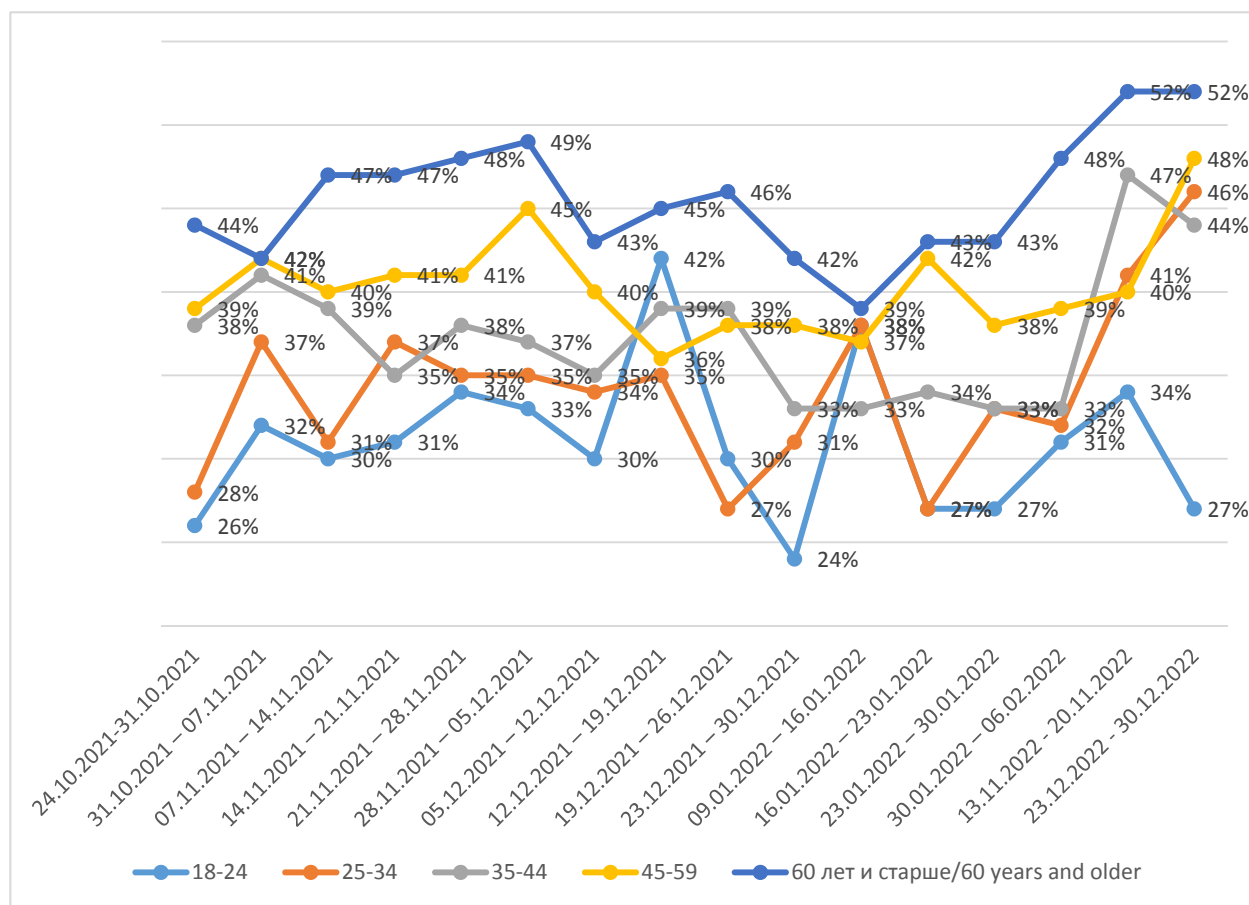
Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 3. Гендерные различия в динамике уровня тревожности (2021–2022 гг.)

Fig. 3. Gender differences in the dynamics of anxiety level (2021–2022)

Уровень тревожности ожидаемо повышается с возрастом (рис. 4). Так, если в возрасте 18–24 и 25–34 лет самые низкие показатели тревожности составляют 24 и 26 % соответственно, то уже в группе 35–44 лет уровень тревожности повышается до 33 %, в группе 45–59 лет – до 36 %. Наиболее тревожной группой остаются россияне старше 60 лет: здесь минимальный уровень тревожности составляет 42 %, а максимальный – 52 %, что выше, чем в целом по выборке. В то же время граждане предпенсионного и пенсионного возрастов в своей тревожности достаточно стабильны: их эмоционально-психологическое состояние колеблется, но в меньшей степени, чем у более молодых возрастных когорт. Этот факт позволяет в данном случае говорить о двух типах социальной тревожности – высокой, но стабильной, и нестабильной, но более низкой. Оба типа тревожности, безусловно, несут в себе рискогенный потенциал. В то же время можно предположить, что люди старших возрастов обладают более высокой личностной тревожностью в силу снижения адаптационного потенциала, ухода с рынка труда и потери социальных связей. В свою очередь, перепады уровня тревожности экономически активных возрастных групп вызывает большую настороженность и говорит о том, что их жизненный тонус снижается и именно они оказываются наиболее уязвимыми перед макросоциальными рисками. Ситуация усугубляется тем, что именно эти люди несут ответственность (в своем большинстве) как за нетрудоспособных родителей, так и за детей, что еще больше сказывается на их возможностях адаптации к вызовам постковидной реальности и событиям, которые связаны с началом СВО.

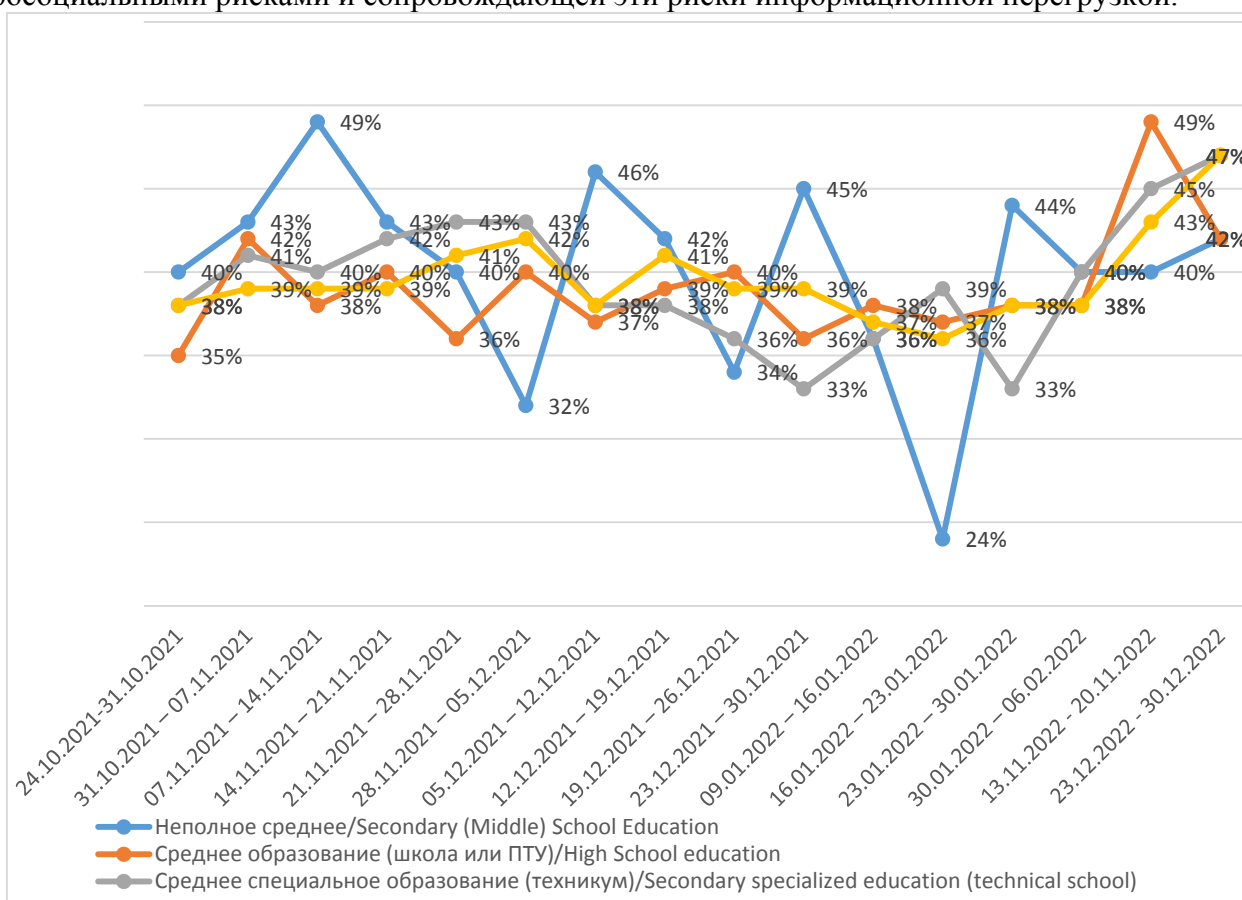
Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 4. Динамика уровня тревожности разных возрастных когорт (2021–2022 гг.)

Fig. 4. Dynamics of anxiety level in different age cohorts (2021–2022)

Анализ уровня тревожности в разрезе выборки по уровню образования также позволяет выделить группы риска (рис. 5). Так, наиболее «стабильными» группами являются профессионалы с высшим и неполным высшим образованием. Разница минимального и максимального значений в этих группах хоть и достигает 9 процентных пунктов (все же ниже, чем в остальных) и отражает меньшие колебания уровня тревожности, так как эти значения удалены друг от друга во времени. Россияне со средним специальным образованием более чувствительны к социальным триггерам: здесь колебание уровня тревожности более заметно (разница между минимальным и максимальным значениями составляет уже 14 процентных пунктов), однако «перепады» также удалены друг от друга во времени, что в целом позволяет отнести эту группу граждан к категории более тревожных, но достаточно стабильных в своем эмоционально-психологическом состоянии. Этого нельзя сказать о группах со средним общим и неполным средним образованием. В первом случае уровень тревожности также колеблется в пределах 14 процентных пунктов, однако, как можно увидеть на рис. 3, временные промежутки между перепадами показателей значительно меньше. Во втором случае (в группах с неполным средним образованием) ситуация еще более нестабильная: здесь выше уровень тревожности в целом, острее реакция на триггеры (что отражается в резкой смене периодов повышения и понижения тревожности), а также самая большая разница между минимальным и максимальным значениями показателей (25 процентных пунктов). Это показывает, с одной стороны, более низкий адаптационный потенциал менее образованных групп населения, а с другой – более высокую уязвимость их повседневности перед макросоциальными рисками и сопровождающей эти риски информационной перегрузкой.

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 5. Динамика уровня тревожности в группах с разным уровнем образования
Fig. 5. Dynamics of anxiety level in groups with different levels of education

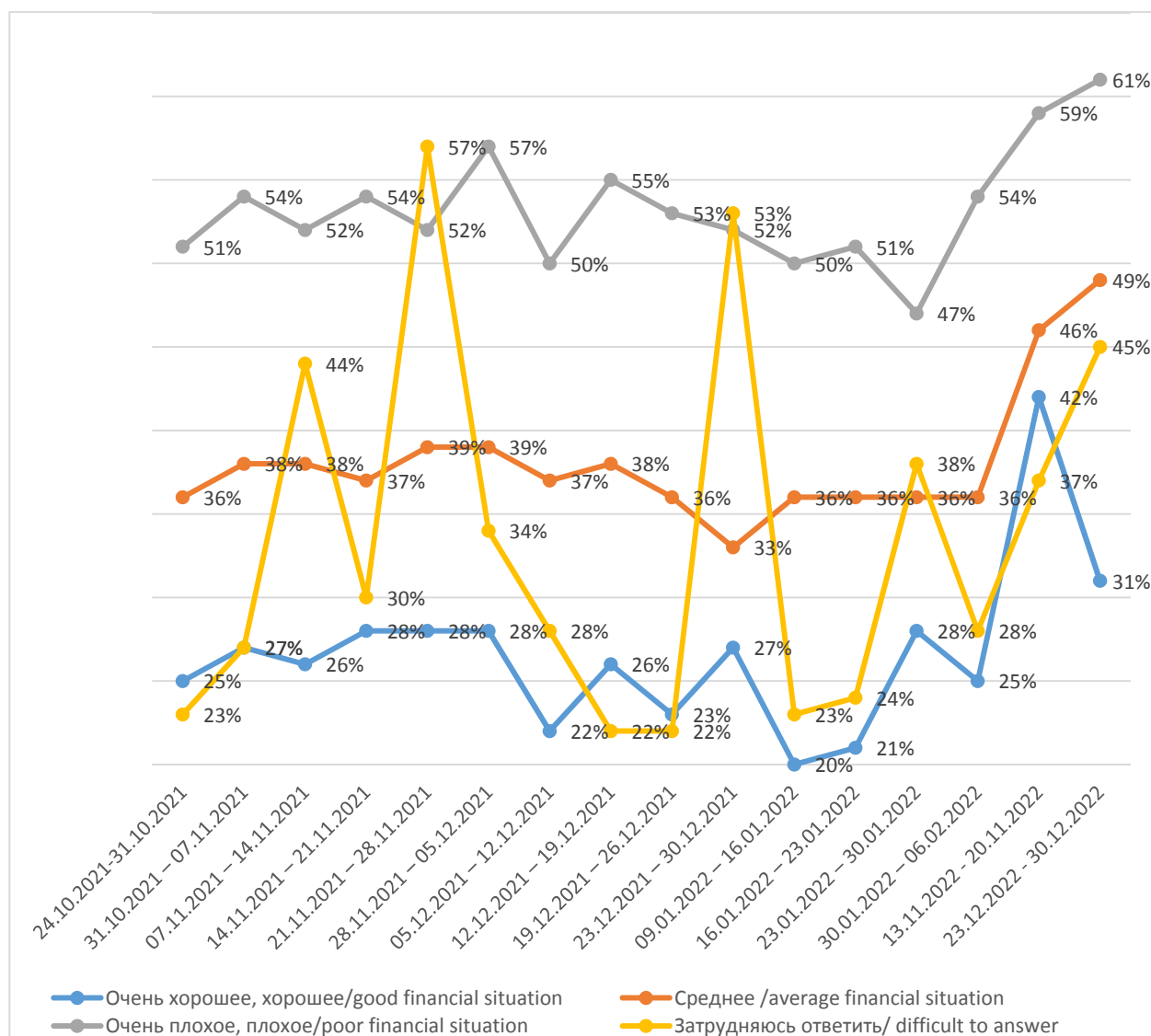
Дифференциация выборки по разным видам занятий позволяет выделить четыре типа социальной тревожности и соответствующие им группы риска (табл. 1). Первые – стабильно высокотревожные (высокие показатели среднего уровня тревожности, небольшая разница между минимальным и максимальным показателями, нет резких повышений и понижений тревожности). Это неработающие пенсионеры, традиционно характеризующиеся низким социальным самочувствием. Вторые – нестабильно высокотревожные (высокие показатели среднего уровня тревожности и разницы между минимальным и максимальным значениями, резкая смена состояний). В эту группу входят служащие без высшего образования, временно неработающие и безработные, занятые домашним хозяйством, а также работники некоммерческого сектора. Третьи – нестабильно тревожные (это респонденты с большими и частыми перепадами тревожности, средними ее значениями): государственные и муниципальные служащие, неквалифицированные рабочие, бизнесмены и предприниматели, учащиеся.

Таблица 1. Тревожность респондентов в зависимости от типа занятости
Table 1. Anxiety of respondents depending on the type of employment

Тип занятости Type of employment	Среднее значение уровня тревожности за период Average value of the anxiety level over the period	Разница между минимальным и максимальным значением уровня тревожности Difference between the minimum and maximum value of the anxiety level
Неработающие пенсионеры (в том числе по инвалидности) Unemployed pensioner (including disability)	47	13
Служащие без высшего образования Employees without higher education	47	13
Временно неработающие, безработные Temporarily unemployed, unemployed	42,5	15
Занятые домашним хозяйством (в том числе находящиеся в декретном отпуске) Household workers (including those on maternity leave)	42,4	20
Работники некоммерческого сектора Employees of the non-profit sector	40,8	65
Государственные и муниципальные служащие Government and municipal employees	32,6	29
Неквалифицированные рабочие, включая рабочих, задействованных в сфере сельского хозяйства Unskilled workers, including agricultural workers	36,3	15
Бизнесмены, предприниматели Businessman, entrepreneur	36,8	25
Неработающие, учащиеся, студенты Unemployed, students	33,3	33
Специалисты с высшим образованием – бюджетник Specialist with higher education – state employees	40,3	13
Специалисты с высшим образованием в коммерческом секторе Specialist with higher education in the commercial sector	36,7	12
Квалифицированные рабочие Skilled workers	30,9	14
Военнослужащие в армии, органах внутренних дел, включая полицию и ФСБ Military personnel in the army, law enforcement agencies, including the police and the FSB	21,3	23

В группу со средним и достаточно стабильным уровнем тревожности входят специалисты с высшим образованием бюджетной и коммерческой сфер, квалифицированные рабочие. Отдельную группу составляют военнослужащие в армии, органах внутренних дел (включая полицию и ФСБ): их уровень тревожности значительно более низкий в сравнении с другими группами, хотя и подвержен ситуативным влияниям.

Одним из традиционных направлений анализа социального самочувствия является сравнение групп, выделенных по признаку субъективной оценки своего материального благополучия. Многолетние замеры, как уже было отмечено выше, выявили, что к группе риска относились малообеспеченные респонденты. Замеры, сделанные в 2021–2022 гг., позволяют выделить несколько новых тенденций (рис. 6).

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 6. Динамика уровня тревожности у групп, различающихся по оценке собственного материального положения

Fig. 6. Dynamics of anxiety level among groups that differ in their assessment of their own financial situation

Первое – высокая доля тех, кто затруднился дать оценку своему материальному положению, и значительное колебание уровня тревожности этой группы опрошенных (разница между минимальным и максимальным значениями достигла 33 %, а график отражает резкие перепады в оценках). О чем это говорит? По мнению авторов статьи, это показывает, что высокая концентрация макросоциальных рисков за короткий период времени затрудняет возможность однозначной идентификации себя с определенной доходной группой, так как постоянно происходит пересмотр собственного запаса прочности в соотношении с меняющимися условиями социальной реальности. Эта группа населения входит в группу риска, так как нестабильное эмоциональное состояние не дает возможности трезво оценивать происходящее и делает человека уязвимым. Следующее – ожидаемо более высокая тревожность малообеспеченных групп населения и более низкая – у высокообеспеченных; в то же время последние также показывают обеспокоенность возможностями поддерживать привычный уровень жизни в текущих (для рассматриваемого периода) реалиях, что выражается в росте уровня тревожности от 25 % в начале 2021 г. к 31 % в конце 2022 г. (с пиком в 42 % в ноябре 2022 г.). Те, кто относит себя к среднему слою, с одной стороны, чуть более стабильны в своем эмоциональном состоянии, но с другой – сохраняют достаточно высокий уровень тревожности (36–49 %). Таким образом, анализ выборки в разрезе субъективной оценки собственного материального благополучия позволяет выделить следующие группы риска: стабильно высокотревожащиеся бедные, стабильно тревожные средние слои и характеризующиеся резкими перепадами тревожности, не относящие себя к определенной доходной группе.

Территориальная дифференциация в меньшей степени обуславливает динамику тревожности. Как было отмечено выше, исследования прошлых лет относили к более тревожным жителей областных центров, малых городов и сельской местности. В 2021–2022 гг. средние значения оценок собственной тревожности жителей разных типов достаточно близки (42,2 % – в Москве и Санкт-Петербурге, 38,5 % – в городах-миллионерах, 39,5 % – в городах с населением 500–950 тыс. чел., 40 % – в городах с населением 100–500 тыс. чел., 38,6 % – в городах до 100 тыс. чел. и 39,6 % – в сельской местности) (табл. 2), что не позволяет однозначно выделить группы риска по данному критерию. В то же время менее стабильный уровень тревожности показывают жители трех типов поселений.

Чаще других подвержены смене состояний жители городов с населением от 100 до 500 тыс. чел. Это города, большинство из которых характеризуются сниженным темпом развития производственной и социально-бытовой инфраструктуры, неразвитым рынком труда и миграционным оттоком в сторону крупнейших городов. В сложившейся ситуации, когда социально-экономические условия жизни не дают возможности выработать запас адаптационного потенциала, уровень тревожности растет. В этом смысле более «стабильными» являются жители сельской местности, чья опора на подсобное хозяйство дает больше возможностей чувствовать себя увереннее в завтрашнем дне.

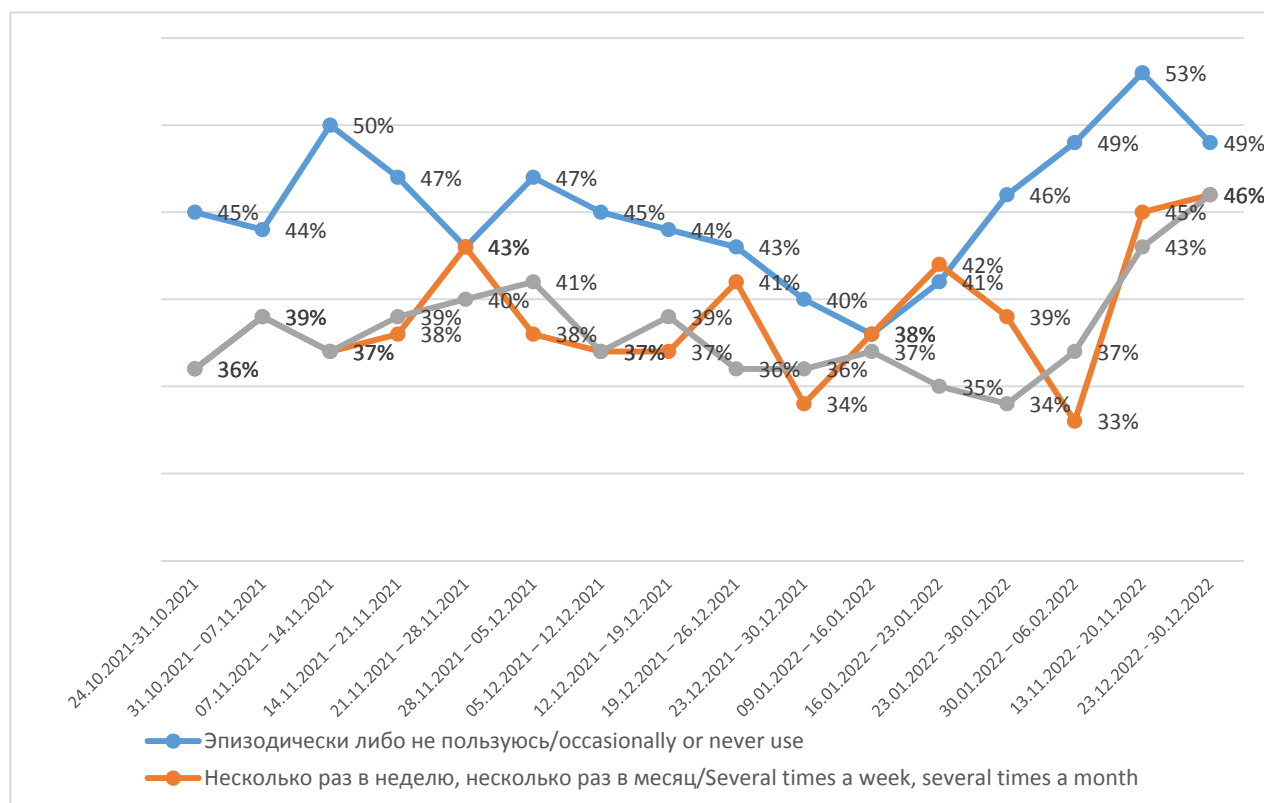
На этом фоне, казалось, уровень тревожности должен быть меньше подвержен колебаниям в типах поселений с развитым рынком труда и инфраструктурой. Однако если обратимся к данным табл. 2, то увидим, что эмоциональное состояние жителей городов-миллионеров и российских столиц также нестабильно. Исследователи выделяют несколько факторов повышенной тревожности жителей густонаселенных территорий: плотность и поляризованность информационных потоков, слабость связей в локальных сообществах, необходимость часто находиться в местах большого скопления людей, более высокая отчужденность от деятельности социальных институтов [15, 17]. Все это создает предпосылки для более острой реакции на разного рода социальные раздражители, что и отражается на динамике социальной тревожности.

Таблица 2. Динамика уровня тревожности у жителей разных типов поселений (2021–2022 гг.), %
Table 2. Dynamics of anxiety level among residents of different types of settlements (2021–2022), %

Период Period	Москва и Санкт-Петербург Moscow and St. Petersburg	Города- миллионеры Million-plus cities	500-950	100-500	до 100 up to 100	Село Village
			тыс./thousand			
24-31.10.2021	38	36	37	38	35	40
31.10-07.11.2021	42	37	39	40	42	40
07-14.11.2021	41	43	40	36	37	43
14-21.11.2021	38	42	40	42	41	38
21-28.11.2021	42	40	43	39	41	40
28.11-05.12.2021	44	45	44	41	39	42
05-12.12.2021	36	39	39	35	42	38
12-19.12.2021	45	37	40	37	41	39
19-26.12.2021	40	38	42	46	36	39
23-30.12.2021	42	38	38	35	36	35
09-16.01.2022	40	34	35	37	35	39
16-23.01.2022	39	34	36	38	36	37
23-30.01.2022	42	37	37	38	33	36
30.01-06.02.2022	41	35	36	39	37	41
13-20.11.2022	57	36	46	47	40	44
23-30.12.2022	48	45	40	52	47	43

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Источник: составлено авторами по [29].

Source: compiled by the authors according to [29].

Рис. 7. Динамика уровня тревожности в группах, которые отличаются по частоте использования интернета

Fig. 7. Dynamics of anxiety level in groups that differ in the frequency of Internet use

Стратегии потребления информации, как показывают исследования, являются фактором, значительно влияющим на социальное самочувствие. Уровень тревожности не исключение. На рис. 7 представлена динамика тревожности респондентов, с разной частотой использующих интернет. Наиболее тревожной группой выступают опрошенные, которые обращаются к информации в интернете редко или вообще не заходят в глобальную сеть. Объяснений этому несколько. Первое – как правило, это люди старших возрастов³, которые, как было отмечено выше, отличаются стабильно повышенной тревожностью. Второе – интернетом реже пользуются люди без профессионального образования⁴, которые также относятся к группам риска. Наконец, интернет как источник информации дает больше возможностей находить альтернативные данные, анализировать их и формировать более рациональные оценки социальной ситуации, что снижает уровень тревожности. Если посмотрим на график динамики тревожности, соответствующий группе респондентов, ежедневно пользующихся интернетом, то увидим, что в 2021 г. он был более стабилен, по сравнению с другими, а в 2022 г. хоть и подвергся колебаниям, но в меньших пределах значений, чем в другие. Таким образом, россияне, которые регулярно пользуются интернетом, отличаются более устойчивым эмоциональным состоянием.

Выводы

Исследование динамики тревожности в нестабильные периоды помогает ученым не просто констатировать изменения в характере социальных настроений, но и проанализировать адаптационный потенциал населения, а также выделить очаги социальной напряженности.

Данные показывают, что в той или иной степени тревогу испытывают большинство россиян, однако, учитывая дифференциацию общества, этот вывод нельзя считать универсальным. Анализ выборки в разрезе основных социально-демографических характеристик позволил сделать ряд интересных выводов.

В российском обществе существует несколько типов социальной тревожности, каждый из которых обуславливает разный запас адаптационного потенциала. Первый тип – это стабильно высокотревожные. Сюда по данным замеров 2021–2022 гг. относятся женщины, россияне предпенсионного и пенсионного возрастов, со средним общим образованием, низкодоходные группы населения. В этом отношении рассматриваемый период не показал новых тенденций: перечисленные группы выборки представляют собой менее защищенные когорты и слои населения, которые и в предыдущие годы показывали более высокий уровень тревожности. Вторая группа – нестабильно высокотревожные. Это те, кто показывает высокий уровень тревожности с резкими перепадами за короткие периоды времени. Такая динамика наблюдается в возрастной группе 35–44 лет среди россиян с низким уровнем образования, временно безработных и занятых домашним хозяйством, работников некоммерческого сектора, жителей городов с населением от 100 до 500 тыс. чел. Таким образом, это достаточно широкий спектр категорий населения и в группу риска они относятся потому, что резкая смена эмоциональных состояний говорит о снижении чувства уверенности в завтрашнем дне и субъективных оценок своих возможностей поддерживать текущий уровень и образ жизни. Третья группа – нестабильно тревожащиеся – те, чей уровень тревожности ниже среднего, но динамика характеризуется перепадами в достаточно короткие отрезки времени. В эту группу входят молодые люди 25–34 лет, россияне с неполным высшим и высшим образованием, государственные и муниципальные служащие, неквалифицированные рабочие, бизнесмены и

³ Выборочное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html.

⁴ Там же.

предприниматели, учащиеся, слои населения со средним доходом, жители городов-миллионеров и столиц. Это россияне, имеющие более широкий набор адаптационных практик, что позволяет им «выравнивать» показатели социального самочувствия. Вторая и третья группа тревожащихся, в отличие от первой (стабильно высокотревожные), в замерах прошлых лет выделялись эпизодически. Это говорит о том, что в периоды высокой концентрации социальных триггеров тревожности объектом поддержки со стороны государства должны быть не только традиционно более незащищенные группы населения.

Важно также обратить внимание на то, что стабильно спокойных групп населения по результатам замеров можно выделить меньше, чем тревожных. Это мужчины, специалисты с высшим образованием бюджетного и коммерческого сектора, квалифицированные рабочие, военные, жители сельской местности. В то же время их уровень тревожности в среднем превышает 30 %, а динамика периодически колеблется.

Все это позволяет говорить о том, что в 2021–2022 гг. тревожность была характерна для большей части россиян, что показывает их уязвимость перед макросоциальными вызовами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. На фоне пандемии COVID-19 во всем мире распространенность тревожных расстройств и депрессии выросла на 25 % // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (дата обращения 10.02.2024).
2. Bloomberg: рейтинг стран мира, жители которых больше всего страдают от стресса и депрессии в 2013 году. URL: <https://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6112> (дата обращения 10.02.2024).
3. Россия стала четвертой страной в мире по уровню депрессии и тревожности. URL: <https://www.buro247.ru/news/life/8-jun-2021-russia-fourth-country-depression-anxiet.html> (дата обращения 10.02.2024).
4. Факторы формирования общественного мнения. Настроение окружающих. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d38no2022.pdf> (дата обращения 12.02.2024).
5. Исследование РАНХиГС показало весьма высокий уровень тревожности жителей России. URL: <https://www.ng.ru/news/787751.html> (дата обращения 11.02.2024).
6. Подсчитан уровень тревожности россиян из-за коронавируса // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/13/trevoga/> (дата обращения 11.02.2024).
7. Специальное стало рутинным // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6412262> (дата обращения 12.02.2024).
8. Две трети россиян испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-ispytyvayut-trevogu-iz-za-slozhivsheysya-sotsialno-ekonomicheskoy-situatsii/> (дата обращения 12.02.2024).
9. Эпидемия тревожности // Медицинский вестник. URL: <https://medvestnik.by/dosug/epidemiya-trevozhnosti> (дата обращения 12.02.2024).
10. Гавриченко О.В., Бубновская Е.А. Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения в молодом и зрелом возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2021. – № 4. – С. 65–81. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-65-81>. EDN: SWSZYM.
11. Баринов Д.Н. Социоструктурные источники тревожности // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – № 10 (66). – С. 147–150. EDN: JWOSMT.
12. Баринов Д.Н. Региональная специфика социальной тревожности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 28. – С. 165–170. EDN: MULYED.
13. Баринов Д.Н. Динамика социальной тревожности в современном российском обществе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2009. – № 2. – С. 163–174. EDN: KVWEGB.
14. Мартышенко С.Н. Анализ факторов, влияющих на социальное самочувствие студенческой молодежи в Приморском крае // Социодинамика. – 2018. – № 11. – С. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.11.27351>. EDN: VMUWXC.
15. Баринов Д.Н. Тревоги и опасения россиян в условиях социально экономического кризиса // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – № 12. – С. 541–552. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>. EDN: YRIPP.
16. Баринов Д.Н. Константы общественного бытия как фактор возникновения социальной тревожности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2011. – № 3 (65). – С. 110–119. EDN: NUAADX.

17. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение / И.В. Долгорукова, Т.Ю. Кирилина, Ю.Н. Мазаев, Т.Н. Юдина // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 57–66. EDN: YGAMRZ.
18. Палкина А.В., Соболева Н.Э. Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 4 (176). – С. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364>. EDN: CHMZXH.
19. Гребняк, О.В., Новоженина О.П. Структура социальной тревожности российского общества: гендерный акцент // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № 2S. – С. 24–35. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.2>. EDN: KNQPPC.
20. Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.). URL: https://www.isras.ru/rezyume_ross_obschestvo_v_usloviyah_krizis_realnosti (дата обращения 11.02.2024).
21. Психологический словарь. URL: <https://www.b17.ru/dic/trevojnost/> (дата обращения 11.02.2024).
22. Сухарева Н.В. Тревожность, тревога, страх: соотношение понятий // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 5 (35). – С. 813–816. EDN: XYHDLF.
23. Щербатых Ю.В. Методики диагностики тревоги и тревожности – сравнительная оценка // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2021. – № 2. – С. 85–104. URL: <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-2-85-104>. EDN: THZFUA.
24. Архипова И.Г. Понимание актуальности социальной тревожности и ее профилактики в современном мире // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 11 (115). – С. 90–97. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.11>. EDN: JAGJDD.
25. Сердюк Е.Г. Страх и тревожность: личный и социальный аспекты // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 156–162. EDN: IOOSCV.
26. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
27. Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
28. Баринев Д.Н. Социальное настроение, уровень шума и помех: сущность, структура, особенности динамики // Социодинамика. – 2019. – № 7. – С. 39–53. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.7.30136>. EDN: RWLAZH.
29. База данных ВЦИОМ // ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения 02.02.2024).

Информация об авторах

Юлия Сергеевна Нетребина, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; panfilovajulia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6010-9719>

Яна Викторовна Артамонова, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; janaserduchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

Галина Игоревна Чикарова, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; galia201292@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7499-5472>

Поступила в редакцию: 17.10.2024

Поступила после рецензирования: 19.01.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Against the background of the COVID-19 pandemic, the prevalence of anxiety disorders and depression has increased by 25% worldwide. *The World Health Organization*. (In Russ.) Available at: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (accessed 10 February 2024).
2. *Bloomberg: ranking of the countries in the world where people suffer the most from stress and depression in 2013*. (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/news/2013/07/19/6112> (accessed 10 February 2024).
3. *Russia has become the fourth country in the world in terms of depression and anxiety*. (In Russ.) Available at: <https://www.buro247.ru/news/life/8-jun-2021-russia-fourth-country-depression-anxiet.html> (accessed 10 February 2024).

4. *Factors of formation of public opinion. The mood of others.* (In Russ.) Available at: <https://media.fom.ru/fom-bd/d38no2022.pdf> (accessed 10 February 2024).
5. *The RANEPA study showed a very high level of anxiety among Russian residents.* (In Russ.) Available at: <https://www.ng.ru/news/787751.html> (accessed 10 February 2024).
6. The level of anxiety of Russians due to coronavirus has been calculated. *Lenta.ru.* (In Russ.) Available at: <https://lenta.ru/news/2020/10/13/trevoga/> (accessed 10 February 2024).
7. Special has become routine. *Kommersant.* (In Russ.) Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6412262> (accessed 12 February 2024).
8. Two thirds of Russians are worried about the current situation. *NAFI.* (In Russ.) Available at: <https://nafi.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-ispytyvayut-trevogu-iz-za-slozhivsheysya-sotsialno-ekonomicheskoy-situatsii/> (accessed 10 February 2024).
9. The epidemic of anxiety. *Medical Bulletin.* (In Russ.) Available at: <https://medvestnik.by/dosug/epidemiya-trevozhnosti> (accessed 12 February 2024).
10. Gavrichenko O.V., Bubnovskaya E.A. Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Psychology. Pedagogy. Education»*, 2021, no. 4, pp. 65–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-65-81>. EDN: SWSZYM.
11. Barinov D.N. Social and structural sources of anxiety. *Bulletin of Tambov University. The "Humanities" series*, 2008, no. 10 (66), pp. 147–150. (In Russ.) EDN: JWOSMT.
12. Barinov D.N. Regional specificity of social anxiety. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 28, pp. 165–170. (In Russ.) EDN: MULYED.
13. Barinov D.N. The dynamics of social anxiety in the modern Russian society. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*, 2009, no. 2, pp. 163–174. (In Russ.) EDN: KVVWGB.
14. Martysenko S.N. Analysis of the factors that affect social wellbeing of student youth in Primorsky Krai. *Sociodynamics*, 2018, no. 11, pp. 59–71. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.11.27351>. EDN: VMUWXC.
15. Barinov D.N. Anxiety and fears Russia's population in the socio-economic crisis. *Bulletin of Science and Practice*, 2018, Vol. 4, no. 12, pp. 541–552. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2278601>. EDN: YRIPPN.
16. Barinov D.N. Social being constants as a factor of occurrence of social anxiety. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art history"*, 2011, no. 3 (65), pp. 110–119. (In Russ.) EDN: NUAADX.
17. Dolgorukova I.V., Kirilina T.Yu., Mazaev Yu.N., Yudina T.N. Social anxiety and social fears of Russia's population: sociological dimension. *Sociological Studies*, 2017, no. 2, pp. 57–66. (In Russ.) EDN: YGAMRZ.
18. Palkina A.V., Soboleva N.E. Gender differences in anxiety and depression during the COVID-19 pandemic in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2023, no. 4, pp. 54–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364>. EDN: CHMZXX.
19. Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. The structure of social anxiety in Russian society: gender emphasis. *Science. Culture. Society*, 2022, vol. 28, no. 2S, pp. 24–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.2>. EDN: KNQPPC.
20. *Russian society in the context of crisis reality (based on the results of sociological monitoring in 2014-2016).* (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/rezyume_ross_obschestvo_v_usloviyah_krizis_realnosti (accessed 12 February 2024).
21. *Psychological dictionary.* (In Russ.) Available at: <https://www.b17.ru/dic/trevoznost/> (accessed 12 February 2024).
22. Sukhareva N.V. Anxiety, fear: the relation of concepts. *Theory and practice of modern science*, 2018, no. 5 (35), pp. 813–816. (In Russ.) EDN: XYHDLF.
23. Shcherbatykh Yu.V. Comparative assessment of methods for diagnosing anxiety. *Bulletin of pedagogy and psychology of Southern Siberia*, 2021, no. 2, pp. 85–104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-2-85-104>. EDN: THZFUA.
24. Arkhipova I.G. Understanding the relevance of social anxiety and its prevention in the modern world. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2023, no. 11, pp. 90–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.11.11>. EDN: JAGJDD.
25. Serdyuk E.G. Fear and anxiety: personal and social aspects. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 156–162. (In Russ.) EDN: IOOSCV.
26. Giddens E. Fate, risk and safety. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–134. (In Russ.)
27. Luhmann N. The concept of risk. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 135–160. (In Russ.)
28. Barinov D.N. State of social anxiety and fear: essence, structure, and peculiarities of functioning. *Sociodynamics*, 2019, no. 7, pp. 39–53. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.7.30136>. EDN: RWLAZH.
29. All-Russian Public Opinion Research Center database. *All-Russian Public Opinion Research Center.* (In Russ.) Available at: <https://bd.wciom.ru/> (accessed 10 February 2024).

Information about the authors

Yulia S. Netrobina, Cand. Sc., Associate Professor, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; panfilovajulia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6010-9719>

Artamonova Ya. Viktorovna, Cand. Sc., Associate Professor, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; janaserduchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

Galina I. Chikarova, Cand. Sc., Senior Lecturer, Southern Federal University, 160, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation; galia201292@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7499-5472>

Received: 17.10.2024

Revised: 19.01.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 330:004

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1902

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Противоречия цифровой экономики: вызовы и направления разрешения

А.О. Ужегов✉, О.К. Тихонова

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Россия, г. Челябинск✉ uzhegov.ao@uiec.ru

Аннотация. Цифровая экономика стала неотъемлемой частью современного мира и привнесла новые возможности, вызвав противоречия в процессе своего развития. В последние десятилетия наблюдается стремительный рост информационных и коммуникационных технологий, которые перевернули традиционные подходы к бизнесу, образованию, медицине и другим сферам жизни. Цифровая экономика открывает новые перспективы для инноваций, повышения эффективности и улучшения качества жизни. Однако вместе с возможностями цифровой экономики появляются и противоречия, которые требуют серьезного анализа и внимания. **Цель:** выявить ключевые противоречия развития цифровой экономики и предложить направления их разрешения. **Методы:** метод системного анализа, синтеза, сравнительного анализа научной литературы. **Научная новизна** заключается в проведенной систематизации противоречий, связанных с кадровым и институциональным обеспечением цифровой экономики, а также с применением цифровых технологий, что позволяет выявить основные направления их разрешения. **Результаты:** выявлены и систематизированы противоречия, возникающие в процессе развития цифровой экономики, в частности в кадровом и институциональном обеспечении, а также в использовании технологий. Основные противоречия связаны с нехваткой квалифицированных кадров, несоответствием между темпами развития технологий и нормативно-правовой базой, а также с вопросами безопасности и доверия к цифровым системам. Предложенные направления разрешения противоречий включают модернизацию образовательных программ, усиление институциональной координации и разработку стандартов безопасности для цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровая экономика, противоречия, кадровое обеспечение, институциональное обеспечение, цифровые технологии

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Для цитирования: Ужегов А.О., Тихонова О.К. Противоречия цифровой экономики: вызовы и направления разрешения // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 158–169. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1902

UDC 330:004

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1902

Contradictions of the digital economy: challenges and directions of resolution

A.O. Uzhegov[✉], O.K. Tikhonova

*Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Chelyabinsk, Russian Federation*

[✉]uzhegov.ao@uiec.ru

Abstract. The digital economy has become an integral part of the modern world, bringing new opportunities and causing contradictions in its development. In recent decades, there has been a rapid growth in information and communication technologies, which have revolutionized traditional approaches to business, education, medicine and other areas of life. The digital economy opens up new prospects for innovation, increased efficiency and improved quality of life. However, along with the opportunities of the digital economy, contradictions also appear that require serious analysis and attention. **Aim.** To identify the key contradictions in digital economy development and propose directions for their resolution. **Methods.** System analysis, synthesis, and comparative analysis of scientific literature. **Scientific novelty.** Systematization of contradictions related to the personnel and institutional support of the digital economy, as well as the use of digital technologies, which allows us to identify the main directions for their resolution. **Results.** Contradictions arising in developing the digital economy, in particular, in personnel and institutional support, as well as in the use of technologies, were identified and systematized. The main contradictions are related to the lack of qualified personnel, the discrepancy between the pace of technology development and the regulatory framework, as well as issues of security and trust in digital systems. The proposed directions for resolving contradictions include modernization of educational programs, strengthening institutional coordination, and development of security standards for digital technologies.

Keywords: digital economy, contradictions, staffing, institutional support, digital technologies

Acknowledgments: The article was prepared in accordance with the research plan for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

For citation: Uzhegov A.O., Tikhonova O.K. Contradictions of the digital economy: challenges and directions for resolution. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 158–169. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1902

Введение

Цифровая экономика – это быстро развивающийся феномен, имеющий значительные последствия для экономического роста, социального развития и национальной конкурентоспособности. В современном мире цифровизация экономики становится одной из ключевых движущих сил глобального развития. С каждым годом все большее количество исследований посвящается этой многогранной теме, охватывающей широкий спектр вопросов, связанных с трансформацией традиционных экономических моделей и внедрением новых технологий. Цифровизация затрагивает не только бизнес-процессы и финансовые системы, но и социальные, культурные и правовые аспекты жизни общества. В условиях стремительных изменений, вызванных развитием информационных технологий, исследователи стремятся понять, как цифровизация экономики влияет на производительность, конкурентоспособность, а также на уровень жизни населения [1]. Анализ этих вопросов позволяет выявить как преимущества, так и вызовы, с которыми сталкиваются государства и компании в эпоху цифровизации.

Россия, как и многие другие страны, переживает цифровую трансформацию, сталкиваясь с возможностями и противоречиями цифровизации. Изучение возникающих противоречий цифровой экономики представляет собой важную задачу, требующую междисциплинарного подхода и глубокого анализа различных аспектов этого феномена.

Исследования развития цифровой экономики отражены в трудах российских и зарубежных ученых. Теоретическим обоснованием цифровизации экономики посвящены исследования следующих авторов:

- О.М. Гусарова, А.А. Балужева, А.Э. Долгалло. Фокусируются на анализе преимуществ и недостатков цифровизации, а также на выявлении ключевых направлений развития цифровой экономики. Авторы определяют факторы экономического роста на основе изменения технологий производства вследствие цифровизации экономики [2].
- Т.А. Левченко и Д.М. Левченко. Считают, что цифровая экономика основывается на использовании цифровых технологий. Работы авторов посвящены анализу влияния цифровых технологий на различные отрасли экономики и формированию новых бизнес-моделей [3].
- И.В. Сударушкина и Н.А. Стефанова. Акцентируют внимание на взаимосвязи уровня развития цифровой экономики, отражённого показателем Глобального индекса подключения, и ВВП стран на душу населения. Авторы отмечают, что инновационные системы в промышленности, оборонные и космические технологии, нейротехнологии, роботостроение являются перспективными направлениями развития цифровой экономики в Российской Федерации [4].
- Э. Бриньольфссон и Б. Кахин. Рассматривают цифровую экономику в контексте трансформации всех секторов экономики под воздействием информационных технологий. Авторы уделяют внимание исследованию структурных изменений в экономике, вызванных цифровизацией, и определению ключевых элементов цифровой экономики [5].
- Т.Н. Юдина. Отмечает, что цифровые технологии реформируют современную экономическую систему, меняя функционирование всех ее отраслей. Ее работы посвящены анализу влияния цифровых технологий на различные сферы экономики, а также исследованию проблем, связанных с их интеграцией в различные аспекты жизнедеятельности общества [6].
- Д.В. Удалов. Рассматривает угрозы и вызовы цифровой экономики, связанные с киберпреступностью, информационной безопасностью и развитием новых систем управления. Он подчеркивает, что предотвращение и устранение угроз и рисков для цифровой экономики и обеспечение безопасности ИТ-среды стали сегодня базой конкурентоспособности для человека, бизнеса и государства [7].

Процессы цифровизации и их воздействие на формирование и эволюцию человеческого капитала являются предметом научного анализа в трудах следующих исследователей:

- М. А. Положихина. Анализирует противоречивое влияние цифровизации на институты, определяющие воспроизводство и использование человеческого капитала. Она обращает внимание на проблемы развития человеческого капитала в России, связанные с цифровизацией [8].
- О.С. Суртаева и Е.П. Дюндик. Исследуют влияние цифровых технологий на формирование и развитие человеческого капитала. Они анализируют как прямое, так и косвенное влияние цифровизации на работников предприятий, а также рассматривают возможность возникновения «цифрового капитала» на базе искусственного интеллекта [9].

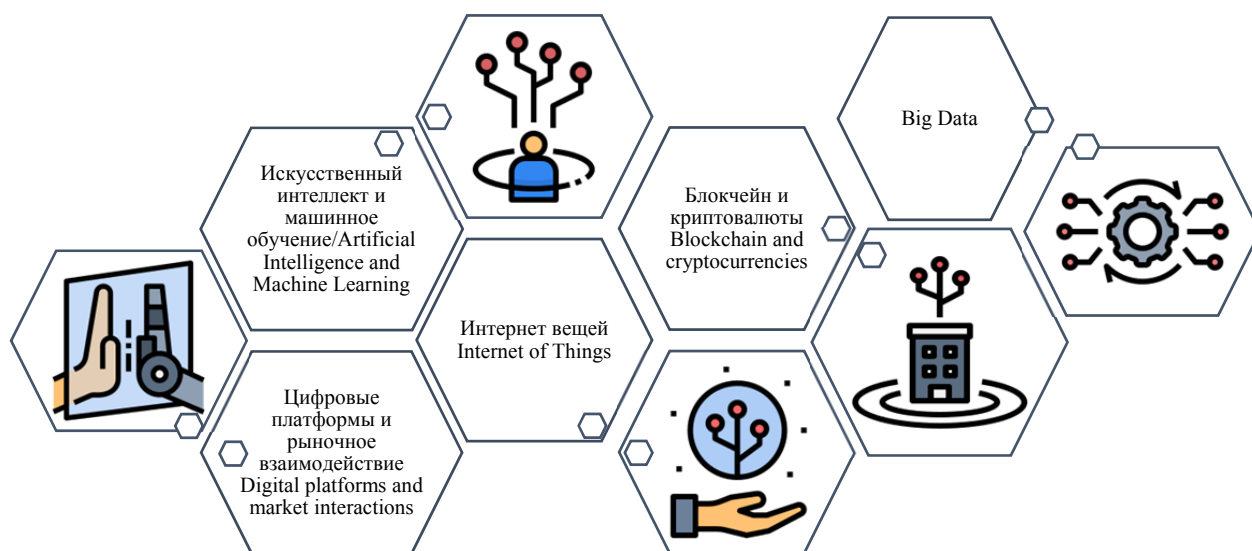
Ряд авторов исследуют влияние цифровизации и вызовов внедрения цифровых технологий в практическую деятельность бизнес-компаний:

- С.В. Земляк, О.М. Гусарова, П.А. Прохоренков. Акцентируют внимание на анализе влияния цифровых технологий на производительность труда, конкурентоспособность и

эффективность бизнеса, а также на изучении проблем, связанных с адаптацией бизнеса к цифровым изменениям [10].

- В.Г. Халин, Г.В. Чернова. Определяют цифровую экономику как переплетение компьютеров, коммуникаций, компьютерных технологий и информации, способствующее формированию новых бизнес-моделей. Их исследование направлено на анализ влияния цифровых технологий на развитие этих моделей и изучение взаимодействия между различными элементами цифровой экономики [11].

Технологии, связанные с цифровой экономикой, имеют потенциал изменить способы производства, потребления и взаимодействия в бизнесе и обществе в целом. Они также стимулируют развитие новых отраслей, обеспечивают доступ к информации и услугам, а также могут повысить эффективность управления ресурсами. Поскольку цифровизация играет ключевую роль в современном мире, необходимо изучить основные технологии цифровой экономики (рисунок).

Источник: составлено авторами с использованием ресурсов сайта Flaticon.com¹
Source: compiled by the authors using resources from the Flaticon.com website

Рисунок. Основные технологии цифровой экономики
Figure. Main technologies of the digital economy

Как отмечают в своей статье А.С. Лылов, Е.А. Скворцов и Л.И. Баландина, «цифровая платформа – это онлайн-платформа, на которой собираются различные участники для обмена товарами, услугами или информацией. Они играют ключевую роль в развитии цифровой экономики и цифрового бизнеса» [12, С. 22].

М.Ю. Щербинина и Н.А. Стефанова, говоря об интернете вещей (IoT), пишут, что «в результате стремительного распространения смартфонов и планшетных компьютеров понятие интернет вещей стало подразумевать не просто автоматизацию процессов на локальном производстве, но и более глобальное понятие, когда не только компьютер или смартфон, но и другие приборы, начиная с кофемашины в офисе и заканчивая холодильником дома, подключены к интернету» [13, с. 1324].

В своей работе Н.Ш. Козлова и В.А. Довгаль, говоря об искусственном интеллекте, отмечают, что «постоянно взаимодействуя с окружающей средой, система искусственного интел-

¹ Flaticon. URL: flaticon.ru (дата обращения 10.11.2024).

лекта изучает оптимальные стратегии и адаптирует свое поведение на основе наблюдаемых результатов, что позволяет ей эффективно выявлять возникающие угрозы и реагировать на них в режиме реального времени» [14, с. 67].

Как отмечают в своей статье И.С. Митряев, Е.С. Лысенко и А.Ф. Острякова, «блокчейн (blockchain) – технология, которая впервые появилась с видением работы над последовательностью блоков. Эта цепочка блоков криптографически защищена, никто не может подделать или отследить временные метки этих документов». В свою очередь, описывая сущность криптовалюты, авторы объясняют, что «это цифровая или виртуальная валюта, которая появилась как средство обмена и использует различные криптографические функции для защиты и проверки транзакций, а также для контроля за созданием новых единиц той или иной криптовалюты. По своей сути она построена на технологии блокчейн, которая поддерживает децентрализацию, прозрачность и неизменность» [15, с. 133].

Н.М. Али и В.А. Новиков, говоря о Big Data, приводят определение Роджера Магуласа и Джеймса Маниика, которые трактуют Big Data как «наборы данных, размер которых выходит за рамки возможностей обычных программных средств для сбора, хранения, управления и анализа баз данных» [16, с. 183].

Исследования авторов в области цифровой экономики предоставляют ценную информацию о возможностях и рисках, связанных с ее развитием в России. Эти работы подчеркивают, что для успешного внедрения цифровых технологий необходим комплексный и стратегический подход. Такой подход должен учитывать не только экономические аспекты, но и социальные последствия, которые могут возникнуть в процессе цифровой трансформации. Важно понимать, что цифровизация способна как стимулировать экономическое развитие, так и создавать новые вызовы. Поэтому глубокий анализ и прогнозирование последствий цифровых изменений являются ключевыми для формирования эффективной государственной политики в условиях цифровой трансформации.

В исследовании применялись методы системного анализа и синтеза для изучения ключевых противоречий цифровой экономики. Анализ проводился на основе научных работ российских и зарубежных ученых, посвященных вопросам цифровизации. Был использован сравнительный анализ данных о кадровом, институциональном обеспечении и технологическом развитии цифровой экономики. Основными источниками данных стали научные публикации, отчеты и аналитические материалы, посвященные проблемам цифровизации.

Результаты

Развитие цифровой экономики способствует увеличению производительности, инновациям, улучшению качества жизни и созданию новых рабочих мест. Однако наряду с преимуществами цифровой экономики проявляются и внутренние противоречия, исследование которых позволяет выявить сопутствующие риски и перспективы цифровизации. Противоречия развития цифровой экономики – это конфликты, несоответствия и дилеммы, возникающие в процессе внедрения и использования технологий, которые связаны с цифровизацией различных сфер экономики. Исследование противоречий помогает правительствам и организациям разрабатывать стратегии, которые учитывают как положительные, так и отрицательные аспекты цифровой трансформации, что способствует стабильному и инклюзивному развитию экономики.

В условиях стремительного применения цифровых решений в экономике и государственном управлении кадровый вопрос приобретает особую актуальность. Авторами были выделены ключевые противоречия, которые проявляются в системе подготовки и использования кадров для цифровой экономики.

Одно из главных противоречий кадрового обеспечения цифровой экономики – значительное несоответствие между спросом на высококвалифицированных специалистов в сфере информационных технологий (ИТ) и их предложением на рынке труда. Растущий спрос на ИТ-кадры вы-

зван развитием таких направлений, как искусственный интеллект, анализ больших данных, разработка программного обеспечения и кибербезопасность. Однако система образования не успевает подготовить достаточное количество специалистов с соответствующей квалификацией, что создает дефицит кадров и замедляет внедрение инновационных решений [17].

В условиях растущего интереса к образованию для работы в цифровой экономике возникает противоречие между высоким спросом на качественные образовательные услуги со стороны общества и государства и недостаточными ресурсами для массового предоставления таких услуг в образовательных учреждениях. Также, несмотря на значительное внимание к подготовке ИТ-специалистов в учебных заведениях, уровень их компетенций не соответствует высоким требованиям, предъявляемым современной экономикой [18]. Это приводит к нехватке специалистов, способных работать с передовыми технологиями, что замедляет их внедрение на предприятиях и в государственных структурах.

Противоречие кадрового обеспечения также проявляется в значительной региональной диспропорции [19]. В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, наблюдается относительно высокий уровень подготовки ИТ-специалистов и концентрации квалифицированных кадров, тогда как в регионах дефицит специалистов проявляется особенно остро. В отдаленных и менее развитых регионах образовательные и трудовые ресурсы ограничены, что затрудняет создание и развитие цифровой инфраструктуры. Это приводит к дальнейшему усилению цифрового неравенства и ограничивает возможности для эффективной цифровизации экономики на национальном уровне.

Еще одной серьезной проблемой кадрового обеспечения цифровой экономики в России является миграция высококвалифицированных ИТ-специалистов за рубеж [20]. Жесткая конкуренция на международном рынке труда и привлекательные условия занятости за границей, включая более высокий уровень оплаты и перспективы карьерного роста, приводят к тому, что значительная часть перспективных работников предпочитает трудиться за пределами страны. Это усиливает нехватку специалистов внутри государства и сдерживает развитие цифровых технологий в национальной экономике. Для решения проблемы оттока кадров необходимо формировать привлекательные условия внутри России, включая расширение социальной поддержки, открытие новых возможностей для профессионального развития и повышение уровня оплаты труда.

Данные противоречия являются значимым барьером на пути к успешной цифровой трансформации. Для их разрешения требуется модернизация системы образования, обеспечение тесной связи между учебными заведениями и бизнесом, а также разработка программ по привлечению и удержанию высококвалифицированных специалистов. Только при условии устранения данных противоречий можно создать стабильную кадровую основу для развития цифровой экономики и повышения её конкурентоспособности на мировом уровне.

Институциональная структура, включающая в себя нормативно-правовое регулирование, государственные и частные институты, а также механизмы координации, сталкивается с рядом системных противоречий, которые замедляют темпы внедрения цифровых технологий и создания цифровой экономики.

Одним из наиболее значимых противоречий является разрыв между быстрыми темпами внедрения новых цифровых технологий и медленным развитием нормативно-правовой базы [21]. Цифровые технологии требуют детализированной правовой регламентации для обеспечения их безопасного использования и интеграции в экономические процессы. Однако законодательство в этой области не успевает адаптироваться к технологическим изменениям особенно в вопросах защиты данных и цифровой безопасности. Также стоит обратить внимание и на фрагментацию правовой базы. В различных отраслях экономики внедряются разрозненные законы и регуляторные акты, которые не всегда согласованы между собой и могут дублировать основные положения или в худшем случае противоречить друг другу. От-

сутствие единого подхода к регулированию цифровой экономики приводит к затруднениям в реализации масштабных проектов и увеличивает административные барьеры для бизнеса.

Другим важным противоречием является слабая координация между государственными институтами и частным сектором в вопросах развития цифровой инфраструктуры и внедрения инноваций [22]. Несмотря на наличие национальных стратегий и программ цифровой трансформации, наблюдаются разногласия в приоритетах и механизмах реализации цифровых инициатив между различными ведомствами и бизнесом [23]. Государственные институты часто сталкиваются с необходимостью контролировать развитие ключевых направлений цифровизации экономики, в то время как частные компании требуют большей гибкости для внедрения инноваций. Это приводит к конфликту интересов и замедляет реализацию национальных программ по цифровизации.

Институциональное обеспечение цифровой экономики сталкивается с рядом противоречий, которые препятствуют ее полноценному развитию. Несоответствие между инновационными технологиями и нормативно-правовой базой, фрагментация законодательства, слабая координация между государственными и частными секторами – все это требует создания гибких правовых механизмов, которые бы способствовали развитию технологий и обеспечили их безопасную интеграцию в экономику и общество.

Несмотря на значительные возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, важно учитывать возникающие противоречия, связанные с их применением (табл. 1).

Таблица 1. Возникающие противоречия в развитии технологий и цифровых решений
Table 1. Contradictions in the development of technologies and digital solutions

Цифровые технологии Digital technologies	Возникающие противоречия в развитии технологий и цифровых решений Contradictions in the development of technologies and digital solutions
Цифровые платформы Digital platforms	- Использование цифровых платформ может привести к угрозам конфиденциальности и безопасности данных, особенно при передаче чувствительной информации через интернет Use of digital platforms may lead to privacy and data security risks, especially when sensitive information is transmitted over the internet - Компании могут столкнуться с риском зависимости от определенных цифровых платформ или поставщиков услуг, что может создать уязвимость в случае изменения политики или условий использования Companies may face the risk of becoming dependent on certain digital platforms or service providers, which may create vulnerabilities if policies or terms of use change - Бизнес-модели могут столкнуться с техническими ограничениями цифровых платформ (ограничения по скорости интернета, совместимость с различными устройствами и т. д.) Business models may face technical limitations of digital platforms (internet speed limitations, compatibility with different devices, etc.)
Интернет вещей Internet of Things	- Подключение большого количества устройств к интернету создает потенциальные уязвимости для кибератак и нарушений конфиденциальности. Недостаточная защита данных и уязвимые устройства могут стать объектом кибератак Connecting a large number of devices to the internet creates potential vulnerabilities to cyberattacks and privacy breaches. Insufficient data protection and vulnerable devices can become targets for cyberattacks - Отсутствие единого стандарта для устройств IoT может создавать проблемы в совместимости и взаимодействии между различными устройствами и системами Lack of a single standard for IoT devices can create problems in compatibility and interoperability between different devices and systems - Сбор и использование больших объемов данных о поведении людей вызывает вопросы приватности и этики, особенно когда речь идет о личных данных Collecting and using large amounts of data on people behavior raises privacy and ethical issues, especially when it comes to personal data

Искусственный интеллект и машинное обучение Artificial Intelligence and Machine Learning	- Алгоритмы машинного обучения требуют большого объема данных. В случае отсутствия необходимого количества данных модель может быть недостаточно точной или даже неэффективной Machine learning algorithms require a large amount of data to train. Without enough data, the model may not be accurate enough or even effective - Некоторые модели машинного обучения могут предсказывать результаты на основе статистических закономерностей, не всегда объясняя причинно-следственные связи. Это может затруднить интерпретацию результатов и привести к непредсказуемым ошибкам Some machine learning models can predict results based on statistical patterns, without always explaining cause and effect. This can make results difficult to interpret and lead to unpredictable errors - Существуют этические вопросы, связанные с применением искусственного интеллекта, такие как автономные системы принятия решений, использование персональных данных и потенциальные социальные последствия автоматизации There are ethical issues associated with the use of artificial intelligence, such as autonomous decision-making systems, the use of personal data, and the potential social impacts of automation
Блокчейн и криптовалюты Blockchain and cryptocurrencies	- Один из основных недостатков блокчейна – ограниченная масштабируемость. Публичные блокчейны могут столкнуться с проблемами скорости транзакций и пропускной способности сети при увеличении числа пользователей One of the main disadvantages of blockchain is limited scalability. Public blockchains may face the problems with transaction speed and network capacity as the number of users increases - Многие блокчейны, особенно Proof of Work (PoW), требуют значительных объемов энергии для майнинга и обеспечения безопасности сети, что является угрозой для энергетической безопасности (в том числе воздействия на окружающую среду) Many blockchains, especially Proof of Work (PoW), require significant amounts of energy for mining and network security, which is a threat to energy security (including environmental impact) - Во многих странах правовой статус криптовалют неоднозначен, что может вызывать проблемы с налогообложением, регулированием и легальными аспектами использования криптовалют In many countries, the legal status of cryptocurrencies is ambiguous, which can cause problems with taxation, regulation, and legal aspects of using cryptocurrencies - Из-за отсутствия централизованного контроля и анонимности пользователей криптовалюты могут быть использованы для сомнительных операций и мошенничества Due to the lack of centralized control and anonymity of users, cryptocurrencies can be used for dubious transactions and fraud - Для использования блокчейна и криптовалют требуется определенный уровень технического понимания, что может быть препятствием для широкого принятия этих технологий A certain level of technical understanding is required to use blockchain and cryptocurrencies, which can be an obstacle to widespread adoption of these technologies
Большие данные Big Data	- С одной стороны, анализ Big Data может быть использован для улучшения услуг и персонализации предложений. С другой стороны, это может вызвать опасения относительно нарушения приватности и наблюдения за личной жизнью On the one hand, Big Data analysis can be used to improve services and personalize offers. On the other hand, it can raise concerns about privacy and surveillance - Большой объем данных не всегда гарантирует их качество и не исключает возможности наличия ошибок, неточностей или неполноты информации A large volume of data does not always guarantee its quality and does not exclude the possibility of errors, inaccuracies or incomplete information - Сбор, хранение и использование больших объемов данных могут противоречить законодательству о защите данных, что создает проблемы в сфере соответствия нормативным актам Collection, storage and use of large amounts of data may be in conflict with data protection laws, which creates problems in the area of regulatory compliance

Источник: составлено авторами по [12–16].

Source: compiled by the authors based on [12–16].

Обобщая данные таблицы, отметим, что противоречия в развитии технологий и цифровых решений включают вопросы кибербезопасности и конфиденциальности данных. Технологии, такие как искусственный интеллект и блокчейн, сталкиваются с проблемами масштабируемости, высокими энергетическими затратами и недостаточным правовым регулированием.

Эти противоречия требуют разработки стандартов безопасности, совершенствования правовой базы и улучшения технологической инфраструктуры.

На основе выявленных противоречий в кадровом, институциональном обеспечении и применении цифровых технологий авторами предложены направления для разрешения ключевых проблем в развитии цифровой экономики (табл. 2).

Таблица 2. Направления разрешения ключевых противоречий развития цифровой экономики
Table 2. Directions for resolving key contradictions in the development of the digital economy

Противоречия развития цифровой экономики Contradictions of the digital economy development	Направления разрешения ключевых противоречий развития цифровой экономики Directions for resolving key contradictions in the development of the digital economy
Противоречия кадрового обеспечения Staffing contradictions	Модернизация системы образования с целью адаптации программ подготовки специалистов к современным требованиям цифровой экономики, внедрение программ дистанционного обучения для устранения региональной диспропорции. Для решения проблемы оттока кадров за рубеж необходимо создать привлекательные условия для работы в России, включая конкурентные зарплаты, поддержку ИТ-компаний и стартапов, а также программы профессионального роста Modernization of the education system in order to adapt programs for training specialists to the modern requirements of the digital economy, introduction of distance learning programs to eliminate regional disproportions. To solve the problem of personnel outflow abroad, it is necessary to create attractive conditions for work in Russia, including competitive salaries, support for IT companies and startups, as well as professional growth programs
Противоречия институционального обеспечения Contradictions of institutional provision	Усиление координации между государственными институтами и частным сектором для ускорения внедрения инноваций, создание единой правовой базы для цифровой экономики и разработка стандартов совместимости цифровых систем, что позволит упростить взаимодействие между различными секторами (государственным и частным) и платформами Strengthening coordination between public institutions and the private sector to accelerate innovation, creating a unified legal framework for the digital economy and developing standards for the interoperability of digital systems, which will simplify interactions between different sectors (public and private) and platforms
Противоречия развития технологий и цифровых решений Contradictions of technology development and digital solutions	Разработка единых стандартов безопасности и совместимости для интернета вещей (IoT), а также усиление правового регулирования в отношении искусственного интеллекта, блокчейна и криптовалют. Необходимо особое внимание уделить защите данных, кибербезопасности и прозрачности алгоритмов ИИ для обеспечения доверия пользователей. Для минимизации экологических последствий цифровых технологий, таких как майнинг, следует развивать энергоэффективные решения и внедрять строгие экологические стандарты Developing common security and interoperability standards for the Internet of Things (IoT), as well as strengthening legal regulation of artificial intelligence, blockchain, and cryptocurrencies. Particular attention should be paid to data protection, cybersecurity, and the transparency of AI algorithms to ensure user trust. To minimize the environmental impact of digital technologies such as mining, energy-efficient solutions should be developed and strict environmental standards should be implemented

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таким образом, разрешение ключевых противоречий цифровой экономики требует комплексного подхода, включающего модернизацию образования, усиление институциональной координации и обеспечение безопасности цифровых технологий. Также следует обратить внимание на два ключевых аспекта: 1) необходимо создавать условия для равного доступа к цифровым технологиям в разных регионах и социально-экономических группах. Это вклю-

чает развитие инфраструктуры, обеспечение широкополосного интернета и доступ к современным устройствам, что будет способствовать вовлечению большего числа людей и бизнесов в цифровую экономику; 2) быстрое развитие технологий требует внимательного отношения к вопросам этики, защиты прав пользователей и недопущения усиления социального неравенства. Необходимо внедрение этических стандартов в области ИИ, а также поддержка инициатив, направленных на защиту конфиденциальности данных и прав пользователей в цифровой среде.

В исследовании выявлены и систематизированы противоречия, возникающие в процессе развития цифровой экономики, в частности в кадровом и институциональном обеспечении, а также в использовании технологий. Основные противоречия связаны с нехваткой квалифицированных кадров, несоответствием между темпами развития технологий и нормативно-правовой базой, а также с вопросами безопасности и доверия к цифровым системам. Предложенные направления разрешения противоречий включают модернизацию образовательных программ, усиление институциональной координации и разработку стандартов безопасности для цифровых технологий. Важным аспектом стабильного развития цифровой экономики является создание условий для равного доступа к технологиям и обеспечение этических стандартов их использования.

Направлением будущих исследований авторов является разработка инструментов для оценки эффективности нормативно-правового регулирования в условиях ускоренного технологического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова О.В., Даванков А.Ю., Логачева Н.М. и др. Качество жизни и технологическая трансформация экономики: региональный аспект. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. – 210 с. EDN: YHEUYU.
2. Гусарова О.М., Балуева А.А., Долгалло А.Э. Цифровизация экономики: вызовы и пути решения // Научное обозрение. Экономические науки. – 2020. – № 2. – С. 10–14. EDN: QRPSJF.
3. Левченко Т.А., Левченко Д.М. Анализ уровня и перспектив развития цифровой экономики: российские и глобальные тенденции // Вестник АГТУ. Серия «Экономика». – 2020. – № 4. – С. 25–36. DOI: 10.24143/2073-5537-2020-4-25-36. EDN: ZUMYLA.
4. Сударушкина И.В., Стефанова Н.А. Цифровая экономика // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – № 1 (18). – С. 182–184. EDN: YLDYTX.
5. Understanding the digital economy: data, tools, and research / Eds. E. Brynjolfsson, B. Kahin. – Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2000. – 408 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/6986.001.0001>.
6. Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. – 2016. – № 3. – С. 15–19. EDN: YQKJL.
7. Удалов Д.В. Угрозы и вызовы цифровой экономики // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 1 (30). – С. 12–18. EDN: QDPOKQ.
8. Положихина М.А. Влияние цифровизации на формирование и использование человеческого капитала // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН. – 2021. – № 1. – С. 8–34. DOI: 10.31249/snsn/2021.01.03. EDN: VURRVJ.
9. Суртаева О.С., Дюндик Е.П. Роль цифровизации в формировании человеческого капитала // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 4. – С. 29–33. EDN: ZIZMJP.
10. Земляк С.В., Гусарова О.М., Прохоренков П.А. Исследование влияния цифровых технологий на деятельность бизнес-компаний в условиях трансформации экономики // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 7. – С. 21–26. DOI: 10.17513/ft.43067. EDN: XPOBEU.
11. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>. EDN: YNFXNZ.
12. Лылов А.С., Скворцов Е.А., Баландина Л.И. Цифровые платформы и их роль в развитии цифровой экономики и цифрового бизнеса // Агропродовольственная политика России. – 2023. – № 5-6. – С. 21–26. DOI: 10.35524/2227-0280_2023_05-06_21. EDN: NOPPRP.
13. Щербинина М.Ю., Стефанова Н.А. Концепция интернет вещей // Креативная экономика. – 2016. – Т. 10. – № 11. – С. 1323–1336. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.10.11.37074>. EDN: XBJQNR.

14. Козлова Н.Ш., Довгаль В.А. Анализ применения искусственного интеллекта и машинного обучения в кибербезопасности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4 «Естественно-математические и технические науки». – 2023. – № 3 (326). – С. 65–72. DOI: 10.53598/2410-3225-2023-3-326-65-72. EDN: CYUKLN.
15. Митряев И.С., Лысенко Е.С., Острякова А.Ф. Технология блокчейн и криптовалюта: инструменты цифровой трансформации // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 4 (208). – С. 132–137. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_4_132. EDN: SFCGYD.
16. Али Н.М., Новиков Б.А. Большие данные: аналитические решения, исследовательские задачи и тенденции // Труды Института системного программирования РАН. – 2020. – Т. 32. – № 1. – С. 181–204. DOI: [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2020-32\(1\)-10](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2020-32(1)-10). EDN: BXMAKE.
17. Последствия дефицита специалистов на рынке труда и вызовы 2024 года // Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации Высшей школы государственного управления РАНХиГС. – URL: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/178> (дата обращения 24.09.2024).
18. Климова Ю.О., Устинова К.А. Несоответствие уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей: проблемы и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12. EDN: TLIGUY.
19. Наумов И.В., Никулина Н.Л., Сиротин Д.В. и др. Моделирование пространственного развития территорий. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. – 243 с.
20. В ФСБ назвали серьезным вызовом отток квалифицированных ИТ-специалистов за рубеж // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/762434> (дата обращения 24.09.2024).
21. Ужегов А.О. Диагностика условий технологического развития индустриальных регионов РФ: методические подходы // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27. – № 5. – С. 96–114. DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.7. EDN: UJOEGP.
22. Доклад о развитии цифровой экономики в России. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для России // Росконгресс. – URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-razvitii-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii-konkurenciya-v-tsifrovuyu-epokhu-strategicheskie-vyzv/> (дата обращения 24.09.2024).
23. Егорова А.А., Ужегов А.О. Повышение качества жизни населения индустриальных регионов: возможности применения «тройной спирали» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 11 (469). – С. 69–80. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11107. EDN: MCGFDM.

Информация об авторах

Артём Олегович Ужегов, младший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1; uzhegov.ao@uiec.ru

Ольга Константиновна Тихонова, младший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1; tikhonova.ok@uiec.ru

Поступила в редакцию: 11.11.2024

Поступила после рецензирования: 13.01.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

REFERENCES

1. Artemova O.V., Davankov A.Yu., Logacheva N.M. et al. *Quality of life and technological transformation of the economy: regional aspect*. Ekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 210 p. (In Russ.) EDN: YHEUYU.
2. Gusarova O.M., Balueva A.A., Dolgallo A.E. Digitalization economics: challenge and the way solution. *Scientific review. Economic sciences*, 2020, no. 2, pp. 10–14. (In Russ.) EDN: QRPSJF.
3. Levchenko T.A., Levchenko D.M. Analysis of prospects for development of digital economies: Russian and global trends. *Vestnik of astrakhan state technical university. Series “Economics”*, 2020, no. 4, pp. 25–36. (In Russ.) DOI: 10.24143/2073-5537-2020-4-25-36. EDN: ZUMYLA.
4. Sudarushkina I.V., Stefanova N.A. Digital economy. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 182–184. (In Russ.) EDN: YLDYTX.
5. *Understanding the Digital Economy: Data, Tools, and Research*. Eds. E. Brynjolfsson, B. Kahin. Massachusetts, London, England, The MIT Press, 2000. 408 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/6986.001.0001>.
6. Yudina T.N. Understanding the digital economy. *Theoretical Economics*, 2016, no. 3, pp. 15–19. (In Russ.) EDN: YQKJIL.
7. Udalov D.V. Threats and challenges of the digital economy. *Economic security and quality*, 2018, no. 1 (30), pp. 12–18. (In Russ.) EDN: QDPOKQ.

8. Polozhikhina M.A. The impact of digitalization on the formation and use of human capital. *Social novelties and Social sciences*. Moscow, INION RAN Publ., 2021. No. 1, pp. 8–34. (In Russ.) DOI: 10.31249/snsn/2021.01.03. EDN: VURRVJ.
9. Surtaeva O.S., Dundik E.P. The role of digitalization in the formation of human capital. *Economic Problems and Legal Practice*, 2020, no. 4, pp. 29–33. (In Russ.) EDN: ZIZMJP.
10. Zemlyak S.V., Gusarova O.M., Prokhorenkov P.A. Study of the impact of digital technologies on the activities of business companies in the context of economic transformation. *Fundamental research*, 2021, no. 7, pp. 21–26. (In Russ.) DOI: 10.17513/fr.43067. EDN: XPOBEU.
11. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*, 2018, no. 10, pp. 46–63. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>. EDN: YNFXNZ.
12. Lylov A.S., Skvortsov E.A., Balandina L.I. Digital platforms and their role in the development of the digital economy and digital business. *Agro-food policy of Russia*, 2023, no. 5–6, pp. 21–26. (In Russ.) DOI: 10.35524/2227-0280_2023_05-06_21. EDN: NOPPRP.
13. Shcherbinina M.Y., Stefanova N.A. Concept of Internet of things. *Creative Economy*, 2016, vol. 10, no. 11, pp. 1323–1336. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.10.11.37074>. EDN: NOPPRP.
14. Kozlova N.Sh., Dovgal V.A. Analysis of the use of artificial intelligence and machine learning in cybersecurity. *Bulletin of Adyge State University. Series: Natural-Mathematical and Technical Sciences*, 2023, no. 3 (326), pp. 65–72. (In Russ.) DOI: 10.53598/2410-3225-2023-3-326-65-72. EDN: CYUKLH.
15. Mitryaev I.S., Lysenko E.S., Ostryakova A.F. Blockchain technology and cryptocurrency: tools of digital transformation. *Agrarian and land law*, 2022, no. 4 (208), pp. 132–137. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1329_2022_4_132. EDN: SFCGYD.
16. Ali N.M., Novikov B.A. Big Data: analytical solutions, research challenges and trends. *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS (Proceedings of ISP RAS)*, 2020, vol. 32, no. 1, pp. 181–204. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2020-32\(1\)-10](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2020-32(1)-10). EDN: BXMAKE.
17. Consequences of the shortage of specialists in the labor market and challenges of 2024. *Center for training leaders and teams of digital transformation of the Higher School of Public Administration of RANEPa*. (In Russ.) Available at: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/178> (accessed 24 September 2024).
18. Klimova Yu.O., Ustinova K.A. Mismatch between the level of training of IT personnel and the requirements of employers: problems and solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 202–219. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.12. EDN: TLIQYU.
19. Naumov I.V., Nikulina N.L., Sirotin D.V. *Modeling the spatial development of territories*. Ekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 243 p. (In Russ.)
20. The FSB called the outflow of qualified IT specialists abroad a serious challenge. (In Russ.) *Interfax*. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/762434> (accessed 24 September 2024).
21. Uzhegov A.O. Diagnostics of technological development conditions of Russia's industrialized regions: methodological approaches. *Problems of Territory's Development*, 2023, vol. 27, no. 5, pp. 96–114. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2023.5.127.7. EDN: UJOEGP.
22. Report on the development of the digital economy in Russia. Competition in the digital age: strategic challenges for Russia. *Roscongress*. (In Russ.) Available at: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-razvitii-tsifrovoy-ekonomiki-v-rossii-konkurentsia-v-tsifrovuyu-epokhu-strategicheskie-vyz/> (accessed 24 September 2024).
23. Egorova A.A., Uzhegov A.O. Improving the quality of life of the population of industrial regions: the possibilities of using the “triple helix”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2022, no. 11 (469), pp. 69–80. (In Russ.) DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11107. EDN: MCGFDM.

Information about the authors

Artem O. Uzhegov, Junior Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 155/1, Svobody street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; uzhegov.ao@uiec.ru

Olga K. Tikhonova, Junior Researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 155/1, Svobody street, Chelyabinsk, 454091, Russian Federation; tikhonova.ok@uiec.ru

Received: 11.11.2024

Revised: 13.01.2025

Accepted: 28.03.2025

УДК 001.89:025.4.03:233-852.5

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1942

Шифр специальности ВАК: 5.4.7

Наукометрический анализ метаданных статей по теме «Йога»

К.В. Тартынова✉

Томский государственный университет, Россия, г. Томск

✉kristinatartynova@gmail.com

Аннотация. Актуальность. В настоящее время наукометрический анализ активно развивается и является эффективным инструментом для разведывательного исследования по интересующему предмету. Результаты представленной работы помогают увидеть, какие аспекты в изучении практики йоги уже рассмотрены научным сообществом, а также позволяют обнаружить пробелы в научном знании для дальнейшего изучения йоги как практики социального благополучия. **Цель:** проведение наукометрического анализа публикаций российских авторов по теме «Йога» из международной библиографической базы OpenAlex. **Методы:** для сетевого анализа были использованы метаданные научных публикаций авторов российских вузов по практикам йоги. В качестве источника данных выступила международная открытая библиографическая база OpenAlex. Период публикации статей – с 25.01.1999 по 11.03.2022. В итоге были выгружены метаданные по 125 статьям (на момент выгрузки – 21.10.2024). Для визуализации и исследования сети соавторства было использовано программное обеспечение Gephi. Для выявления структуры и содержания научного поля по теме «Йога» была применена текстовая аналитика с помощью программного обеспечения Orange Data Mining. **Результаты:** на первом этапе по 125 статьям по теме «Йога» был составлен неориентированный граф сети соавторства. Граф состоит из 335 узлов (авторов) и 1387 ребер (связей соавторства). Вторым этапом стало проведение текстовой аналитики. Для анализа были удалены статьи без аннотаций и дубликаты (повторяющиеся статьи). В итоговую коллекцию данных вошли метаданные 117 статей с указанными заголовком и аннотацией. В результате построена сеть соавторства и обозначены кластеры сети; составлена классификация статей на основе метода минимума дисперсии Уорда, для каждого класса статей выделены и проанализированы ключевые слова. **Выводы:** наукометрический анализ показал, что российские авторы не стремятся к междисциплинарному исследованию практики йоги. Об этом говорит сопоставимость результатов анализа сети соавторства и текстовой аналитики аннотаций статей. Проведение подобного наукометрического анализа позволяет наглядно продемонстрировать, как можно применять современные инструменты интеллектуального анализа данных для решения задач в социологии.

Ключевые слова: наукометрический анализ, йога, сеть соавторства, метод минимума дисперсии Уорда, OpenAlex, Gephi, Orange Data Mining

Для цитирования: Тартынова К.В. Наукометрический анализ метаданных статей по теме «Йога» // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 170–189. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1942

UDC 001.89:025.4.03:233-852.5

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1942

Scientometric analysis of metadata of articles on the topic "Yoga"

K.V. Tartynova✉

National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk✉kristinatartynova@gmail.com

Abstract. Relevance. Scientometric analysis is widely developing today and is an effective tool for reconnaissance analysis in the area of interest. The conducted analysis combines network analysis methods, namely, building a co-authorship network using the Gephi program, and text analytics in the Orange Data Mining program. The results of the study help to see: what aspects in the study of yoga practice have already been considered by the scientific community. Also, the results are useful for detecting "blank spots" in scientific knowledge for further research of yoga as a practice of social well-being. **Aim.** To conduct a scientometric analysis of publications of Russian authors on the topic "Yoga" from the international bibliographic database OpenAlex. **Methods.** Metadata of scientific publications of authors of Russian universities on yoga practices were used for network analysis. The international open bibliographic database OpenAlex served as a data source. The period of publication of articles was from January 25, 1999 to March 11, 2022. As a result, metadata on 125 articles were downloaded (at the time of downloading October 21, 2024). Gephi software was used to visualize and study the co-authorship network. Text analytics was used using Orange Data Mining software to identify the structure and content of the scientific field on the topic "Yoga". **Results.** At the first stage, an undirected graph of the co-authorship network was compiled for 125 articles on the topic "Yoga". The graph consists of 335 nodes (authors) and 1387 edges (co-authorship links). The second stage was text analytics. Articles without annotations and duplicates (repeated articles) were removed for analysis. The final dataset included metadata of 117 articles with the specified title and abstract. As a result, a co-authorship network was built and network clusters were designated; a classification of articles was compiled based on the Ward minimum variance method, and keywords were identified and analyzed for each class of articles. **Conclusions.** Scientometric analysis showed that Russian authors do not strive for an interdisciplinary study of yoga practice. This is evidenced by the comparability of the results of the co-authorship network analysis and text analytics of article abstracts. Conducting such scientometric analysis allows us to clearly demonstrate how modern data analytics tools can be used to solve problems in sociology.

Keywords: scientometric analysis, yoga, co-authorship network, Ward minimum variance method, OpenAlex, Gephi, Orange Data Mining

For citation: Tartynova K.V. Scientometric analysis of metadata of articles on the topic "Yoga". *Journal of Well-being Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 170–189. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1942

Введение

Актуальность исследования

Йога как социальная практика, сочетающая в себе одновременно физическую активность и медитативные практики, может внести значительный вклад в улучшение физического, психологического и социального благополучия общества. Уже сегодня крупные российские компании, такие как Avito, Ozon, Simple Group предлагают в качестве льготы для сотрудников именно занятия йогой, которые способствуют снижению стресса, поднимают уровень счастья, следовательно, повышают качество жизни работников, что благоприятно сказывается и на экономических показателях компании.

По данным ВЦИОМ 2024 г. спорт, физкультура и посещение спортзалов – наиболее популярное хобби среди россиян. Спортивными практиками увлекаются 17 % граждан [1]. По данным ВЦИОМ 2023 г. каждый второй занимается спортом не реже раза в неделю. Из тех, кто занимается не реже 1–3 раза в месяц, – 2 % практикуют занятия йогой [2]. В 2016 г. ЮНЕСКО включила йогу в список нематериального культурного наследия человечества [3]. По данным 2023 г. от «Левада-центр»¹ [4], среди спортивных практик, которыми россияне занимаются на постоянной основе, топ-3 замыкает категория «атлетика/йога/фитнес» – 8 %. Данная категория более популярна у молодёжи 18–24 лет – 14 % и людей старше 55 лет – 8 %. По последним опубликованным данным картографического сервиса 2ГИС и Fitmost (сервис единого абонемента на спорт, салоны красоты, спа и развлечения в 15 крупных городах России) следует, что количество центров йоги в российских городах увеличилось с 2021 г. по октябрь 2022 г. на 21 % [5]. Данные ВЦИОМ 2022 г. говорят, что среди молодежи от 14 до 35 лет 7 % используют йогу и другие телесные практики (спорт сюда не входит) для того, чтобы находиться в гармонии и спокойствии [6]. Согласно результатам ежегодного опроса от Американского колледжа спортивной медицины, проведенного в 2024 г. среди специалистов фитнес-индустрии ($n = 1997$), йога занимает 15-е место в рейтинге мировых фитнес-трендов [7].

Методология исследования

Исследовательский вопрос – «Как репрезентируется изучение практик йоги в российском научном сообществе?». **Объект** – публикации по теме «Йога» в российской научной периодике. **Предмет** – специфика научных публикаций по теме «Йога» в российской научной периодике.

Цель – провести наукометрический анализ публикаций российских авторов по теме «Йога» из международной библиографической базы OpenAlex.

Задачи:

1. Описать структурный анализ сети соавторства.
2. Проинтерпретировать результаты позиционного анализа сети соавторства.
3. Проанализировать сообщества внутри сети авторов, изучающих практики йоги.
4. Составить классификацию статей по теме «Йога» с помощью модели машинного обучения без учителя.

Метод и выборка. Для сетевого анализа использовались метаданные научных публикаций по практикам йоги. В качестве источника данных выступила международная открытая библиографическая база OpenAlex. Были выгружены научные публикации авторов российских вузов, что не исключало совместной публикации с иностранными коллегами. В названии, аннотации или поле «ключевые слова» статьи присутствует лингвомаркер – «yoga». Период публикации статей – с 25.01.1999 по 11.03.2022. В итоге были выгружены метаданные по 125 статьям (на момент выгрузки – 21.10.2024). Для визуализации и исследования сети соавторства было использовано программное обеспечение Gephi. Также для выявления структуры и содержания научного поля по теме «Йога» была применена текстовая аналитика с помощью программного обеспечения Orange Data Mining. Были включены методики анализа ключевых слов, анализа сети взаимосвязей слов, классификации.

¹ Организация «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

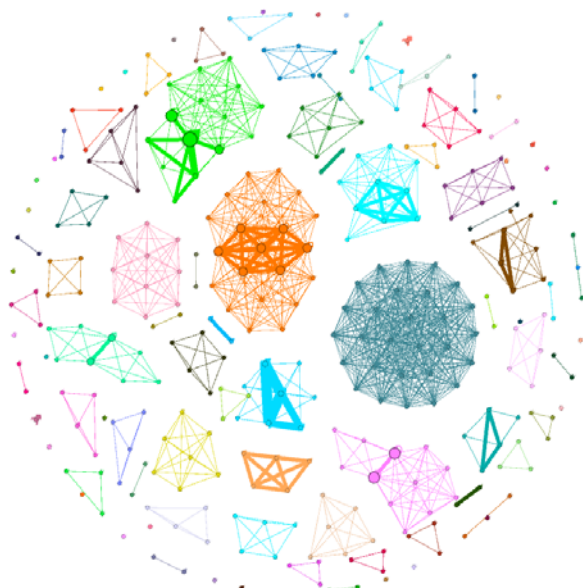
Результаты наукометрического анализа

Анализ сети соавторства по теме «Йога»

Процедуры подготовки сети соавторства по теме «Йога» к анализу

По 125 статьям по теме «Йога» был составлен неориентированный граф сети соавторства. Граф состоит из 335 узлов (авторов) и 1387 ребер (связей соавторства) (рис. 1).

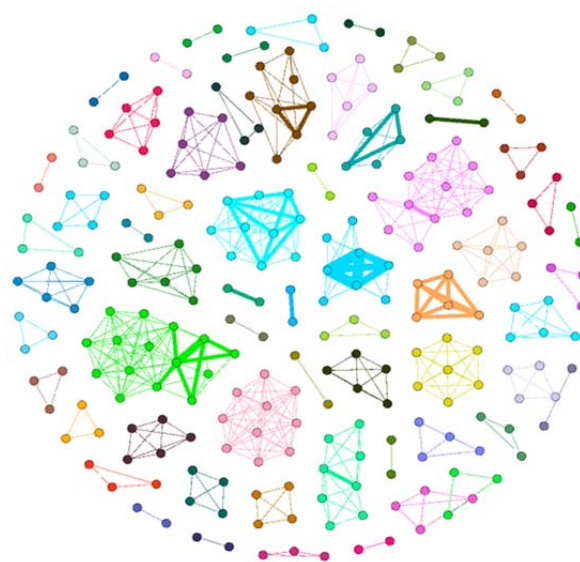
Из анализа были исключены ссылки авторов на самих себя с помощью функции Self-loop. Также была применена функция K-core ($k = 3$): от текущего графа остается граф, в котором все узлы имеют степень не меньше 3. Из анализа были исключены кластеры соавторства – бледно-синий и ярко-оранжевый, так как эти кластеры соавторства образованы по одной статье, что искажает метрики в большую сторону. Безусловно, эти два кластера говорят о межкультурном сотрудничестве (авторы представлены разными аффилиациями), но для анализа интересно посмотреть авторов, объединявшихся для исследования практики йоги. В итоге анализируемый граф насчитывает 254 автора и 513 связей соавторства (рис. 2).

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 1. Граф без применения функций Self-loop и K-core

Fig. 1. Graph without using Self loop and K-core functions

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 2. Граф с применением функций Self-loop и K-core, без бледно-синего и ярко-оранжевого кластеров соавторства
Fig. 2. Graph using Self-loop and Core functions, without pale blue and bright orange clusters of co-authorship

Структурный анализ сети соавторства по теме «Йога»

Расчет статистик по метрикам в графе представлен в табл. 1.

Средняя степень (4,039) указывает на то, что каждый автор в графе напрямую связан в среднем с четырьмя другими авторами как минимум одной статьей.

Средняя взвешенная степень (4,465) говорит о том, что связи между узлами не только многочисленны, но и имеют значительные веса, то есть не только множество авторов связаны между собой, но и количество общих статей между ними больше одной.

Таблица 1. Статистики по графу сети соавторства по теме «Йога»
Table 1. Statistics on the graph of the co-authorship network on the topic "Yoga"

Метрика/Metric	Статистика по графу/Graph statistics
Количество узлов/Number of nodes	254
Количество ребер/Number of edges	513
Средняя степень/Average degree	4,039
Средняя взвешенная степень Average weighted degree	4,465
Диаметр графа/Graph diameter	3
Связанные компоненты/Connected components	63
Плотность графа/Graph density	0,016
Модулярность/Modularity	0,946
Средний коэффициент кластеризации/Average clustering coefficient	0,969
Средняя длина пути/Average path length	1,15

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Диаметр графа говорит о том, что максимальная удаленность авторов равна трем ребрам. Иначе говоря, два наиболее не связанных между собой автора должны сделать три шага, чтобы распространить ресурс по всей сети.

Плотность графа равна 0,016, что говорит о низкой плотности сети. Плотность сети рассчитывается по принципу отношения количества существующих рёбер к максимально возможному количеству ребер в сети. Полученный расчет плотности графа говорит о том, что приблизительно 1,6 % от всех гипотетически совместно написанных работ присутствуют в графе. Это объясняется тем, что авторы в сети не пишут по данной теме регулярно и предпочитают публиковаться в одиночку или по несколько авторов без дальнейших совместных работ по исследованию практики йоги.

Значение связанной компоненты говорит о том, что граф состоит из 63 кластеров соавторства по теме «Йога».

Высокое значение модулярности (0,946 – при максимальном значении 1) – показатель того, что разделение сети на кластеры ярко выражено.

Средний коэффициент кластеризации измеряет вероятность того, что два узла, связанные с третьим, также взаимосвязаны. Значение, равное 0,969, говорит о высокой степени кластеризации внутри графа. Значит, узлы образуют внутри сети довольно плотные группы.

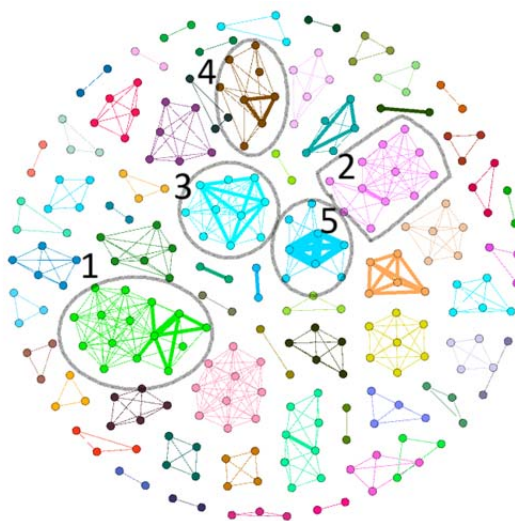
Средняя длина пути (1,15) – среднее количество рёбер между любыми двумя узлами в сети – маркер того, что в среднем любые два автора связаны друг с другом через одну статью, что является низким показателем.

Позиционный анализ сети соавторства по теме «Йога»

Для позиционного анализа стоит рассматривать не всю сеть в целом, а наиболее крупные и «дружные» кластеры, которые были объединены для написания двух и более работ. Сосредоточимся на пяти кластерах, которые составляют 21 % от исходного графа (рис. 3), и рассмотрим для них основные меры центральности, характеризующие значимость узла в разных аспектах.

Кластеры образованы по научным областям. Авторы первого кластера рассматривают влияние йоги как практики физического воспитания на разные аспекты здоровья. Второй кластер относится к психологической науке и занимается темой мотивации к занятиям йогой. Авторы – представители различных наук: психологии, информационных технологий, биотехнологий. Третий кластер также принадлежит к психологической науке. Однако предметное поле связано с изучением воздействия разных аспектов йоги при лечении депрессии. Четвертый кластер относится к нейронауке и психологии, в частности исследованию воздей-

ствия йоги на процессы мышления. Пятый кластер объединяет авторов по медицинской науке. Рассматривается влияние йоги на кровеносную систему человека (рис. 3).

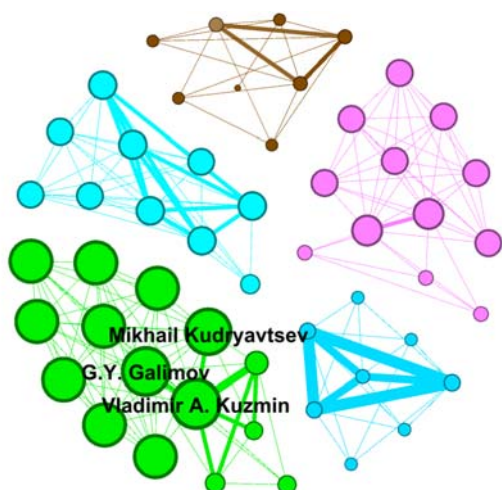

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 3. Топ-5 крупных кластеров по мере Modularity class
Fig. 3. Top 5 large clusters according to the Modularity class metric

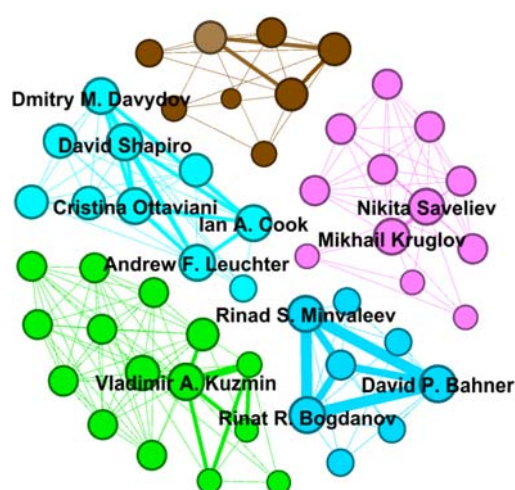
Мера *Eigenvector centrality* фиксирует близость автора к другим узлам с большим количеством связей соавторства. Чем больше у узла связей с активными авторами, тем он становится значимее (рис. 4).

Мера *Closeness centrality* означает, что чем центральнее автор (то есть чем короче путь от него до всех остальных авторов), тем он важнее (рис. 5).

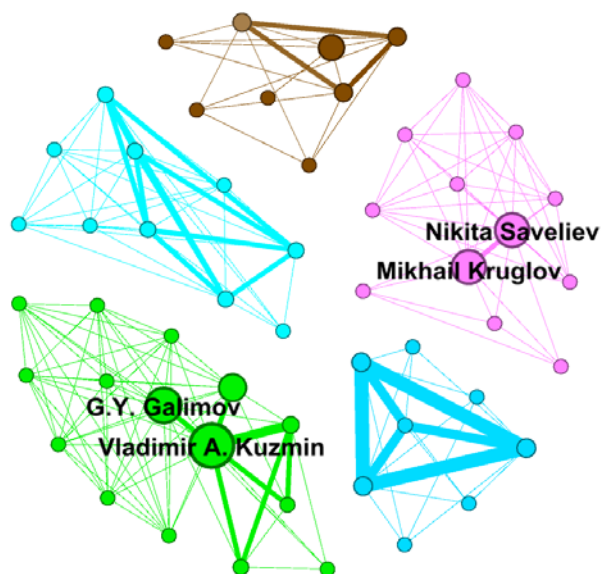
Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 4. Лидеры среди пяти продуктивных кластеров по мере Eigenvector centrality
Fig. 4. Leaders among five productive clusters by Eigenvector centrality

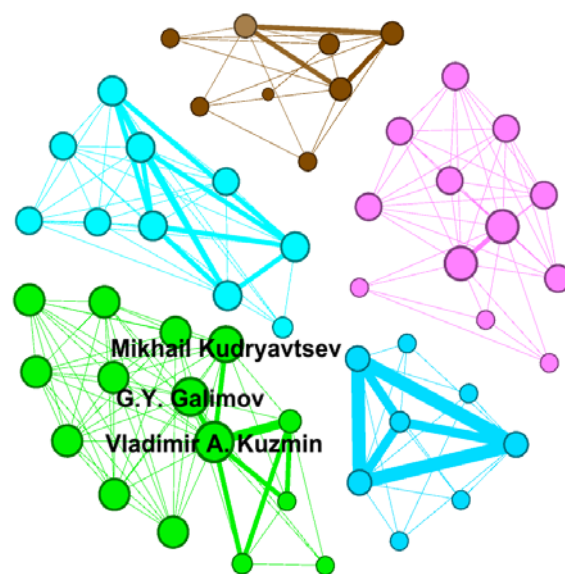
Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 5. Лидеры среди пяти продуктивных кластеров по мере Closeness centrality
Fig. 5. Leaders among five productive clusters by Closeness centrality

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 6. Лидеры среди пяти продуктивных кластеров по мере Betweenness centrality
Fig. 6. Leaders among five productive clusters by Betweenness centrality

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 7. Лидеры среди пяти продуктивных кластеров по мере Degree centrality
Fig. 7. Leaders among five productive clusters by Degree centrality metric

Лидеры по мере *Betweenness centrality*, или «мосты», – авторы, у которых большое количество кратчайших путей до узлов в сети, или авторы, связывающие кластер соавторства в целый кластер: если их не будет, кластер раздробится (рис. 6).

Мера *Degree centrality* (центральность по степени) показывает авторов-лидеров с большим количеством связей соавторства (рис. 7).

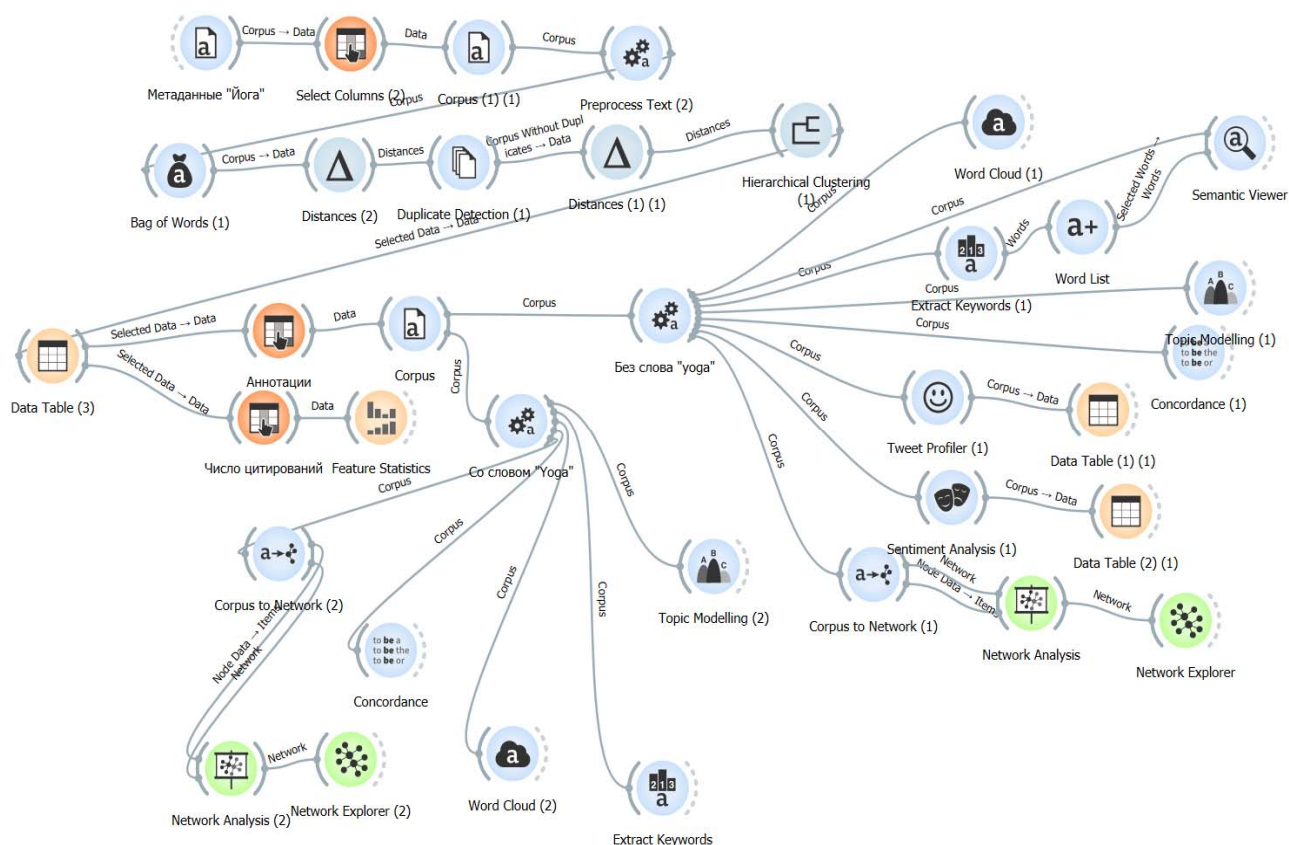
Таким образом, лидеры сети соавторства по теме «Йога»:

- Vladimir A. Kuzmin (Кузьмин Владимир Андреевич) – доцент Военного учебного центра-института Сибирского федерального университета, индекс Хирша – 11.
- G.Y. Galimov (Галимов Геннадий Яковлевич) – профессор, доктор педагогических наук, Бурятский государственный университет, индекс Хирша – 2.
- Mikhail Kudryavtsev (Кудрявцев Михаил Дмитриевич) – профессор, доктор педагогических наук, кафедра физической культуры Сибирского федерального университета, кафедра теоретических основ физического воспитания Красноярского государственного педагогического университета, индекс Хирша – 30.
- Mikhail Kruglov – студент СПбГУ (ИТМО), индекс Хирша – 2.
- Nikita Saveliev – биотехнолог по работе с культурой клеток микроорганизмов лаборатории № 1, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт вакцин и сывороток и предприятие по производству бактериальных препаратов ФМБА России, индекс Хирша – 2.

Текстовая аналитика аннотаций статей по теме «Йога»

Текстовая аналитика проводилась с помощью программного обеспечения Orange Data Mining. На рис. 8 представлено аналитическое решение для проведения анализа по теме.

Из анализа были удалены статьи без аннотаций и дубликаты (повторяющиеся статьи). В итоговый набор данных вошли метаданные 117 статей с указанными заголовком и аннотацией.

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author.

Рис. 8. Аналитическое решение
Fig. 8. Analytical solution

Общий текстовый анализ

В ходе исследования был проведен анализ ключевых слов в выгруженных аннотациях. Самыми часто употребляемыми словами являются: yoga, exercise, study (два значения – исследование и учение), physical, training, patient, treatment, group, health, practice (рис. 9). Вокруг ключевых слов, обладающих высокой статистической значимостью, выстраивается сеть взаимосвязей со словами, обладающими меньшей статистической значимостью и встречающимися в текстах реже.

В сети взаимосвязи терминов выделяются два ярко выраженных кластера, которые соединены друг с другом. Кластер с центральным термином «exercise» и кластер с центральным термином «patient» (рис. 10). Читать граф стоит следующим образом: размер узла соответствует мере центральности по степени, то есть чем больше узел, тем больше он связан напрямую с другими словами. Цветом обозначена частота употребления слова: от желтого (самые часто употребляемые слова) к ярко-синему (менее употребляемые слова).

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 9. Облако ключевых слов во всех анализируемых аннотациях

Fig. 9. Keyword cloud in all analyzed annotations

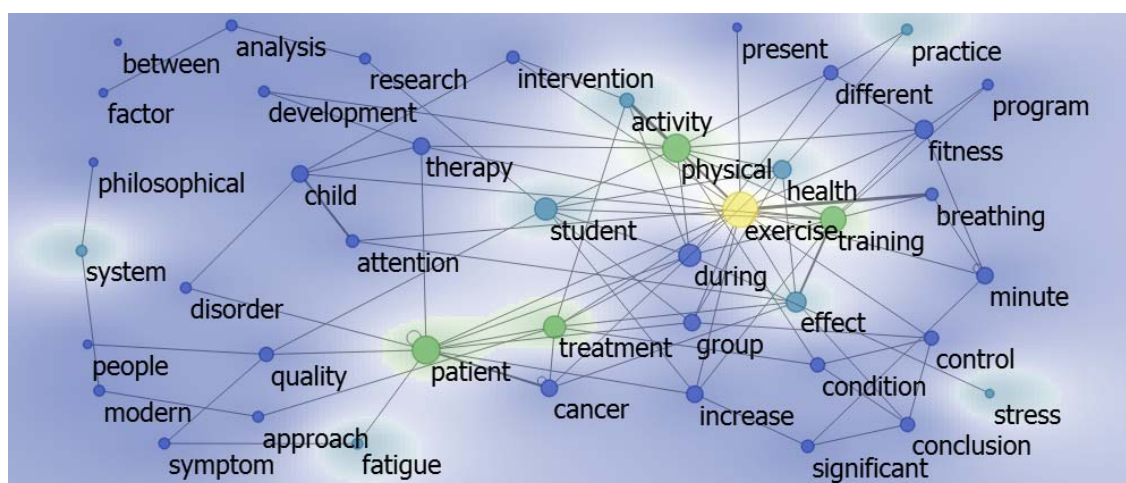

Рис. 10. *Сеть взаимосвязи слов во всех анализируемых аннотациях (без слова «уода»)*

Fig. 10. Word relationship network in all analyzed annotations (without the word "yoga")

Категоризация статей по теме «Йога»

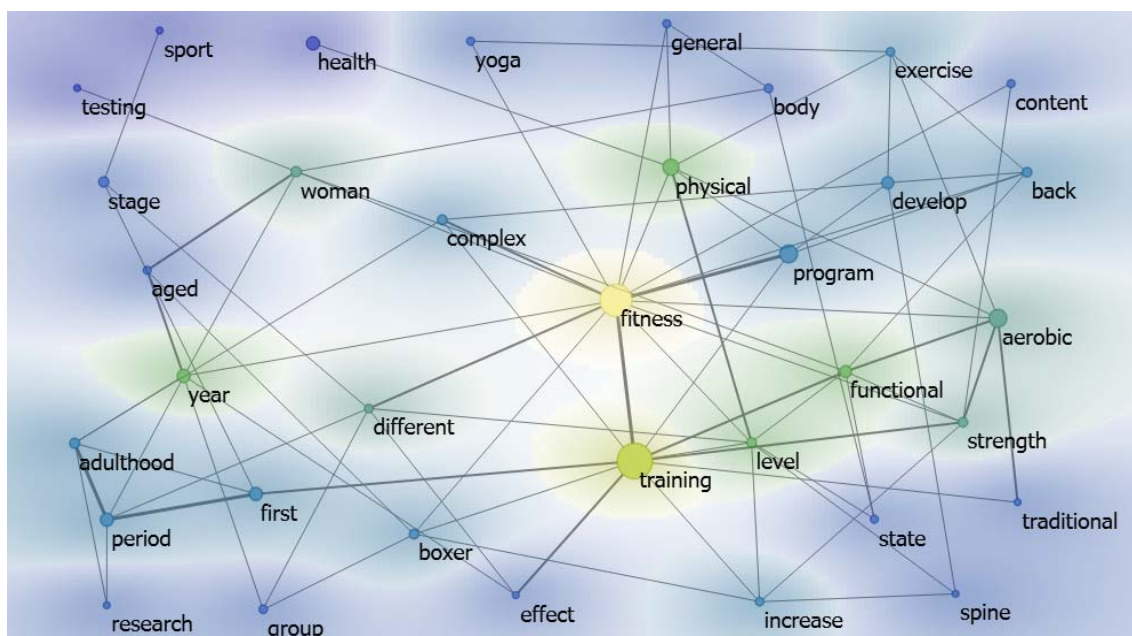
Для разделения статей по темам был применён алгоритм иерархической кластеризации метода минимума дисперсии Уорда. С помощью машинного обучения без учителя оптимальным стало разбиение всех статей на девять кластеров. Для понимания критериев выделения статей в кластер использовались такие инструменты, как: облако слов, тематическое моделирование, сеть связи терминов, контекст употребления слова в рамках кластера, семантический анализ, выявление ключевых слов (с помощью языковой модели mBERT). В табл. 2 приведено частотное распределение по кластерам.

Ключевыми словами первого кластера стали: fitness, physical, training, strength. Таким образом, *первый кластер включил в себя статьи по направлению фитнес-йоги в контексте улучшения физических показателей* (рис. 11, 12).

Таблица 2. Частотное распределение количества статей по теме «Йога» в кластерах
Table 2. Frequency distribution of the number of articles in clusters with percentages on the topic "yoga"

Номер кластера Cluster number	Обобщенная тема кластера Generalized cluster topic	Частота Frequency	%
C6	Культура и философия йоги Culture and philosophy of yoga	30	26
C2	Йога как физическая нагрузка для улучшения состояния здоровья Yoga as a physical activity to improve health	23	20
C9	Без классификации/Unclassified	19	16
C4	Статьи клинической медицины Clinical Medicine Articles	16	14
C7	Влияние йоги на циркуляторную и нервную системы человеческого организма Yoga effect on the circulatory and nervous systems of the human body	8	7
C1	Фитнес-йога в контексте улучшения физических показателей Fitness yoga in the context of improving physical performance	6	5
C3	Позитивное влияние йоги на детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности Yoga positive impact of on children with attention deficit hyperactivity disorder	6	5
C8	Йога как способ справиться со стрессом Yoga as a way to cope with stress	5	4
C5	Восприятие окружающего мира у практикующих медитации Perception of the surrounding world by meditation practitioners	4	3
Итого Summary		117	100

Источник: составлено автором.

Источник: составлено автором.

Рис. 11. *Сеть взаимосвязи слов кластера
«Фитнес-йога в контексте улучшения физических показателей»*
Fig. 11. *Network of interrelation of the words of the cluster
“Fitness yoga in the context of improving physical performance”*

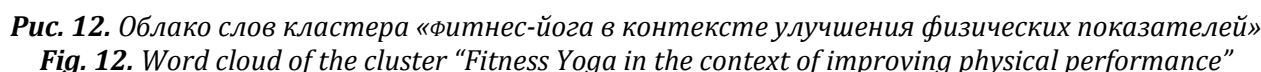

Рис. 13. Сеть взаимосвязи слов кластера
«Йога как физическая нагрузка для улучшения состояния здоровья»
Fig. 13. Network of interrelation between the words of the cluster
“Yoga as physical activity to improve health”

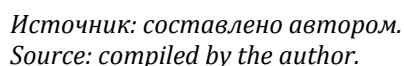

Fig. 16. Word cloud for the cluster “Yoga positive impact on children with attention deficit hyperactivity disorder”

Рис. 17. Сеть взаимосвязи слов кластера «Статьи клинической медицины»
Fig. 17. Network of interrelation between the words in the cluster “Articles of clinical medicine”

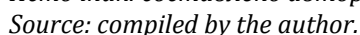
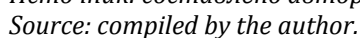

Fig. 18. Word cloud of the cluster “Articles of clinical medicine”

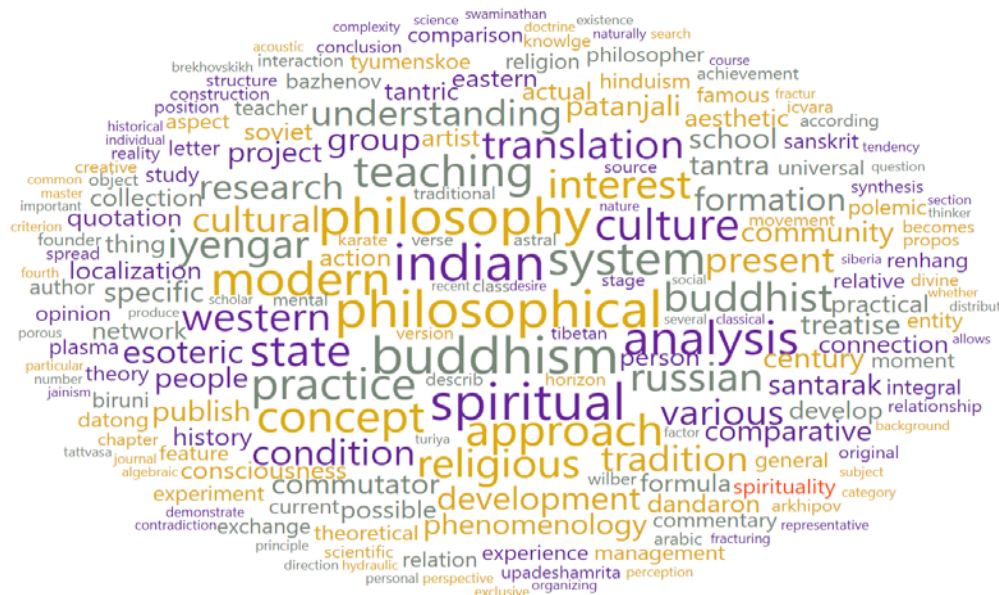
Пятый кластер посвящён изучению восприятию окружающего мира у практикующих медитации. Ключевые слова: linear, eye, image. Часто употребляемые слова: meditation, imitators, power, alpha, control, images, practice, arousal, eyes (рис. 19).

«Восприятие окружающего мира у практикующих медитации»

Fig. 19. Network of interrelation between the words in the cluster "Perception of the world around practitioners of meditation"

Шестой кластер состоит из статей, посвящённых культуре и философии йоги: тантризм, особые состояния психики, духовное развитие, медитации. Ключевые слова: buddhism, phenomenology, philosophy, spirituality. Самые часто употребляемые слова: philosophical, indian, buddhism, philosophy, spiritual, analysis, system, modern, practice, teaching (учение), concept, state (состояние) (рис. 20, 21). В анализ не включалось слово «йога», так как в данном кластере употреблялось значительно чаще в сравнении с другими словами и искажало интерпретацию.

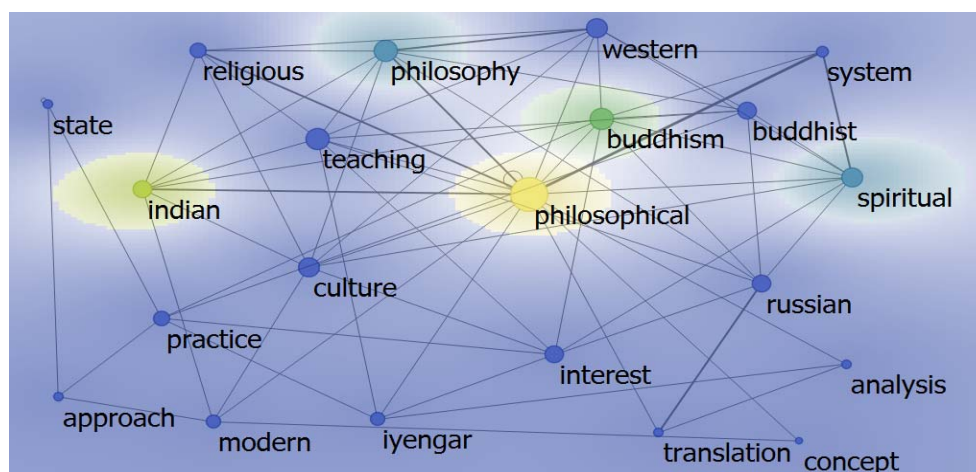

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 20. Облако слов кластера «Культура и философия йоги» (без включения слова уода в анализ)

Fig. 20. Word cloud of the cluster "Yoga culture and philosophy" (without including the word yoga in the analysis)

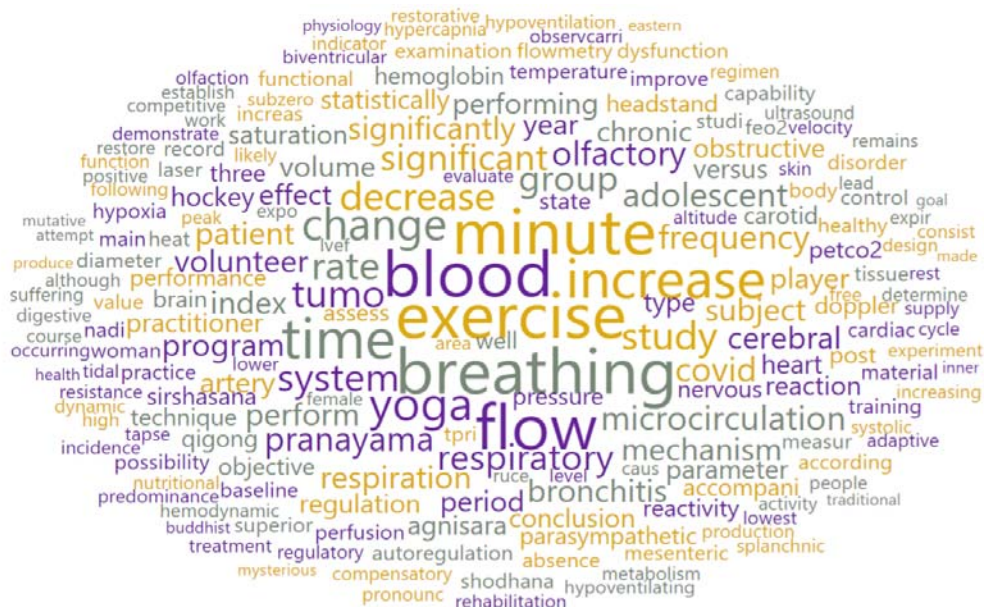
Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 21. *Сеть взаимосвязи слов кластера «Культура и философия йоги»
(без включения слова уода в анализ)*

Fig. 21. Network of interrelation between the words in the cluster "Culture and philosophy of yoga" (without including the word yoga in the analysis)

Статьи седьмого кластера относятся к исследованию циркуляторных и нервных систем человеческого организма. Самые часто употребляемые слова: exercise, blood, breathing, flow, minute, time, increase, yoga, change, decrease (рис. 22, 23).

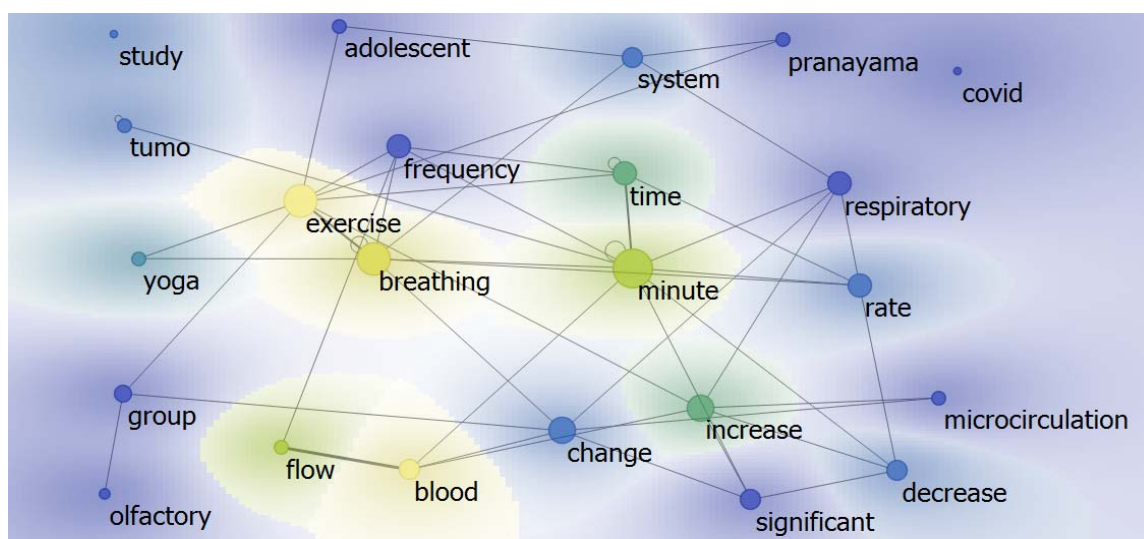

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 22. Облако слов кластера «Влияние йоги на циркуляторную и нервную системы человеческого организма»

Fig. 22. Cloud of words of the cluster "Yoga effect on the circulatory and nervous systems of the human body"

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 23. Сеть взаимосвязи слов кластера «Влияние йоги на циркуляторную и нервную системы человеческого организма»

Fig. 23. Network of interrelation of words in the cluster "Yoga effect on the circulatory and nervous systems of the human body"

В восьмом кластере йога рассматривается как способ справиться со стрессом у различных социально-демографических групп. Самые часто употребляемые слова: stress, exercise, woman, yoga, study (исследование), resistance, academic, pregnancy, author, health (рис. 24, 25).

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Рис. 24. Сеть взаимосвязи слов кластера «Йога как способ справиться со стрессом»
Fig. 24. Network of interrelation of words in the cluster “Yoga as a way to cope with stress”

Источник: составлено автором.

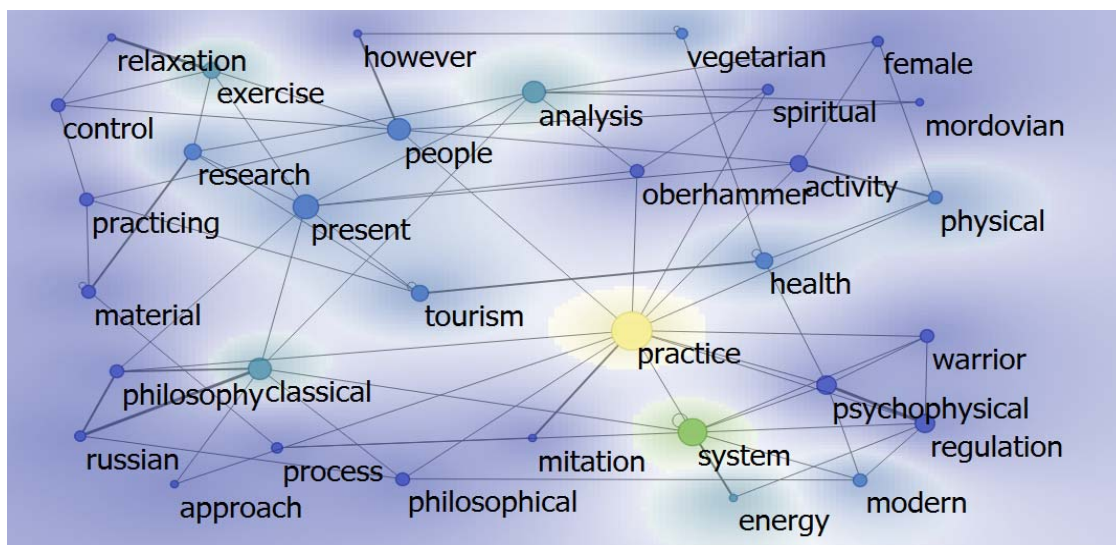
Source: compiled by the author.

Рис. 25. Облако слов кластера «Йога как способ справиться со стрессом»
Fig. 25. Word cloud of the cluster “Yoga as a way to cope with stress”

[illegible]

Source: compiled by the author.

Рис. 26. Облако слов кластера «Без классификации»
Fig. 26. Word cloud for the cluster "Without classification"

Source: compiled by the author.

Рис. 27. Сеть взаимосвязи слов кластера «Без классификации»
Fig. 27. Network of interrelation between the words in the cluster "Without classification"

Таким образом, кластеризация Уорда помогла в обнаружении тематических блоков научных публикаций по теме «Йога».

Заключение

Можно сделать следующие выводы по результатам наукометрического анализа научных публикаций российских авторов по теме «Йога» из международной библиографической базы OpenAlex.

Во-первых, авторы не стремятся к написанию совместных работ. Граф нельзя назвать сетью соавторства. Скорее, он представлен отдельными авторами, триадами и диадами авторов.

Во-вторых, пять крупных кластеров составляют 21 % изначального графа сети соавторства по теме «Йога» по всем загруженным аннотациям (125 статей). Кластеры не связаны между собой и образованы по следующим тематическим группам: влияние йоги как практики физического воспитания на разные аспекты здоровья, мотивации к занятию йогой, изучение воздействия практики йоги при лечении депрессии, исследование влияния йоги на процессы мышления, на циркуляторную систему человеческого организма.

В-третьих, из текстовой аналитики аннотаций статей выделено два ярко выраженных кластера, которые соединены друг с другом. Кластер с центральным термином «exercise» (статьи рассматривают йогу как физическую нагрузку для улучшения состояния здоровья) и кластер с центральным термином «patient», где йога рассматривается как практика для облегчения симптомов и коррекции состояний пациентов.

В-четвертых, выделено с помощью кластеризации Уорда восемь крупных кластеров (84 % от итогового набора данных), затрагивающие тему «Йога»: культура и философия йоги (26 %); йога как физическая нагрузка для улучшения состояния здоровья (20 %), статьи клинической медицины (14 %), влияние йоги на циркуляторную и нервную системы человеческого организма (7 %), фитнес-йога в контексте улучшения физических показателей (5 %); позитивное влияние йоги на детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (5 %); йога как способ справиться со стрессом (4 %); восприятие окружающего мира у практикующих медитации (3 %).

Таким образом, наиболее популярны прикладные исследования по теме «Йога» в контексте физической нагрузки для улучшения физических показателей и показателей здоровья (но не в рамках патологии) или коррекции состояния больного. С теоретической позиции наиболее распространено рассмотрение йоги как особой духовной практики со своей философией.

В контексте ситуации ограниченного доступа российских учёных к международным библиографическим базам данных проведенный анализ служит примером использования открытого каталога глобальной исследовательской системы OpenAlex, созданного в качестве альтернативы порталам-монополистам Web of Science и Scopus. Сами полученные результаты текстовой аналитики помогают понять актуальные направления изучения практики йоги российским научным сообществом, что может быть полезно как для дальнейшего изучения практики йоги, так и для восполнения пробелов в накопленном научном знании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Увлечения молодежи // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uvlechenija-molodezhi-2024> (дата обращения 04.10.2024).
2. Спорт для всех // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (дата обращения 06.10.2024).
3. Yoga // UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/yoga-01163> (дата обращения 06.10.2024).
4. Свободное время и физическая активность // Левада-Центр (Внесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента). URL: <https://www.levada.ru/2023/05/23/svobodnoe-vremya-i-fizicheskaya-aktivnost/> (дата обращения 03.10.2024).

5. Исследователи отметили рост интереса к йоге в российских городах на 21 % // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63613d259a79476e7a0ffc0e?ysclid=m1ohyl7xm6626058063> (дата обращения 04.10.2024).
6. Социально-психологическое самочувствие молодежи на фоне СВО и частичной мобилизации // ВЦИОМ. URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/file/presentation/Soc._sam_molodej_2022-12-19__2_.pdf (дата обращения 04.10.2024).
7. 2024 ACSM Worldwide fitness trends: future directions of the health and fitness industry / M. Newsome A'Naja, R. Reed, J. Sansone, A. Batrakoulis, C. McAvoy, M.W. Parrott // ACSM's Health & Fitness Journal. – 2024. – Vol. 28. – № 1. – P. 14–26. DOI: 10.1249/FIT.0000000000000933.

Информация об авторах

Кристина Валерьевна Тартынова, магистрант Философского факультета Томского государственного университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36; kristinatartynova@gmail.com

Поступила в редакцию: 20.10.2024

Поступила после рецензирования: 12.02.2025

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. Youth Hobbies. *All-Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.) Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uvlechenija-molodezhi-2024> (accessed 4 October 2024).
2. Sports for everyone. *All-Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.) Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (accessed 6 October 2024).
3. Yoga. *UNESCO*. Available at: <https://ich.unesco.org/en/RL/yoga-01163> (accessed 6 October 2024).
4. Free time and physical activity. *Levada Center* (Entered into the register of NGOs performing the functions of a foreign agent). (In Russ.) Available at: <https://www.levada.ru/2023/05/23/svobodnoe-vremya-i-fizicheskaya-aktivnost/> (accessed 3 October 2024).
5. Researchers noted a 21% increase in interest in yoga in Russian cities. *RBC*. (In Russ.) Available at: <https://www.rbc.ru/life/news/63613d259a79476e7a0ffc0e?ysclid=m1ohyl7xm6626058063> (accessed 4 October 2024).
6. Socio-psychological well-being of young people against the background of their own and partial. (In Russ.) *All-Russian Public Opinion Research Center*, 2022. Available at: https://ok.wciom.ru/fileadmin/file/presentation/Soc._sam_molodej_2022-12-19__2_.pdf (accessed 4 October 2024).
7. Newsome A'Naja M., Reed R., Sansone J., Batrakoulis A., McAvoy C., Parrott M.W. 2024 ACSM Worldwide fitness trends: future directions of the health and fitness industry. *ACSM's Health & Fitness Journal*, 2024, vol. 28, no. 1, pp. 14–26. DOI: 10.1249/FIT.0000000000000933.

Information about the authors

Kristina V. Tartynova, Master's Student, National Research Tomsk State University, 36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; kristinatartynova@gmail.com

Received: 20.10.2024

Revised: 12.02.2025

Accepted: 29.03.2025

УДК 364.32:364.658-056.26

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1953

Шифр специальности ВАК: 5.2.1

Страхование жизни и здоровья как фактор повышения социального благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья в российском обществе

Э.А. Гасанов¹, М.А. Гасанов², С.А. Жиронкин³✉

¹ Тихоокеанский государственный университет, Россия, г. Хабаровск

² Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

³ Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово

✉zhironkinsa@kuzstu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы страхования жизни и здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья как фактора повышения их социального благополучия в координатах развития современного российского общества. Страхование жизни и здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья от несчастных случаев призвано обеспечить финансовую поддержку в случае непредвиденных ситуаций, повреждения имущества, наступления ответственности, угрозы жизни, здоровью. Основные особенности страхования жизни и здоровья установлены в Гражданском кодексе РФ и ФЗ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». **Цель:** формирование подхода к оценке страхования жизни и здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья как важного фактора повышения социального благополучия в российских экономических реалиях. **Методы:** критический и конструктивный анализ исследований в сфере социального страхования и его российской специфики, социального благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья; синтез существующих подходов и обобщение идеи развития страхования жизни и здоровья как фактор повышения социального благополучия в российском обществе. **Результаты:** авторами представлен подход к исследованию социального страхования, в частности страхования жизни и здоровья, в условиях перехода к неоиндустриальному развитию, характеризующийся учетом широкого общественного давления в пользу социального законодательства и реформ на общегосударственном уровне, цель которых – развитие «программ благополучия» в среде бизнеса, «подталкиваемого» государством к формированию корпоративных систем социальной защиты. Также предложен подход к учету цифровых реалий неоиндустриального развития при совершенствовании системы социального страхования лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте повышения их социального благополучия. **Выводы:** результаты формирования подхода к анализу системы социального страхования лиц с ограниченными возможностями здоровья позволили выделить следующие составляющие превращения страхования в фактор повышения социального благополучия в российской экономике – совершенствование социального законодательства и расширение участия корпораций в социальной защите наиболее уязвимых групп населения, содействие расширению потребления лиц с ограниченными возможностями здоровья и изменению его структуры. В свою очередь, при совершенствовании социальной политики важно учесть перспективы неоиндустриального развития и диффузии технологий четвертой промышленной революции (таких как искусственный интеллект и аналитика больших данных).

Ключевые слова: социальное страхование, социальное благополучие, лица с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное социальное развитие, качественное потребление

Для цитирования: Гасанов Э.А., Гасанов М.А., Жиронкин С.А. Страхование жизни и здоровья как фактор повышения социального благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья в российском обществе // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 190–199. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1953

UDC 364.32:364.658-056.26

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1953

Life and health insurance as a factor in increasing social well-being of persons with disabilities in Russian society

E.A. Gasanov¹, M.A. Gasanov², Se.A. Zhironkin³✉

¹ Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

³ T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

✉zhironkinsa@kuzstu.ru

Abstract. The article considers the problems of life and health insurance of disabled people and persons with disabilities as a factor in increasing their social well-being in the coordinates of development of modern Russian society. Life and health insurance of disabled people and persons with disabilities from accidents provides financial support from unforeseen situations, protects property, liability, life, health and other benefits. The main features of life and health insurance are established in the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the organization of insurance business in the Russian Federation". **Aim.** To develop an approach to assessing life and health insurance of disabled people and persons with disabilities as an important factor in increasing social well-being in Russian economic realities. **Methods.** Critical and constructive analysis of research in the field of social insurance, social well-being of persons with disabilities and its Russian specifics; synthesis of existing approaches and generalization of the idea of life and health insurance development as a factor in increasing social well-being in Russian society. **Results.** The authors have proposed an approach to the study of social insurance, in particular, life and health insurance, in the context of the transition to neo-industrial development, characterized by taking into account broad public pressure in favor of social legislation and reforms at the national level, pursuing the goal of developing "well-being programs" in the business environment, "pushed" by the state to form corporate social protection systems, along with the development of social legislation. The authors propose as well the approach to taking into account the digital realities of neo-industrial development when improving the social insurance system for persons with disabilities in the context of increasing their social well-being. **Conclusions.** The results of the formation of an approach to the analysis of the social insurance system for persons with disabilities and persons with disabilities made it possible to identify the following components of its transformation into a factor in increasing social well-being in the Russian economy: improving social legislation and expanding the participation of corporations in the social protection of the most vulnerable groups of the population, promoting the expansion of consumption of persons with disabilities and changing its structure. In turn, when improving social policy, it is important to take into account the prospects of non-industrial development and the diffusion of technologies of the Fourth Industrial Revolution (such as artificial intelligence and big data analytics).

Key words: social insurance, social welfare, persons with disabilities, inclusive social development, quality consumption

For citation: Gasanov E.A., Gasanov M.A., Zhironkin C.A. Life and health insurance as a factor in increasing social well-being of people with disabilities in Russian society. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 190–199. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1953

Введение

Благодаря неоиндустриальному развитию в современном обществе преобразуются все протекающие в нем социальные процессы, в которых получают актуализацию решения проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья. Актуальность исследований в данной сфере обусловлена повышением роли социальных факторов в экономическом развитии.

На передний план выдвигаются источники и факторы повышения социального благополучия в современном обществе. Количественное нарастание социальных структур в различных сферах перерастает в качественно новое явление, более высокую ступень и форму инклюзивных социальных процессов. Здоровье – интеллектуальное и физическое – составляет основу благополучия каждого человека. Будущие угрозы для жизни и здоровья должны быть минимизированы, подверженность им – снижена. В координатах такой парадигмы страхование жизни и здоровья лиц с ограниченными возможностями здоровья становится новым фактором роста социального благополучия в обществе и надежной финансовой защитой их здоровья. Подобные виды страхования способствует решению непредвиденных финансовых трудностей, связанные с поддержкой здоровья.

В современных условиях растет научный интерес к проблемам повышения благополучия человека [1]. В экономической литературе проблемы социального благополучия в контексте неоиндустриальных преобразований российской экономики активно исследуются [2]. Большое внимание в научной литературе уделяется исследованию проблемы социальной политики защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья [3] и путям повышения их благополучия [4]. Их общее благополучие можно обеспечить путем минимизации различий в уровне благополучия и привилегий, существующих в современном обществе. Вопросам страхования жизни и здоровья посвящено немало научных работ [5]. Однако сама проблема повышения благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья весьма сложна во многом благодаря тому, что существуют барьеры и силы сопротивления любым «раздаточным» механизмам социальной сферы со стороны рынка страхования. Несмотря на это, решение данной проблемы обещает большие выгоды всему обществу, без которых сложно будет повышать социальное благополучие лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Методология исследования

Исследования проблем повышения социального благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья предполагают глубокое изучение проблем страхования жизни. Теоретической основой исследования послужили научные труды зарубежных и отечественных ученых-экономистов. Анализ страхования жизни и здоровья предполагает применение системного подхода, охватывающего все стороны изучаемой проблемы. В статье также использован диалектический подход, методы анализа и синтеза, исторического и логического, методы экономического, статистического и сравнительного анализа.

Результаты

Четвертая промышленная революция оказывает радикальное воздействие на экономическую трансформацию и социальное благополучие всех слоев общества. В настоящее время социальное благополучие наиболее широко рассматривается как тенденция инклюзивного социального развития [6]. Под ней понимается совокупность признаков, комплекс новейших приемов, методов и средств, обуславливающих единство социального и экономического направления в рамках национального государства. В условиях инклюзивного социального развития формируются новые тренды:

- 1) появление цифровых технологий, определяющих появление новых форм социального благополучия;
- 2) экспансия сферы услуг;
- 3) внедрение гибких форм организации труда в сфере производства;
- 4) образование новых социальных движений;
- 5) возрастающая культурная фрагментация, плюрализм и т. д.;
- 6) формирование глобальных идентичностей и культурных ценностей;

7) тенденция к непрерывному преобразованию, благодаря чему идеи, культура, все отрасли пребывают в состоянии перманентной конвергенции.

Понятие «социальное благополучие» в современном смысле отражает доктрины стабильности и содействия, а также непрерывную модификацию отношений между субъектами рыночной экономики [7]. Диффузия непрерывного социального благополучия представляет собой развертывание в экономике эмоционально-нравственных, культурных, социально-защитных процессов, связанных с ускорением внедрения инноваций, быстрой сменой потребительских предпочтений, форм общения, образования и креативности. Диффузия происходит в результате активного нарастания восприимчивости индивидов к социальным запросам других людей, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья. В результате диффузии непрерывное социальное благополучие формирует новый социальный порядок – продукт многостороннего процесса переговоров (обсуждения, торга, договоренностей, достижения компромисса, заключения соглашений) между индивидами и социальными группами. Перемены наблюдаются в социальной структуре общества (макроуровень), в профессиональной и общеобразовательной сферах (мезоуровень), а также в сознании индивидов (микроуровень). Под влиянием технологической модернизации экономики социальные процессы качественно улучшаются, что происходит в следующих основных направлениях:

- Улучшение психологических, эмоциональных, нравственных, этических составляющих жизнедеятельности (стиль жизни, формы жизненной активности, мнения, жизненные интересы, ценности, поведение и т. д.);
- Расширение предложения медицинских услуг с учетом географических и климатических особенностей территорий.

Следовательно, социальные достижения можно рассматривать как фактор непрерывного социального благополучия, то есть как специфическую черту современного открытого общества. В ходе накопления социальных достижений формируется культура социального благополучия, под которой понимается ситуация, когда индивидуальные вкусы отражают как социальные характеристики (возраст, пол, занятость, образование и т. д.), так и социальные ценности, образ жизни, качественное потребление и т. д. В современном обществе повышение качества потребления меняет его структуру, в результате чего:

- 1) непрерывно поощряются инновационные действия, с тем чтобы обеспечить стимулы к креативному труду;
- 2) качество жизни становится ключевым признаком статусного дифференцирования всех социальных групп;
- 3) качество потребления формирует другие – субъективные – критерии удовлетворенности всех членов общества.

В этих условиях характер труда и образ жизни людей требует устойчивого роста уровня доходов и качества жизни. Однако многие происходящие в экономической среде события, которые влияют на благосостояние людей, крайне сложно контролировать. Возможная вероятность неблагоприятных исходов – это риск. Человек постоянно сталкивается с рисками. Основными из них являются утрата здоровья в результате заболевания или несчастного случая.

Одним из перспективных инструментов финансового рынка выступает страхование жизни [8]. Именно благодаря ему возможно решение многих проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья. Страхование жизни позволяет защитить индивида от непредвиденных и, как правило, неблагоприятных событий в будущем, а также выполняет сберегательную функцию, позволяя сохранить и накопить денежные средства.

Сегодня обновляются те формы и методы страхования (рисковое, накопительное, инвестиционное страхование жизни, долевое страхование жизни и пр.), посредством которых оно защищает человека от многих рисков. Например, накопительное страхование жизни является инструментом обеспечения благосостояния человека в будущем. Оно активно используется

при формировании индивидуальных финансовых стратегий. Как механизм повышения благополучия граждан накопительное страхование жизни обеспечивает одновременно и страхование жизни и здоровья, и накопление некой денежной суммы, определенной договором страхования, в течение продолжительного срока. Другими словами, в продукте накопительного страхования жизни комплексно сочетается накопительная и защитная компонента. Накопительная компонента обеспечивает формирование защитного фонда на будущее, позволяет достигать долгосрочных финансовых целей и диверсифицировать финансовые ресурсы. Защитная компонента гарантирует страховое покрытие при наступлении страхового случая.

Кардинально меняются взаимоотношения страхования с различными формами социальной жизни. Эти сдвиги в социальной жизни поставили перед индивидами ряд новых проблем. Они потребовали переосмысления следующих традиционных проблем:

- 1) изменение роли страхования в жизни людей;
- 2) связь индивидуальной судьбы человека с социальным благополучием;
- 3) изменение роли и места индивидов в обществе;
- 4) появление новых возможностей изменения границ и критериев благополучия.

Лица с ограниченными возможностями здоровья представляют собой наиболее социально незащищенную группу населения современного общества. Они нуждаются прежде всего в обеспечении высокого качества жизни и здоровья [9–10]. Жизнь людей с ограниченными возможностями давно стала предметом научных исследований [11]. Практика свидетельствует о том, что, даже если допустить различия в начальном состоянии здоровья, более высокие уровни социального взаимодействия и активности ассоциируются с более низким уровнем смертности. В начале XXI в. наблюдаются демографические перемены, связанные с увеличением продолжительности жизни по всему миру. В этих условиях проблемы социального благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья выходят на первое место. Прогресс социального благополучия зависит от развития экономики и общества в целом. В России налицо та же тенденция, которая наметилась в последние десятилетия в развитых странах мира. Социальное благополучие населения представляет собой интегральную оценку всех аспектов жизнедеятельности, которая показывает, насколько «лучше» прожит им некоторый период жизни. В этих условиях существенно повышается роль страхования в социальной жизни [12].

Страхование жизни выступает локомотивом развития страхового рынка в последние годы. Виды страхования жизни, которые предлагаются страхователям в России, могут не только обеспечить страховую защиту, но и способствовать преумножению финансовых ресурсов, а тем самым – и повышению экономического и социального благополучия.

Страхование – это простой способ защититься от незапланированных трат. Если случится непредвиденная ситуация, всю финансовую сторону вопроса возьмет на себя страховая компания. Владелец полиса нужно только предоставить документы от врача и не беспокоиться об оплате лечения.

В России все граждане имеют право на бесплатную медицинскую помощь по полису ОМС (обязательное медицинское страхование). Он гарантирует лечение по базовой минимальной программе. Можно обратиться в больницу или поликлинику в случае болезни, а экстренную помощь окажут даже без полиса.

Не всем понятно, зачем отдельно оформлять добровольное страхование жизни, если медицинская помощь и так гарантирована государством [13]. Однако эти программы действуют совершенно по-разному в конкретной ситуации и в длительном периоде. Представим, что человек оказался в сложной ситуации. Восстановление и лечение могут занять долгое время. Найти средства на лечение может быть сложно, особенно если оно дорогостоящее. В этой ситуации и пригодится страхование жизни. Человек оформляет полис, платит взнос и не беспокоится о своем финансовом положении в случае непредвиденных ситуаций. В целом мож-

но сказать, что страхование жизни нужно всем, кто хочет защитить себя и близких от финансовых проблем. Если смотреть конкретнее, то существуют полисы для разных жизненных ситуаций:

- для ипотеки;
- путешествий;
- занятия спортом;
- детей;
- лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Программа страхования может иметь свои тонкости, если речь идет о лицах с ограниченными возможностями здоровья. Они сталкиваются со множеством ограничений в реальной жизни. Здесь проблема не только в доступности жизненной среды, но и в количестве услуг, включая страхование жизни. В то же время сегодня у лиц с ограниченными возможностями здоровья гораздо больше возможностей в плане страхования, чем 20 лет назад.

Цифровые технологии привели к определенному улучшению условий жизни инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья [14]. Эти улучшения касаются прежде всего базовых сторон жизни (питание, одежда, товары длительного пользования, услуги, лечение). В то же время они затрагивают другие очень важные элементы, оказывающие непосредственное влияние на уровень жизни этих людей (жилищные условия, транспортное обслуживание, социальное страхование и медицинское обслуживание, состояние окружающей среды и т. д.). В результате постепенно возникает равновесие между удовлетворенными и исторически обусловленными потребностями лиц с ограниченными возможностями здоровья.

В рыночной системе сосредоточены лучшие технологии для обеспечения благополучия и наибольшей удовлетворенности индивида своей жизнью. Закономерно, что рост доходов и связанное с ним улучшение жизни людей способствовали в условиях современной России значительному улучшению потребительских настроений, постепенному отходу от традиционных ценностных ориентаций на бережливость и аскетизм, а также явному отходу от ориентации на группу, коллектив, к развитию индивидуализации и самореализации.

Стремление к индивидуализации вызывает, безусловно, усиление внимания людей к частной жизни во всех ее проявлениях. В последние десятилетия приоритет частной жизни перед социальной является одной из основных тенденций трансформации сознания людей.

Объективные условия, определяющие общие границы свободы индивидуального выбора и влияющие на его характер, – это наиболее существенный аспект проблемы обеспечения суверенитета людей, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Все большее значение приобретает развитие системы социальных услуг: образования, здравоохранения, санитарной службы, профессионального обучения и переквалификации. При этом ежегодные расходы государства по социальным программам недостаточны для того, чтобы не только обеспечить систему социальных услуг, отвечающую потребностям эпохи четвертой промышленной революции, но и решить острую проблему бедности.

В экономической теории идеи государственного социального контроля и регулируемого развития тесно связаны с именами экономистов реформистского, институционального и социологического направлений – Дж. Гобсона [15], Т. Веблена [16], Дж. Коммонса [17], У. Митчелла [18], Дж.М. Кларка [19] и др. Они внесли существенный вклад в анализ таких проблем, как:

- 1) социальная неэффективность и социальные издержки экономического роста в условиях рыночной системы;
- 2) противоречия частных и общественных критериев экономической эффективности;
- 3) проблема равномерного доступа к социальным услугам и развития социального страхования;
- 4) проблема социального и имущественного неравенства.

Фундаментальные труды представленных выше экономистов оказали влияние и на политические решения, касающиеся практических проблем – выработки современной экономической политики, развитие социального законодательства (социальное страхование, законы о минимуме заработной платы и другие), и содействовали формированию теоретической концепции «государства благосостояния».

Экономические кризисы, сопровождавшиеся социальными кризисами, подтолкнули развитие социального законодательства и заставили правительства развитых стран осознать, что социальное страхование не может дать требуемого эффекта, если оно составляет лишь обособленную сферу социальной политики, не связанную с экономической политикой в целом, с поддержанием экономической стабильности. Во второй половине XX в. получила признание идея об ответственности государства за поддержание социальной стабильности.

Актуализация социально-экономических проблем в связи с развернувшейся четвертой промышленной революцией обусловила новый подход к задачам социально-экономической политики государства. Она в современных условиях имеет следующие основные аспекты, относящиеся к области социального благосостояния:

1) «программы благосостояния» в узком смысле слова – система социального обеспечения и страхования;

2) система социальных услуг и государственное жилищное строительство;

3) меры антициклической политики и государственного регулирования экономического роста;

4) меры по охране окружающей среды.

Государственное предоставление льгот и социальное обеспечение имеет важное значение для улучшения благосостояния лиц с ограниченными возможностями здоровья. Это предполагает совершенствование социального законодательства, особенно в сфере здравоохранения, страхования, образования, поддержания доходов, обеспечения жильем и персонального социального обеспечения. На жизнь всех лиц с ограниченными возможностями здоровья влияет государственная обязанность обеспечения непрерывного социального благополучия. При этом государство должно обеспечивать минимальную поддержку благополучия, чтобы гарантировать возможность должным образом участвовать во всех сферах жизни общества.

Система социального обеспечения включает в себя пять основных видов программ, в соответствии с которыми предоставляются денежные выплаты и медицинские услуги:

1) пенсии по старости, нетрудоспособности и в связи со смертью кормильца;

2) выплаты в связи с болезнью и материнством;

3) выплаты в связи с производственными увечьями;

4) пособия безработным;

5) семейные пособия.

Неоиндустриальное развитие и широкое общественное давление в пользу социального законодательства и реформ на общегосударственном уровне привели к тому, что стали развиваться «программы благополучия» в рамках компаний [20]. Для компаний это выступает средством социальной защиты и попыткой поддержать дальнейшее развитие социального законодательства. Корпоративные программы в области благополучия (пенсионные фонды, групповые формы страхования и др.) играют существенную роль, которую можно конкретизировать как:

- дополнительное средство привлечения квалифицированных лиц с ограниченными возможностями здоровья;
- средство привязать работников к компании;
- способ пропаганды «человеческих отношений», создания атмосферы партнерства;
- средство рекламы «социального лица» компании.

Нужно сказать, что демократизация экономической системы, выдвижение человека в качестве цели ее развития, свобода выбора и более полное соблюдение прав человеческой лич-

ности является глобальной тенденцией. В то же время она служит становлению одного из качественных принципов развития лиц с ограниченными возможностями здоровья.

В целом их развитие определяется процессами, происходящими в рамках неоиндустриального развития страны, что проявляется в следующем:

1) в существенном усилении спроса лиц с ограниченными возможностями здоровья на более качественное экологически чистое продовольствие. При этом высокая доступность продуктов питания становится позитивным параметром оценки его качества;

2) среди нематериальных благ возрастает значимость получения выплат при реализации рисков жизни и здоровья, что и покрывается страхованием;

3) существенно возрастает требование к качеству жилья, которое цифровизируется и становится приоритетным благом;

4) возрастает роль в структуре личного потребления разнообразных услуг (информационные, туристические и иные услуги), удовлетворяющих потребности;

6) усиливается реакция на экологическую обстановку, растет потребность в безопасной и чистой окружающей среде.

Эти признаки в совокупности формируют новую модель, измененную структуру личного потребления лиц с ограниченными возможностями здоровья. Она вызывает необходимость в дополнительных затратах на покупку более качественных товаров и услуг. Приоритетным становится улучшение условий жизни, повышение бытовой и экологической комфортности. При этом максимизация полезности реализуется посредством высокого уровня удовлетворения и обеспечивается непрерывное социальное благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение

Лица с ограниченными возможностями здоровья, представляющие наименее обеспеченные в материальном отношении слои общества, в большей степени зависят от развития системы социального страхования. При расширенной государственной и общественной поддержке они становятся активными социальными акторами, способными к достижению личных целей и выражению собственных экономических интересов. Поэтому развитие системы страхования жизни и здоровья лиц с ограниченными возможностями выступает необходимым предварительным условием полноценного участия таких людей в социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благополучие человека: коллективная монография / под ред. Г.А. Барышевой. – Томск: Курсив, 2014. – 166 с.
2. Жиронкин С.А., Барышева Г.А., Гасанов М.А. Социальное благополучие в контексте неоиндустриальных преобразований российской экономики: монография. – Томск: Курсив, 2014. – 193 с.
3. Аверина Е.А. Теоретические основы социальной политики в области защиты инвалидов в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1 (17). – С. 141–147. EDN: OUKCDP.
4. Кулагина Е.В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью в государствах благосостояния: охват помощью и антикризисное регулирование. Часть 1 // Социологическая наука и социальная политика. – 2021. – Т. 9. – № 3. – С. 107–121. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8436. EDN: NWMYLA.
5. Закирова О.В. Страхование: ключевой фактор благополучия государства и его граждан // Вестник Поволжского государственного технологического университета. – 2024. – № 1 (60). – С. 55–65. DOI: 10.25686/2306-2800.2024.1.55. EDN: QUZQZG.
6. Инклюзивные услуги здравоохранения для людей с инвалидностью // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2022/01/Inclusive-Health-Russian.pdf> (дата обращения 27.01.2025).
7. Александрова М.А. Социальное благополучие как феномен общества модерна // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № 2 (49). – С. 14–23. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1534>. EDN: LWAKCU.
8. Бабурина Н.А., Иванова Н.В., Рычкова А.О. Страхование жизни как инструмент повышения благосостояния населения России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и

- правовые исследования. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 184–200. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-184-200. EDN: DSHBNF.
9. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. URL: <https://www.un.org>disability> (дата обращения 27.01.2025).
 10. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: федер. закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/7017006> (дата обращения 27.01.2025).
 11. Андреева К.Э., Николаева А.А. Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России // Вестник университета. – 2022. – № 10. – С. 215–222. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-215-222>. EDN: NUPXTC.
 12. Пузанова Ж.В., Трифонова М.А. Роль страхования в социально-экономической системе // Вестник российского университета дружбы народов. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 877–888. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-877-888>. EDN: NVOLJA.
 13. Гришковац А.А., Галицкая Н.В. Актуальные проблемы государственной поддержки и защиты прав инвалидов в современной России (административно-правовые аспекты) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 2. – С. 105–116. DOI: [10.52452/19931778_2023_2_105](https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_105). EDN: BZNQXW.
 14. Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4. – № 3. – С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52> EDN: CIGZPL
 15. Гобсон Дж. А. Проблемы бедности и безработицы. – СПб.: Репринт, 1997. – 402 с.
 16. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 388 с.
 17. Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма. – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 416 с.
 18. Шумпетер Й. Глава 9. Уэсли Клар Митчелл (1874–1948) // Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. – М.: Институт Гайдара, 2011. – С. 328–354.
 19. Clark J.M. Economic Institutions and Human Welfare. – New York: Alfred A. Knopf, 1957. – 312 p.
 20. Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. Структурно-неоиндустриальные основы импортозамещения в условиях усиления внешних шоков // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 2 (151). – С. 231–234. DOI: [10.34925/EIP.2023.151.2.045](https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.045). EDN: JJJFXP.

Информация об авторах

Эйваз Алиевич Гасанов, доктор экономических наук, профессор Высшей экономической школы Института экономики и управления Тихоокеанского государственного университета, Россия, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; eyvaz_gasanol@mail.ru

Магеррам Алиевич Гасанов, доктор экономических наук, профессор отделения экономики и организации производства Бизнес-школы Томского политехнического университета, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30; maq@tpu.ru

Сергей Александрович Жиронкин, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора института экономики и управления Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; zhironkinsa@kuzstu.ru

Поступила в редакцию: 30.01.2025

Поступила после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. *Human Well-being: a collective monograph*. Ed. by G.A. Barysheva. Tomsk, Kursiv Publ., 2014. 166 p. (In Russ.)
2. Zhironkin S.A., Barysheva G.A., Gasanov M.A. *Social well-being in the context of neo-industrial transformations of the Russian economy: a monograph*. Tomsk, Kursiv Publ., 2014. 193 p. (In Russ.)
3. Averina E.A. Theoretical bases of social policy in the field of protection of invalids in modern Russia. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2012, no. 1 (17), pp. 141–147. (In Russ.) EDN: OUKCDP.
4. Kulagina E.V. Social provision of disabled people in welfare states: the scope of social benefits and anti-crisis regulation. Part 1. *Sociologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2021, vol. 9, Iss. 3, pp. 107–121. (In Russ.) DOI: [10.19181/snsp.2021.9.3.8436](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8436). EDN: NWMYLA.
5. Zakirova O.V. Insurance as a key factor of well-being of the state and its citizens. *Vestnik of Volga State University of Technology. Series «Economics and Management»*, 2024, no. 1 (60), pp. 55–65. (In Russ.) DOI: [10.25686/2306-2800.2024.1.55](https://doi.org/10.25686/2306-2800.2024.1.55). EDN: QUZQGZ.

6. Inclusive health services for people with disabilities. *World Health Organization*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2022/01/Inclusive-Health-Russian.pdf> (accessed 27 January 2025).
7. Aleksandrova M.A. Social well-being as a phenomenon of modern society. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2023, no. 2 (49), pp. 14–23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1534>. EDN: LWAKCU.
8. Baburina N.A., Ivanova N.V., Rychkova A.O. Life insurance as a tool to increase the welfare of the russian population. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2022, vol. 8, Iss. 2, pp. 184–200. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-184-200. EDN: DSHBHF.
9. *Convention on the rights of persons with disabilities. Adopted by UN General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006*. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org>disability> (accessed 27 January 2025).
10. *On ratification of the convention on the rights of persons with disabilities*. Federal Law of 3 May 2012 No. 46-FL. (In Russ.) Available at: <https://www.garant.ru/7017006> (accessed 27 January 2025).
11. Andreeva K.E., Nikolaeva A.A. Life of people with disabilities: global experience and development trends in Russia. *Vestnik Universiteta*, 2022, no. 10, pp. 215–222. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-215-222>. EDN: NUPXTC.
12. Puzanova Zh.V., Trifonova M.A. The role of insurance in the social-economic system. *RUDN Journal of Sociology*, 2020, vol. 20, no. 4, pp. 877–888. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-877-888>. EDN: NVOLJA.
13. Grishkovets A.A., Galitskaya N.V. Actual problems of state support and protection of the rights of persons with disabilities in modern Russia (administrative and legal aspects). *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2023, vol. 2, pp. 105–116. (In Russ.) DOI: 10.52452/19931778_2023_2_105. EDN: BZNQXW.
14. Meshcheryakova N.N., Rogotneva E.N. Digitalization: new risks for people with disabilities. Problem statement. *Digital Sociology*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 44–52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>. EDN: CIGZPL.
15. Hobson J.A. *Problems of poverty and unemployment*. St. Petersburg, Reprint Publ., 1997. 402 p. (In Russ.)
16. Veblen T. *The theory of the leisure class*. Moscow, Progress Publ., 1984. 388 p. (In Russ.)
17. Commons J.R. *Legal foundations of capitalism*. Moscow, HSE Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)
18. Shumpeter J. Chapter 9. Wesley Clare Mitchell (1874–1948). *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2011. pp. 328–354. (In Russ.)
19. Clark J.M. *Economic institutions and human welfare*. New York, Alfred A. Knopf, 1957. 312 p.
20. Zhironkin S.A., Taran E.A., Aleshina O.G. Structural and neo-industrial bases of import substitution in the context of increased external shocks. *Economy and entrepreneurship*, 2023, no. 2 (151), pp. 231–234. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.045. EDN: JJJFXP.

Information about the authors

Eyvaz A. Gasanov, Dr. Sc., Professor, Pacific National University, 136, Tikhookeanskaya street, Khabarovsk, 680035, Russian Federation; eyvaz_gasanov@mail.ru

Magerram A. Gasanov, Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation; maq@tpu.ru

Sergey A. Zhironkin, Dr. Sc., Professor, Deputy Director of the Institute of Economics and Management, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennaya street, Kemerovo, 650000, Russian Federation; zhironkinsa@kuzstu.ru

Received: 30.01.2025

Revised: 25.02.2025

Accepted: 29.03.2025

УДК 316.36-053.81:365

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1958

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Дружественность как системная характеристика жилой среды: значимость и запросы молодой семьи с детьми раннего возраста

В.С. Бурцева✉

*АНО «Научно-исследовательский институт устойчивого развития в строительстве»,
Россия, г. Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург
Социологический институт ФНИСЦ РА, Россия, г. Санкт-Петербург*

✉ burtseva_vs@niiurs.ru

Аннотация. По результатам опросов экспертов и представителей молодых семей с детьми определены специфические требования молодых семей к жилой среде. Для выявления характеристик жилой среды, в которой созданы условия для молодой семьи, введено понятие дружественности жилой среды. В центре эмпирического исследования – материалы интервью с экспертами и представителями молодых семей. В результате анализа выделены признаки дружественности жилой среды. По материалам интервью с представителями молодых семей, проживающих в объективно дружественной и недружественной средах, выявлено их представление о дружественности или недружественности среды. **Цель:** сопоставление экспертных оценок дружественности и характеристик дружественности/недружественности жилой среды, данных представителями молодых семей. Совпадение ключевых признаков дружественности позволило сделать вывод об адекватности понятия. Установлено, что дружественность жилой среды – это комплексный и системный показатель среды, отражающий ее физические и социокультурные характеристики, значимые для человека. Показатель включает не только свойства (характеристики) жилой среды, влияющие на человека, но и ее смысл, определяющий, каким образом среда создается и воспринимается людьми. **Методы:** системно-деятельностный подход, в рамках которого автор рассматривает молодую семью и жилую среду как сложную, открытую, потенциально саморазвивающуюся систему, активный элемент которой – молодая семья. Жилая среда имеет комплексный характер и включает физическое и социальное пространство. **Результаты:** уточнено содержание понятия дружественности жилой среды для молодых семей с детьми. Дружественность раскрыта как комплекс условий, способствующих активности семьи, развитию и выполнению базовых ее базовых функций. Введение и конкретизация понятия дружественности жилой среды для молодой семьи с детьми раннего возраста имеют практическое значение для проектирования жилой среды и организации взаимодействия всех ее агентов.

Ключевые слова: молодая семья, жилая среда, система «жилая среда и молодая семья», дружественная/недружественная жилая среда, дружественность жилой среды для молодой семьи

Для цитирования: Бурцева В.С. Дружественность как системная характеристика жилой среды: значимость и запросы молодой семьи с детьми раннего возраста // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 200–214. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1958

UDC 316.36-053.81:365

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1958

Friendliness as a systemic characteristic of the residential environment: significance and needs of young families with young children

V.S. Burtseva✉

*Research Institute for Sustainable Development in Construction, St Petersburg, Russian Federation
Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russian Federation*

✉burtseva_vs@niiurs.ru

Abstract. Based on surveys of experts and representatives of young families with children, the author has identified the specific requirements for the residential environment. The paper introduces the concept of "friendliness of the residential environment" to describe the requirements of a residential environment conducive to fulfilling the functions of young families. The empirical research focuses on materials from expert interviews and interviews with representatives of young families. Expert interviews provided characteristics of residential environment friendliness. Interviews with representatives of young families living in objectively friendly and unfriendly environments revealed their perceptions of the friendliness or unfriendliness of their surroundings. The purpose of the empirical study was to compare expert assessments of friendliness with the characteristics of friendly and unfriendly residential environments as described by young families. The alignment of key friendliness characteristics allowed the conclusion that the concept is adequate. It was established that the friendliness of the residential environment is a comprehensive and systemic indicator of the residential environment (its physical and sociocultural dimensions), encompassing the properties (characteristics) of the environment and, simultaneously, its meaning for individuals. Within a systemic-activity approach, the author views the young family and the residential environment as a complex, open, and potentially self-developing system, with the young family itself as an active element. The residential environment is complex and includes both physical and social spaces. As a result of the research, the concept of residential environment friendliness for young families with children was refined. Friendliness is defined as a set of conditions that promote family activity, development, and the fulfillment of its basic functions. The introduction and specification of the concept of residential environment friendliness for young families with young children have practical implications for the design of residential environments and the organization of interactions among all their agents.

Keywords: young family, residential environment, "residential environment and young family" system, friendly/unfriendly residential environment, residential environment friendliness for young families

For citation: Burtseva V.S. Friendliness as a systemic characteristic of the residential environment: significance and needs of young families with young children. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 200–214. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1958

Введение

Повышение коэффициента рождаемости – одна из ключевых целей семейной политики современной России, в связи с чем акцентируется поддержка многодетных семей. Здесь значительную роль играет создание условий (например, яслей для содействия занятости молодых родителей детей до трех лет, инфраструктуры, среды для активного образа жизни и др.). Исследователи отмечают, что «решающим при принятии решения о рождении ребенка» ча-

сто признается «жилищный фактор» [1]. Жилая среда как локальная среда обитания молодых семей концентрирует условия ее жизнедеятельности. С 2020 г. действует утвержденная Постановлением Правительства РФ государственная программа обеспечения молодых семей доступным и комфортным жильем. В то же время зафиксировано отсутствие жилья, отвечающего требованиям семей с детьми [2]. Исследователи отмечают воздействие среды на ребенка [3], влияние мезосистемы (в которую входит и соседство) на развитие ребенка [4], связь условий жилой среды и благополучия детей [5], превалирование восприятия семьями жилья над его объективными характеристиками [6], ориентацию семей на ту среду, где возможна реализация их потребностей [7]. Важно, что рассматривается не столько жилая ячейка для молодой семьи [8], а локальная среда обитания молодой семьи – жилая среда. Об этом пишут Б. Рубаненко [9], З. Яргина [10], В. Бурцева [11].

Семья выступает не пассивным потребителем, а субъектом жилой среды, активно выбирающим объекты, объясняемые и заполняемые содержанием в отношении деятельности и образа жизни семьи [12]. Жилая среда – одновременно и система, и социокультурная среда, где требуется формировать жизненное пространство человека как единый социокультурный комплекс [13], ориентированный на запросы субъекта, включенного в создание среды [14].

Таким образом, для современной молодой семьи при выполнении её репродуктивных, экзистенциальных и социальных функций важно не только само по себе жилье, но и жилая среда как локальная среда обитания. Но какие требования предъявляют молодые семьи к этой жилой среде?

Цель исследования – уточнить понятие дружелюбности и специфические функции дружелюбной жилой среды для молодой семьи, для чего сопоставить представления о дружелюбности жилой среды у экспертов и представителей молодых семей. Предполагается, что дружелюбность проявляется в элементах жилой среды, в том числе в ее объективных характеристиках и в субъективном восприятии жителей; дружелюбность жилой среды и функционирование молодой семьи взаимосвязаны.

Методология исследования: 1) системно-деятельностный подход, согласно которому молодая семья и жилая среда рассматриваются как сложная открытая система, активным элементом которой является молодая семья. Исследование продолжает отечественную традицию системного подхода как «организмического» [15]; 2) подход «деятельностного функционализма» в социологии семьи [16], согласно которому молодая семья рассматривается как субъект, организующий деятельность в жилой среде для выполнения своих функций.

В статье используются следующие понятия:

- «молодая семья с детьми раннего возраста» – семья, имеющая одного ребенка и более возраста 0–3 года, а возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 35 лет;
- «жилая среда» – локальная среда обитания, включающая жилой дом и территорию в 5–10–15-минутной пешей доступности. В статье рассматривается среда в городе, хотя она может находиться и за городом;
- «жилая среда и молодая семья» – сложная, открытая, динамичная (поэтапно развивающаяся, а в идеале – самовоспроизводящаяся) система, сочетающая физическое и социальное пространства;
- «дружелюбность жилой среды для молодой семьи – условия жилой среды (ее свойства и смысл), проявляющиеся как в физическом, так и в социальных пространствах и создающие возможности для проявления активности молодой семьи в локальной среде обитания для выполнения своих функций;
- «дружелюбность территории жилой среды» или «территориальная дружелюбность жилой среды» – условия и свойства жилой среды, проявляющиеся в ее материальном каркасе, то есть объективные характеристики;

- «дружественность пространства жилой среды» или «пространственная дружественность жилой среды» – условия и свойства жилой среды, проявляющиеся в ее социальном пространстве как свойства и смысл, то есть субъективные характеристики.

Эмпирическая основа исследования: материалы 56 экспертных интервью и 52 полуформализованных интервью с представителями молодых семей.

В январе–феврале 2024 г. в Санкт-Петербурге проведено 56 исследовательских полуформализованных интервью с экспертами. Средняя продолжительность каждого интервью – около 50 мин. Формирование выборочной совокупности экспертов происходило преимущественно методом снежного кома и было завершено после того, как признаки «дружественности» в интервью стали повторяться. Определяющим критерием отбора в выборочную совокупность служила профессиональная деятельность экспертов, связанная с созданием и эксплуатацией жилой среды (архитекторы, девелоперы, застройщики, специалисты по устойчивому развитию, управляющие компании и др.), а также с теми, кто взаимодействует с молодыми семьями в профессиональной деятельности (врачи, работники дошкольных учреждений и учреждений культуры, представители муниципальных органов и учреждений и др.). Стаж работы варьировался от 7 до 50 лет.

В результате анализа выявлено, что дружественная жилая среда характеризуется категориями «удобство» (организованная территория для различных видов деятельности с сопутствующей инфраструктурой – эргономичные скамейки, навесы от дождя и солнца, достаточное количество урн и пр.; разнообразие объектов инфраструктуры и сервиса (магазинов, детских, спортивных учреждений и пр. в пешей доступности, широких тротуарах, отсутствие мусора на улицах, наличие лифта и др.); «безопасность» (разграничение движения автомобилей и пешеходов, равномерность искусственного освещения на всей территории жилой среды, закрытой от посторонних людей территории, охрана и видеонаблюдение, просматриваемость территории, которая достигается за счет прозрачных вставок в двери подъездов и отсутствии «чужих» людей на территории и др.); «доступность» (безбарьерность, то есть отсутствие препятствий при перемещении по территории в виде бордюров, порожков, лестниц и т.д.; близость необходимых объектов инфраструктуры; остановки общественного транспорта; возможность фиксации дверей; доступность для людей с ограниченными возможностями; отсутствие снега, наледи и луж на пешеходных дорожках, а также удаленность шумных и опасных объектов, таких как шоссе, очистные сооружения, аэропорты и т. д.); «природа» (наличие разнообразных природных элементов – водные объекты, леса и живущие в них птицы и мелкие животные, парки, скверы, пруды и пр.; инфраструктура, способствующая благоприятному пребыванию животных, – скворечники, площадки для выгула собак и др.); инфраструктура для раздельного сбора отходов; пространства для буккроссинга, обмена вещами и т. п.; энергоэффективность; водоэффективность; развитая велоинфраструктура и пр.); «соседство» (общность, совместные мероприятия, соседский центр и пр.); «человекоориентированность» (вежливость, соразмерность человеку, природные материалы и цвета, используемые при отделке зданий и создании уличной мебели и др.). Последняя категория проявляется в отношениях жителей как соседей и через материальный каркас, закладывая соответствующие смыслы. Дружественность жилой среды оценивается на уровне территории (материального каркаса, физического пространства), является объективной системой показателей среды, а также на уровне пространства (социального/ых), выступая субъективной системой показателей.

На основании выявленных признаков дружественной жилой среды проведен выбор двух жилых сред (г. Санкт-Петербург, жилые дома комфорт-класса, 2019 г. постройки), идентифицированных как дружественная (среда А) и недружественная (среда Б) (табл. 1).

Таблица 1. Объективные характеристики дружелюбной и недружелюбной жилых сред
Table 1. Objective characteristics of a friendly and unfriendly living environment

Жилая среда А (объективная дружелюбность территории) в черте города Living environment A (objective friendliness of the territory) within the city	Жилая среда Б (объективная недружелюбность территории) на окраине города Living environment B (objective unfriendliness of the territory) on the outskirts of the city
Инфраструктура и характер застройки/Infrastructure and development characteristics	
Развита: 12 мин до метро пешком, 7 мин пешком до крупного торгового комплекса/Developed: 12 minutes walk to the metro, 7 minutes walk to a large shopping mall	Плохо развита: 20 мин пешком до остановки общественного транспорта по обочине дороги, 1,5 часа пешком до метро/Poorly developed: 20 minutes walk to a public transport stop on the side of the road, 1.5 hours walk to the metro
Среднеэтажная застройка, на первых этажах объекты сервиса и инфраструктуры (аптеки, кафе, рестораны, точки доставки, детские развивающие центры) Mid-rise development, with service and infrastructure facilities on the ground floors (pharmacies, cafes, restaurants, delivery points, children's development centers)	Многоэтажная застройка/Multi-storey building
Территория двора/Yard area	
Закрытая, двор без машин/Closed, yard without cars Имеется пространство для физической активности людей разных возрастных групп: детские и спортивные площадки, беговая дорожка Facility encompasses designated areas for physical activity tailored to diverse age groups, including children's playgrounds, sports complexes, and a running track Во время посещения жилой среды (суббота, ~12:00) наблюдали, помимо игр детей на детских площадках, подростков, играющих в футбол, молодых девушек, занимающихся спортом и т. п. There is space for activities of different age groups: playgrounds for different ages, sports, etc., a running track. During the visit to the residential environment (Saturday, ~12:00) in addition to children playing on the playgrounds, teenagers played football, young girls did sports, etc.	Открыта для всех и заполнена машинами, приватное пространство отсутствует; безбарьерная среда частично реализована; имеются детские площадки, спортивная зона. На момент посещения объекта (суббота, ~12:00) на детских площадках играли дети. Спортивные зоны были пустынные. Жителей, занимающихся спортом, физической активностью, а также просто ходьбой, не было замечено/Open to all and filled with cars, no private space; barrier-free environment partially implemented; playgrounds, sports area. At the time of the site visit (Saturday, ~12:00) children were playing on the playgrounds. Sports areas were deserted. Residents involved in sports, physical activity, or just walking – no noted
Выявленные признаки жилых сред/Identified signs of living environments	
Удобство, то есть комфортность для жителей любого возраста Convenience, i. e. comfort for residents of any age	Неудобство, отсутствие инфраструктуры для определенных категорий жителей Inconvenience, lack of infrastructure for certain categories of residents
Возможность контакта с природой, достаточное количество зеленых насаждений Possibility of contact with nature, sufficient green spaces	Отсутствие возможности контакта с природой в жилой среде, зеленые насаждения представлены преимущественно газонами Lack of contact with nature in the living environment; green spaces are mainly represented by lawns
Доступность, безбарьерная среда Accessibility, barrier-free environment	Безбарьерная среда реализована не везде: встречаются участки, неудобные для передвижения с детьми или колясками Barrier-free environment is not implemented everywhere, the routes are inconvenient for moving with children or strollers

Пространство для людей, а не для машин Space for people, not for cars	Машины на территории при наличии паркинга Cars on the premises if there is parking
Соразмерность человеку, то есть среднеэтажная застройка Human scale, meaning mid-rise buildings	Несоразмерность человеку, то есть высотное многоэтажное строительство Lack of human scale, meaning high-rise construction
Безопасность, которая выражается в закрытой территории, курсирующем охраннике, камере наблюдения, продуманной планировке территории, где разведены потоки людей и машин (нет угрозы, что ребенок выбежит на улицу) Security, which is expressed in a closed area, a security guard on duty, surveillance cameras, a well-thought-out layout of the area, separating the flows of people and cars (there is no threat that a child will run out into the street)	Небезопасная открытая территория, проходные дворы, потоки машин и жителей (детей) пересекаются, отсутствие видеонаблюдения, охраны, посторонние граждане со строительных площадок на территории Unsafe open area, walk-through courtyards, intersecting flows of cars and residents (children), lack of video surveillance, security, strangers from construction sites on the territory
Человекоориентированность планировочных решений/Human-oriented planning solutions	
Учтены потребности разных возрастных групп, использованы природные материалы, достаточное количество урн, чистота территории Needs of different age groups are taken into account, natural materials are used, a sufficient number of urns, the territory is clean	Не продуманы пешеходные маршруты, вытаптываются газоны, зеленые насаждения не ухожены, территория замусорена, площадки для мусора плохо оборудованы Pedestrian routes are not well thought out, lawns are trampled, green spaces are not maintained, the area is littered, and waste disposal areas are poorly equipped

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

В апреле–мае 2024 г. проведены 52 полуформализованных интервью с представителями молодых семей, проживающих в жилой среде А (N = 26) и жилой среде Б (N = 26). Формирование выборочной совокупности информантов проводилось методом «снежного кома» и было завершено после того, как информация в интервью стала повторяться. Определяющим критерием отбора в выборочную совокупность были факт проживания молодых семей в жилой среде (жилой среде А или Б) и владение квартирой на праве собственности, а также наличие хотя бы одного ребенка от 0 до 3 лет. В ходе интервью использован также метод свободных ассоциаций: предлагалось назвать пять слов или словосочетаний, характеризующих взаимодействие с жилой средой. С целью сохранения конфиденциальности данные об информантах в тексте статьи не приводятся.

В гайде интервью три тематических блока: 1) информационный – уточнение общего представления о жилой среде; 2) характеристики дружелюбности жилой среды для молодых семей с детьми, проявления дружелюбности или недружелюбности среды, общие и специфические требования к жилой среде, неудовлетворенность жилой средой и ее восприятие; 3) дополнительные исследовательские вопросы о повседневной жизни, актуальности соседства, общественных пространствах и возможности формирования дружелюбности жилой среды.

Обработка материалов интервью проведена методом открытого кодирования.

Восприятие дружелюбности жилой среды молодыми семьями

Представителям молодых семей жилой среды А было легче рассуждать о дружелюбности как таковой: *«Дружелюбная среда – это локальное место, где ты можешь прожить долго без вылазки в город. Условно, где есть всё, что тебе нужно: и кафе, и магазины, и аптеки, и милые зоны. Просто тебе никуда не надо вообще выходить. Всё в трёх минутах, и ты можешь в целом после работы больше не видеть город».*

Для молодого отца дружественная жилая среда – это дружный коллектив с маленькими детьми, где *«если жена выходит на прогулку – ей дверь могли бы поддержать»*, а архитектура, планировка, наличие двора располагает к общению, можно и поиграть, и посидеть, и *«у всех все налаживается»*. Для молодой матери дружественная среда отвечает потребностям, связанным с воспитанием и уходом за ребенком: *«Удобно выйти с коляской, если ребенок спит спокойно. Взять кофе и ходить. Кому-то надо анализы, чтобы близко были, если ребенок, особенно когда они рождаются, бывает надо что-то сдавать, лечить, не набегаешься»*.

Недружественная среда представляется как упадок физического и социального пространств, невозможность проявить свою активность: *«один бетон, открытые пространство, забитые автомобилями, газы, шум, просто агрессивные распушенные соседи, много собак бегающих»* и *«ощущение, что это ничья, пустынная территория, где непонятно кто отвечает за то, чтобы все было хорошо. И влияния у тебя никакого нет»*.

Представителям жилой среды Б было сложнее рассуждать о дружественности как таковой, их высказывания были более краткими и сводились к характеристикам отношений между жителями и администрацией: *«дружественная жилая среда – это место, где все жильцы состоят в каком-то согласии, мире и заинтересованы в общем благе, устройстве жизни в этом районе и так далее. Среда, которая безопасна полностью для детей, для граждан, а вообще для пожилых людей также»*.

Контент-анализ интервью выявил структуру представлений о дружественности жилой среды. В среде А – 25 информантов из 26 говорили об удобстве, 18 из 26 – о безопасности, 15 из 26 – о человекоориентированности, 12 из 26 – о природе, 10 из 26 – о соседстве, 9 из 26 – о доступности. Таким образом, категории наполнения понятия «дружественности жилой среды» экспертами и представителей молодых семей жилой среды А совпадают.

В жилой среде Б 16 информантов из 26 говорили о человекоориентированности, 13 из 26 – о соседстве, 10 из 26 – об удобстве, 6 из 26 – о природе, 5 из 26 – о безопасности, 4 из 26 – о доступности. На первый план вышли категории, связанные с социальным пространством/ами: соседство, человекоориентированность как характеристика отношений между жителями и отношений с управляющей компанией. Тем не менее все категории, выявленные экспертами (удобство, человекоориентированность, безопасность, природа, соседство, доступность), были упомянуты информантами. Это означает, что представления о «дружественности жилой среды» и категориях, которые наполняют это понятие, у экспертов и молодых семей совпадают.

Функции жилой среды для молодой семьи

Характеристика функций жилой среды у представителей жилых сред различается. Анализ материалов интервью в жилой среде А подтвердил функции, ранее выявленные экспертами:

- мотивирующая: *«Здесь взрослая женщина была, она использовала скамейку для того, чтобы делать какие-то упражнения! Возможности есть»*;
- побудительная: *«Когда ты просто хочешь выйти из дома»*;
- объединяющая: *«Есть возможность создать эту (дружественную – прим.) среду. <...> дружный живой коллектив со своими целями и более-менее схожими интересами»*;
- развивающая как в материальном, так и в духовном плане: *«Чтобы каждый человек нашел себе в рамках жилого комплекса занятия по душе, мог как-то провести активность»*;
- располагающая к длительному пребыванию.

Дополнительно выявлена функция минимизации стресса: *«Тебе не приходится думать, как от внешнего мира защищаться»*.

В жилой среде Б из функций отмечены только две:

- мотивирующая, которая представлена контрпримерами: *«я не мусорю <...> потому что надо начинать с себя»*;

- объединяющая: *«у нас есть очень инициативные товарищи, которые все бьются за то, чтобы привести в порядок территорию у реки и сделать там парк. И мы все согласны, мы все подписали».*

Различаются в исследуемых средах и запросы молодых семей. Информант, проживающий в среде А, отвечая на вопрос *«Чего не хватает в жилой среде?»*, упоминает нехватку парка (категория «природа»), что отмечает практически каждый респондент. Каждый пятый также говорит о необходимости площадки для выгула собак (категория «удобство»), связывая это с обеспокоенностью за детей: *«Дети бегают, и тут же могут выгуливать собак, которые не все маленькие».*

Важно отметить наличие в среде А культуры ухода: владельцы собак убирают за своими питомцами.

Таким образом установлена зависимость дружелюбности жилой среды и ее функций. В территориально дружелюбной среде наблюдается многофункциональность, включающая мотивирующую, побудительную, объединяющую, развивающую и располагающую к длительному пребыванию функции, а также функцию минимизации стресса. Это свидетельствует о наличии условий, которые создают возможность для реализации разной активности молодой семьей. В недружелюбной среде функциональная насыщенность среды значительно ниже. Здесь выявлены только мотивирующая и объединяющая функции, при этом их реализация ограничена индивидуальными инициативами и необходимостью компенсировать дефицит инфраструктуры и комфортных условий. Это указывает на слабую поддержку активности жителей со стороны среды и её недостаточную способность обеспечивать устойчивые социальные связи.

Запросы молодых семей на условия в жилой среде

В ходе интервью информанты среды А только дважды жаловались на нехватку поликлиники, детского бассейна и спортивного зала (простого, не относящегося к сети), трудности попасть в детский сад, что усугубляется ситуацией, когда при покупке жилья покупатель оплачивает социальную инфраструктуру, но по факту не может ей пользоваться: *«Когда я покупала квартиру в моей картине было, что я возжу ребенка в этот садик, за который платила, <...> но по отзывам соседей, туда не попадешь. Он отдан на баланс городу, и город там сам кому-то раздает места, и вроде как у жителей ЖК нет приоритета».*

Была выявлена и нехватка зон для летних пикников, развивающих детских центров, а также невозможность зимнего пользования велосипедом, недостаток мероприятий для жителей. Удовлетворенность или неудовлетворенность молодых семей условиями жилой среды в данном случае подтверждает выявленную ранее тенденцию семейного времяпрепровождения и запросов по его организации [17].

В жилой среде Б информанты давали развернутые ответы на вопрос *«Чего не хватает в жилой среде и что вы хотели бы изменить?»*, часто сопровождавшиеся эмоциональной окраской. Контент-анализ позволил выявить приоритетные направления острого недовольства молодой семьи. Показательны категории и количество выявленных потребностей от общего числа (в скобках состав и количество запросов) информантов среды Б:

- удобство – 28 % запросов (торгово-развлекательный центр – 9 информантов из 26, развивающие детские центры – 8 из 26, поликлиника/больница – 4 из 26, культурный/соседский центр – 3 из 26, кафе и кофейни – 3 из 26);
- доступность – 24 % (транспортная доступность – 8 из 26, чистота – 6 из 26, исключение промзоны – 6 из 26, безбарьерная среда – 4 из 26);
- человекоориентированность – 14 % (уборка за своими питомцами – 14 из 26);
- природа – 12 % (озеленение – 12 из 26);
- безопасность – 12 % (необходимость убрать машины с территории жилой среды, регулировать скоростной режим, исключить парковки на тротуарах – 12 из 26);

- соседство – 9 % (живое общение и социализация – 7 из 26, места для неформального общения – 2 из 26).

Тема соседства, важности локальных социальных связей представлена во всех интервью информантов среды Б, сформирован запрос на соседство – *«локально развивать социальную жизнь»*. Жители обращали внимание на потребность молодых матерей в социализации: *«Когда ты один с ребенком, социальная жизнь очень замкнутая. И чтобы хоть какое-то общение поддерживать, хотелось бы как-то по интересам находить общих знакомых»*; говорили о сложности заменить живое общение на виртуальное: *«Социализация в большом мегаполисе так или иначе необходима»*. Это еще раз подчеркивает важность соседства для семьи и является значимым фактором для создания позитивных изменений в жилой среде [18].

Оценка молодыми семьями своей жилой среды

В оценках жителей выражается соответствие субъективного восприятия объективным характеристикам жилых сред. В объективно дружественной жилой среде А на вопрос о её дружественности утвердительно ответили 22 информанта, один дал отрицательный ответ, а четверо затруднились с однозначной оценкой.

Молодые семьи в среде А, так же как и эксперты, рассматривают дружественность жилой среды как сочетание свойств и смыслов физического и социального пространств. Условия дружественной среды создают возможности молодой семьи для реализации своих функций, специфических и неспецифических. Информанты выразили удовлетворенность условиями жилой среды по категориям «доступность», «безопасность», «соседство», «человекоориентированность». Каждый информант отмечал желание видеть больше озеленения и обустроенные места для отдыха (категория «природа»). Каждый пятый жаловался на сложности с оформлением в детские сады, но не на их отсутствие (физически они присутствуют).

Дружественная среда воспринимается молодыми семьями среды А как развивающаяся, перспективная, в которой созданы условия для активности молодых семей, и эти условия действительно создаются в жилой среде. Информанты чувствуют принадлежность к жилой среде. Таким образом, объективно дружественная жилая среда субъективно воспринимается также дружественной. Взаимосвязь дружественности жилой среды и активности молодой семьи в ней подтверждена.

Три из пяти информантов, проживающих в жилой среде Б, отвечая на вопрос о дружественности жилой среды, затруднились дать однозначную оценку: *«Я бы не сказала, что она дружественна и что она недружественна. Мне кажется, она такая, по чуть-чуть. Потому что все равно есть что-то – не совсем плохо, но и не идеально»*.

Сравнив ответы молодых семей о понятии дружественности жилой среды с тем, как они оценивали свою объективно территориально недружественную среду, можно заключить, что жители нормализуют свое пребывание, адаптируются к условиям, стремятся находить нечто хорошее, часто в сравнении с прежним негативным опытом. Несмотря на оптимизм информантов, их веру в хорошее будущее, стремление не унывать, в ответах чувствуется беспомощность – неумение (сложность) договориться с соседями, непонимание механизмов эффективного взаимодействия с управляющей компанией. Жители не понимают, к кому обращаться, так как управляющая компания, администрация – деперсонифицированные организации с распределенной ответственностью. Это заставляет людей писать во все инстанции только для того, чтобы привлечь внимание высшего руководства: *«Сейчас, конечно, строят (школы, сады – прим.), но и то после того, как Путин приезжал. Да, есть даже видео, он сюда приезжал, потому что люди жаловались»*.

Молодые семьи среды Б в целом выражают недовольство своей жилой средой, ощущая значительное разочарование из-за её плохого состояния и множества недостатков. Среда описывается как «неухаженная», «грязная», «вонючая» и «некультурная», с мусором и не-

хваткой зелёных зон, что усиливает негативное восприятие. Отсутствие озеленения и пешеходных переходов считается существенным недостатком, а мусор и грязь создают неблагоприятные условия для жизни. Негативное отношение к постоянной смене арендаторов и низкий уровень доверия к соседям способствуют негативному восприятию соседей, что отчасти заложено в планировочных решениях среды, например в отсутствии приватного пространства (придомовой территории), которая используется только жителями («закрытые» дворы). Жители выражают разочарование поведением соседей и общим уровнем культуры. Хотя виден потенциал для улучшения, текущее состояние оценивается *«на 3 из 10»*, что свидетельствует о низкой удовлетворенности, несмотря на возможные перспективы. Все это снижает активность молодых семей, препятствует реализации функций молодой семьи в связи с состоянием физического пространства и сложившимся социокультурным пространством или, напротив, стимулирует молодые семьи адаптироваться к ситуации: *«Нужно стремиться к лучшему»*, нормализовать свое вынужденное существование: *«Меня оно (существование – прим. автора) не устраивает, я просто принимаю это и всё, как есть. Как оно есть»*, не размышлять об условиях жизни: *«Все хорошо и точка»* или прикладывать усилия, чтобы находить позитивное: *«можно сказать, что где-то есть похуже районы. Это как-то успокаивает»*.

Результаты и выводы

Анализ и интерпретация интервью с молодыми семьями, проживающими в территориально дружественной (А) и недружественной (Б) средах, подтверждают обоснованность категорий (доступность, безопасность, удобство, природа, человекоориентированность, соседство), наполняющих понятие дружественности жилой среды для молодой семьи с детьми раннего возраста.

Дружественность – это комплексный и системный показатель жилой среды, включающий в себя как ее свойства (характеристики) жилой среды, так и ее смысл для человека. Информанты подтверждают значимость объективных параметров жилой среды, которая влияет на условия активности и активность молодой семьи. Дружественность как смысл, ценность проявляется в физическом и социальном пространствах.

Помимо создания доступной, безопасной и удобной жилой среды с развитой инфраструктурой, такой как детские, медицинские учреждения, парки, разнообразные точки питания, магазины и др., можно говорить о дружественности жилой среды как условия активности молодой семьи.

Анализ материалов интервью семей позволяет заключить, что дружественность, проявляющаяся в социокультурном пространстве (категория «соседство», «чело́векоориентированность»), воспроизводит саму себя, равно как и активность молодых семей воспроизводится в дружественном пространстве жилой среды через ценности, практики и образцы поведения (других молодых семей, жителей жилой среды). Сравнение условий для молодых семей в жилых средах А и Б позволяют заключить, что дружественность пространства возникает там, где, скорее всего, создана территориальная дружественность. Это подтверждает, что дружественная жилая среда состоит из дружественности территории и дружественности пространства.

Дружественность жилой среды определяется условиями, способствующими активности молодой семьи в реализации специфических и неспецифических функций, а также смыслом, ценностями, всей культурой, которые проявляются во время организации жизнедеятельности в жилой среде и выступают как регуляторный ценностно-нормативный механизм. Молодая семья опирается на собственные силы, что подчеркивает ее субъектную роль [19], но требует специфических условий жизнеобеспечения. Это значимый фактор процесса адаптации молодой семьи в нестабильных обстоятельствах, когда качество жизни семьи во многом обусловлено ее бытом [20].

Представления о дружелюбности жилой среды у информантов двух сред различаются по значимым категориям, по запросам к качеству жилой среды и оценке дружелюбности (табл. 2).

Таблица 2. Представления информантов о дружелюбности жилой среды
Table 2. Informants' perceptions of the friendliness of the living environment

Категории Categories	Объективно дружелюбная жилая среда А Objectively friendly living environment A	Объективно недружелюбная жилая среда Б Objectively unfriendly living environment B
Структура понятия «дружелюбность жилой среды» (% к числу опрошенных) Structure of the concept of "friendliness of the living environment" (% of respondents)		
Удобство/Convenience	28	10
Человекоориентированность Human-centeredness	22	22
Безопасность/Safety	19	6
Природа/Nature	9	6
Соседство/Neighborhood	11	25
Доступность/Availability	11	4
Запросы информантов к условиям жилой среды (% запросов/жалоб в категории от всех запросов) Informants' requests for living environment conditions (% of requests/complaints in the category from all requests)		
Природа (запрос на парк) Nature (request for park)	81	12
Удобство/Convenience	19 (преимущественно запрос на организацию зоны для выгула собак) (mainly a request for the organization of a dog walking area)	28
Доступность/Availability	–	24
Человекоориентированность Human-centeredness	–	14
Безопасность/Safety	–	12
Соседство/Neighborhood	–	9
Оценка дружелюбности своей жилой среды информантами (число ответов) Informants' assessment of the friendliness of their living environment (number of responses)		
Да/Yes	22	5
Нет/No	3	5
И да, и нет/Both yes and no	1	15
Не смогли ответить/Couldn't answer	0	1

Рассчитано и составлено автором.

Calculated and compiled by the author.

Из табл. 2. видно, что информанты объективно дружелюбной и недружелюбной жилых сред наполняют понятие дружелюбности жилой среды категориями «удобство», «безопасность», «доступность», «природа», «соседство», «человекоориентированностью». Так, понятие «дружелюбности жилой среды» для молодой семьи совпадает с представлениями экспертов, что позволяет оценить адекватность использования категорий и соответствующих подкатегорий дружелюбности жилой среды, приведенных в разделе «Эмпирическая основа исследования» статьи.

В то же время анализ материалов интервью представителей молодых семей обеих жилых сред позволил выявить различную значимость каждой категории. В среде А значимыми ха-

рактиками являются «удобство» (28 %), «человекоориентированность» (22 %) и «безопасность» (19 %), в то время как для информантов среды Б значимы «человекоориентированность» (22 %), но также особенно значимым становится категория «соседство» (25 %).

Запросы информантов относительно улучшения условий проживания также демонстрируют различия в восприятии среды. В среде А основной запрос связан с наличием природных территорий и озеленённых зон (81 %), в то время как в среде Б информанты формулируют запрос на «удобство» относительно организации зон для выгула собак (28 %), доступность инфраструктуры (24 %), а также требования к «человекоориентированности» (14 %), «безопасности» (12 %) и «соседству» (9 %). Таким образом, можно заключить, что в дружественная жилая среда А практически отвечает потребностям молодых семей, в то время как недружественная среда Б – не отвечает.

На вопрос «Ваша среда дружественная?» большинство информантов среды А (22 чел.) ответили, что их жилая среда является дружественной, тогда как только 5 информантов среды Б дали положительный ответ, а 15 человек ответили неоднозначно («и да, и нет»).

Анализ материалов интервью с молодыми семьями, проживающими в территориально различающихся жилых средах, подтвердил обоснованность категорий, определяющих дружественность жилой среды, а также выявил различия в их значимости для представителей среды А (дружественной) и среды Б (недружественной). В среде А наиболее значимыми являются удобство, человекоориентированность и безопасность, тогда как в среде Б акцент смещён на человекоориентированность и соседство. Дружественная жилая среда формируется как на уровне физических характеристик территории, так и на уровне социальных взаимодействий, обеспечивая условия для активности молодой семьи.

Выявлена взаимосвязь между территориальной и пространственной дружественностью. В среде А большинство информантов оценивают свою жилую среду как дружественную, тогда как в среде Б значительная часть информантов демонстрирует неопределённость в оценках, что свидетельствует о недостаточности условий для удовлетворения потребностей молодой семьи.

Полученные результаты подтверждают, что дружественная жилая среда является регуляторным фактором активности молодой семьи, а её параметры оказывают непосредственное влияние на качество жизни.

Заключение

Проведённый анализ позволил выявить ключевые характеристики дружественной жилой среды, представленные категориями удобства, безопасности, доступности, природы, соседства и человекоориентированности, каждая из которых включает ряд специфических подкатегорий, определяющих качество среды и её восприятие жителями. Дружественная жилая среда формируется на двух уровнях: объективном, связанном с материальной структурой среды, и субъективном, отражающем социальное восприятие пространства. В содержательном аспекте дружественность жилой среды представляет собой социокультурный феномен, определяющий комфорт проживания и степень социальной активности жителей.

Выявлена функциональная значимость дружественной жилой среды для молодой семьи с детьми. Она выполняет мотивирующую, побудительную, объединяющую и развивающую функции, способствуя минимизации стресса и созданию условий для длительного проживания. Уточнена характеристика дружественности жилой среды как условия активности молодой семьи, что позволило подтвердить гипотезу о зависимости уровня активности семьи от степени дружественности среды. Чем выше степень дружественности жилой среды, тем благоприятнее условия для проявления социальной и экзистенциальной активности семьи.

Анализ различий в восприятии жилой среды показал, что объективно дружественная среда субъективно воспринимается как таковая, способствуя формированию чувства при-

надлежности к месту проживания и удовлетворённости условиями жизни. Напротив, недружественная жилая среда не удовлетворяет потребности молодых семей, что приводит к снижению активности и преобладанию адаптивных стратегий, ориентированных на жизнеобеспечение, поиск компенсаторных механизмов и нормализацию условий проживания на основе сравнительного анализа с предыдущим опытом.

Выявленная система категорий и подкатегорий дружелюбности жилой среды позволяет оценивать условия проживания молодых семей с учётом их потребностей. Данный подход представляет практическую ценность для проектирования жилой среды, обеспечивая возможность управления её параметрами на этапе формирования градостроительных решений. Учитывая междисциплинарный характер проблемы, предложенная классификация может использоваться не только в проектно-строительной сфере, но и в рамках семейной политики, способствуя разработке комплексных мер по созданию комфортной и поддерживающей жилой среды для молодых семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11. EDN: OGIYSX.
2. Антонов А.И., Синельников А.Б., Новоселова Е.Н. Семейно-детный образ жизни. Результаты социолого-демографического исследования. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 540 с.
3. Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. – Ленинград: б. и., 1968. – 40 с.
4. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: experiments by nature and design. – Cambridge: Harvard University Press, 1979. – 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674028845>.
5. Clair A. Housing: an under-explored influence on children's well-being and becoming // Child indicators research. – 2019. – Vol. 12. – № 2. – P. 609–626. DOI: 10.1007/s12187-018-9550-7. EDN: EUYVSR.
6. There's no place like home: the associations between residential attributes and family functioning / C.M. Thornock, L.J. Nelson, Ch.L. Porter, C.A. Evans-Stout // Journal of Environmental Psychology. – 2019. – Vol. 64. – P. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.04.011>.
7. Karsten L. Counterurbanisation: why settled families move out of the city again // Journal of Housing and the Built Environment. – 2020. – Vol. 35. – P. 429–442. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10901-020-09739-3>. EDN: SFPOHY.
8. Давыдова Е.А. Социокультурное пространство в организации и создании архитектуры социального жилья для молодых семей // Перспективы науки. – 2019. – № 4 (115). – С. 79–83. EDN: PDEETR.
9. Жилая ячейка в будущем / Б.Р. Рубаненко, К.К. Карташова, Д.Г. Тонский и др. – Москва: Стройиздат, 1982. – 198 с.
10. Яргина З.Н. Градостроительный анализ. – Москва: Стройиздат, 1984. – 244 с.
11. Бурцева В.С. Жилая среда как сложная открытая система с активным элементом (на примере жилой среды для молодой семьи) // Социология города. – 2024. – № 1. – С. 25–40. DOI: https://doi.org/10.35211/19943520_2024_1_25. EDN: AOYJRD.
12. Раундсепп М. Субъект и поддерживающая среда // Средовые условия развития социальных общностей / под ред. Т. Нийта и др. – Таллинн: Таллиннский педагогический институт, 1989. – С. 67–98.
13. Ярмош Т.С., Михина О.В. Социокультурные принципы проектирования жилой среды // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2014. – № 5. С. 254–258. EDN: SXDKIH.
14. Кияненко К.В. Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». – 2022. – Т. 22. – № 3. – С. 720–731. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-720-731>. EDN: QPWNWZ.
15. Бурцева В.С. Жилая среда будущего: средовой или системный подход? // Урбанистика. – 2023. – № 2. – С. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.2.40373>. EDN: NDVNMT.
16. Саралиева З.Х. и др. Жизненные миры современной российской семьи: монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2015. – 263 с.
17. Иванова Т.Н., Горбачева Н.Б. Современная семья о культурно-досуговой среде города // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 133–136. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0032. EDN: PQGSHM.

18. Mancini J.A., Bowen G.L. Families and communities: a social organization theory of action and change // Handbook of Marriage and the Family / Eds. G. Peterson, K. Bush. – Boston: Springer, 2013. – P. 781–813. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3987-5_32.
19. Касаркина Е.Н., Бистяйкина Д.А. Молодая семья как объект социального воздействия и субъект собственного изменения // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 2-1. – С. 199–203.
20. Разов П.В., Преснякова-Осипова И.В., Юшкова С.А. Молодая семья в современном российском социуме: образ и качество жизни. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 210 с. DOI: 10.12737/1067069. EDN: LFRAPH.

Информация об авторе

Вера Сергеевна Бурцева, директор АНО «Научно-исследовательский институт устойчивого развития в строительстве», Россия, 192102, г. Санкт-Петербург, ул. Салова, 44, корп. 1, литер И; аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7–9; ассоциированный научный сотрудник Лаборатории исследования социокультурной активности молодежи Социологического института ФНИСЦ РА, Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14; burtseva_vs@niiurs.ru

Поступила в редакцию: 25.12.2024

Поступила после рецензирования: 20.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive attitudes of young families: Driving forces and implementation conditions (on the basis of in-depth interviews). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 172–189. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11. EDN: OGIYSX.
2. Antonov A.I., Sinelnikov A.B., Novoselova E.N. *Family and child lifestyle. Results of a sociological and demographic study*. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 540 p. (In Russ.)
3. Kharchev A.G. *Everyday life and family in a socialist society*. Leningrad, 1968. 40 p. (In Russ.)
4. Bronfenbrenner U. *The ecology of human development: experiments by nature and design*. Cambridge, Harvard University Press, 1979. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674028845>.
5. Clair A. Housing: an under-explored influence on children's well-being and becoming. *Child indicators research*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 609–626. DOI: 10.1007/s12187-018-9550-7. EDN: EUYVSR.
6. Thornock C.M., Nelson L.J., Porter Ch.L., Evans-Stout C.A. There's no place like home: the associations between residential attributes and family functioning. *Journal of Environmental Psychology*, 2019, vol. 64, pp. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.04.011>.
7. Karsten L. Counterurbanisation: why settled families move out of the city again. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2020, vol. 35, pp. 429–442. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10901-020-09739-3>. EDN: SFPOHY.
8. Davydova E.A. Socio-cultural space in the organization and creation of architecture of social housing for young families. *Science prospects*, 2019, no. 4 (115), pp. 79–83. (In Russ.) EDN: PDEETR.
9. Rubanenko B.R., Kartashova K.K., Tonsky D.G. *Residential unit in the future*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1982. 198 p. (In Russ.)
10. Yargina Z.N. *Urban development analysis*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1984. 244 p. (In Russ.)
11. Burtseva V.S. Living environment as a complex open system with an active element (on the example of a living environment for a young family). *Urban Sociology*, 2024, no. 1, pp. 25–40. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.35211/19943520_2024_1_25. EDN: AOYJRD.
12. Roundsepp M. Subject and supporting environment. *Environmental conditions for the development of social communities*. Ed. by T. Niit. Tallinn, Tallinn Pedagogical Institute Press, 1989. pp. 67–98. (In Russ.)
13. Yarmosh T.S., Mikhina O.V. Sociocultural principles of designing a residential environment. *Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov*, 2014, no. 5, pp. 254–258. (In Russ.) EDN: SXDKIH.
14. Kiyanencko K.V. Social strategies for urban management and urban-environment development in the works of T.M. Dridze and in contemporary Russia. *RUDN Journal of Sociology*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 720–731. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-720-731. EDN: QPWNWZ.
15. Burtseva V.S. The living environment of the future: environmental or systemic approach? *Urban Studies*, 2023, no. 2, pp. 1–15. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2023.2.40373>. EDN: NDVNMT.
16. Saralieva Z.Kh. *Life worlds of the modern Russian family: monograph*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ. House, 2015. 263 p. (In Russ.)

17. Ivanova T.N., Gorbachyova N.B. Modern family about the cultural and leisure medium of the city. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 133–136. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0032. EDN: PQGSHM.
18. Mancini J.A., Bowen G.L. Families and communities: a social organization theory of action and change. *Handbook of Marriage and the Family*. Eds. G. Peterson, K. Bush. Boston, Springer, 2013. pp. 781–813. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3987-5_32.
19. Kasarkina E.N., Bistyaykina D.A. Young family as an object of social impacts and self-change subject. *Kazan Pedagogical Journal*, 2016, no. 2-1, pp. 199–203. (In Russ.)
20. Razov P.V., Presnyakova-Osipova I.V., Yushkova S.A. *Young family in modern Russian society: image and quality of life*. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 210 p. (In Russ.) DOI: 10.12737/1067069. EDN: LFRAPH.

Information about the author

Vera S. Burtseva, Director, Research Institute for Sustainable Development in Construction, 44, bld. 1, Liter I, Salov street, St. Petersburg, 192102, Russian Federation; Postgraduate Student, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Associate Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya street, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; burtseva_vs@niiurs.ru

Received: 25.12.2024

Revised: 20.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 316

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1945

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Размышления о книге Рашиды Л. Уивер «Социальное предпринимательство. Практическое руководство»

А.А. Атанасова✉

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Россия, г. Москва*

✉ atanasova.a.a@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изданной в 2023 г. в США книге Р.Л. Уивер «Социальное предпринимательство. Практическое руководство», которая предлагает еще один подход к изучению феномена социального предпринимательства, а также предоставляет пошаговый план создания социального предприятия начинающим специалистам. **Цель:** проанализировать зарубежный опыт автора книги и оценить возможность использования этого опыта в РФ. К задачам статьи относятся: анализ содержания книги Р.Л. Уивер и выделение научной новизны, привнесенной автором; оценка возможностей применения нового подхода к изучению феномена социального предпринимательства в России. **Актуальность** заключается в том, что эта книга – первое учебное методическое пособие для самостоятельного обучения. **Методы:** метод вторичного анализа данных. К возможностям применения подхода Р.Л. Уивер к изучению социального предпринимательства в РФ относятся: рассмотрение ее книги как учебника для самостоятельного изучения предмета как с теоретической, так и с практической точек зрения; следование одной из приведенных выше моделей социального предприятия при начале бизнеса; использование схемы бизнес-плана для социального предприятия, описанной в книге. Книга будет полезна ученым, изучающим социальное предпринимательство, социальным предпринимателям, а также людям, желающим стать социальными предпринимателями.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, руководство по социальному предпринимательству, самоучитель социального предпринимательства

Для цитирования: Атанасова А.А. Размышления о книге Рашиды Л. Уивер «Социальное предпринимательство. Практическое руководство» // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 215–223. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1945

UDC 316

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1945

Reflections on Rasheda L. Weaver's book “Social entrepreneurship. A practical introduction”

А.А. Atanasova✉

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ atanasova.a.a@mail.ru

Abstract. The article is written as reflections on the book by R.L. Weaver "Social entrepreneurship. A practical guide", published in the USA in 2023. The book offers another approach to studying the phenomenon of social entrepreneurship, and also provides a step-by-step plan for creating a social enterprise for specialists to change their communities. **Aim.** To analyze the foreign experience and assess the possibility of using this experience in Russia. To achieve this aim the author has analyzed the content of R.L. Weaver's book and highlighted its scientific novelty, as well as the possibilities of applying a new approach to studying the phenomenon in Russia. **Relevance.** This book is the first educational methodological manual for self-study. **Methods.** Secondary data analysis method. The possibilities of applying R.L. Weaver's approach in Russia include: consideration of the book as a textbook for self-study of the subject from both theoretical and practical points of view; following one of the models of social enterprise when starting a social enterprise; using the business plan scheme for a social enterprise described in the book. The book will be useful for scholars studying social entrepreneurship, social entrepreneurs, and people who want to become social entrepreneurs.

Keywords: social entrepreneurship, social entrepreneurship guide, social entrepreneurship training course

For citation: Atanasova A.A. Reflections on Rasheda L. Weaver's book "Social entrepreneurship. A practical introduction". *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 215–223. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1945

Введение

Р.Л. Уивер, PhD, является основателем Weaver's Social Enterprise Directory – международной компании по обучению социальному предпринимательству, офис которой находится в США. Автором было создано руководство [1], которое позволяет рассматривать социальное предпринимательство как учебный предмет, который можно освоить самому.

Цель статьи – проанализировать зарубежный опыт автора книги и оценить возможность использования этого опыта в РФ. К задачам статьи относятся: анализ содержания книги Р.Л. Уивер и выделение научной новизны, привнесенной автором; оценка возможностей применения нового подхода к изучению феномена в России. Актуальность статьи заключается в том, что эта книга – первое учебное методическое пособие для самостоятельного обучения.

«Социальное предпринимательство как явление в современной России является актуальным для исследования, так как происходит его институционализация. Социальный предприниматель как индивид, личность и член общества представляет интерес для современной науки, так как является активным деятелем трансформаций, носителем эволюционных установок в современном обществе». ... «Социальное предпринимательство существует вне стран, политик, рас или еще каких-то разделений. Социальные предприниматели являются гражданами глобальной деревни, действуя во всех уголках планеты» [2, с. 86–88].

Научный обзор: определение, причины возникновения и функции социального предпринимательства

«Социальное предпринимательство включает в себя деятельность и процессы, предпринимаемые для открытия, определения и пользования возможностями для того, чтобы увеличить социальное богатство путем создания новых предприятий или управления существующими организациями в инновационной манере» [3, с. 519]. Социальное предпринимательство и социальные предприниматели появились вследствие трех возможных причин. Первая из них следующая: социальное предпринимательство возникло «на рубеже 19–20 вв., в момент развития меценатства в России, а за рубежом – гражданского общества, в период сокращения бюджетов некоммерческих организаций, вынужденных каким-то образом искать заработок и взявших на себя функции оказания социальных услуг населению» [4, с. 12]. Вторая причина скрывается в идее, что социальные предприятия появились из-за несостоятельности рынка. То есть, по мнению группы исследователей Остин, Стивенсон и Вей-Скиллерн,

рыночные силы не удовлетворяли социальную потребность, например, в общественных благах [5, с. 371]. «Часто это происходит из-за неспособности тех, кто нуждается в услугах, заплатить за них. Проблема для коммерческого предпринимателя – это возможность для социального предпринимателя. Несостоятельность рынка создает различные предпринимательские возможности для социального и коммерческого предпринимательства» [5, с. 371]. А.А. Атанасова выделяет еще одну причину становления социального предпринимательства – развитие и эволюция личности самого социального предпринимателя [6].

Приведем определение социального предпринимательства из ФЗ о социальном предпринимательстве, принятого в России в 2019 году. «Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ. С 26.07.2019 комментируемый закон (далее – Закон) ввел понятие “социальное предпринимательство». Это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества. Субъекты малого и среднего предпринимательства, осуществляющие деятельность в этой сфере, являются социальными предприятиями (п. 1. ст. 1. Закона)» [7]. Существует достаточно большой ряд условий для того, чтобы организация могла себя назвать социальным предприятием, и с этими условиями можно ознакомиться в вышеуказанном законе.

К функциям социального предпринимательства относятся: социальное воздействие, социальная ценность, поддержание социально уязвимых категорий граждан, выявление и использование новых возможностей для реализации выбранной миссии, осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения, партнерства между корпоративными и некоммерческими организациями, а также социализирующая функция.

Результаты размышлений о книге

Первая глава называется «Что такое социальное предпринимательство?». В ней автор дает определение социального предпринимательства как бизнес-техники для получения прибыли, которые впоследствии используются для решения социальных проблем [1]. В исследовании проанализированы 115 социальных предприятий, и по материалам этой диссертации Рашида Л. Уивер опубликовала книгу. К особенным характеристикам социального предпринимательства, согласно этой книге, относятся: «1. Наличие двойного (учет социального следа) или тройного итога (учет еще и экологического следа в дополнении к социальному) у бизнеса; 2. Локальная включенность бизнеса в сообщества; 3. Помощь в разных социальных проблемах; 4. Наличие у социального предприятия гибкой организационной структуры» [1, с. 7].

Во второй главе «Появление социальных предприятий по всему миру» исследуются история и контекст возникновения феномена социального предпринимательства. Существует три институциональные теории возникновения социального предпринимательства: «1. Теория институциональных пустот (социальные предприятия развиваются там, где есть большое количество социальных нужд); 2. Теория институциональной поддержки (социальные предприятия развиваются там, где высока поддержка государства); 3. Теория институциональной достаточности (социальные предприятия развиваются в том контексте, где они могут удовлетворить весомые социальные нужды или есть возможность найти ресурсы для того, чтобы их удовлетворить). В результате исследования автором книги представлена третья теория как альтернативная первым двум» [1, с. 14].

В книге описаны важные экосистемные аспекты социальных предприятий: бизнес-тренинги и техническая поддержка; программы акселераторы; инкубаторы; партнерства; программы поддержки внутри колледжей и университетов; знаки сертификации, лейблы, реестры; официальные структуры по всему миру; государственная политика; нетворкинг; системы отчетности; социальное финансирование и возможности инвестирования. Приведем определение экосистемы бизнеса – «взаимозависимая структура, состоящая из центральной

организации (фирмы, бизнес-единицы или структурного подразделения) и ее окружения, связей между ними и создаваемого синергетического эффекта...» [8, с. 170].

Третья глава «Измеряя нужды для создания ценности» содержит информацию о важности исследования потребительских нужд и нужд людей, на помощь которым направлено социальное предприятие. В главе разбирается несколько видов клиентов социальных предприятий, например: классический потребитель, получатель благ, пользователь. Автор также рассматривает инструменты для идентификации и оценки потребностей потребителей: карта эмпатии (инструмент для визуализации эмоций, мыслей и действий потенциального или реального клиента компании), состоящая из нескольких блоков, каждый из которых тезисно описывает взаимодействие с продуктом глазами клиента, и дизайн-мышление (метод решения конкретных задач, который помогает понять пользователя, осмыслить его проблему и найти альтернативы). Для оценки социальных нужд применены следующие инструменты: оценка потребностей сообщества, модель интервенции при проведении тренингов и консультаций социальных предпринимателей и для усиления способности принесения социальной пользы.

Четвертая глава «Социальное предприятие и развитие сообщества» показывает связь между деятельностью социального предприятия и развитием сообщества. Автор книги различает восемь видов капитала: человеческий капитал (сотрудники, контрагенты, партнеры, интерны, менторы, возможности обучения, профессиональное развитие); социальный капитал (доверие, лидерство, сети, взаимные связи); физический капитал (здания, офисное пространство, оборудование, земля, средства передвижения); интеллектуальный капитал (различные базы, публикации, коммерческие тайны, патенты, торговые знаки, технологии, интеллектуальная собственность); экономический капитал (гранты, займы, кредитные линии, начальное финансирование, банки для развития сообщества, кредитные союзы, венчурные фонды, фонды займов микропредприятий, инвесторы-ангелы); природный капитал (погода, географическая локация, природные ресурсы, естественная красота, локальная флора и фауна); культурный капитал (язык, ритуалы, традиции, символы, одежда, питание); политический капитал (инклюзия/эксклюзия, голос, власть, ресурсы) [1]. Чем шире спектр видов капитала социального предпринимателя, тем быстрее развивается сообщество, в котором функционирует его социальное предприятие.

В пятой главе «Модели социального воздействия» автор рассматривает 10 моделей социального воздействия социальных предприятий [1]:

«Модель пожертвований. Фокус на пожертвования в виде финансов, времени, физических ресурсов нуждающимся или организациям, которые помогают нуждающимся.

Модель социального найма. Намеренно нанимать на работу людей из уязвимых групп населения, сталкивающихся с проблемами найма.

Модель обучения и повышения компетенций. Передача нужных умений, знаний, навыков, инструментов людям, сообществам и организациям на грани бедности для того, чтобы они могли себе помочь.

Модель социального служения и обеспечения. Доставка или предложение товаров, услуг, ресурсов, которые могут помочь бенефициарам противостоять социальным проблемам или удовлетворить свои потребности.

Модель социальных закупок. Приобретение разного рода активов и услуг с целью намеренно создать социальный вклад. Например, в США есть закон, обязывающий государство покупать товары и услуги у организаций, нанимающих людей с инвалидностью.

Модель продажи социально осознанных продуктов и услуг. Товары и услуги сами по себе также могут быть социально осознанными и полезными для людей, помогая решать определенную социальную проблему (например, органическая еда, устойчивая мода, медицинское оборудование со скидкой).

Модель социального маркетинга. Техники рекламы или рекламные компании, цель которых – распространение осознанного отношения к социальным проблемам.

Модель системного изменения. Систематическое изменение включает в себя адвокатуру или работу с институтами власти и элитой для того, чтобы создать условия системных трансформаций для решения таких социальных проблем, как расизм, бедность, криминал, а также деградация окружающей среды.

Модель социальных движений. Развитие социального движения включает в себя групповые действия, которые предпринимаются для социальных изменений, информирования людей о проблемах и преобразования их привычек, мышления, стиля жизни.

Модель развития социального финансирования или социальных финансовых продуктов. Создана для того, чтобы помогать уязвимым группам населения улучшить свое финансовое положение» [1].

Глава шесть «Финансирование стартапов» объясняет варианты и стратегии финансирования стартапов социальных предприятий. Здесь также показаны возможные вызовы при получении финансирования и описано то, как их преодолеть. Традиционные виды финансирования: гранты, инвестиции в проекты, кредитные линии, облигации социального воздействия, венчурные инвесторы, инвесторы-ангелы, социально-преобразующие инвесторы (или импакт-инвесторы, которые относятся к инвесторам, работающим с целью создания измеримого, общественно или экологически полезного воздействия, финансовой отдачи). Рашида Л. Уивер предлагает следующий перечень альтернативного финансирования: фандрайзинг, краудфандинг, коллективные круги благотворительного финансирования, клубы совместного накопления средств и ассоциации, организации микрофинансирования, уникальные или спорадические возможности финансирования. К практикам сокращения расходов относятся: работа из дома; покупка недвижимости; коворкинг; покупка оборудования и мебели секонд-хенд; сокращение своей зарплаты как директора предприятия и перенаправление денег на развитие социального предприятия; изучение юридических и бухгалтерских основ ведения дел социального предприятия; сокращение издержек на деловые полеты и конференции; наем стажеров и временных сотрудников вместо уже опытных сотрудников, а также использование профессиональных аутсорсинговых технологий; нетворкинг для развития бизнеса; проведение переговоров для заключения сделок; продолжение работы уже функционирующего социального предприятия; стратегическая экономия на не приносящих доход видах деятельности и реинвестиция в развитие бизнеса.

Глава семь «Модели получения прибыли» содержит информацию о моделях получения прибыли и потоках дохода социальных предприятий, рассматриваемых на нескольких примерах. Три стратегии, которые упоминаются как инновационные, на самом деле давно распространены и ранее использованы другими специалистами, поэтому в этой главе идет речь об известных способах и моделях. К этим стратегиям относятся: движение «Покупай социальное», социальные закупки, договоры о поддержке сообщества. Последнее описывается как договор между организацией и социальным предприятием иногда при помощи посреднической организации для поддержки организацией местного сообщества. Во многом данная глава повторяет главу пять, хотя и приведены три новых кейса.

Глава восемь «Бизнес-планирование и запуск» подчеркивает отличия бизнес-планирования классического бизнеса и социального предприятия. Представлены разные модели бизнес-планов для классического бизнеса и социального предприятия. Также особо выделены акселераторы и инкубаторы для социальных предприятий. В этой главе представлен список нужных основ для запуска социального предприятия. Р.Л. Уивер описала подход другого исследователя С. Конвэя к построению бизнес-плана социального предприятия в отличие от обычного коммерческого предприятия. С точки зрения автора книги, заголовки бизнес-плана коммерческого предприятия выглядят следующим образом: «1. Обложка; 2. Содержание; 3. Общее опи-

сание компании; 4. Продукты и сервисы; 5. Маркетинговый план; 6. Операционный план; 7. Описание менеджмента организации; 8. Личный финансовый отчет; 9. Затраты на старт и капитализация; 10. Финансовый план; 11. Приложения. При этом заголовки бизнес-плана социального предприятия должны выглядеть так: 1. Обложка; 2. Благодарности; 3. Краткое содержание бизнес-плана; 4. Квалификация предпринимателя; 5. Предоставление подтверждения о необходимости создания социального предприятия; 6. Описание организации; 7. Миссия, ценности, цели, задачи организации; 8. Анализ заинтересованных сторон; 9. Аудит социального учета; 10. Воздействие на окружающую среду; 11. Маркетинговый план; 12. Финансовый план; 13. План работы и цели работы; 14. Обобщение и выводы; 15. Приложения» [9]. Заметим, что в бизнес-плане социального предприятия присутствует больше параграфов, связанных с расширенной ответственностью предприятия за среду, в которой оно функционирует, а также есть прямая связь с ценностями и миссией организации, которые подтверждены в обосновании необходимости социального предприятия, то есть в существовании социальной проблемы, которая иначе, без создания конкретно этого социального предприятия, решена быть не может.

В девятой главе «Измерение социального воздействия» уделяется особое внимание оценке социального вклада уже созданных социальных предприятий. Представлены как качественные, так и количественные способы оценки социальных предприятий. Автор опубликовал в этой главе свой «Список Главных Социальных Возможностей», с помощью которых можно оценивать социальное воздействие. На самом деле это список проблемных сфер, которые выбирают социальные предприниматели для решения в социуме. К ним, согласно автору, относятся: «1. Здоровье; 2. Ментальное/эмоциональное здоровье; 3. Безопасность и насилие; 4. Образование; 5. Планирование жизни/принятие решений; 6. Владение собственностью; 7. Тренинги по получению занятости; 8. Социальные вопросы и инклюзия; 9. Вопросы дискриминации; 10. Взаимодействие с природой; 11. Политическое участие; 12. Независимое/креативное самовыражение; 13. Рекреация и развлечения» [10, 11].

В главе десять «Масштабирование социального предприятия» обсуждается масштабирование социального предприятия двух видов: 1) путем увеличения самого предприятия; 2) путем увеличения его социального воздействия. Описаны три модели масштабирования социального предприятия: приобретение человеческого капитала, его развитие и удержание.

Глава одиннадцать «Вызовы и факторы успеха социальных предприятий» раскрывает вопросы часто встречающихся трудностей и факторов успеха социального предприятия. К трудностям относятся: доступ к финансированию и инвестициям, подбор и наем персонала, сохранение и развитие талантов, менеджмент предприятия в стадии роста, ценообразование и оборот средств. Здесь описаны методы преодоления этих трудностей и условия для приобретения успеха. К индикаторам успеха социальных предприятий относятся: 1) социальные индикаторы: количество бенефициаров социального предприятия; количество полученных пожертвований; типы социальных проблем, которые решает социальное предприятие; глубина проработки решений этих проблем; результаты для разных заинтересованных сторон; 2) экономические индикаторы: прибыль gross и нетто; сумма финансирования стартапа; степень заинтересованности клиентов в бизнесе, даже если прибыль предприятия низка; количество лет существования социального предприятия; размер предприятия.

В главе двенадцать «Законы для социальных предприятий» автор книги изучает различные организационно-правовые формы функционирования социальных предприятий. Рассмотрены сильные и слабые стороны ведения социального предприятия как коммерческого, некоммерческого или гибридного по правовой форме предприятия.

В заключении книги автор приводит центральную мысль о том, что «социальное предприятие – это социальная интервенция в форме организованного бизнеса, которая должна быть экономически устойчивой» [1, с. 5].

Заключение

Книга Р.Л. Уивер помогает осознать более глубокую связь между инструментами современного коммерческого предпринимательства и стратегиями социального предпринимательства для увеличения социального воздействия внутри сообществ и местностей, где эти социальные предприниматели ведут свою деятельность. К возможностям применения подхода Р.Л. Уивер к изучению социального предпринимательства в РФ относятся: 1) использование книги в качестве учебника для самостоятельного изучения социального предпринимательства как с теоретической, так и с практической точек зрения; 2) при организации своего социального предприятия – следование одной из приведенных выше моделей социального предприятия; 3) использование схемы бизнес-плана для социального предприятия. Для социальных предпринимателей, а также исследователей социального предпринимательства книга может предоставить знания об опыте их иностранных коллег, а для вновь входящих в тематику социального предпринимательства – послужить комплексным и лаконичным изданием для самообразования.

К отличиям социального предпринимательства в США и России относятся: разница в юридических формах регистрации социального предприятия, а также схемы финансирования самого предприятия. Суть социального предпринимательства – усилия решать социальные проблемы, которые не затронуло государство и частный сектор – остается прежней для любой страны. Для дальнейшего исследования феномена социального предпринимательства в США и России автор статьи предлагает сравнение баз кейсов фонда «Ашока» [12] и фонда «Наше Будущее» [13] с момента создания фонда «Наше Будущее». Сравнение можно провести по критерию «социальная проблема». Таким образом, можно будет посмотреть, какие социальные проблемы преобладали в умах социальных предпринимателей США и России последние 15–20 лет.

«Несмотря на то, что социальные предприниматели часто не готовы платить рыночные зарплаты сотрудникам, люди тянутся к ним, в том числе в качестве волонтеров, чтобы поддержать, помочь и продвинуть их предприятия. Парадоксально, что несмотря на то, что нет четких критериев оценки деятельности социальных предпринимателей, инвесторы все равно находят их деятельность стоящей инвестиций, а также дают послабления в случае ошибок» [6, с. 42]. «...Социальные предприниматели – люди, которые реализуют себя через помощь другим, принимая как ответственность за себя, так и часть общественной ответственности. Социальные предприниматели – трансформационные деятели, способствующие сглаживанию многих социальных и экологических парадоксов и противоречий» [2, с. 93]. Время показало, что социальное предпринимательство в российском пространстве дальше распространяется, развивается и продолжает институционализацию как явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Weaver R.L. Social entrepreneurship. A practical introduction. – London: Routledge, 2023. – 131 p. DOI: 10.4324/9781003226963.
2. Атанасова А.А., Георгиев М.Д. Сообщества социальных предпринимателей в природоохранной сфере: актуальные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 86–94. EDN: CEPLGZ.
3. A typology of social entrepreneurs: motives, search processes and ethical challenges / S. Zahra, E. Gedajlovic, D. Neubaum, J. Shulman // Journal of Business Venturing. – 2009. – Vol. 24. – Iss. 5. – P. 519–532. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.04.007>.
4. Атанасова А.А. Социальное предпринимательство в современной России: факторы становления (на примере природоохранной деятельности). – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – 154 с.
5. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? // Revista de Administração. – 2012. – Vol. 47. – № 3. – P. 370–384. DOI: 10.5700/rausp1055.

6. Атанасова А.А. Сравнение феноменов социального предпринимательства и предпринимательства // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 35–44. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-4-35-44. EDN: MBUSQM.
7. Что такое социальное предприятие и какие льготы оно получит? URL: <https://its.1c.ru/db/newscomm/content/464144/hdoc> (дата обращения 28.12.2024).
8. Василенко Е.В. Бизнес-экосистема: определения и подходы // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Том 1. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. – С. 166–172. EDN: ABGORY.
9. Conway C. Business planning training for social enterprise // *Social Enterprise Journal*. – 2008. – № 4 (1). – P. 57–73. DOI: 10.1108/17508610810877731.
10. Weaver R.L. Social enterprise and the capability approach: Exploring how social enterprises are humanizing business // *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. – 2020. – № 32 (5). – P. 427–452.
11. Weaver R.L. Social enterprise and the capability approach: examining the quest to humanize business. Dr. Diss. USA, 2017. URL: <https://rucore.libraries.rutgers.edu/rutgers-lib/52898/PDF/1/play/> (дата обращения 19.12.2024).
12. Ashoka foundation. URL: <https://www.ashoka.org/en-us> (дата обращения 19.12.2024).
13. Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее». URL: <https://nb-fund.ru/?region=ya&ysclid=m4v2xlange914160412> (дата обращения 19.12.2024).

Информация об авторе

Анна Атанасовна Атанасова, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; atanasova.a.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-1287>, Researcher ID: AАН-9324-2020

Поступила в редакцию: 10.01.2025

Поступила после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 27.03.2025

REFERENCES

1. Weaver R.L. Social entrepreneurship. A practical introduction. – London: Routledge, 2023. – 131 p. DOI: 10.4324/9781003226963.
2. Atanasova A.A., Georgiev M.D. Social entrepreneurs' communities in environmental protection sphere: urgent problems. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2020, no. 1, pp. 86–94. (In Russ.) EDN: CEPLGZ.
3. Zahra S., Gedajlovic E., Neubaum D., Shulman J. A typology of social entrepreneurs: motives, search processes and ethical challenges. *Journal of Business Venturing*, 2009, vol. 24, Iss. 5, pp. 519–532. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2008.04.007>.
4. Atanasova A.A. *Social entrepreneurship in modern Russia: factors of formation (on the example of environmental activities)*. Moscow, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Press, 2018. 154 p. (In Russ.)
5. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? *Revista de Administração*, 2012, vol. 47, no. 3, pp. 370–384. DOI: 10.5700/rausp1055.
6. Atanasova A.A. The origin of social entrepreneurship and its differences from entrepreneurship. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2022, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6141-2022-4-35-44. EDN: MBUSQM.
7. What is a social enterprise and what benefits will it receive? (In Russ.) Available at: <https://its.1c.ru/db/newscomm/content/464144/hdoc> (accessed 28 December 2024).
8. Vasilenko E.V. Business ecosystem: definitions and approaches. *Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Volume 1*. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2020. pp.166–172. (In Russ.) EDN: ABGORY.
9. Conway C. Business planning training for social enterprise. *Social Enterprise Journal*, 2008, no. 4 (1), pp. 57–73. DOI: 10.1108/17508610810877731.
10. Weaver R.L. Social enterprise and the capability approach: exploring how social enterprises are humanizing business. *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*, 2020, no. 32 (5), pp. 427–452.
11. Weaver R.L. *Social enterprise and the capability approach: examining the quest to humanize business*. Dr. Diss. USA, 2017. Available at: <https://rucore.libraries.rutgers.edu/rutgers-lib/52898/PDF/1/play/> (accessed 19 December 2024).

12. *Ashoka foundation*. Available at: <https://www.ashoka.org/en-us> (accessed 19 December 2024).

13. *Fund for regional social programs "Our Future"*. (In Russ.) Available at: <https://nb-fund.ru/?region=ya&ysclid=m4v2xlange914160412> (accessed 19 December 2024).

Information about the author

Anna A. Atanasova, Junior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35, bld. 5, Krzhizhanovsky street, Moscow, 117218, Russian Federation; atanasova.a.a@mail.ru, <https://orcid/0000-0002-5047-1287>, Researcher ID: AAH-9324-2020

Received: 10.01.2025

Revised: 25.02.2025

Accepted: 27.03.2025

УДК 321:130.3

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

Шифр специальности ВАК: 5.7.7

Политическое сознание в контексте коллективного и индивидуального бессознательного

Г.Н. Дарбинян✉

Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

✉ dn_gevorg@mail.ru

Аннотация. Исследование политического сознания как структуры включает рациональные, эмоциональные и бессознательные аспекты. Особое внимание уделено роли коллективного и индивидуального бессознательного в формировании политических установок, идеологий и поведения. Анализ базировался на трудах К.Г. Юнга, П. Бурдьё, а также исследованиях российских и зарубежных авторов. Рассматривались концепции архетипов, габитуса, мифотворчества и их влияние на политическое поведение. Установлено, что политическое бессознательное, укоренённое в архетипах и мифах, играет ключевую роль в формировании коллективного политического поведения. Авторитарные режимы используют механизмы бессознательного через пропаганду и создание мифов, усиливая идентичность и лояльность. Показано, что социально-экономическое положение влияет на содержание политического сознания: у представителей низших классов оно ориентировано на стабильность и безопасность, тогда как у средних и высших классов – на свободу и самореализацию. Политическое сознание является системой, формируемой взаимодействием рациональных, эмоциональных и бессознательных аспектов. Результаты исследования подтверждают значимость бессознательных факторов в развитии политического сознания и их связь с социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: политическое сознание, коллективное бессознательное, индивидуальное бессознательное, архетипы, габитус, мифотворчество, политическая философия

Для цитирования: Дарбинян Г.Н. Политическое сознание в контексте коллективного и индивидуального бессознательного // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 224–234. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

UDC 321:130.3

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

Political consciousness in the context of collective and individual unconsciousness

G.N. Darbinyan✉

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ dn_gevorg@mail.ru

Abstract. The study of political consciousness as a complex structure includes rational, emotional and unconscious aspects. Special attention is paid to the role of collective and individual unconscious in the formation of political attitudes, ideologies and behaviour. Philosophical and interdisciplinary approaches were used in the

work. The analysis was based on the works of C.G. Jung, P. Bourdieu, as well as studies by Russian and foreign authors. The paper considers the concepts of archetypes, habitus, myth-making and their influence on political behaviour. It was established that the political unconscious, rooted in archetypes and myths, plays a key role in the formation of collective political behaviour. Authoritarian regimes use the mechanisms of the unconscious through propaganda and myth-making, reinforcing identity and loyalty. It is shown that socio-economic status affects the content of political consciousness: in the lower classes it is oriented towards stability and security, while in the middle and upper classes it is oriented towards freedom and self-realisation. Political consciousness is a multilayered system formed by the interaction of rational, emotional and unconscious aspects. Its study requires an interdisciplinary approach that allows a deeper understanding of the mechanisms of political behaviour and choice. The results of the study confirm the significance of unconscious factors in the dynamics of political consciousness and their relation to socio-economic conditions.

Keywords: political consciousness, collective unconscious, individual unconscious, archetypes, habitus, myth-making, political philosophy

For citation: Darbinyan G.N. Political consciousness in the context of collective and individual unconsciousness. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 224–234. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1950

Введение

Политическое сознание представляет собой одну из центральных категорий современной политической философии. Оно интегрирует рациональные, эмоциональные и бессознательные аспекты, влияя на формирование политических установок, идеологий и поведения. Политическое сознание не только отражает политическую реальность, но и активно участвует в её конструировании, создавая рамки для восприятия власти, идентичности и социальных изменений. В современной науке наблюдается растущий интерес к изучению роли бессознательного в политическом сознании. Концепция коллективного бессознательного К.Г. Юнга, в которой подчеркивается универсальность архетипов и их влияние на человеческое поведение, находит свое развитие в социально-философских работах П. Бурдьё. Его идея габитуса, отражающего укоренённые социальные структуры и предрасположенности, позволяет соединить индивидуальное и коллективное измерения политического сознания.

Несмотря на обширную литературу, вопросы о механизмах взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного в политическом контексте остаются недостаточно изученными. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью философского изучения глубинных основ формирования политических установок и поведения.

Научная проблема заключается в недостаточной изученности влияния коллективного и индивидуального бессознательного на формирование и трансформацию политического сознания. Объект – политическое сознание как система, включающая рациональные, эмоциональные и бессознательные компоненты. Предмет – механизмы взаимодействия коллективного и индивидуального бессознательного в формировании политического сознания, их влияние на политические установки, идеологии и массовое поведение. Статья предлагает углубленный анализ бессознательных механизмов, таких как архетипы, мифотворчество и эмоциональные факторы, которые формируют политические установки и коллективное поведение. Тем самым статья расширяет дискуссию о структуре, эволюции и механизмах функционирования политического сознания, выявляя его скрытые детерминанты. Цель работы – исследование политического сознания в контексте взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного. Для достижения этой цели проведён анализ философских подходов, включающих идеи К.Г. Юнга и П. Бурдьё, и рассмотрено влияние архетипов, габитуса и мифотворчества на политическое сознание.

Методы и материалы

В основе исследования лежал философский анализ, направленный на изучение природы политического сознания в контексте индивидуального и коллективного бессознательного. Теоретическую базу составили труды К.Г. Юнга («Сознание и бессознательное», «Человек и его символы»), а также работы П. Бурдье, посвященные концепции габитуса как структуры, связывающей личное восприятие с социальным контекстом. Особое внимание уделялось исследованию роли архетипов и мифотворчества, влияющих на восприятие власти, идентичности и социальных изменений. Эти аспекты анализировались с опорой на работы О.В. Мясоутова, Н.Л. Подвойской, а также К.Ю. Преображенской, которые рассматривают политическое сознание через призму социальных и философских категорий. Материалы исследования также включали социально-психологические подходы, изложенные в работах Д. Майерса и Э. Фромма, что позволило учесть влияние эмоциональных и бессознательных аспектов на формирование политических установок. Анализ проводился с использованием сравнительного и системного подходов, что обеспечило выявление взаимосвязей между бессознательными структурами и их проявлением в политическом поведении.

Результаты и обсуждение

Сперва определим понятие политического сознания, так как на сегодняшний день обоснованность его использования остается дискуссионной. Оно рассматривается как совокупность психических процессов, отражающих политику, и как субъективный компонент, проявляющийся на различных уровнях и в разных ситуациях [1, с. 91]. А.А. Деркач описывает его как «высшую форму психического развития субъекта политики, его способность системно воспринимать, понимать и оценивать политическую реальность, связанную с вопросами власти и подчинения» [2]. В.И. Жуков определяет политическое сознание как «комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений и эмоциональных состояний субъектов политических отношений» [3, 660]. Политическое сознание – неотъемлемый субъективный компонент политической деятельности и поведения. Его основные сферы охватывают политическую науку, идеологию и политическую психологию [1]. Б.А. Исаева понимает под политическим сознанием «не только научные теоретические знания, возникшие в ходе осознания повседневной жизни и т. д.» [4, с. 244]. Оно «включено в сложную ткань его психической деятельности в соответствии с ее законами» [5, с. 181], представляет собой восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, «с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами» [1, с. 91, 92]. А.В. Селезнева выделяет два слоя политического сознания:

- «внешний – относительно изменчивый под воздействием текущих социально-политических трансформаций слой;
- центральное ядро, которое составляют политические ценности, определяющие в конечном счете отношение респондентов к власти и политике» [6, с. 91, 92].

А.И. Юрьев, анализируя структуру политического сознания, отмечает, что его компоненты выполняют интегративную функцию [7]. Так, память аккумулирует и систематизирует значительные объемы политической информации, обеспечивая ее сохранение и воспроизведение. Внимание связывает субъекта политики с определенным объектом окружающей среды, а также с политическим контекстом в целом. Чувства и воля выступают ключевыми регуляторами политического поведения, направляя действия в соответствии с конкретными политическими условиями [8]. При этом память, восприятие и мышление преимущественно выполняют отражательную функцию, тогда как внимание, чувства и воля играют регулирующую роль в политической деятельности [1].

В исследовании политическое сознание рассматривается как неотъемлемая форма общественного сознания, формирующаяся вместе с появлением государственности и институтов политической власти. Оно охватывает как чувственные и теоретические аспекты, так и ценностные и нормативные представления, которые опосредуют взаимоотношения граждан с политическими институтами. В условиях постиндустриального общества политическое сознание приобретает прогностическую функцию, позволяя не только отражать текущую политическую реальность, но и предвидеть вектор развития политических процессов. Оно оказывает решающее влияние на содержание политического процесса, формируя цели, ценности и механизмы власти. Данное понимание представляется обоснованным, поскольку оно соотносится с концепциями и идеями, изложенными в трудах ведущих исследователей в области политического сознания, социальной философии и психологии.

Категория «политическое сознание» позволяет комплексно рассмотреть когнитивные, эмоциональные и бессознательные аспекты восприятия политики, выходя за рамки отдельных понятий, таких как «установки» или «идеология». Несмотря на то, что в зарубежной науке термин используется реже, его применение оправдано в русскоязычной среде, где он рассматривается как система, включающая субъективные и коллективные формы освоения политической реальности.

Политическое сознание формирует индивидуальное и коллективное политическое поведение, побуждая к вовлечению и действиям в политической сфере [9]. Мотивационный потенциал объясняет, почему эмоционально заряженные или идеологически экстремальные политические идеи часто вызывают более сильный резонанс, чем рациональные, основанные на фактах предложения. Эмоциональная и символическая сила определенных политических идеологий позволяет им мобилизовать поддержку, даже если их теоретические предпосылки могут быть слабыми или противоречивыми. И наоборот, рациональные и достижимые концепции часто не могут вдохновить на действия, что подчеркивает психологическую и эмоциональную трансформацию, лежащую в основе политического участия [10].

Изучение политического сознания выявляет устойчивые парадоксы политического бытия. Общества часто отвергают рациональные и достижимые политические решения в пользу нереалистичных или иррациональных альтернатив. Исторические уроки постоянно игнорируются, что приводит к повторению прошлых ошибок. Более того, мистические и суеверные верования часто всплывают на поверхность даже в обществах, которые якобы являются рациональными и научно развитыми.

Модель сознания Карла Густава Юнга определяет три взаимосвязанных уровня: личное сознание, сформированное сознательно обработанным опытом; личное бессознательное, которое включает в себя подавленный или забытый опыт; коллективное бессознательное, универсальный слой общих человеческих архетипов и опыта [11]. Концепция габитуса Пьера Бурдьё подчеркивает роль социальных структур и исторической обусловленности в трансформации индивидуального восприятия и предрасположенности [12]. Габитус отражает укоренившиеся системы мышления и действия, которые люди носят в себе, сформированные их социальным окружением и личной историей. Он соединяет личное и коллективное, иллюстрируя, как индивидуальная деятельность действует в более широких социальных и институциональных рамках. Как заметил Юнг, современное сознание – это продукт многовековой ментальной эволюции, в котором научный скептицизм сочетается с предрассудками и стереотипами прошлого. Аналогичным образом анализ Бурдьё истории как институционализированной структуры и воплощенной предрасположенности подчеркивает непреходящее влияние прошлого опыта на современные политические реалии.

Политическое сознание соединяет рациональное и эмоциональное измерения человеческого опыта, опираясь как на личное взаимодействие с политическими реалиями, так и на коллективную историческую память обществ. Как подмножество человеческого сознания,

его анализ требует глубокого понимания более широкой структуры сознания, которая показывает, как его компоненты взаимодействуют, формируя мышление, поведение и восприятие в политической сфере.

Личное политическое сознание представляет собой активное и рефлексивное измерение политического мышления, когда люди осознанно относятся к политическим явлениям, основываясь на своем личном опыте и наблюдениях. Однако политическое личное бессознательное включает в себя впечатления, воспоминания и опыт, связанные с политическими событиями, которые были либо подавлены, либо не полностью сформированы в сознание. Несмотря на свое латентное состояние, эти элементы влияют на восприятие, отношение и поведение [13].

Политическое коллективное бессознательное выходит за рамки индивидуального опыта, выступая в качестве хранилища унаследованных политических архетипов и символических моделей, накопленных поколениями. Архетипы отражают общее историческое взаимодействие человечества с системами власти и управления, формируя основу коллективного политического поведения. Они часто сохраняются в мифологических повествованиях, которые обеспечивают культурные рамки для интерпретации этих глубоко укоренившихся структур, и отражают развивающиеся отношения человечества с властью, авторитетом и сообществом. Изначально абстрактные, архетипы контекстуализируются в мифах, позволяя обществам закрепить эти структуры коллективного бессознательного в конкретные культурные и исторические моменты [14].

Архетипы, сформировавшиеся на ранних этапах развития общества, – например, те, которые происходят из племенного, магического или религиозного сознания, – отличаются большей стабильностью, чем те, которые появились в более поздние, более индивидуалистические периоды. В результате ранние архетипы часто сохраняют сильное влияние на современное политическое поведение. Например, племенные архетипы могут всплывать в политике идентичности, где групповая лояльность и разделение определяют политический дискурс. Религиозные архетипы часто лежат в основе идеологии власти и морали, обеспечивая устойчивые повествования о роли лидеров и институтов. Национальные архетипы проявляются в мифах о героизме, единстве и борьбе, укрепляя коллективную идентичность во времена кризиса или перемен.

Процесс мифотворчества играет центральную роль в соединении политического бессознательного с реалиями политической жизни. Мифы контекстуализируют абстрактные структуры бессознательного, переводя архетипы в действенные и понятные формы в конкретных культурно-исторических рамках. Таким образом, мифы формируют коллективное политическое восприятие и обеспечивают устойчивые нарративы, которые структурируют политические идеологии и действия. Посредством мифотворчества общества появляются общие представления о власти и управлении, которые сохраняются на протяжении многих поколений. Они закрепляют эмоциональные и символические ассоциации с властью, создавая коллективную линзу, через которую интерпретируется политическая жизнь и осуществляется навигация. Мифы о героизме, единстве или моральной борьбе, например, служат не только для вдохновения, но и для легитимации политических движений, режимов и решений. Глубоко укоренившиеся символы и нарративы, заложенные в коллективной памяти, часто преобладают над рациональными соображениями, формируя политические действия таким образом, что они в большей степени связаны с общим эмоциональным и символическим опытом, чем с логическими рассуждениями.

В своем эссе «Вотан» Юнг рассматривает архетипические силы, которые могут доминировать в психике нации, иллюстрируя это явление на примере истории Германии. Он выделяет Вотана, мифологическую фигуру, символизирующую германский дух, как архетип, возникший из коллективного бессознательного и захвативший коллективную психику нации.

Юнг описывает Вотана как «фундаментальный атрибут немецкой души, иррациональный психологический фактор», демонстрируя, как подобные архетипы могут побуждать к иррациональному и экстремальному поведению в масштабах всего общества [15].

Юнг выражает преобразующую силу архетипов, наблюдая, как они могут преодолевать рациональность и подталкивать общество к действиям, которые не поддаются логическому прогнозированию. Размышляя о росте деструктивных идеологий в Европе XX в., он пишет: «Люди, ставшие жертвой влияния архетипа, способны на любое безумие. Если бы тридцать лет назад кто-то осмелился предсказать, что наше психологическое развитие направлено на возрождение средневековых гонений на евреев, что Европа снова будет трепетать перед римскими фасциями и шагами легионов, что люди снова будут отдавать честь по римскому обычаю, как два тысячелетия назад, и что архаичная свастика вместо христианского креста будет нести вперед миллионы готовых к смерти воинов – такого человека освистали бы как неудавшегося мистика» [17, с. 102].

Политическое бессознательное представляет собой хранилище общего исторического и культурного опыта, закодированного в архетипах. Архетипы, развивавшиеся веками, служат психологической основой политических процессов и влияют на коллективные реакции на политические реалии. Связывая людей через общие культурные и исторические нарративы, политическое бессознательное способствует сплочению группы и формированию чувства идентичности. Архетипы служат психологическим субстратом для коллективных эмоций, установок и действий. Они остаются латентными до тех пор, пока не пробуждаются под воздействием внешних стимулов или внутренних психологических потребностей. После активации архетипы проявляются в виде мифов, символов и идеологий, которые находят глубокий отклик в коллективной психике, определяя политическое поведение и формируя общественное восприятие власти и авторитета.

В политической жизни архетипы часто возникают в виде национальных или групповых мифов, которые стимулируют коллективные действия. Мифы часто изображают идеализированные представления о лидерстве, гармонии в обществе или справедливости, служа символическими точками сплочения. Например, архетип «мудрого лидера» может внушать преданность и надежду, а архетип «героической борьбы» способен объединить общество перед лицом трудностей. Такие мифы оказывают мощное влияние даже в отсутствие рационального или эмпирического обоснования, апеллируя к глубоко укоренившимся эмоциональным и символическим ассоциациям.

Современные политические стратегии, включая пропаганду и информационную войну, часто используют архетипические триггеры для воздействия на политическое бессознательное. Апеллируя к первобытным инстинктам, связанным с идентичностью, принадлежностью и выживанием, эти методы обходят рациональное мышление, манипулируя коллективными эмоциями и укрепляя архетипические нарративы [17].

Архетипы, как элементы бессознательного, сосуществуют в человеческой психике, ожидая активации в определенных условиях окружающей среды или психологических условиях. Политические кризисы, культурные потрясения или экзистенциальные угрозы могут пробудить дремлющие архетипы, вновь привнеся древние модели мышления и поведения в современную политическую жизнь. Политическое бессознательное отражает личное бессознательное в его способности к конфликтам и разрешению, особенно в вопросах самооценки и самоуважения [18]. Например, нации могут выборочно интерпретировать свою историю в соответствии с коллективной самооценкой, подавляя неудобные истины или возвышая конкретные повествования как источники гордости. И наоборот, некоторые общества интегрируют болезненный исторический опыт в свою коллективную идентичность, превращая его в символ стойкости и силы.

Одной из наиболее значимых трансформаций политического сознания в условиях авторитарных режимов является феномен коллективного преклонения перед лидером, который сочетается с элементами страха и принуждения. Эрих Фромм в своих трудах подробно анализировал механизмы психологического подчинения в контексте тоталитарных и авторитарных систем. Он выделил парадокс власти, при котором люди, находящиеся в подчиненном положении, испытывают одновременное чувство страха, ненависти и восхищения по отношению к лидеру. Однако механизмы бессознательного не ограничиваются только авторитарными режимами. В демократических системах также наблюдается влияние мифотворчества, политической символики и коллективных архетипов, которые могут направлять массовое сознание. Например, использование харизматического лидерства, национальной риторики и мифологизированных исторических образов способствует формированию политической идентичности и легитимации власти в демократических странах. Дональд Трамп – пример политического лидера в демократической стране, который использовал механизмы бессознательного влияния для мобилизации электората. Его политическая риторика активно опиралась на мифологизированные образы, архетипы и эмоциональные триггеры, что является характерным приемом не только для авторитарных, но и для демократических режимов, что более подробно разобрано в статье К.А. Степной «Образ шута в современной политике» [19].

Фромм, анализируя именно авторитарный режим, выявил ключевой парадокс в психологии подчинения: люди, находящиеся под властью деспота, колеблются между чувством ненависти и глубокого почитания, что не так характерно для других режимов правления. Он пишет: «...когда подчинение причиняет подчиненному только страдания, естественно возникает чувство ненависти и негодования по отношению к угнетателю. Однако если подчиненный выражает это негодование, то зачастую это приводит к еще большим страданиям, поскольку победа над угнетателем практически недостижима [20, с. 104]. Поэтому психологически целесообразным становится подавление подобных чувств или даже замена их слепым преклонением. Такое восхищение служит двойной цели: с одной стороны, оно смягчает опасную, взрывную силу ненависти, а с другой – облегчает унижение от порабощения. Если угнетатель воспринимается как великий, благожелательный и могущественный, то подчинение становится менее постыдным. Подчиненный может рассуждать: «Я ему не ровня, он лучше, мудрее и сильнее меня». Благодаря этому процессу восхищение и подчинение служат механизмами психологической защиты, превращая боль от подчинения в рационализированное чувство порядка и принадлежности [21].

Подчинение и идолопоклонство, как защитные механизмы, находят отклик в размышлениях Гюстава Тарда о притягательности подчинения. Тард отмечает психологическое «очарование», присущее подчинению авторитету, которое способствует возникновению чувства доверия и даже преклонения перед лидером. Он отмечает, что подобные чувства сохраняются даже после падения деспотичных режимов, часто переходя к новым авторитетным фигурам, которые становятся объектами почитания. Этот процесс позволяет людям преодолевать когнитивный диссонанс, связанный с их подчинением, путем идеализации источника угнетения. Воспринимая лидера как воплощение величия и морального авторитета, люди находят способ сохранить самоуважение, переосмысливая свое бессилие как преданность справедливому делу. Следовательно, подчинение становится инструментом психологического выживания, обеспечивая угнетенным подобие достоинства перед лицом дегуманизирующих условий [22].

В книге «Анатомия человеческой деструктивности» Фромм продолжает исследовать групповой нарциссизм с его механизмами поклонения в авторитарных режимах [23]. Групповой нарциссизм действует на коллективном уровне, проецируя идентичность группы как превосходящую все остальные, что проявляется в таких утверждениях, как «Наша нация – самая великая» или «Наш лидер – спаситель человечества». Такие чувства не только укреп-

ляют внутреннюю солидарность, но и компенсируют индивидуальное ощущение незначительности. Групповой нарциссизм выполняет важнейшие психологические и социальные функции. Он способствует формированию чувства принадлежности и единства, которое особенно сильно проявляется во время кризиса. Для людей, которым не хватает личных достижений или самоуважения, членство в группе дает компенсацию чувства ценности самого себя. Отождествляя себя с «великим» лидером или делом, даже самые маргинальные люди могут разделить коллективное чувство превосходства, что часто приводит к таким рассуждениям, как: «Хотя сам по себе я ничтожен, величие моей группы делает меня важным». Однако темной стороной группового нарциссизма является его склонность к фанатизму. Когда лидер или групповая идентичность воспринимаются как оскорбление или угроза в восприятии других людей, члены группы часто отвечают крайней агрессией. Акты насилия или милитаризма рационализируются как необходимая защита чести, морали или универсальных ценностей группы, что еще больше укрепляет лояльность и углубляет эмоциональные связи между членами группы и их лидером.

Глубоко укорененное в архетипах, мифах и механизмах психологической защиты, бессознательное является мощной силой, формирующей коллективное поведение. Пропагандистские кампании часто вызывают архетипические образы героизма, справедливости и единства, создавая эмоциональные повествования, которые резонируют с коллективным бессознательным. Лидеры мифологизируются как воплощение идеализированных групповых черт – символов силы, надежды и морального авторитета. Политическая риторика укрепляет коллективную идентичность, ссылаясь на общие ценности, историю и символы, которые способствуют возникновению чувства превосходства и солидарности.

Политическое сознание охватывает разнообразный спектр представлений, норм, ценностей, концепций и идеологий, с которыми индивиды взаимодействуют на рациональном уровне. Однако ориентация на конкретные политические ценности и идеологии поднимает фундаментальный вопрос – «Что формирует содержание политического сознания?». Согласно иерархии потребностей Маслоу психологические и материальные обстоятельства индивидов сильно влияют на их политические приоритеты: неудовлетворенные базовые потребности заставляют людей сосредоточиться на выживании, в то время как удовлетворенные потребности позволяют им стремиться к более высоким целям.

Взаимосвязь между иерархией потребностей Маслоу и социально-экономическим расслоением выявляет различные модели политического сознания в разных социальных классах. Для индивидов из низших социально-экономических слоев доминирующими являются физиологическое выживание, безопасность и принадлежность. Эти приоритеты соответствуют потребностям низшего уровня Маслоу и формируют политическое сознание, ориентированное на стабильность и немедленное избавление от экзистенциальных проблем. Политические идеологии, привлекательные для этой группы, часто подчеркивают сильное лидерство, централизованную власть и политику, направленную на решение таких насущных проблем, как бедность, занятость и физическая безопасность [24]. Их отношение к политическим ценностям часто носит прагматический характер, отдавая предпочтение осязаемым решениям, а не абстрактным принципам.

Представители среднего и высшего классов, чьи базовые потребности в целом удовлетворены, напротив, сосредоточены на стремлениях более высокого порядка, таких как самоуважение, самоактуализация и самореализация. Эти уровни соответствуют стремлению к карьерному успеху, образованию и личностному развитию, а также способствуют формированию политического сознания, основанного на индивидуальной автономии и свободе. Следовательно, их политические ценности часто сосредоточены на демократических идеалах и правах человека. Идеологии, которые находят отклик у этих групп, подчеркивают равенство, возможности и защиту личных свобод.

Социально-экономические условия играют решающую роль в формировании политических ценностей. Для представителей низших социально-экономических слоев непосредственная необходимость выживания часто не оставляет места для идеологических поисков. Их политическое сознание отражает практическую ориентацию, отдавая предпочтение стабильности и порядку как механизмам облегчения трудностей. Авторитарные режимы или политика, предлагающая прямое вмешательство для решения проблем бедности и неравенства, могут найти благодатную почву среди этих групп населения, поскольку они обещают ощутимые и немедленные результаты. Напротив, люди, занимающие более благополучное социально-экономическое положение, свободные от давления повседневного выживания, способны рассматривать абстрактные принципы и долгосрочные устремления. Их политическое сознание склоняется к системам, защищающим индивидуальные свободы и создающим возможности для личного и общественного роста. В этих группах с большей вероятностью найдут отклик идеологии, поощряющие демократическое управление, свободу слова и права человека.

Выводы

В ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что политическое сознание представляет собой сложную многослойную систему, включающую рациональные, эмоциональные и бессознательные компоненты. Оно не только отражает политическую реальность, но и участвует в её формировании, создавая рамки для восприятия власти, идентичности и социальных изменений. Анализ работ К.Г. Юнга и П. Бурдые позволил выявить, что коллективное бессознательное играет ключевую роль в устойчивости политических представлений, а индивидуальное бессознательное опосредует их восприятие через личный опыт и эмоциональные реакции. Архетипы, габитус и мифотворчество оказывают значительное влияние на формирование политических установок и коллективного поведения, связывая индивидуальные и социальные уровни политического сознания.

Эмоциональная и символическая составляющие политического сознания чаще оказываются более влиятельными, чем рациональные аргументы, что подчеркивает важность анализа бессознательных механизмов и их роли в мобилизации общества. Понимание взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного, архетипов и социальных структур позволяет глубже осмыслить природу политических установок, а также выявить причины устойчивых парадоксов политической жизни, таких как принятие иррациональных решений или повторение исторических ошибок. Политическое сознание формируется на пересечении индивидуального и коллективного бессознательного, где личные убеждения индивида находятся под влиянием социальных мифов, культурных символов и политической пропаганды. Проведённый анализ подтвердил, что механизмы взаимодействия индивидуального и коллективного бессознательного остаются недостаточно изученными в философской и политологической традиции. Социально-экономические факторы оказывают влияние на структуру политического сознания, определяя, какие элементы бессознательного актуализируются в политических предпочтениях различных социальных групп. Выявленные детерминанты формирования политического сознания позволяют глубже понять процессы политической социализации, устойчивости идеологий и формирования массовых политических настроений.

Результаты работы расширяют дискуссию о структуре, динамике и механизмах функционирования политического сознания. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическое изучение влияния бессознательных факторов на политическое поведение, а также на разработку междисциплинарных подходов, объединяющих философию, политологию и психологию.

Список литературы

1. Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2011. – № 6. – С. 89–103.
2. Деркач А.А., Лаптев Л.Г. Политическая психология: учебник для бакалавров. – Москва: Юрайт, 2017. – 591 с.
3. Общая и прикладная политология / под общ. редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ: Союз, 1997. – 992 с.
4. Теория политики: учебное пособие / под ред. Б.А. Исаева. – СПб.: Питер, 2008. – 464 с.
5. Шестопал Е.Б. Политическая психология. – М.: Инфра-М, 2002. – 448 с.
6. Селезнева А.В. Поколения в российской политике: политические представления и ценности: дис. ...канд. полит. наук. – М., 2008. – 154 с.
7. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. – 232 с.
8. Нигматзянова А.А. Понятие политического сознания в современном обществе // Манускрипт. – 2016. – № 1 (63). – С. 115–118.
9. Шарков Ф.И. Политическое сознание, политическая практика, политическая коммуникация // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 153–165.
10. Преображенская К.Ю. Политическое сознание в контексте социальной философии // Наука и образование: проблемы и перспективы: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Таганрог: Перо, 2015. – С. 108–113.
11. Юнг К. Сознание и бессознательное. – М.: АСТ, 1997. – 288 с.
12. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 216 с.
13. Подвойская Н.Л., Подвойский Л.Я. Политическое сознание через призму триады // Гуманитарные исследования. – 2006. – № 3. – С. 89–90.
14. Мясоутов О.В. Политическое сознание как социально-философская категория: философско-методологические основы исследования // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2013. – № 13. – С. 148–155. EDN: RRSYVO.
15. Карадже Т.В. Политическая философия. – Москва: Мысль, 2007. – 510 с.
16. Garrido V. Class epistemic position and collective unconscious: the Lukacsian unconscious in History and Class Consciousness // Critique. – 2024. – Vol. 52. – № 4. – P. 417–433.
17. Юнг К. Человек и его символы. – М.: АСТ, 1997. – 320 с.
18. Юнг К. Сознание и бессознательное. – М.: АСТ, 1997. – 288 с.
19. Степная К.А. Образ шута в современной политике // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2024. – Т. 10. – № 4 (28). – С. 68–77.
20. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 200 с.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Республика, 1992. – 349 с.
22. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Институт психологии, 1998. – С. 64–98.
23. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Арт, 1998. – 592 с.
24. Maslow A.H. Motivation and personality. – New York: Harper&Row, 1970. – 369 p.

Информация об авторе

Геворг Нагапетович Дарбинян, аспирант департамента философии и социальных наук института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1; dn_gevorg@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.01.2025

Поступила после рецензирования: 25.02.2025

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. Rakityansky N.M. Concepts of consciousness and mentality in the context of political psychology. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, 2011, no. 6, pp. 89–103. (In Russ.)
2. Derkach A.A., Laptev L.G. *Political psychology*. Moscow, Yurait Publ., 2017. 591 p. (In Russ.)
3. *General and applied political science*. Eds. V.I. Zhukov, B.I. Krasnov. Moscow, MGSU, Soyuz Publ., 1997. 992 p. (In Russ.)
4. *Theory of politics*. Eds. B.A. Isaev. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)
5. Shestopal E.B. *Political psychology*. Moscow, Infra-M Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)
6. Selezneva A.V. *Generations in Russian politics: political ideas and values*. Cand. Diss. Moscow, 2008. 154 p. (In Russ.)

7. Yurev A.I. *Introduction to political psychology*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. House, 1992. 232 p. (In Russ.)
8. Nigmatzyanova A.A. Conflictogenity in the contemporary Russian society. *Manuscript*, 2016, no. 1 (63), pp. 115–118. (In Russ.)
9. Sharkov F.I. Political consciousness – political practices – political communication. *PolitBook*, 2014, no. 1, pp. 153–165. (In Russ.)
10. Preobrazhenskaya K.Yu. Political consciousness in the context of social philosophy. *Science and education: problems and prospects. Proc. of the II International scientific and practical conference*. Taganrog, Pero Publ., 2015. pp. 108–113. (In Russ.)
11. Jung K. *Consciousness and the unconscious*. Moscow, AST Publ., 1997. 288 p. (In Russ.)
12. Bourdieu P. *Sociology of politics*. Moscow, Socio-Logos Publ., 1993. 216 p. (In Russ.)
13. Podvoyskaya N.L., Podvoysky L.Ya. Political consciousness through the prism of the triad. *Humanitarian studies*, 2006, no. 3, pp. 89–90. (In Russ.)
14. Myasoutov O.V. Political consciousness as a socio-philosophical category: philosophical and methodological foundations of research. *Readings in memory of Evgeny Petrovich Sychevsky*, 2013, no. 13, pp. 148–155. (In Russ.) EDN: RRSYVO.
15. Karadzhe T.V. *Political philosophy*. Moscow, Mysl Publ., 2007. 510 p. (In Russ.)
16. Garrido V. Class epistemic position and collective unconscious: the Lukacsian unconscious in History and Class Consciousness. *Critique*, 2024, vol. 52, no. 4, pp. 417–433.
17. Jung K. *Man and his symbols*. Moscow, AST Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)
18. Jung K. *Consciousness and the unconscious*. Moscow, AST Publ., 1997. 288 p. (In Russ.)
19. Stepnaya K.A. The image of the jester in contemporary politics. *Novelty. Experiment. Traditions*, 2024, vol. 10, no. 4 (28), pp. 68–77. (In Russ.)
20. Fromm E. *The soul of man*. Moscow, Republic Publ., 1992. 200 p. (In Russ.)
21. Fromm E. *Escape from freedom*. Moscow, Republic Publ., 1992. 349 p. (In Russ.)
22. Tarde G. Opinion and the crowd. *Psychology of Crowds*. Moscow, Institute of Psychology Publ., 1998. pp. 64–98. (In Russ.)
23. Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. Moscow, Art Publ., 1998. 592 p. (In Russ.)
24. Maslow A.H. *Motivation and personality*. New York, Harper&Row, 1970. 369 p.

Information about the author

Gevorg N. Darbinyan, Postgraduate Student, Moscow City Pedagogical University, 4, bld. 1, 2-y Selskokho-zyaystvenny proyезд, Moscow, 129226, Russian Federation; dn_gevorg@mail.ru

Received: 03.01.2025

Revised: 25.02.2025

Accepted: 29.03.2025